

**Библиотека
Школы
гражданского
просвещения**

Библиотека Школы гражданского просвещения

Редакционный совет:

А. Н. Мурашев

В. А. Найшуль

Е. М. Немировская

Ю. П. Сенокосов

А. Ю. Согомонов

М. Ю. Урнов

Леон Арон

Дороги к Храму:
истина, память, идеи
и идеалы российской
революции 1987–1991

*Школа
Гражданского
Просвещения*

2017

ББК 66.3 (2Рос)11

А 84

Дизайн серии *А.Бондаренко*

Книга издана при поддержке НО «Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)», группы компаний «Рольф».

Леон Арон

А 84 Дороги к Храму: истина, память, идеи и идеалы российской революции 1987–1991 (Leon Aron. Roads to the Temple: truth, memory, ideas, and ideals in the making of the Russian revolution, 1987–1991. Yale University, 2012. New Haven and London. Перевод с англ. яз.) — М.: Школа гражданского просвещения, 2017. — 400 с.

Гипотез относительно причин распада СССР множество, пишет автор этой книги, директор российских исследований Американского института предпринимательства, однако ни одна не объясняет толком случившееся. Да, в стране углублялись структурные экономические проблемы, явно обозначился модернизационный застой, но положение не было чрезвычайным. Не было масштабных военных потерь. Советский Союз в целом контролировал ситуацию в социалистической части мира. Общество в стране в целом было стабильным. Тем не менее советский режим в ходе внезапной революции 1987–1991 годов был сметен. Воссоздавая ключевые события истории страны и хронологию распада партийно-бюрократической советской системы, Леон Арон привлекает огромный массив информации, опубликованной в советских и зарубежных источниках той поры. Это позволяет обнажить главные вопросы, пробудившие самосознание народа: кто мы? какова наша настоящая история? каким должно быть справедливое государство? и, наконец, что делать? Именно гласность, по мнению автора, открыла «Дороги к Храму» — осознанию людьми нравственного императива взаимосвязи памяти, раскаяния и возрождения.

ББК 66.3 (2Рос)11

ISBN 578-5-93895-112-9

© Леон Арон, 2012
© Школа гражданского просвещения, 2017

*Посвящается Кэрол, Андреа, Дани и Александре
Моим маме и отцу*

Оглавление

Моральная революция <i>Ю.П. Сенокосов</i>	8
<i>Предисловие</i>	10
<i>Часть первая</i>	
Революции, идеи и конец Советского Союза	17
Глава 1. Тайна распада Советского Союза с точки зрения теории революций	18
Глава 2. За правду и добро: кредо гласности	47
<i>Часть вторая</i>	
Кто мы?	71
Глава 3. Внутри «глухой зоны»	72
Глава 4. В поисках истории	81
Глава 5. «Невинно осужденные, оклеветанные, уничтоженные»	87
Глава 6. Уничтожение крестьян	112
Глава 7. Развенчание легитимирующих мифов Миф 1-й: продукты, жилье, медицинская помощь, «детство золотое» и уровень жизни	125
Глава 8. Развенчание легитимирующих мифов Миф 2-й: прогресс, «государство рабочих и крестьян», равноправие, «свобода от эксплуатации», Новочеркасск	144
Глава 9. Развенчание легитимирующих мифов Миф 3-й: Великая Отечественная война	168
Глава 10. «Безнравственная» экономика	192
Глава 11. Разлад в душах: Homo sovieticus	208
<i>Часть третья</i>	
Кто виноват?	217
Глава 12. Дом, который построил Сталин Идеальное государство и его политэкономия	218
Глава 13. «Дейндивидуализация», «первородный грех» и национализация сознания	230

<i>Часть четвертая</i>	
Что делать?	239
Глава 14. Сталин, память, покаяние, искупление	240
Глава 15. «Дух свободы» и сила слова «нет»	253
Глава 16. Канон свободы	
Мандельштам, Домбровский, Солженицын, Платонов, Гроссман ...	274
Глава 17. По образу человеческому	
1. «Приватизация» государства и экономики	291
Глава 18. По образу человеческому	
2. Империя, «гарнизонное государство», мир	309
<i>Послесловие</i>	319
<i>Благодарность</i>	330
Вместо заключения	
<i>Т. Ворожейкина</i>	335
<i>Примечания</i>	344

Моральная революция

Эта книга — о моральной революции в стране, которая более 25 лет назад стремилась стать современной.

Напомню: слово «современный» (*modern*) появилось в европейских языках в эпоху Возрождения* и восходит к латыни, в которой наречие *modo* означает «сейчас, совсем недавно». Это понятие новизны и образа жизни, отличающееся от образа жизни предков в том смысле, что, проживая прошлое в настоящем, европейцы в то время стали осознавать прошлое как современное. Хотя человек, по словам американского историка Крейна Бринтона, всегда жил, конечно, в «современную» ему эпоху, но не удивлялся этому факту. А гуманисты, открыв для себя античное наследие и Библию, удивились и изобрели метафизическое понятие, в свете которого история предстала как вечное настоящее и вечно новое**. То есть в нем содержится настоящее и вечно новое, как сказал бы философ, в области пространственно-временной феноменологии события знания, учитывая, что прошлое и будущее обычно связываются нами с пространственным представлением о реальности, когда мы воспринимаем пространство как то, что находится вне нас и непосредственно от нас не зависит. А время? Это то, от чего мы зависим, когда думаем или говорим: «таким я был(а) пять или десять лет назад». Но это представление о физическом, кон-

* В русском языке слова «современник» и «современный» появляются впервые во второй половине XVIII века. См., в частности: И. Нордстет. Российский с немецким и французским переводами словарь, ч. II. — СПб., 1782.

** См.: Крейн Бринтон. Истоки западного образа мысли. Пер. с англ. Виктора Франка. — М.: Московская школа политических исследований, 2003.

кретном времени. А термин «современность» указывает на время, которое не поддается физическому измерению, и поэтому историю нельзя начать сначала, так как речь идет о понимании человеком себя, когда бесконечное переживается и проявляется в конечном, вневременное (вечное) — во временном, абсолютное — в относительном.

Это и есть собранность субъекта в цивилизации, наследующей дух античности и христианской, личностной религии, когда все оплачивается личным мужеством и опирается на внутренний голос человека, не нуждающегося во внешних руководителях. И одновременно это внесение точки рациональности в то, как реально складывается, или может складываться, социальное историческое бытие.

И еще на что мне хотелось бы обратить внимание, поскольку эта книга заслуживает того, чтобы ее прочитали. Она — о нашей победе. Второй после победы в Великой Отечественной войне, в которой мы победили внешнего врага, а это была моральная победа над внутренним врагом — коммунизмом.

Существует несколько способов понять, как происходят революции, замечает Леон Арон, описывая в книге хронологию распада советской коммунистической системы в период «гласности». И размышляя над «загадкой развала СССР», находит ответ, исследуя интеллектуальную и моральную сторону гласности, которая привела к глубинным изменениям в системе ценностей Советского Союза.

Однако, читая книгу, невольно задаешься вопросом: почему не получилось то, к чему мы так страстно стремились?

Увы, потому что не было ясного понимания, что необходим был не только моральный приговор коммунизму, но одновременно серьезные и ответственные усилия, направленные на строительство современного правового государства: независимого суда, независимых СМИ, независимой оппозиции и т.д.

«Нельзя бороться против, не борясь за!» — провозгласили когда-то братья Стругацкие.

Предисловие

В заключительной сцене фильма «Покаяние» (1987) Тенгиза Абуладзе — антисталинской саге, возвестившей о начале гласности и ставшей ее главным художественным, ее самым популярным символом¹, — пожилая женщина интересуется у прохожего, какая из улиц ведет к храму. «Не эта», — слышит женщина в ответ. «Зачем же тогда нужна улица, — спрашивает она тихо, однако убежденно, — если она не ведет к храму?»

Все великие революции начинались с поиска улиц или дорог, ведущих к «храму» — царству достоинства, справедливости, добра, беспристрастности, равенства, свободы, братства. Эти идеалы, а также стремление к их достижению вели к революциям, определяли характер перемен, направляли их курс. Последняя русская революция, которая также началась с поиска таких дорог к лучшему государству и обществу, к самоосвобождению, является одним из самых вдохновляющих событий нашего времени.

Редко, если вообще когда-либо в своей тысячелетней истории, Россия была так честна сама перед собой, как в период 1987–1991 годов. Общественное мнение поражало интеллектуальным блеском и было невероятно отважным. Нация, где атеизм пустил глубокие корни, подвергавшаяся террору, скованная страхом и цинизмом, была вынуждена столкнуться с вопросами чрезвычайной важности, которые возрождали веру и вдохновляли все великие революции современности. Это вопросы о добре и зле, истине и лжи, добродетели и грехе, свободе и рабстве, справедливости и тирании. Кто мы? — вот тот вопрос, ответа на который требовала гласность.

Являемся ли мы честными, достойными, нравственными людьми, в полной мере ответственными за нас самих, своих соотечественников и свою страну?

А если нет, что делать, чтобы стать таковыми? Что представляет собой наша настоящая, неприукрашенная история? Управляли ли нами должным образом? Что представляют собой справедливые, основанные на праве отношения между человеком и государством? Мыслима ли нравственность без свободы и возможно ли справедливое и надежное государство, в котором нет места нравственности?

В течение нескольких лет переоценка национальных ценностей привела к переосмыслению некоторых основополагающих аспектов существования страны, в частности однопартийной диктатуры и господства государства в экономике, отношений с остальным миром, легитимности советского контроля над странами Восточной и Центральной Европы, а также контроля Москвы над союзными республиками. Под натиском новых идей и идеалов в стране возникла потребность в свободе слова и печати, свободных выборах, правах человека, частной собственности, гражданском обществе, независимом от государства. Основываясь на исследованиях общественного мнения, а также, что еще более важно, голосах миллионов россиян на достаточно свободных выборах, проходивших в 1989–1991 годах, надо полагать, что в стране произошел один из самых быстрых, но при этом успешных интеллектуальных и нравственных поворотов в современной истории.

Обусловленный теми же факторами, что и все революции современности, то есть стагнацией интеллектуального и нравственного развития, неопределенностью и колебаниями верхушки власти в отношении либерализации или модернизации «сверху»², — весьма мирный переворот превратился в революцию «снизу». Все это вылилось в полное непризнание населением правящей элиты на выборах депутатов СССР и РСФСР в 1989 и 1990 годах, в демонстрациях, количество участников которых измерялось сотнями тысяч, в

избрание Бориса Ельцина президентом России в июне 1991 года, а также в массовое всероссийское сопротивление короткой попытке государственного переворота с целью ввести жесткую политику два месяца спустя. В последующие четыре месяца Россия уже получила не только новую, фактически многопартийную политическую систему, но и новый экономический порядок, на карте же появилось новое государство. Победа революции подтверждается и тем фактом, что миллионный и мощный старый правящий класс (номенклатура) — его политическая, экономическая и военная элиты, а также спецслужбы — был не в состоянии или попросту не хотел спасать старый порядок.

Российская «дорога к храму» оказалась более длинной, чем ожидали в то время. Однако нет сомнений относительно истинности пути к нравственности и достоинству, призвания тех, кто выбрал этот путь, а также вдохновения тысяч тех, кто был во главе процесса, и миллионов тех, кто шел за ними.

Расширение гласности установило «золотой стандарт» русской политической прозы, который был потерян почти на столетие и который, вероятно, будет снова забыт в будущем. Если блестящая публицистика является отличительной чертой всех великих революций современности, от английской до американской и французской, то последняя русская революция также обладает этим качеством. Любой, кто сомневается в способности России говорить честно и убедительно с собой и о себе, должен перечитать все то, что было опубликовано в 1987–1991 годах.

Важным было вернуть и тем самым сохранить по крайней мере некоторые из выдающихся голосов, которые вдохновляли и сопровождали эту революцию. Теперь есть возможность, спустя два десятилетия, представить их читателям в этой книге.

Эти голоса, содержащиеся в статьях, очерках и книгах, представляли собой жемчужины, не связанные между собой. Я обнаружил их разбросанными на восьми тысячах страниц

российских первоисточников: газет, журналов, книг. В течение долгих трех лет все те, кого я отмечаю в разделе «Благодарность», но которых никогда не смогу сполна отблагодарить, предоставляли мне копии тысяч статей и очерков после просмотра газет или журналов, увидевших свет в 1987–1991 годах. Эти издания были известны как «флагманы гласности»: *Аргументы и факты*, *Известия*, *Комсомольская правда*, *Литературная газета*, *Московские новости*, *Новое время*, *Новый мир*, *Огонек*, *Октябрь*, *Коммунист*, *Советская культура*, а также *Знамя*. Многие другие издания, включая *Правду*, *XX век и мир*, *Столица*, выходившие еженедельно, а также журнал *Дружба народов*, я читал выборочно.

С учетом того, что речь идет о России, где, по замечанию одного из самых известных публицистов эпохи гласности, «литература является основным национальным инструментом самопознания»³, ни одно исследование, похожее на мое, не может обойти вниманием изысканность романов, повестей или поэм, опубликованных в то время. Судя по известной мне реакции читателей, значение таких книг для поиска правды и нравственного совершенствования вряд ли приуменьшалось (вероятно, даже преувеличивалось) из-за того, что они являлись художественной литературой. Часто спустя десятилетия замалчивания или в изгнании эти голоса углубляли и укрепляли духовную революцию. Среди них Анна Ахматова, Александр Бек, Михаил Булгаков, Юрий Домбровский, Владимир Дудинцев, Василий Гроссман, Даниил Гранин, Андрей Платонов, Анатолий Приставкин, Анатолий Рыбаков и Варлам Шаламов. Кроме того удовольствия, которое мне доставили очерки и статьи, чтение или перечитывание этих произведений было для меня самым приятным моментом моей работы, представляющим собой нечто большее, чем просто награда.

Как книга Бернарда Бэйлина посвящена идеям, вдохновившим американскую революцию, так и мой труд основан главным образом на анализе революционных (то есть либеральных) идей, оставляя за рамками повествования аргумен-

ты противников перестройки и гласности как правого, так и левого толка. Эта книга, таким образом, далека от полного и всестороннего анализа интеллектуальной истории русской революции. Бэйлин отмечает: «Несомненно, существовали явные и откровенные противники революции, и изредка я обращался к их идеям. Однако будущее находилось не в их руках, а руках вождей революционного движения, мысли которых на разных этапах развивающегося восстания я и предпринял попытку показать»⁴.

Эта книга создавалась схожим образом. В первой главе я раскрываю свои сомнения в отношении того, что гибель Советского Союза едва ли полностью может быть объяснена вне анализа «нематериальных» факторов, то есть ценностей, идей и идеалов. Исходя из того, что в этом и заключается суть вопроса, я посвящаю остальную часть первой главы значению идей для революций, а затем обращаюсь к глубокому ценностному сдвигу, случившемуся в 1987–1991 годах в общественном мнении. Оставшаяся часть книги представляет собой попытку дать объяснение этому сдвигу (и, таким образом, во многом дать объяснение революции как таковой), используя статьи, очерки и книги с целью зафиксировать разворачивавшуюся тогда нравственную и интеллектуальную трансформацию.

Как тематически, так и хронологически разделение книги на четыре части отражает этапы развития гласности. Вторая глава первой части посвящена стремительному разоблачению того, что Андрей Сахаров назвал «нравственной деградацией» общества. В ней рассматривается решительность наиболее известных и уважаемых сторонников гласности возродить достоинство и гражданственность, открыв дорогу «духовной революции» как начальной стадии революции политической. Часть вторая («Кто мы?») начинается с описания и анализа проявлений памяти о сталинском терроре (главы 5 и 6). Затем, следуя за процессом обращения гласности от анализа прошлого к настоящему, я воссоздаю истинный портрет страны и описываю быстрое разрушение мифо-

логии, используемой Советским государством для своей легитимации (питание, медицинская помощь, «беззаботное детство», бедность, равенство, «государство рабочих и крестьян»), а также привожу фактологию истории мировой войны, подрывающей легитимность режима. Картина иррациональной, нравственно деструктивной экономической системы (глава 10 — «Безнравственная экономика»), которая ежедневно развращала советского рабочего (глава 11 — «Разлад в душах: Homo sovieticus») углубляет понимание того, насколько для гласности было важно показать нравственный урон, причиняемый государством советским гражданам.

Часть третья («Кто виноват?») повествует о том, как гласность оставляет в прошлом определение сталинизма как отклонения («отклонения» от здорового тела советского социализма, как в свое время отметил Горбачев), и переходит к рассмотрению его, как и советского тоталитаризма в целом, как продукта экономической монополии государства и «огосударствления совести», то есть насаждения «официальной» морали.

Наконец, в части четвертой («Что делать?») рассматриваются и анализируются предложения, следуя которым можно было избежать рецидива сталинской диктатуры и обезопасить дорогу к «нравственному обществу»: общенациональное осуждение преступлений сталинизма, восстановление памяти о сопротивлении режиму, признание свободы выбора. А также передача части экономической и политической власти от государства обществу путем установления демократического правления и института частной собственности. При этом необходимо обращение к таким надежным атрибутам демократии, как независимый суд, свободная пресса и многопартийная политическая система, для поддержания достойного политического, социального и экономического порядка. Кроме того, необходима и адаптация внешней и оборонной политики государства к новым нравственным императивам. В свете изложенного логичен отказ от импер-

ских устремлений и режима военной диктатуры, что рассматривается в главе 18.

В заключение я показываю, как все, что отражено в книге, помогает объяснить природу и ход последней русской революции, а также размышляю о том, почему этот путь оказался таким неравномерным и противоречивым.

Независимо от того, какой окажется настоящая книга — «интеллектуальной», «культурной» или нравственной историей, мне очень хотелось бы, чтобы она стала тем, что в восемнадцатом веке французский историк назвал историей «человеческого духа, или по крайней мере историей, в которой человеческий дух проявляется в своих лучших формах»⁵.

Часть первая

Революции, идеи и конец
Советского Союза

Глава 1

Тайна распада Советского Союза с точки зрения теории революций

Любая революция случается неожиданно. Последняя русская революция (1987–1991), однако, стоит в ряду самых неожиданных событий. Конечно, многие говорили и писали о возможности преобразования или краха «системы». Тем не менее ни один из западных экспертов, ученых, государственных деятелей или политиков, как и ни один из будущих революционеров, если верить их воспоминаниям, не предвидел падения однопартийной диктатуры, крушения государственной экономики и потери Кремлем к 1991 году контроля над своей империей и восточноевропейскими сателлитами. Когда Михаил Горбачев в 1985 году вступил в должность Генерального секретаря ЦК КПСС, никто не предвидел предстоящего революционного кризиса. Несмотря на разные представления о размере и глубине проблем, присущих советской системе, никто не рассматривал их как угрозу существованию системы.

В чем причина такой общей близорукости? Неспособность западных экспертов предвидеть крах Советского Союза отчасти может быть связана с «ревизионизмом» и недооценкой антикоммунизма, что привело к переоценке прочности и легитимности советского режима. В то же время эксперты, отношение которых к коммунизму вряд ли отличалось терпимостью, также были озадачены его крахом. Джордж Кеннан, один из архитекторов американской стратегии холодной войны, писал, что «во всей истории международных отношений современности едва ли можно найти другое более странное, поразительное и на первый взгляд необъяснимое событие, как неожиданная и полная дезинтеграция и гибель... великой державы, известной

сперва как Российская империя, а затем — как Советский Союз»¹.

Ричард Пайпс, являющийся, вероятно, крупнейшим «анти-ревизионистом», изучающим историю России, называл распад СССР неожиданностью². Автор книги «Советская трагедия» Мартин Малиа, отмечал, что «внезапный и полный распад советской системы является величайшей неожиданностью конца двадцатого века»³. Ликуя по поводу смерти «идеи коммунизма в двадцатом столетии», Франсуа Фюре тем не менее заключал, что «сценарий распада Советского Союза, а затем и его империи остается загадкой»⁴.

Даже сегодня, спустя 25 лет после того, как, сам того не подозревая, Михаил Горбачев начал революцию, провозгласив в январе 1987 года политику гласности и демократизации, основание для консенсуса среди тех, кто составлял «сообщество советологов», представляется непоколебимым. Оно покоится на умозаключении, полученном обычным способом соотнесения известных фактов с контекстом истории режима. И эти факты, и сама история свидетельствуют скорее о его длительном закате.

В 1985 году Советский Союз владел большинством тех природных и человеческих ресурсов, которыми он обладал и за десять лет до этого. Не было и разрухи, вызванной природными катастрофами или эпидемиями. Разумеется, уровень жизни был намного ниже, чем в большинстве стран Восточной Европы, не говоря уже о странах Запада. Дефицит, карточная система, длинные очереди в магазинах и крайняя бедность (особенно среди стариков и жителей сельской местности) — все это было свойственно рассматриваемой эпохе. Но раньше было еще хуже. Дефицит продуктов питания и их фактическое распределение по продовольственным карточкам, например, существовали в большинстве регионов начиная с 30-х годов. В то же время, наряду с возмущением части населения, такое положение воспринималось как норма поколением советских граждан, достигших совершеннолетия во время и сразу после Второй мировой войны, то есть большин-

ством взрослого населения страны. Советский Союз знал гораздо большие беды и преодолевал их, ни на миг не ставя под сомнение контроль государства над обществом и экономикой, а тем более не отвергая его.

В любом случае примеры Кубы, Северной Кореи или Ирака времен Саддама Хусейна (не говоря уже о Советском Союзе времен Сталина или Китая времен Мао) наглядно показали, что в тоталитарных режимах отсутствие у общества определенных благ влияет на изменение политического курса весьма незначительно и ведет не к либеральным реформам, а к усилению репрессий. На волне ухудшения экономических показателей и недобора урожая зерна в 1963–1964 годах либерально настроенный, но колеблющийся Никита Хрущев был отстранен от власти консерваторами, которые оставались при власти на протяжении последующих двадцати лет. Жесткая дисциплина была ставкой в коротком правлении Юрия Андропова (1982–1984), которое я именую полицейским ренессансом⁵.

В период до 1985 года ни один из ключевых экономических показателей не указывал на возможность быстро надвигающейся в СССР катастрофы. В 1981–1985 годах темпы роста ВВП в стране, хотя и сократились по сравнению с 60-ми или 70-ми годами, составляли в среднем 1,9% в год. Схожий, пускай и медленный, однако отнюдь не катастрофический рост наблюдался до 1989 года⁶. Дефицит бюджета, который со времен французской революции рассматривался в качестве одной из важнейших характеристик революционного кризиса, составлял в 1985 году менее 2% от ВВП. Даже несмотря на то, что дефицит бюджета стремительно рос, он оставался на уровне ниже 9% до 1989 года, что большинство экономистов сочло бы приемлемым⁷.

Резкое снижение цен на нефть, с 66 долларов за баррель в 1980 году до 20 долларов в 1986-м в ценах 2000 года, несомненно, явилось сильным ударом по советским финансам. Однако с учетом инфляции нефть стоила дороже на мировых рынках в 1985 году, чем в 1972-м, и только на треть дешевле, чем в целом на протяжении 70-х годов. Внешний долг в 1985 году составлял

29 миллиардов долларов, что не представляло особой угрозы, так как обслуживание внешнего долга вплоть до 1989 оставалось в разумных пределах по отношению к доходам от экспорта в твердой валюте. В целом финансовый кризис не грозил стране до 1988 года и мог быть предотвращен до лета 1990 года⁸. Пока же доходы населения выросли более чем на 2% в 1985 году, а зарплаты с учетом инфляции продолжали расти в течение последующих пяти лет, вплоть до 1990 года, в среднем на 7% ежегодно⁹. При этом, однако, покупательная способность населения значительно сократилась по причине дефицита товаров.

Итак, стагнация, впоследствии подвергавшаяся многочисленным описаниям, была очевидна и вызывала тревогу, однако, как замечает проницательный исследователь, вспоминая Советский Союз перед революцией, «хронические заболевания все же не всегда фатальны». В итоге даже ведущие исследователи экономических причин последней русской революции (которая полностью совпадает с классическим определением внезапного и необратимого свержения политической и экономической систем) признают, что в 1985–1987 годах ситуация «в целом не была критической»¹⁰.

Однако то, что произошло, навсегда останется загадкой. При этом, несмотря на возникшие проблемы устойчивости системы в долгосрочной перспективе, очевидное ухудшение экономических показателей едва ли являлось предвестником ее неизбежной гибели. Советская экономика могла бы «продолжать стагнировать» еще очень долго. Таким образом, вполне очевидным представляется утверждение американского политолога Питера Рутланда, согласно которому «действительный [экономический] спад» начался только после 1988 года и представлял собой «результат политического процесса»¹¹.

В сознании правящего режима политическая ситуация вызывала еще меньше опасений, чем снижение темпов экономического роста. За двадцать лет жестоких репрессий фактически все видные диссиденты были либо лишены свободы, либо находились в ссылке, как, например, Андрей Сахаров —

с 1980 по 1986 год, были вынуждены эмигрировать или умерли в лагерях и тюрьмах.

Намного более угрожающими были широко распространенные национально-освободительные настроения, стремление к большей автономии или полной независимости от Москвы, что особенно проявлялось в Прибалтике, на Западной Украине и в Грузии. Центробежные тенденции нарастали и могли, несомненно, привести к распаду. В то же время с помощью террора удавалось подавлять «националистов», которые приговаривались к жестким и длительным тюремным срокам, часто равносильным смертным приговорам.

Состояние советской экономики и политики не дает удовлетворительного объяснения предреволюционного кризиса. Не восполняет этот пробел и другая распространенная версия: негативное воздействие на Советский Союз внешних факторов в середине 80-х. Напротив, это десятилетие следует рассматривать как период «продвижения по пути реализации главных советских военных и дипломатических устремлений»¹².

Несомненно, война в Афганистане все более затягивалась, однако для пятимиллионных вооруженных сил потери были незначительными. Кровавая и длительная борьба с повстанцами во вновь завоеванной Литве и Западной Украине после 1945 года, не говоря о бедствиях в годы Второй мировой войны, подкрепляла основательные надежды на победу в Афганистане за счет одного лишь колоссального военного превосходства, не стесняемого мнением общественности в СССР или за его пределами. Тем не менее значительное финансовое бремя империи и расходы на оборону становились главной проблемой после 1987 года; в 1985–1986 годах затраты на войну в Афганистане оценивались в 4–5 миллиардов долларов, что составляло менее 1% ВВП¹³.

Доктрина Рейгана противостояния и, если это возможно, отбрасывания марионеточных режимов Советского Союза среди стран третьего мира оказывала значительное давление на периферию империи: Афганистан, Анголу, Никарагуа и Эфиопию. Однако СССР не испытывал особых проблем, так

как цели доктрины не полностью реализовывались в результате неизбежных поворотов в общественном мнении и внутренней политике США и в особенности в результате смены «хозяина» Белого дома.

Как фактор потенциально очень дорогостоящего соперничества, Стратегическая оборонная инициатива (СОИ) сыграла заметную роль, однако не гарантировала нанесение противнику военного поражения. Как и ярые противники этой программы на Западе (прежде всего в Соединенных Штатах), так и Кремль прекрасно понимали, что до развертывания эффективной космической обороны нужны десятилетия. Очевидное отставание СССР в высоких оборонных технологиях вызывало беспокойство, и никто не питал иллюзий по поводу огромных ресурсов, необходимых, чтобы догнать США, — однако настоящее осознание всего этого пришло лишь тогда, когда революция уже началась и руководители начали обращать внимание на общественное мнение и уровень жизни в стране, по которому соперничество с США из-за СОИ, скорее всего, нанесло бы новый удар.

Мирные антикоммунистические выступления польских рабочих в самом начале 1980-х вызывали тревогу, показав ненадежность восточноевропейской империи Советского Союза. Однако временная напряженность не означает поражения режима. Подавленная польским военным режимом и введением чрезвычайного положения, к 1985 году революция, организованная «Солидарностью», исчерпала себя. Советский Союз, казалось, был вынужден каждые двенадцать лет, игнорируя мнения мирового сообщества, проводить кровавые «умиротворения» в своей восточноевропейской империи: Венгрия в 1956 году, Чехословакия — в 1968-м, Польша — в 1980-м.

В целом в 1985–1987 годах Советский Союз находился на вершине своего мирового могущества и влияния, подкрепляемого стратегическим ядерным паритетом с США. Сильно было и убеждение в устойчивости советской власти, подтверждением чему, в частности, был контроль над Восточной Германией. Западные и восточноевропейские элиты, казалось,

были готовы бесконечно мириться с советским господством и оккупацией, а некоторые из их видных диссидентов лишь стремились создать «Среднюю Европу», «мост» между Востоком, принадлежащим СССР, и демократическим Западом. «У нас есть тенденция забывать», как позже отметил американский историк и советолог Адам Улам, что «в 1985 году ни одно из основных государств, казалось, не обладало столь прочной властью, а его политика так ясно не была определена его курсом, как это было в СССР»¹⁴.

Таким образом, тайну, существующую вокруг гибели Советского Союза, невозможно в большинстве случаев объяснить небрежностью, непрофессионализмом или идеологическими предубеждениями отдельных советологов. В то же время вместо облегчения такое положение вещей привносит еще большую сложность. Традиционно ключевые области исследования — экономика, внешняя политика и оборона, а также внутренняя политика — не в состоянии не только объяснить, но и указать на возможность того, чтобы огромное и необычайно властное государство-империя, выглядевшее (и, видимо, являющееся таковым) достаточно прочным, способное просуществовать еще много лет, распалось бы столь ошеломительно, быстро и окончательно всего лишь два года спустя. Единственный напрашивающийся вывод заключается, однако, не в том, что поиск причин революции был недостаточно усердным, а в том, что он был ограничен ошибочными направлениями.

Впрочем, и сегодня господствующая парадигма, в рамках которой осуществляется прогноз и анализ крупномасштабных переворотов и которой пользуются несколько поколений социологов, включая специалистов по Советскому Союзу, преимущественно вышедших из рядов историков и политологов, — это структурализм.

Эта методология восходит к «историческому материализму» Маркса, в основе которого «производительные силы» (экономическая система), образующие «базис» любой социальной или политической структуры. В процессе своего

постоянного развития «производительные силы» вступают в конфликт с устаревающими и сдерживающими «производительными отношениями» («надстройкой»), то есть политическими и социальными условиями. В результате происходит революция, возглавляемая «классами», положение которых в экономической системе порождает их стремление к переменам. Сдерживающая политическая, культурная и социальная «надстройка» тем самым отвергается, а вместе с ней ликвидируется и преграда экономическому прогрессу, который в один прекрасный день приведет к бесклассовому коммунистическому обществу, в котором нет места ни эксплуатации, ни политическому конфликту¹⁵.

Обновляя и адаптируя марксистскую теорию к условиям современности, большинство структуралистов в среде исследователей революций, отрицали марксистские взгляды на историю, согласно которым классовая борьба и революции представляют собой стадии на пути к окончательному триумфу бесклассового коммунизма. Приверженцы и последователи Макса Вебера, структуралисты акцентировали относительную независимость государства, государственных институтов и государственной бюрократии как коллективных политических акторов — в отличие от Маркса, для которого они были лишь «учреждениями», выражающими интересы экономически доминирующего класса. Таким образом, причины «социальных» революций (которые известны сегодня как великие) кроются в неспособности государства провести экономические, социальные и политические реформы, обусловленной макроструктурными экономическими, демографическими и политическими причинами или неблагоприятной международной обстановкой. В результате происходит полное разрушение государственной структуры — в управлении, военной области, а также в сфере принуждения.

Мы лишены возможности рассмотреть здесь подробно большое количество литературы, посвященной структурализму. Для нас важно то, что все «метафакторы», лежащие в основе структуралистского анализа, будь то экономические, поли-

тические, институциональные или демографические, заведомо существенны и объективны. Они независимы, то есть являются внешними по отношению к людям и их идеям. Говоря словами американского социолога Теда Скочпол, которая сегодня является, вероятно, ведущим теоретиком структурализма в вопросах революций, «революции не создаются, они приходят сами»; «объективные отношения и конфликты» между «группами людей и нациями» — вот то, что объясняет революции, а никак не «интересы, взгляды или идеологии»¹⁶.

Принося свои извинения Теде Скочпол, Баррингтону Муру, Чарльзу Тилли, Джеку Гладстоуну и другим представителям структурализма, каждый из которых, в свою очередь, обращает особое внимание на различные составляющие предреволюционной ситуации, отмечу лишь, что структуралистские построения могут быть полезны для исследования долгосрочных тенденций, глубоких структурных преобразований в области экономики, политики, демографии или международной ситуации в качестве причин революций. Однако в истории нет ничего, что происходит само по себе или является неизбежным. То, что произошло или имело веские основания произойти, не означает, что это было неминуемо и именно в том виде, в котором случилось. Здесь уместно прибегнуть к часто употребляемому различию между «революционной ситуацией» и «свершением революции», выдвигаемому Чарльзом Тилли¹⁷. На протяжении истории только немногие политические или экономические кризисы переросли в революции.

Если представить революционный процесс в качестве прямой, на которой буквы от «a» до «d» будут обозначать стадии революции с самого начала и до ее триумфа, то структуралистский подход будет полезен для выяснения того, что случилось на отрезке от «c» до «d», то есть между ярко выраженным кризисом и революцией. Однако такой подход, очевидно, недостаточен для понимания того, что произошло на отрезке от «a» до «c»: как объяснить тот факт, что структуры, существовавшие в рамках старого режима десятилетиями, вдруг оказались под ударом¹⁸.

Последняя русская революция не была исключением. Существует множество глубинных причин, объясняющих, почему Советский Союз должен был рухнуть, что в итоге и произошло, но в то же время на основе их невозможно ответить на вопрос, как это случилось. Как вышло, что, не испытывая в период 1985–1989 годов серьезных ухудшений в экономике, политике, демографии, а также в других сферах, потерпело крах государство, которое казалось прочным и устойчивым как в представлении подавляющего большинства своих граждан и лидеров, так и зарубежных экспертов? Почему вдруг оно стало до такой степени непотребным, нелегитимным и невыносимым для достаточного числа мужчин и женщин из среды активного политического меньшинства, всегда и везде совершающего революции?¹⁹

Объясняя распад Советского Союза, нам не остается другого выбора, как выйти за пределы мира «объективных» фактов и считаться с огромным и разрушительным влиянием идей, что американский социолог Уильям Севелл называл «метафизическими» аспектами социального переворота и «независимой властью идеологии»²⁰.

Возможно, наиболее известный и уважаемый «археолог идей», почти все сочинения которого, кажется, направлены на выявление связи между тем, о чем люди размышляют, и теми великими переменами, которые они совершают на жизненном пути, сэр Исайя Берлин отмечал, что перевороты современности были бы невозможны без признания того, что «великие движения начинались с идей в головах людей: идей о том, какие отношения между людьми существовали, существуют, какие возможны в будущем, а какие следовало бы установить... Такие идеи составляют суть этики... Это принципы того, как должна быть прожита жизнь, как должны жить мужчины и женщины, каковы их роли — все это предметы нравственного исследования... Если мы познаем... мир, в котором живем (пока мы не приложим усилия к его познанию, мы будем не в состоянии действовать разумно в мире или по отношению к миру), мы не сможем более концентрировать наше внимание

только на великих объективных силах, как естественных, так и созданных человеком, которые действуют на нас. Цели и мотивы, которые направляют человеческую деятельность, должны рассматриваться в свете всего того, что мы знаем и осмысливаем; их истоки и развитие, их смысл и, главное, их обоснованность должны критически оцениваться при помощи всех интеллектуальных ресурсов, которыми мы обладаем»²¹.

Сторонники подхода к объяснению революций, в центре которого лежит роль идейных представлений, исходят из того, что первопричина революций, как и всех политических движений, «произрастает из убеждений людей»²². «Идеи и люди», более чем «институты» (или иные, «более широкие исторические категории»), являются «важнейшими движущими силами революций».

В приводимом ниже высказывании, значение которого не так часто должным образом оценивается, несмотря на его частое цитирование, Токвиль полагает субъективное восприятие людьми их положения центральным элементом наступления предреволюционного кризиса: «Не всегда случается так, что в ситуации, когда скверное положение дел становится нетерпимым, вспыхивают революции. Чаще, однако, происходит так, что люди вдруг замечают ослабление давления со стороны власти... Это наиболее опасный момент для плохого правительства, когда оно, казалось бы, начинает исправляться... Население терпеливо переносит невзгоды, считая положение безысходным до тех пор, пока люди не приходят к осознанию возможности избавления от причин недовольства»²³.

Революции может предшествовать ослабление политических репрессий, осуществляемое в форме прямых, «целенаправленных» действий более либерального правителя или правящей элиты. Токвиль отмечает, что развитие революции может также совпадать с временным, по крайней мере, улучшением экономического положения. (Например, при Людовике XVI происходил «устойчивый рост богатства», и ни в одно из десятилетий, следующих за революцией, «Франция не достигла столь же быстрого роста, как в два десятилетия,

предшествовавших революции».) Однако вместо «успокоения» населения все большее процветание «способствовало подъему мятежного духа» по всей стране, и именно те части Франции, где повышение уровня жизни было наибольшим, стали «основными очагами» революционного движения. Революции, таким образом, могут рождаться как из надежды, так и из отчаяния. Как верно отметил Токвиль: «Уже сам факт, что некоторые нарушения устраняются, заставляет обращать внимание на другие, которые начинают представляться более нетерпимыми; люди, возможно, страдают меньше, чем прежде, но их восприятие насилия обостряется»²⁴.

Что усиливает это «восприятие» и насколько успешны в своих изысканиях те, кто изучает «метафизические» корни современных революций? Хотя воздействие «объективных» (структурных) факторов на первых этапах революции может носить скрытый характер, идеи, идеалы и ценности влияют на развитие революции от начала до конца.

Начальные этапы таких социальных и политических преобразований повсюду сопровождались «притоком идей», «необычайно бурным идеологическим процессом», а также «широкими и беспрецедентными по своей сути» идеологическими дебатами²⁵. Что касается конкретных форм взаимодействия категорий «идейного» и «структурного» на ранних этапах революций, этот вопрос слишком сильно зависит от особенностей и характера событий и не поддается обобщению. Следует согласиться с Крейном Бринтоном, что в предреволюционных обществах всякие проявления недовольства и специфические трудности экономического, социального и политического характера, на которых акцентируют внимание современные исследователи, неизменно порождают множество письменных трудов и дискуссий на тему идеалов, более совершенного мира, а также весьма абстрактных сил, способствующих созданию идеального мира. Именно выражение идей ведет к единообразию революций, а не содержание идей, которое может значительно различаться в разных революциях. Мы считаем, что идеи всегда являются частью предреволюцион-

ной ситуации, и следует согласиться с этим заключением. Нет идей — нет революции²⁶.

Когда идеи начинают представлять «альтернативы текущему подходу» и оспаривать «категории», в которых люди привычно мыслят, предреволюционная ситуация (которая может длиться годами, если не десятилетиями) переходит в революционный кризис (протекающий с огромной скоростью). Содержание новых идей меняется от все более жесткого осуждения старого порядка к описанию базовых принципов нового, более совершенного общества. Эти идеи начинают соединяться и складываться в «новые теории мироустройства, новые убеждения», невиданные ранее представления о «сути идеального общества» и (в более общем плане) о «добре и зле, правде и лжи, справедливости и несправедливости»²⁷. Конкуренция и конфронтация по вопросам символического характера, то есть культуры, идеологии, убеждений, — это и есть сущность социальных революций. На короткое мгновение все сферы жизни — экономическая, социальная и, конечно же, политическая — «уступают» в умах людей этой идеологической борьбе.

В результате начинается преобразование целых «систем ценностей» общества, закладываются «метафизические принципы нового порядка»²⁸. Идеи становятся «автономными» и приобретают характер мощной, не существовавшей ранее движущей силы. Открывается путь к множеству неожиданных исходов борьбы — будь то всепоглощающее стремление к свободе, зародившееся в борьбе за независимость во время американской революции, или же внезапный и всепобеждающий эгалитарный порыв французской революции.

В условиях, когда «ключами к успеху» той или иной революции стали рассматриваться альтернативные «социальные ценности», незаменимой становится роль создателей и распространителей этих ценностей: писателей, журналистов, учителей, художников, проповедников. Как отмечал Токвиль, они «закладывают в сознание людей семена обновления, которые потом формируют институты нового порядка» и

«способствуют усвоению общего представления о неудовлетворенности, консолидирующего общественное мнение, которое... фактически создает запрос на революционные преобразования». В одночасье вся деятельность по «политическому образованию» в государстве становится «делом литераторов»²⁹.

Современным революциям неизменно предшествует смена «лояльности» интеллигенцией (культурными элитами). Бринтон считал, что прекращение поддержки старого режима со стороны интеллигенции является «в некоторых отношениях самым надежным симптомом [социальной революции], который только возможен». Когда государство вдруг лишается поддержки со стороны тех, кто уверенно и пылко выражает свои убеждения, когда в запасе у него остаются лишь слабые и неэффективные меры (как, например, запрет продажи «книг крамольных и пуританских» при Якове I в Англии или цензура в период правления Людовика XVI), как грибы после дождя множатся «опасные сочинения» в брошюрах, газетах, книгах и даже пьесах (например, «Женитьба Фигаро» Бомарше)³⁰.

В процессе того, что Бринтон называл «идейной революцией», неумолимая и все более смелая критика старого режима соединяется с поддержкой альтернативных социальных ценностей, что делает прежнюю политическую систему несовместимой с быстро меняющимися базовыми ценностями политически активного меньшинства. Подрываются идеологические основы старого режима. Власть теряет корни, поддерживающие ее стабильность.

Токвиль пишет, что с разложением *нравов* «социальный класс, многие годы будто стоявший во главе общества», превращается в подобие «офицерского корпуса без солдат и, таким образом, может быть свергнут за одну ночь». «Чувство презрения, в которое этот правящий класс стремительно попадает», настолько «всеобъемлющее и глубокое», что оно «парализует» тех, у кого есть веские «объективные» (экономические, социальные, политические) интересы сопротивляться революции и стремиться сохранить статус-кво³¹. Правящий

класс охватывают «усталость и сомнения», создавая для него серьезные препятствия в защите статус-кво.

Правители изменяют свой политический курс не столько для того, чтобы отвечать на объективные вызовы и проблемы, сколько для того, чтобы привести хотя бы некоторые аспекты своего режима в соответствие с новыми идеологическими потребностями. В этом смысле все крупные революции начинаются «сверху». «Самоуничтожение» элит и режима или по крайней мере их самоограничение — одна из общих черт подобных потрясений: «Старый правящий класс — или скорее многие из представителей правящего класса перестают доверять самим себе, теряют веру в традиции и привычки своего класса, все больше представителей их среды стремятся к интеллектуальному развитию и гуманистическим идеалам либо переходят на сторону “оппозиционных” групп... Правящий класс становится политически бессильным»³².

Любой человек, хотя бы в общих чертах представляющий себе историю последней русской революции, будет поражен тем, насколько приведенные выше наблюдения обнаруживаются в событиях, происходивших в 1987–1991 годах. Особенно заметно это прослеживается в двух аспектах, присущих «метафизическим» объяснениям: во-первых, явно преднамеренный («волонтаристский») характер первоначального импульса революции и, во-вторых, очевидно «идеологический», ценностно ориентированный характер задач и целей, определявших векторы этого импульса.

Процесс либерализации СССР (центральным элементом которой стало упразднение цензуры и, следовательно, гласность) был запущен одним человеком, и его мотивация отнюдь не ограничивалась необходимостью выправить экономику и сделать международную среду более благоприятной: если исходить из реального состояния страны, ни один другой претендент на место руководителя Советского Союза, столкнувшись в 1985 году с таким же объективным положением дел, не взялся бы даже за близкий по масштабу проект. По своей сути,

проект Горбачева, безусловно, носил «идеалистический» и «субъективный» характер³³.

Конечно, подобно многим западным историкам и политологам, Горбачев и его немногочисленные на первых порах союзники были воспитаны в марксистской традиции (пусть и в гораздо более грубом ее подвиде — сталинизме) и им не хватало концептуальных категорий (вероятно, зачастую и «лексикона»)³⁴, чтобы придать большую основательность своим намерениям «нематериального характера». Хотя Горбачев и его сторонники выступали под знаменами оздоровления экономики, нет почти никаких сомнений, что их первостепенной задачей было исправление нарушений нравственного, а не экономического характера.

При ближайшем рассмотрении многие из публично озвучиваемых вопросов об экономическом положении страны зачастую оказывались лишь ширмой от проблем, связанных с духовным упадком и разрушительными последствиями сталинского прошлого. Революция, как это всегда и бывает, началась с отчаянного поиска ответов на главные вопросы: что такое хорошая, достойная жизнь? Из чего складывается справедливый общественный и экономический порядок? Каким должно быть порядочное и законное государство? Какими должны быть взаимоотношения такого государства с гражданским обществом?

«В стране складывается новая морально-нравственная атмосфера, — заявил Горбачев, выступая в ЦК КПСС в январе 1987 года, где он объявил о том, что гласность и демократизация станут фундаментом перестройки. — Идет переоценка ценностей, их творческое переосмысление»³⁵. Позже, вспоминая свое убеждение, что «так больше не могло продолжаться и нам необходимо было радикальным образом изменить жизнь, освободиться от ошибок прошлого», он называл это своей «нравственной позицией»³⁶.

Эта же «позиция» прослеживается и в мемуарах первого премьер-министра Горбачева Николая Рыжкова, для которого «нравственное состояние советского общества» в 1985 году являлось самой «ужасающей» его чертой: «[К 1985] году, —

вспоминает он, — “душность” атмосферы в стране... достигла... максимума: дальше — смерть. Ни черта не делали толком... воровали у самих себя, брали и всучивали взятки, вращали в отчетах, в газетах и с высоких трибун, упивались собственным враньем, вешали друг другу ордена. И все это — сверху донизу и снизу доверху»³⁷.

Другого члена первоначального очень узкого горбачевского круга сторонников свободы, министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе, также терзал тот факт, что «вера» в режим подрывается повсеместным беззаконием и коррупцией. «Загнивание и разруха были совершенно ужасны», — пишет Шеварднадзе. «На их фоне продолжалась безудержная эксплуатация коммунистической и патриотической риторики, — вспоминает он свой разговор с Горбачевым зимой 1984–1985 годов. — Все прогнило. Все нужно менять»³⁸.

В отличие от усилий Хрущева в 1954–1964 годах, перестройка почти с самого начала носила характер «символической политики». Хрущев на собственном опыте знал, насколько ненадежно построенное на лжи и терроре здание, возведенное Сталиным. Горбачев и его сторонники, судя по всему, считали, что верные цели обязательно могут быть политически достижимыми. Демократизация, говорил Горбачев, была «не лозунгом, но сутью перестройки». Много лет спустя он рассказывал репортерам: «Советская модель потерпела поражение не только в экономической и социальной областях; она потерпела поражение в культурной сфере. Наше общество, наш народ, самый образованный, самый интеллектуальный, отвергает эту модель на культурном уровне, потому что она не уважает человека, подавляет его духовно и политически... Вот почему самым важным для нас было все, что связано со свободой»³⁹.

Едва ли можно найти лучший пример ведущей роли моральной составляющей в изначальном реформаторском порыве Горбачева, чем антиалкогольная кампания, не свернутая даже несмотря на крайне негативные (и нарастающие) политические и экономические последствия. В 1985 году годовой доход государства от продажи алкогольной продукции

составлял от 12 до 14% общего дохода бюджета. В 1990 году Горбачев заявил, что наряду с доходами от продажи нефти казну Советского Союза в 1970–1985 годах поддерживала водка⁴⁰. «Страна спивалась, — пишет Рыжков. — Пили везде. До работы. После работы. В обкомах и райкомах. На стройплощадках и в цехах. В конторах и дома. Везде».

В 1985–1988 годах ограничение на производство, продажу и употребление алкогольных напитков обошлось советскому казначейству в 67 миллиардов рублей — почти 9% ВВП за 1985 год, 17% доходов в том же году и почти в четыре раза больше, чем тратилось на здравоохранение⁴¹. Тем не менее, когда Рыжков возразил против чрезмерной жесткости антиалкогольной кампании, его возражение было отклонено другими членами горбачевской «команды», поскольку, как заявили они, премьера «больше беспокоила экономика, чем нравственность», и поскольку «моральное состояние должно быть спасено любыми средствами».

Тот факт, что за три года реформы привели к революции, было связано с другим не менее «идеалистическим» и личным фактором: неприятие Горбачевым насилия и, следовательно, его упрямое нежелание прибегать к инструментам массового принуждения, когда масштаб и глубина изменений начали превосходить его первоначальные намерения. Именно это неприятие репрессивных механизмов являлось основой идеала Горбачева, вдохновившего его на изменения: гуманный, «демократический», однопартийный социализм с так называемой смешанной экономикой, в которой присутствуют частные предприятия, но ключевая роль отведена государству. Идеал Горбачева (которого он добивался так беззаветно и которому, судя по всему, он оставался верен до самого конца) был мифическим по своей сути вариантом новой экономической политики (НЭП) в Советской России, начало которой в 1921 году положил Ленин и которая к 1929 году была свернута Сталиным. Начать репрессии по типу сталинских, даже чтобы «сохранить систему», было бы «предательством его (Горбачева) глубочайших убеждений»⁴². (Свидетель вспоми-

нает, как в конце 1980-х Горбачев заявлял: «Нам говорят, что мы должны стукнуть кулаком по столу, — и сжал ладонь в кулак. — Вообще говоря, — продолжал генеральный секретарь, — это надо бы сделать. Но не хочется»⁴³.)

После десяти лет, проведенных на должности посла в Канаде, вернувшись в СССР, Александр Яковлев увидел в стране то же, что видели Горбачев, Рыжков и Шеварднадзе: «Скоро должен был настать момент, когда люди скажут: “Довольно! Мы не можем больше так жить. Все нужно делать по-новому. Мы должны пересмотреть наши концепции, подходы, взгляды на прошлое и будущее...” Пришло понимание, что продолжать жить в столь нестерпимых и унижительных условиях, как и раньше, просто невозможно»⁴⁴.

Яковлев ясно дает понять, что и для него, и для Горбачева демократизация являлась самой неотложной целью перестройки. В секретной докладной записке Горбачеву в декабре 1985 года, спустя несколько месяцев после вступления в должность секретаря Центрального комитета компартии, Яковлев писал: «Основной вопрос сегодня — не только экономика. Экономика — это лишь материальная сторона процесса. Суть дела в политической системе... И в ее отношении к человеку»⁴⁵. Таким образом, основными принципами «перестройки» являлись: демократия (понимаемая прежде всего как право отдать свой голос на выборах с несколькими кандидатами); гласность (свобода слова и прессы); независимость судов и судей; закон о правах человека, который должен включать неприкосновенность личности, собственности и личной жизни, а также свобода собраний, демонстраций, свобода вероисповедания, свобода передвижения и возможность подавать в суд на любое должностное лицо или официальное учреждение.

В своем выступлении в декабре 1989 года, убедившем Съезд народных депутатов осудить Договор о ненападении между Германией и СССР 1939 года (включая секретные протоколы, в которых делилась территория Польши и Советский Союз получал полную свободу действий для захвата Эстонии,

Латвии и Литвы), Яковлев заявил: «Теория относительности, товарищи, великое открытие в постижении Вселенной. Но относительность не может существовать в сфере морали... Мы обязаны вернуться на твердую, здоровую почву незыблемых нравственных критериев. Пора осознать — незаконное страшно не только своим прямым эффектом, но и тем, что оно калечит сознание, создает ситуации, когда аморальность и оппортунизм начинают считать нормой. Любое наше решение, товарищи депутаты, будет одновременно не только политическим, но и нравственным»⁴⁶.

В 1990 году, когда казалось, что огонь революции в любой момент погаснет из-за холода, голода или в результате военного переворота, Яковлев писал: «Мы добились необратимых изменений. Изменения эти лежат в неосязаемой, но все же реальной сфере духа. Общество никогда не будет прежним, потому что в сознании произошел качественный прорыв. Необратимо наше избавление от мифов, стереотипов, от самообмана и самодовольства, которые отравляли наш разум и чувства многие десятилетия. Необратимо осознание того, что жизнь, формируемая по принципам конформизма, ведет лишь на обочину истории. Необратимо постепенное возвращение общих человеческих идеалов и ценностей, реализация морального императива человека: свобода личности, совесть, порядочность, доброта, милосердие. Необратимо пробуждение жажды к активной жизни, к свободе поиска. Человек становится сильнее благодаря духу, человеческую историю движет дух. Духовное рождение перестройки — болезненный процесс. Но без него нет надежды на обновление общества. Это рождение уже произошло, и то, чего уже достигла перестройка, войдет в историю как нравственное и интеллектуальное достижение человечества»⁴⁷.

Однако место русской революции в рамках «социальной истории идей» определялось прежде всего тем, что происходило за пределами Кремля. Несмотря на то что в период 1965–1980 годов в СССР вдвое вырос доход на душу населения, «недовольство населения нарастало», отмечал один из ведущих советских экономистов в 1989 году, усиливалось недо-

рие к системе⁴⁸. Иными словами, можно было наблюдать так называемый парадокс Токвиля, согласно которому существует причинная связь между материальным благополучием и социальным недовольством. Ведущий советский журналист и пылкий сторонник гласности Александр Бовин в 1988 году писал, что идеалы перестройки «созрели» на фоне нарастающего раздражения людей коррупцией, неприкрытым воровством, ложью и препятствиями, не позволяющими честно трудиться⁴⁹. Как рассказывает один современник, люди не восставали против режима в открытую, а «просто переставали верить». Другой свидетель этих событий вспоминает, что «в воздухе витало ожидание серьезных перемен», и это ожидание формировало «широкий слой населения», приветствующего радикальные реформы⁵⁰. Действительно, надежды людей, приветствовавших приход к власти «нового, динамичного руководителя», Горбачева, были столь велики, что они влияли на формирование политики режима, не осмеливавшегося (или бывшего не в состоянии) сопротивляться воле народа. Идеи стали играть роль структурных факторов в разворачивающейся революции.

Доверие к официальной идеологии, на котором, по словам Яковлева, как «на стальных обручах» держалась вся политическая и экономическая система Советского Союза, стремительно уменьшалось — и вместе с ним теряли силу и «мыслительные конструкты», поддерживавшие устойчивость однопартийной системы. Новые представления способствовали изменению отношения к режиму и «сдвигу в ценностях». Постепенно начала оспариваться и легитимность политических механизмов. Согласно «теореме Томаса», сформулированной видным американским социологом Робертом Мертоном на основе изысканий У.А. Томаса и гласящей: «если человек определяет ситуацию как реальную, то она является реальной по своим последствиям»⁵¹, «объективное» ухудшение советской экономики стало осознаваться лишь после (и в результате) коренного сдвига в восприятии действительности режима и критериев оценки его эффективности.

К марту 1989 года в Советском Союзе было 60 000 неформальных объединений и клубов. «Нет больше темных масс, которыми можно было легко управлять, сознание которых можно было контролировать. Но есть люди мыслящие», — говорила известный русский социолог, рассказывая о гражданах нового типа⁵².

В 1989–1991 годах, голосуя на часто проходивших выборах, миллионы русских людей отвергли консервативных партийных лидеров и избрали тех, которые публично поддерживали сначала курс на реформы, а затем и на революцию. Каждое новое голосование — весной 1989 года (выборы народных депутатов СССР), весной 1990 года (выборы народных депутатов РСФСР), в июне 1991 года (выборы президента России) — демонстрировало «неуклонный спад» популярности умеренных сторонников Горбачева и рост влияния «политиков, называвших себя радикалами»⁵³. На выборах в местные советы в марте 1990 года «демократы», выступавшие за реформы, одержали победу в пятидесяти российских городах, включая три крупнейших: Москва, Ленинград, Свердловск. В Москве они получили пятьдесят семь из шестидесяти пяти мест в городском совете депутатов⁵⁴.

Считается, что разочарование в перспективах «социалистической модернизации» делало миллионы людей все более «восприимчивыми» к «альтернативам, не предусматривающим сохранение социализма», а также к «либеральной демократической идеологии и ценностям западной цивилизации» как средствам достижения их чаяний. Политическое руководство, как отмечал историк Владимир Соргин, перешло от Горбачева к Ельцину, который действовал «под антикоммунистическими, прозападными и либеральными знаменами». Почти в то же самое время союзники Ельцина — радикалы Гавриил Попов в Москве и Анатолий Собчак в Ленинграде — были избраны мэрами «двух столиц России». «Словно подчеркивая свой отказ от социализма», ленинградцы проголосовали за смену названия города на Санкт-Петербург. Как считает тот же российский историк, произошедшая в России «либерально-

демократическая и одновременно антикоммунистическая революция» осуществлялась «прежде всего с помощью избирательных бюллетеней»⁵⁵.

Когда судьба революции висела на волоске, ей на спасение пришли огромные, но необычайно мирные массовые демонстрации в Москве и многих других менее крупных городах, а также две всеобщие забастовки горняков в 1989 и 1991 годах*. Революция достигла пика в августе 1991 года, когда на улицах городов по всей России прошли митинги и забастовки в поддержку Горбачева и Ельцина и против коммунистического переворота. Демонстрации прошли в большинстве крупных городов России. Около 200 000 человек приняли участие в шествии в Москве и Санкт-Петербурге, 50 000 человек пришли во время путча на круглосуточную защиту Белого дома⁵⁶.

Годы спустя избранный мэром Москвы Гавриил Попов так писал об этих людях: «Однако основным и решающим фактором, который привел к победе революции, был сам народ. В революции участвовали тысячи, сотни тысяч граждан. Молодежь и пожилые, мужчины и женщины, рабочие и студенты, русские и представители других наших народов. Они отдали свой голос на выборах. Они продолжали выходить на улицы. Они рисковали ради себя, своих семей и своих близких. В рабочие дни и по выходным. И в дождь, и в солнце. Они не стреляли. Не били окна, не штурмовали здания, не жгли машины. В результате в этом противостоянии победили те, кто, выражаясь словами Толстого, был сильнее духом»⁵⁷.

В своем письме в советский журнал в 1987 году один российский читатель назвал происходящее «переломом в сознании». Мы знаем, что он был прав, потому что российская революция была единственной крупной революцией, ход которой

* 05.02.1990 г. в Москве 250 тыс. человек выступили за отмену статьи 6 Конституции СССР о руководящей роли КПСС; 20.01.1991 г. в Москве 200 тыс. граждан протестовали против применения военной силы в Прибалтике, а в феврале и марте того же года массовые демонстрации в поддержку Ельцина и независимости России прошли в Москве, Ленинграде, Ярославле и Волгограде.

почти с самого начала прослеживался опросами общественного мнения. Такой опыт предоставляет заинтересованным в изучении революционных идей уникальную возможность исследовать процессы распространения и влияние новых идей и ценностей в реальном времени, а не восстанавливая события постфактум. «Впервые в истории мы можем изучать социальную революцию изнутри, — отметил в интервью в 1989 году Юрий Левада, ведущий советский специалист по опросам общественного мнения. — Ведь во времена американской, французской и других великих революций не существовало социологов, которые могли бы проводить опросы населения. Но сейчас мы есть... Это очень интересно»⁵⁸.

В 1989–1991 годах российские исследователи общественного мнения присоединились к «пишущим мужам» Токвиля — журналистам и публицистам — и стали «учителями» страны. Они также были политическими «сейсмологами», занимающимися поиском сдвигов «тектонических плит» национального консенсуса и извещающими о своих открытиях замороженной публике, которая жила от одного культурно-политического землетрясения до следующего. Это самопознание, эта неожиданно обретенная возможность узнать о том, каких мнений в действительности придерживались твои сограждане спустя семь десятилетий вынужденной немоты и глухоты, были настолько ободряющи и столь важны для всего процесса демократизации, что в начале 1988 года социология (понимаемая прежде всего как изучение общественного мнения) была объявлена «одной из самых демократических наук»⁵⁹.

В 1989–1990 годах опросы советского населения стали выявлять первые разломы, которые послужили началом быстрого и глубокого распада идеологических основ режима. У народа возникли сомнения, наступило осмысление реальности, что наконец привело к отказу от установок Советского государства: однопартийной системы, подавления инакомыслия, государственной монополии на СМИ и экономику, контроля над Восточной Европой и к 1991 году доминирования московской власти над другими республиками Союза.

Постепенное вытеснение этих краеугольных камней Советского государства открывало перед людьми возможность достичь иного, справедливого и равного для всех, эффективного политического и экономического устройства, в котором всем будет даровано право свободно выражаться и пользоваться политическими правами, где государственный контроль над жизнью людей будет заменен индивидуальной ответственностью за собственное благополучие.

Спустя период, исчисляемый почти четырьмя поколениями жизни в однопартийной диктатуре, первый всесоюзный опрос в ноябре-декабре 1989 года обнаружил всестороннюю поддержку конкурентных выборов и узаконения иных партий помимо Коммунистической партии Советского Союза (КПСС)⁶⁰. Культ единодушия в политике и отношение к инакомыслию как предательству были отвергнуты: на смену им пришли свобода слова, плюрализм и терпимость. Россияне приветствовали политические взгляды, которые совершенно не совпадали с позицией большинства. Более двух третей населения согласилось с тем, что иные политические взгляды должны существовать, а 9 из 10 — что должна существовать свобода самовыражения. Практически треть населения предпочла свободное общество «обществу порядка»⁶¹.

Теперь россиянам не нужна была «твердая рука» правителя, навязанная много лет назад. Среди опрошенных половина сочла, что ни при каких обстоятельствах власть не должна сосредоточиваться в руках одного человека. Среди депутатов нового парламента Советского Союза (Съезд народных депутатов СССР), избранных от Российской Федерации, и в российском парламенте (Съезд народных депутатов РСФСР) большинство промышленных рабочих, как и представителей интеллигенции, было настроено на изменение советской Конституции с целью устранения руководящей роли партии, подчинения ее государству и запрета членства судей и прокуроров в партии⁶².

Среди других особенностей быстро меняющейся политической культуры особое место стало занимать то, что запад-

ный специалист по изучению общественного мнения определил как «правосознание». С большим перевесом граждане Российской Федерации, опрошенные в 1990 году, согласились с тем, что каждый имеет право на равные правовые механизмы защиты независимо от политических взглядов (жители Московского региона активно отстаивали с дюжину основных политических и индивидуальных прав, в том числе свободу слова, объединений и совести, равенство перед законом, неприкосновенность личной жизни и право на перемещение, и в этом они были чрезвычайно похожи на жителей западноевропейских государств)⁶³.

Однако не столь быстро и охотно, как политические и гражданские права, советский народ начал пересматривать основные положения социалистической идеологии: состоятельность экономической системы, о распределении доходов, роли государства, особенно в части ответственности за благополучие индивида. К концу 1989 года подавляющее большинство считало, что государство должно предоставлять возможность каждому заработать столько, сколько сможет, а практически половина считала, что люди сами должны отвечать за успех в жизни без постороннего вмешательства⁶⁴.

В начале 1990 года более половины опрошенных россиян согласилось с тем, что в здоровой экономике государство не вмешивается в дела граждан. В результате всероссийского опроса полгода спустя 56% населения поддержало быстрый или постепенный переход к рыночной экономике. Через год число сторонников рыночной экономики выросло до 64%⁶⁵.

Как и при любом ином политическом потрясении, молодые и более образованные и живущие в городах были более склонны к идеологической революции, чем пожилые, менее образованные сельские жители. Возраст был особенно важным фактором, так как между поколениями существовало кардинально различное отношение к демократизации. Более молодые советские люди активнее поддерживали право на частную собственность, право на демонстрации и забастовки, были терпимее к инакомыслию⁶⁶.

В 1989 году 60% граждан Союза считали, что партия вела страну по неверному пути⁶⁷. Девять месяцев спустя Центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) обнаружил кризис социалистической идеологии: нравственный кодекс, поддерживавший советский порядок, разваливался на части, а обновленной социалистической концепции, способной заменить его, еще не было придумано. К тому времени социализм поддерживали всего 10–20% от числа опрошенных граждан Советского Союза. Еще пару лет назад доля сторонников социализма была гораздо выше, теперь же в основном она состояла из пожилых людей, в то время, как молодые поколения отвернулись от социализма⁶⁸. (За год с октября 1988 по октябрь 1989 года около 4 миллионов граждан прекратили членство в комсомоле.)

Если в феврале 1989 года большинство россиян одобряло социалистический путь развития СССР, то уже в мае 1991-го 56% населения согласилось с тем, что коммунизм не дал России ничего, кроме бедности, очередей и массовых репрессий⁶⁹. Летом 1991 года, по словам одного историка, пассивная часть населения равнодушно смотрела на агонию угасающего режима, активное большинство уже было вдохновлено совершенно иными идеями.

Падение советского режима в августе-сентябре 1991 года совпало по времени с тем, что ведущий исследователь российской постсоветской политистории назвал «беспрецедентно резкой» переменной сознания российского народа. В сентябре 1991 года 73% опрошиваемых поддержали радикальную перемену всей политической системы. Заметное большинство поддерживало либеральный капитализм: открытость внешнему миру (74%), политический плюрализм (69%) и рыночную экономику (63%). Но больше всего народ приветствовал развал КПСС. Одна пятая опрошиваемых особо выделила отказ от коммунистических идеалов⁷⁰.

За период 1988–1990 годы опросы показали, что поменялось также и отношение к внешней угрозе Советскому Союзу, защите от этой угрозы, сохранению советского контроля над

Восточной и Центральной Европой. К началу 1990 года устарела идея государства, окруженного со всех сторон врагами, которая оправдывала советскую внешнюю и внутреннюю политику на протяжении многих лет. Практически три четверти населения европейской части Союза не верили в угрозу извне. Нарушая очередное табу, народ стал задаваться вопросом о необходимости непомерных трат на оборону государства⁷¹.

Быстро набирающий обороты мирный настрой стал подтачивать другой краеугольный камень идеологической базы Союза (и ключ к советскому статусу сверхгосударства): ядерный арсенал. К 1990 году более двух третей опрошенных высказались против продолжения ядерных испытаний вообще, практически столько же посчитали необходимым ставить испытания в зависимость от политики США и две пятых поддержали одностороннее прекращение испытаний⁷².

В период распада восточноевропейской империи Советского Союза в результате демократических и национально-освободительных революций в 1989–1990 годах изменяющаяся система ценностей в самом СССР подрывала сохранение Варшавского договора. Сразу после антикоммунистических революций в Восточной Европе в январе 1990 года 2/3 москвичей считали, что Советский Союз не должен препятствовать выходу восточноевропейских стран из Варшавского договора (менее четверти думало наоборот). Три четверти опрошенных в России, Украине и Литве либо «полностью одобрили», либо «скорее одобрили, чем нет» перемены в этом регионе. Небольшой перевес был на стороне тех, кто полагал, что объединение Германии не создаст новых угроз⁷³. Большинство опрошенных в конце 1990 года отметило, что «сокращение вооружений и вывод советских войск из Восточной Европы» стало счастливым событием года⁷⁴.

Теперь и государство, которое столько лет властвовало над народом, перестало быть чем-то неприкосновенным. Несмотря на то что чуть более половины россиян в феврале 1991 года все еще поддерживали единый и неделимый Союз и верили в возможность создания республиками нового объеди-

нения, только одна треть полагала, что Советский Союз должен быть нерушим при любых условиях, а половина сочла, что республики, желающие выйти из состава Союза, могли это сделать (одна четверть даже поддерживала выход России из Союза, тем самым отказавшись от всех имперских завоеваний за три предшествующих столетия)⁷⁵.

Как и любая другая великая революция, русская революция была сложным явлением, порожденным, движимым и формируемым множеством факторов. Такими факторами были: застойная экономика, растущий разлад между политическими институтами и необходимость формирования образованного городского среднего класса, давление и расходы, связанные с холодной войной, которая могла вступить в новую, компьютеризованную и даже космическую фазу.

Очевидно, что известна лишь часть истории, которую можно изучить полностью только при учете «идеальных» («метафизических») причин. Не представляется возможным, учитывая, что отсутствует надежная информация об общественном мнении до 1985 года по политико-экономическим вопросам Союза, сделать вывод, был ли период гласности причиной появления новых идей и ценностей, или же они существовали и раньше в довольно широкой среде населения, а новый этап послужил толчком к их развитию. Скорее всего, учитывая опыт других революций, свобода и новые идеи развивались параллельно и усиливали друг друга. Однако неоспоримо, что трансформация российской интеллигенции, а несколько лет спустя и миллионов ее соотечественников является самым поразительным в истории примером влияния истории ценностей и идеалов на перемену взглядов, поступков, на политические и экономические предпочтения.

Изучение источников, связей, а также содержания наиболее значимых научных трудов периода гласности должно раскрыть процессы вызревания и «тайные причины» развала Советского Союза. Ответы кроются на тысячах страниц книг, статей и сочинений, определяющих национальный метаморфоз. Именно в их изучение мы и погрузимся.

Глава 2

За правду и добро: кредо гласности

Сегодня главный вопрос — вопрос о новой структуре ценностей.

Яковлев А. Отвержение и утверждение // *Огонек*. 1988. № 43.

Дело в упорядочении системы духовно-нравственных ценностей, в понимании того, зачем живет человек, в чем его призвание. Сегодня все экономическое развитие страны уперлось в духовно-нравственную сущность человека... Ничего не удастся существенно изменить в лучшую сторону в экономике, если не изменимся к лучшему мы сами.

Антонов М. Так что же с нами происходит? // *Октябрь*. 1987. № 8.

Мы хотим изменить экономику, мы беремся за обновление общества, но пока у нас не будет чистой совести — мы ни в чем не добьемся успеха.

Кочетков Е. Письмо в редакцию // *Знамя*. 1988. № 8.

Переживая это в целом радостное состояние выздоровления, нужно и важно, по-моему, не забывать об истине момента. А она, думаю, проста и очевидна: правда, одна только правда, ничего, кроме правды!

Смирнов К. Момент истины и истина момента // *Огонек*, 1988, № 36.

Так и только так это и происходит. Сначала лишь немногие осознают необходимость в обновлении идей, но большинство их не слышит и даже боится касаться их, как будто они — прокаженные. Однако постепенно раздавленные и выхоленные идеи демократии и свободы начинают набирать ход. Они становятся смутным сознанием большинства, оставаясь твердым пониманием немногих. А затем, когда это новое понимание объявляется во всеулышание, звучит по радио и в газетах, многие из тех, кто сначала сопротивлялись этому новому сознанию, принимают его.

Лакшин В. Народ и люди: о романе Василия Гроссмана // *Известия*. 1988. 25 июня.

Каждая великая современная революция, по сути, начиналась со стремления к достоинству. Последняя русская революция началась как восстание против позора лжи — «всепроникающей и всепожирающей»¹ лжи, которая стала «нормой жизни»². По мере того как ослабевал страх перед наказанием за публичный вызов лжи (или за отказ участвовать в производстве лжи), свидетели этого процесса непосредственно, физически ощути-

ли первые ростки правды. Их сравнивали с мощной рекой, прорвавшей плотину и оставившей позади когда-то сдерживавшую поток «ржавую арматуру», а также «мусор и грязь»³. Внезапная возможность говорить правду ощущалась как приток кислорода для заваленных в забое шахтеров или излечение от проказы⁴.

«Живительные воды гласности* и свободы утоляли жажду правды в закрепощенном обществе»⁵, — вспоминал Александр Яковлев, член политбюро, роль которого в запуске и поддержании процесса либерализации уступала лишь роли Михаила Горбачева**. «Первые глотки свободы, — продолжал Яковлев, — возможность говорить и писать все, что думаешь, творить свободно, не боясь доносов и лагерей... туманили голову»⁶. Общество начало «узнавать правду о себе», ликовал литературный критик, и «этот процесс становился неконтролируемым!»⁷.

Статьи в газетах и журналах ошеломляли читателей, как отмечал в то время один из ведущих публицистов. Почтовые ящики, откуда россияне извлекали газеты и журналы, превратились в источник ежедневных чудес. В креслах, на диванах или в метро миллионы людей читали о темах, которые всего лишь за три года до этого квалифицировались бы как преступление по статье 190 Уголовного кодекса РСФСР «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй».

* Термин «гласность» стал частью российского политического лексикона как минимум еще в 1841 году, когда первый из великих либеральных реформаторов России граф Михаил Сперанский включил «гласность» в рекомендации по «управлению Сибирью» в статье, опубликованной лишь через два года после его смерти (Сперанский М. Обозрение главных оснований местного самоуправления Сибири. Напечатано по Высочайшему повелению (царя). Санкт-Петербург, 1841. С. 8. Цит. по: Сватиков С. Россия и Сибирь. С. 91. Автор признателен д-ру Джонатану Сандерсу за предоставленную им копию статьи Сватикова).

** См.: Leon Aron. The 'Mystery' of the Soviet Collapse, Journal of Democracy 17 (2), April 2006.

«Мы не смели бы и думать о том, о чем пишем сегодня», — отмечал осенью 1986 года один из видных драматургов⁸. Как рассказывалось в популярном московском анекдоте тех лет, ошарашенный мужчина звонит приятелю по телефону, желая убедиться, прочел ли тот статью в последнем выпуске еженедельника «Московские новости». «Еще не читал, — отвечает тот. — А о чем там?» «Ты с ума сошел? — отвечает звонивший (полагая, как и каждый, что его телефон прослушивается). — Это не телефонный разговор!»

Выступая с речью в июле 1987 года, Яковлев назвал гласность «нашим общим возвратом к истине»⁹, а главный редактор одного из ведущих либеральных еженедельников сравнил результаты этого процесса с «духовным землетрясением»¹⁰. «Острая жажда правды» стала наиболее ярко выраженной национальной чертой, «гражданским и политическим кредо миллионов»¹¹. Перед глазами иностранных наблюдателей предстала страна, внимание которой было приковано к правде; страна, «изгоняющая дьявола» и «испытывающая катарсис»¹². Правда обо всех и вся: об экономике и политике страны, о том, как народ действительно живет и о чем он на самом деле думает, о прошлых и нынешних руководителях, о мире за пределами все еще закрытых границ — «правда» стала «практически основным словом в словаре» нации, «символом и лозунгом перемен»¹³.

Наступающие перемены оказались настолько быстрыми и поразительными даже для тех, кто был непосредственно вовлечен в практически ежедневное расширение пространства истины — писателей, журналистов и публицистов, что и им порой приходилось напоминать самим себе о грандиозности этого «прорыва к свободе»: «Духовная жизнь общества меняется на наших глазах, — писал в журнале «Знамя» писатель, фронтовик Лазарь Лазарев. — Истина, которая была скрыта за семью замками и печатями, выпущена из темницы и стала нашим собеседником. Даже те... кто издавна затыкал истине рот, сейчас вынуждены прислушиваться к ней... И лишь взглянув назад и увидев, как далеко позади мы оставили “ледниковый

период”, понимаешь, насколько резки повороты в нашей жизни и сознании, какие шоры мы сбрасываем и какие мощные механизмы подавления живой и свободной мысли демонтируем»¹⁴.

Люди страстно устремлялись ко всем источникам истины. Очереди в газетные киоски, огромные толпы, порой огибавшие квартал, образовывались в шесть утра, а тиражи газет зачастую расходились за пару часов. Люди назвали этот ежедневный ритуал «утренними газетными митингами». Из библиотечных фондов «исчезали» газеты и журналы со статьями наиболее известных публицистов гласности — Николая Шмелева, Анатолия Стреляного, Юрия Черниченко, Геннадия Лисичкина, Ларисы Пияшевой, Василия Селюнина, Геннадия Ханина. Журнальные очерки перепечатывались или ксерокопировались, зачитывались до дыр. И все же один из журналистов задавался вопросом: «Утолена ли наша жажда полной истины, наше стремление назвать наконец все малоприятные факты своими словами и вслух? Нет, мы лишь входим во вкус»¹⁵.

Читательская аудитория самых смелых газет и журналов достигла масштабов, которые ныне кажутся фантастическими. В период с 1986 по 1989 год подписной тираж еженедельника «Аргументы и факты», который из пособия для партийных пропагандистов превратился в источник жестких комментариев и ранее секретных фактов и цифр обо всех аспектах жизни в Советском Союзе, вырос десятикратно, достигнув 20 млн 458 тыс. экземпляров*. Подписка на еще один либеральный еженедельник, «Литературная газета», удвоилась, составив 6 млн 627 тыс. 700; подписка на «Известия» выросла на 40% — до 10 млн 138 тыс., а на «Комсомольскую правду» — почти на 20% (по числу подписчиков по стране — 14 млн 466 тыс. человек).

* Через год число подписчиков на этот еженедельник достигло 32 млн 959 тыс. человек (передовая статья «К читателям». Аргументы и факты, 1990, 6–12 января. С. 1).

Еще одна бывшая пропагандистская газета, ставшая флагманом гласности, «Московские новости» (ранее распространялась в основном за рубежом на пяти-шести языках), довела свой российский тираж в 1987 году до 250 тыс. экземпляров, после чего Центральный комитет партии наложил запрет на дальнейшее увеличение тиража. Газета распродавалась за несколько минут по утрам в среду, а очереди за ней выстраивались с 5 утра. Она передавалась из рук в руки по всей стране. Ежедневно у редакции газеты на Пушкинской площади в центре Москвы проходили неформальные митинги и политические дебаты.

Тираж другого смелого издания, иллюстрированного еженедельного журнала «Огонек», который до 1986 года был «убийственно банален», вырос с нескольких сот тысяч экземпляров до 3,5 млн. Журнальная рубрика «Слово читателя», где письма публиковались без изменений, по праву стала называться «первым общенациональным форумом для открытых дебатов по политическим и социальным вопросам». В 1986 году «Огонек» получил 15 тыс. 372 читательских письма, в следующем году — 49 тыс. 619, а в 1988 году — 112 тыс. 842. «Впервые в жизни (а мне уже семьдесят) я дала взятку, — говорилось в одном из этих писем. — Знаете за что? За подписку на “Огонек”. Сколько? Пятьдесят рублей сверх цены. Пенсия у меня всего лишь восемьдесят рублей в месяц. Я вынуждена поступить нечестно, потому что не могу жить без этого журнала»¹⁶.

Когда ведущие литературные (так называемые толстые) журналы стали разделять дух свободомыслия и начали публиковать некоторых из лучших, запрещенных ранее российских писателей (вскоре добавив к ним революционных публицистов), они также привлекли новых подписчиков¹⁷. Под руководством вновь назначенных главных редакторов в период с 1986 по 1989 год тиражи журналов «Новый мир» и «Знамя» выросли более чем в четыре раза, а тираж «Октября» почти утроился. Тираж же мало кому известного ранее журнала «Дружба народов» увеличился в десять с лишним раз после

публикации романа А. Рыбакова «Дети Арбата», который дождался своего издания 20 лет. Журнал «Новый мир» планировал его публикацию в 1966 году.

Читательский бум возглавила интеллигенция. «Местная интеллигенция полностью занята тем, чтобы не отстать от всех журналов и газет», — сообщал американский журналист из Москвы в июне 1988 года¹⁸. Действительно, согласно ответам на вопросы анкеты, распространенной в начале 1989 года среди читателей «Ленинки» — главной библиотеки Советского Союза, от трети до половины из них прочли по крайней мере некоторые из главных текстов возвращенной из небытия русской классики («новых старых книг»), опубликованных в толстых журналах всего лишь за несколько месяцев до этого: «Котлован» Андрея Платонова, «Собачье сердце» Михаила Булгакова, «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана, а также «Доктор Живаго» Бориса Пастернака.

При этом невозможно отнести на счет одной интеллигенции широкий отклик, который открывшаяся правда вызывала по всей стране. «Уважаемая редакция! — писала читательница журнала «Новый мир» в январе 1987 года. — Впервые в жизни пишу о своей реакции на печатное слово. Я никогда особо не интересовалась политикой: как и большинству женщин, мне просто не хватает на это времени... С приходом М.С. Горбачева и внезапно появившейся свободной печати я стала читать газеты (в основном «Литературку») и начала, как и многие так называемые обычные люди, оценивать и переоценивать ситуацию в стране гораздо глубже, чем прежде. Поэтому невозможно избежать следующего вывода: насколько же настоятельной должна быть необходимость решения всех стоящих перед страной проблем, если даже я, рядовой советский человек, женщина, почувствовала истинность и правильность этого совершенно нового подхода к нашей жизни?»¹⁹.

Свежие статьи вызвали горячие дискуссии в автобусах и трамваях. В вузах, научных институтах, школах и на заводах возникали дискуссионные клубы. Один из таких кружков — «Клуб имени Н.И. Бухарина», названный в честь одного из

главных теоретиков коммунизма и ленинского соратника, который выступал против сталинской «коллективизации» в конце 1920-х годов и был расстрелян после показательного процесса, сформировался на гигантском Камском автомобильном заводе («КамАЗ») в волжском городе Набережные Челны. «Должен признаться, что, впервые попав на собрание клуба, я был ошарашен, — сказал камазовский слесарь приезжим из Москвы в сентябре 1988 года. — Гласность — хорошо, но надо же знать, где остановиться. А затем я подумал: кто из нас должен определять, насколько далеко можно зайти [в дискуссии], и какими критериями измерять [свободу слова]? Я просто не привык к свободному обмену мнениями. Сейчас я считаю свободу мысли чем-то естественным»²⁰. Другой член клуба добавил: «Когда я задумываюсь о том, каким был два года назад, то разница колоссальная. Я осознал, что и понятия не имел о социальных науках: то, что я знал, было всего лишь политическим суеверием; у меня не было собственной позиции»²¹.

Почти наверняка через восемь месяцев члены «Бухаринского клуба» были в числе десятков миллионов, которые смотрели каждую минуту девяноста пяти часов прямого эфира с первого заседания Съезда народных депутатов СССР. Впервые за семьдесят два года в законодательном органе страны без какой-либо цензуры шли публичные политические дебаты. На протяжении трех недель в мае-июне 1989 года страна практически замерла, «зачарованная», по выражению одной из ведущих центральных газет, «эйфорией» от такого уровня гласности.

За ходом съезда по телевидению или радио следили 70–90% взрослых жителей в крупнейших городах страны. «Все, кто мог, сидели перед телевизором, — писал один из самых популярных публицистов гласности Игорь Клямкин, — поскольку перед ними разворачивалось нечто совершенно невообразимое по своей открытости, искренности и накалу политических страстей»²². Матери подвешивали к детским коляскам транзисторные радиоприемники, чтобы слушать, что

происходит на съезде. По оценкам, объем производства в экономике упал на одну пятую по сравнению с тем же периодом предыдущего года*.

Давая интервью на следующий день после завершения съезда, один из депутатов, самый авторитетный либеральный мыслитель, бывший лидер диссидентского движения и лауреат Нобелевской премии мира Андрей Сахаров предположил, что главным результатом съезда стало «пробуждение политического чувства у миллионов людей». Съезд подтвердил, по словам Сахарова, что «народ отнюдь не пассивен». «У него просто не было канала для [политических] усилий. А когда такой канал появился, с ним появилось и реальное политическое действие. Его значение станет яснее с течением времени»²³.

Они учились говорить откровенно, «говорить то, что мы думаем, что мы действительно чувствуем», писал обозреватель газеты «Известия» и телекомментатор Александр Бовин, чье тучное телосложение, огромная бальзаковская голова с гривой волос и роскошные усы были знакомы миллионам советских телезрителей: «Наука эта оказалась трудной... Кричащая немота была не жутким сном, а жуткой реальностью. Десятилетия триумфальной лжи, пустых речей и духовного паралича обрекли истину на то, что она стала нескладной, едва связной. Ныне мы учимся говорить правду... о себе, о своем будущем, о своем прошлом. Мы учимся оценивать сценарии будущего, поскольку оно создается сего-

* За эти «чудесные недели», как назвал их ведущий советский социолог и специалист по опросам общественного мнения Юрий Левада, когда вся страна, «как зачарованная, сидела перед телевизорами», люди услышали факты, которые всего лишь за год до этого невозможно было представить себе в газете. «Если бы кто-то показал мне увиденное мною за год до этого, — писал главный редактор «Московских новостей» Егор Яковлев, — я подумал бы, что все это шоу — часть тщательно продуманной уловки» (Левада Ю. Поезд спешит и опаздывает // Советская культура. 1989. 14 октября. С. 2. Яковлев Е. Съезд и политическая реформа // Московские новости. 1989. 18 июня, С. 3).

дня. Проблема истины — не просто личная проблема каждого из нас. Это проблема совести, нравственности и самоуважения»²⁴.

Одно из первых открытий этой «трудной науки» заключалось в том, что после семидесятилетнего симбиоза цензуры и террора одним из мощнейших препятствий к лучшему будущему был самообман. Когда «тоталитаризм начал уничтожать души, на смену творчеству пришло мифотворчество»²⁵. Другие нации тоже испытывали самообман, но, утверждал Клямкин, «у нас был самообман в квадрате». «Именно поэтому мы порождали таких лгунов, которых мир еще не видел. Похоже, лишь сейчас мы начинаем понимать, насколько велик был наш самообман, насколько опасна эта болезнь»²⁶.

В корне этого трагического самообмана лежали идеологические догмы, гротескно расходившиеся с реальной жизнью, но не оспаривавшиеся несколько поколений. Место реальности заняли мифы, порожденные «густым туманом страха и демагогии»²⁷. Они формировали политический, социальный и нравственный лексикон. Они лежали в основе действий. Никогда «в истории человечества никто не было столь поработен мифами, как наш народ», писал философ-политолог Александр Ципко²⁸. Сверху донизу все «молились старым кумирам» подобно язычникам, которые еще долго поклонялись старым богам после того, как князь Владимир, креститель Киевской Руси, выбросил их статуи в Днепр. Эта «слепота несвободы» была подобна «катаракте» на глазах целого народа²⁹.

Могло ли быть по-другому, когда экономика «деформирована», а политическая система «бесчеловечна»? Как могло сознание народа оставаться «нормальным»? Именно необходимость примирить «обычную логику» с «общей патологией» советской жизни породила десятки идеологических мифов, которые должны были «помочь советскому человеку поверить, что он живет хорошо и является счастливейшим человеком в мире»³⁰.

Никто не сможет помочь стране, «даже Бог», пока не будут отброшены эти мифы, а вместе с ними и «хроническое само-

непонимание»³¹. Выбор был жестким: «Окажется ли общество вновь опутано паутиной мифов, связывающих свободу воли, свободу действий и порождающих иллюзорные надежды, или же победу одержат свободный дух и свободный разум сознающего себя человека, способного найти свое место в мире без успокоительного идолопоклонничества?»³²

Демифологизация была ключом к «трудному возврату России к цивилизации»³³. «Самоизлечение» от «самообмана» означало ни много ни мало, как «превращение в иной народ». Оно означало и «отказ не только от военно-коммунистического насилия, но и от военно-коммунистических иллюзий... а также от военно-коммунистической слепой веры»³⁴.

Общенациональный самообман, насколько бы тревожным он ни был, лишь один из аспектов того, что Сахаров называл моральной деградацией общества³⁵. Если не считать десятилетие либеральной хрущевской оттепели, то и дело перемежавшейся «заморозками» (1954–1964), то «нравственная трясина» стала «подлинно ужасающим результатом» четырех с половиной десятилетий сталинизма и коррумпированного «мягкого» брежневского тоталитаризма с его отупляющей смесью «обмана и самообмана» с «бесплодным» публичным славословием³⁶.

Подобного ухода от «элементарных понятий добра и зла», свидетельствовала публичная гласность, «цивилизованный мир еще не видел»³⁷. Страх, будь то во время сталинского «великого террора» 1937 года или в брежневские годы, «ужасающие банальностью» своего зла, поразил и разъял души людей «хуже кислоты», писал один из популярных киноактеров Советского Союза, Георгий Жженев. Люди «задыхались» от неспособности не только говорить, что думают, но и даже свободно думать³⁸.

Один из читателей «Комсомольской правды» в письме в редакцию осуждал «ужасающую и трагичную... потерю нравственности колоссальным числом людей, живущих в СССР». Симптомы нравственного упадка были очевидны: равнодушие и лицемерие, цинизм, угодничество и стукачество. Ужасающие

«миазмы наглой и бесконечной публичной лжи и демагогии», бессилие перед лицом «бюрократического всемогущества», «плотные пары страха и демагогии»³⁹, растущая пропасть между жизнью людей и оглушающими лозунгами пропаганды — эти черты советского тоталитаризма породили то, что писатель Анатолий Приставкин назвал «практически новым биологическим видом» человека: «человек безответственный», который разучился действовать и даже думать без «команды сверху». Приставкин назвал его «человек бездеятельный», «человек безразличный» и «человек безынициативный»⁴⁰.

По мнению одного из основателей советской социологии и одного из ярких представителей этой науки, Владимира Шубкина, произошедшее с российским народом за предшествующие семь десятилетий стало не просто «демографической и генетической катастрофой»⁴¹, вызванной гибелью миллионов из-за террора, войны и голода. Самым страшным бедствием стало «уничтожение человека социального» и его замена «человеком биологическим»: «Вся независимая [от государства] общественная жизнь была запрещена. Нельзя, конечно же, называть “общественной” жизнь, состоящую из нудной обязательности всяческих демонстраций и собраний, из позорных и полностью контролируемых “выборов” единственного кандидата, из механического единодушия при голосовании с регулярным и надежным поднятием рук... Большинство людей были обречены на чисто биологическое существование. Для множества невообразимые трудности и лишения при обеспечении самых элементарных потребностей в питании, одежде и жилье вытеснили всякую мысль о правах и гражданском достоинстве. Биологический человек стал героем того времени»⁴².

Срочное решение проблемы было крайне, жизненно необходимым. В одной из статей 1987 года — «Так что же с нами происходит?» — автор утверждал, что народ необходимо «спасать», причем не от внешних угроз, а «прежде всего от самого себя, от последствий деморализующих процессов, убивающих самые благородные человеческие качества»⁴³.

Как спасти? Сделав зародившуюся либерализацию решительной и необратимой, не оттепелью, а изменением климата. Но что могло бы гарантировать такую необратимость? Прежде всего — появление «свободного, раскрепощенного человека, обладающего иммунитетом против возврата к духовному рабству»⁴⁴. Мы должны наконец понять, говорилось в феврале 1989 года в передовице «Огонька», что лишь человек, неспособный быть полицейским осведомителем, неспособный колжи во имя чего бы то и кого бы то ни было, может спасти нас от возврата к тоталитарному государству.

Замкнутый характер этой логики, согласно которой для спасения народа необходимо спасти перестройку как духовную «революцию», а перестройку, в свою очередь, можно спасти, если она изменит человека изнутри, никого, по всей видимости, не волновал. Размышлявшие об этом хотя и полагали, что спасение страны посредством перестройки и высвобождение народа из духовной трясины тесно и неразрывно связаны, но дальше размышлений дело, похоже, не шло.

Главным было вернуть людей от «крепостничества» и «рабства» к гражданственности. «Хватит! — заявил Борис Васильев, автор замечательной повести об Отечественной войне («А зори здесь тихие»), на основе которой был снят столь же хорошо принятый фильм. — Хватит лжи, хватит угодничества, хватит трусости. Давайте наконец вспомним, что все мы — граждане. Гордые граждане гордой страны!»⁴⁵

Прошло чуть более полугода после объявления Михаилом Горбачевым в январе 1987 года начала гласности и демократизации, как Александр Яковлев обратился к нравственным основам политической революции, которую он помог начать и сохранить. Достижения, основанные на «нарушении принципов честности и нравственности», не могут быть глубокими и долговечными, заявил он летом 1987 года на собрании партактива в Калуге. Вопреки официальной догме он декларировал приоритет «духовного» над «материальным»: политические и экономические достижения, как бы они ни впечатляли, утверждал Яковлев, являются временными. Лишь «человек и его

ценности вечны». Дом и семья. Свобода и долг. Честность, порядочность и справедливость. Миролюбие, гуманизм и щедрость. Смелость, верность и самопожертвование. Работа и творчество. Разум и талант.

Для Яковлева возврат к этим ценностям после десятилетней их подчиненности государству был жизненно важен. Революционные изменения не могут происходить без «глубоких нравственных сдвигов». Демократия и нравственность неразделимы. В конечном итоге суть реформ для Яковлева заключалась в «восстановлении нравственности». Нравственность, заключал он, приобрела «политический смысл»⁴⁶. Неотъемлемым условием политической революции считалась теперь задача создания нравственного человека и гражданина из *Homo sovieticus*. Это распространенное выражение обозначало человека, не чувствующего ответственности за себя и свою страну, запуганного и агрессивного конформиста, угрюмого и неряшливого исполнителя хозяйских приказов.

О чем бы они ни писали в течение первых пяти лет — о продовольственном дефиците или Второй мировой войне, о промышленности или культуре, об уровне жизни или медицине, о сталинизме или марксизме, о демократии или рыночной экономике, — лучшие публицисты гласности были нравственными философами, полагавшими, что «новая структура ценностей» является «ключевым вопросом» процесса, который, как они твердо верили, означал развертывание революции, а не просто «смену декораций»⁴⁷. Они были моралистами, страстными и нетерпеливыми, изъяснявшимися на языке абсолютных идей. Их цель заключалась в «улучшении нравственного состояния» общества. Нет, даже и этого было недостаточно, речь шла о «переориентации сознания», об «иной нравственности»!

Задача эта была не из легких. Шубкин писал о «грустной реальности»: люди «унижены, оскорблены, обмануты» и лишь сейчас робко «начинают догадываться, что могут быть гражданами». И все же, заключал он, единственный путь из кризиса

лежит через «нравственное возрождение». Шубкин называл эту задачу «нравственным образованием», «пробуждением» народного сознания⁴⁸.

Таково, судя по всему, было общее мнение. Для Сахарова «возрождение» советского общества было «возможно только на [новой] нравственной основе». Гласность, писал он, в первую очередь является средством создания «нового нравственного климата в стране», при котором «разьедающая ложь, молчание и лицемерие» будут «изгнаны навеки», а «человек... почувствует себя свободным»⁴⁹.

В книге «Великий разрыв» (*The Great Disruption*) об обширном и судьбоносном распаде общественных нравов философ-политолог Френсис Фукуяма назвал попытки врачевания общественной нравственности «ренормированием», то есть введением новых норм. По утверждению Фукуямы, «великий разрыв» неустрашим сам по себе. Людям придется признать, что их общественная жизнь ухудшилась, что им придется потрудиться над «ренормированием» общества «средством обсуждений, аргументации, культурных споров и даже культурных войн»⁵⁰.

К 1988 году такое «ренормирование» Советской России стало основным пунктом революционной повестки дня. «Мы на грани духовной революции... которая потребует от нас предельных усилий и подлинного творчества, — писал Игорь Клямкин. — Похоже, мы лишь сейчас начинаем понимать, насколько глубокое и сложное духовное возрождение нам предстоит пережить»⁵¹.

Необходимость предвидеть — и вдохновлять! — эту нравственную революцию побудила лидеров общественного мнения из числа сторонников реформ к иному использованию правды. К середине 1988 года восхищение размыиванием цензуры сменилось более целенаправленным и практичным использованием правды как в качестве диагностического инструмента, позволяющего оценить ущерб, нанесенный стране за предшествующие семь десятилетий, так и средства восстановления нравственности. Честный разговор с народом

о том, что произошло с ним и со страной, стал отныне незаменимым средством укрепления ценностей и нравственных понятий.

Для трубадуров гласности не существовало более высокой и жизненно важной миссии, чем содействовать этим революционным «процессам самосознания». Восстановление нравственности было невозможно без решительного самооткрытия. Прежде всего перестройка нуждалась в трезвейшем, жесточайшем «выжигании» всякого самообмана⁵². Как заключил один из молодых публицистов, люди скрывают то, чего боятся. Если сокрытие истины было признаком страха, то ее открытие позволяло избавиться от него. Путь к России, где процветает свободный индивид, лежит «только... через абсолютно честное самопознание и самосознание»⁵³.

Сказать правду и посрамить дьявола — дьявола самообмана, предательства и самоуничужения! Желавшие успеха перестройки, возможно, нашли бы свой девиз в словах шекспировского Готспера: «Любите правду. Это черту смерть... Не надо лгать — и победите черта» (перев. Б. Пастернака). Без правды, писала читательница в журнал «Знамя», «мы никогда не обречем достоинство и не поверим в искренность перестройки».

Страна, которая так долго лгала себе, должна наложить на себя «епитимью» правды⁵⁴. Каждый институт — политический, экономический, общественный — должен предстать перед «судом правды и совести»⁵⁵. Бояться говорить правду, всю правду, когда страна оказалась «на грани катастрофы», аморально⁵⁶.

За этим последовал безжалостный общенациональный самоанализ поразительного размаха и силы — важнейший элемент колоссальных и отчаянных усилий создать более достойного и добродетельного человека, государство и общество. В следующих главах книги речь пойдет о том, что видели деятели, подталкивавшие нацию на этот болезненный путь самооткрытия. Однако прежде стоит упомянуть о людях, чьи чувства и озабоченность сформировали идеи и идеалы набирающей силы революции — о трубадурах гласности и пере-

стройки, о «нравственно одержимых мятежниках», или, если говорить словами блестящего английского мыслителя XVIII века Сэмюэла Джонсона, об «учителях истины»⁵⁷.

Их были сотни: писатели, публицисты, документалисты, ученые. Они выступали с публикациями и передачами повсеместно — от «Известий» и центрального телевидения до множества местных газет, радио- и телевизионных станций. Они различались в той же мере, что и их аудитории, пейзаж, климат и часовые пояса их бескрайней страны.

При этом в биографиях ряда самых знаменитых и влиятельных представителей этой плеяды есть нечто общее. Было ли им сорок, пятьдесят или шестьдесят лет, они с гордостью относили себя к шестидесятникам, достигшим политического совершеннолетия и ощутившим вкус правды о Сталине в хрущевской речи 1956 года на XX съезде КПСС и затем в ходе кампании по борьбе со сталинизмом 1961–1963 годов. Ненависть к сталинизму была краеугольным камнем их «политической культуры», а все написанное ими основывалось на горячей вере в то, что «в любом честном и думающем человеке сталинизм может вызвать только лишь яростный отпор, протест, противостояние, желание изменить эту бесчеловечную систему»⁵⁸. Именно они, говоря словами Александра Яковлева, «сорвали ржавые оковы большевизма, выпустив правду из железной клетки на свободу»⁵⁹.

Как зачастую бывает в ходе революций, ярость этого наступления произрастала из угрызений совести революционных «отступников»: из необходимости искупить вину за молчаливое непротивление (а порой и соучастие) политике режима, который они ныне объявили безнравственным, особенно непротивление «запрету на правду» и «организованному забвению истины» на протяжении предшествующей четверти века⁶⁰. Это был их шанс, столь драгоценный, столь неожиданный, искупить грехи прожитой жизни и загладить «собственное молчание, угодничество и поклонение ложным кумирам»⁶¹.

Некоторых из крупнейших деятелей гласности справедливо называли «функционерами Старой площади», где стояло зда-

ние Центрального комитета КПСС. Другие прежде работали в научно-исследовательских институтах, обслуживавших ЦК, или активно помогали проводить в жизнь его «линию» в ведущих центральных газетах и журналах, на телевидении, в книгах и вузовских аудиториях: Юрий Афанасьев и Александр Бовин, Федор Бурлацкий и Юрий Черниченко, Лен Карпинский и Юрий Карякин, Иван Лаптев и Геннадий Лисичкин, Отто Лацис и Александр Пумпянский, Василий Селюнин и Николай Шмелев, Егор Яковлев и, конечно же, сам Александр Яковлев*.

Они считали себя «облученными взрывом» хрущевской десталинизации. Однако позже поняли, что взрыв, пусть «потрясший и пошатнувший кумира», все же не уронил его с пьедестала. Сейчас же, когда, по словам одного из них, «дети XX съезда пришли в нашей стране к власти», настало время наверстать упущенные годы «недосказанности» и «увидиваний». «Добить Сталина!» стало их первым боевым кличем⁶².

Гласность в буквальном смысле началась с вышедшего в 1986 году антисталинского фильма-аллегии Тенгиза Абуладзе «Покаяние». Решение политбюро о его выпуске пробыл Александр Яковлев, несмотря на яростные споры.

Следующие полтора года расширяющаяся свобода печати была почти синонимична публикации антисталинских работ в толстых литературных журналах их редакторами-шестидесятниками. В их числе увидели свет роман Рыбакова «Дети Арбата», поэма Твардовского «По праву памяти» и, конечно,

* Например, Шмелев был лектором ЦК КПСС и одно время – зятем Хрущева; Бурлацкий, до того как стать главным редактором «Литературной газеты», работал старшим референтом в Центральном комитете и обозревателем «Правды»; Бовин, ранее работавший помощником Юрия Андропова, был обозревателем «Известий» и телекомментатором; Лисичкин также был обозревателем «Правды»; Егор Яковлев ранее входил в редколлекцию «Правды», подобно Лену Карпинскому (ранее также работавшему секретарем ЦК комсомола,) и Юрию Карякину; а ректор Историко-архивного института Юрий Афанасьев ранее возглавлял Всесоюзную пионерскую организацию (Ю. Черниченко, Трава из-под стога / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988).

прежде всего роман «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. Вскоре за ними последовали: «1984» Джорджа Оруэлла, «Колымские рассказы» Варлама Шаламова, где в литературной форме рассказывалось о советских лагерях смерти; роман Владимира Дудинцева «Белые одежды» о лысенковском погроме советской генетики в 1940-х годах, повесть Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая» с ее рвущими душу описаниями советских детдомов и опустошенных кавказских аулов после зверской высылки чеченцев в 1944 году.

«Во время революций жизнь течет быстро»⁶³, и интеллектуальная одиссея потрясающего темпа и дерзновения вскоре подвела «педагогов правды» к пониманию того, что, несмотря на «сенсационную» смелость Хрущева, он так и не поставил коренной вопрос: что надо сделать, чтобы эти «кошмары, этот террор, этот геноцид» никогда не повторились?

Именно эту цель они были готовы теперь преследовать ревностно и до конца. Подобно семинаристу Хоме Бруту, столкнувшемуся со злыми духами в гоголевском «Вии», они собрались со всем мужеством, чтобы возвысить взгляд и выйти за пределы «мелового круга», которым очерчивалось то, что раньше считалось допустимым. Если они критиковали исключения из правил, то теперь они взялись за сами правила.

Ставки были колоссальными. Первоначальный диагноз «тяжкой болезни» и «ухудшения положения» был усилен до «глубокого всеобъемлющего кризиса»⁶⁴. Два предшествующих десятилетия («постыдная вакханалия брежневизма»), по словам публициста гласности, поставили страну «на грань национальной катастрофы» — общенационального, «вселенского Чернобыля» (трагическая авария на АЭС в 1986 году), «экономического и политического, социального и национального, идеологического и нравственного»⁶⁵. Это была «последняя черта», за которой лежала «пропасть». Если революция потерпит поражение, то Родина продолжит необратимо соскальзывать к состоянию «ощетинившейся частоколом мегатонных ядерных ракет слаборазвитой страны, особенно в научно-технической сфере»⁶⁶.

Теперь «поезд истории страны» внезапно пришел в движение⁶⁷. История была возобновлена. При этом трагедия прерванной хрущевской оттепели, как и память об отцах, матерях и старших братьях, убитых или замученных Сталиным, была у педагогов правды в самой глубине души. Над ними призраком витало ощущение хрупкости чуда, сотворенного Михаилом Горбачевым. Этот шанс, подаренный им Горбачевым, никогда не представится вновь, история не простит их, если они его упустят. «Как бы не опоздать!» — таким было их главное опасение, навязчивая идея: «достоинство, гордость и честь» страны и их самих будут либо восставлены и сохранены, либо утеряны навеки⁶⁸.

В выполнении этой грандиозной миссии, возложенной ими на себя, не могло быть отступлений. Их «жизненной целью» стало загнать кол в сердце сталинского «культы», чего не смог сделать Хрущев, а их лозунгом — «Никогда больше!»⁶⁹. «Можем ли мы сейчас остановиться» и позволить снова загнать болезнь внутрь при «дальнейшем нарушении основных прав человека? — спрашивал лауреат Ленинской премии по литературе Чингиз Айтматов. — Этого не должно произойти. НИ-КОГ-ДА!»⁷⁰

Отечество в опасности, говорил на Первом съезде народных депутатов СССР академик Дмитрий Лихачев, бывший узник ГУЛАГа и один из ведущих историков древнерусской литературы. «И его судьба — в ваших руках».

«Наставники правды» напоминали людей, чей нравственный крестовый поход за сто с лишним лет до этого привел к потрясению в стране, являвшейся для Советской России постоянным образцом и пугалом, — в Соединенных Штатах. Словно американских аболиционистов, вождей гласности вела за собой непреклонная вера в «нравственную... революцию», которая может «окончиться только победой свободы»⁷¹. Подобно им, российские освободители начинали как горстка смельчаков, выступивших за раскрепощение народа. Они считали себя «кипятильщиками котла общественного мнения»⁷², а их «способность вызывать воз-

мущение», как и у аболиционистов, оказалась «несоразмерной» их численности.

В первые два года перестройки они были скорее воинами крестового похода за нравственность, а не политическими революционерами. Цепи, которые они стремились порвать, «сковывали не только ноги, но и разум и волю». Повсюду вокруг себя они видели «раба в каждом человеке» либо самодовольного зазнавшегося автократа — «торжествующего хама»⁷³. Пока не будет восстановлено достоинство, присущее хозяину своей жизни, никакие разговоры о «гарантиях» от ворот тирании не имели смысла.

Эта задача была глубоко личной. «Рано или поздно, — писал журналист, — наступает момент, когда люди, не потерявшие совесть, спасают свой народ, свое общество, свою Родину»⁷⁴. Это был *их* «поворотный пункт», *их* «нравственная революция — такое исполинское, трагичное, счастливое» событие! *Они* выступали гарантами необратимости этих «радикальных революционных перемен». Не ждать, чтобы революция помогла мне, а помочь ей самому! Решающий фактор — «*моя* ответственность, *мое* мужество, *моя* смелость»⁷⁵. Как и аболиционистов, их не интересовали реформы. Они жаждали обращения других в свою веру.

В вопросе из фильма «Покаяние» («К чему дорога, если она не ведет к храму?») писатель Борис Васильев слышал народную отповедь и мольбу: «Когда же вы, интеллигенты, восстановите дорогу к храму народного достоинства, нравственности, счастья?»⁷⁶ Поднимаясь в ответ на этот призыв, трубадуры гласности задумывались ни много ни мало, как о «новом видении мира», готовясь дать «пример бескомпромиссного, бескорыстного поиска истины»⁷⁷. Говоря словами главного редактора журнала «Новый мир» Сергея Залыгина, они думали, как «воссоединить» свою страну с «общечеловеческими» ценностями⁷⁸.

Они были бескомпромиссны, пылки и мечтательны, а их планы — грандиозны и судьбоносны. При этом они не были слепы перед лицом грандиозных препятствий, стоявших на

пути. «Выдавливание» из себя внутреннего «раба по капле», как говорил Чехов, долгий и болезненный труд. Подобно тому как на невозделанной почве растут лишь сорняки, в несвободном человеке спонтанно порождаются лишь агрессивность и нетерпение. Способность мыслить как свободный человек достигается лишь тяжелыми усилиями.

Они подозревали, что пройдет очень много времени, прежде чем страна оправится от нравственного «паралича», выросшие за десятилетия лжи «бельма» спадут с глаз народа, а их правда станет «народной правдой»⁷⁹. Расставание с мифами будет болезненным, а многих приведет в замешательство. Свобода требовала труда. Свобода означала ответственность и отсутствие определенности. Они знали, что научиться «дышать воздухом свободы и ценить ее грандиозные дары» будет очень сложно⁸⁰.

Требовалась встряска, чтобы вывести народ из спокойно-равнодушного состояния и преодолеть его естественное сопротивление «горькой правде». Должны были зазвучать колокола скорби. Правда, которая не «травмирует ничью совесть», удобная, дозированная, была им уже не нужна. Помочь могла только правда, которая «разорвет наш уют на части»⁸¹.

«Наставники правды» добровольно стали «средоточием скорби»: главными плакальщиками, скорбящими по миллионам людей, погибших в годы террора, умерших от голода или непосильного труда, погубленных в войнах, которые велись с полным пренебрежением к жизни солдат. Ответственность за самих себя и за свою страну начиналась «с боли, с чувства вины, причем личной вины, за все происходящее вокруг нас»⁸². Нравственная ответственность и личная вина были основными предпосылками национального возрождения. (Цитировали Маркса, по-прежнему считавшегося полубогом, говоря, что надо заставить народ «ужаснуться себя самого, чтобы вдохнуть в него отвагу»)⁸³.

Российских аболиционистов вдохновляли славные национальные традиции. Дело в том, что российская художественная литература была, по словам Залыгина, «учительской лите-

ратурой». Она учила нравственности, была обвинителем. Она «судила общество по законам этики и здравого смысла». В России, продолжал он, не было Канта и Гегеля; вместо этого «у нас были Пушкин, Достоевский и Толстой»⁸⁴.

Именно такого рода «морализаторскую» литературу они стремились оживить или возродить. Они были убеждены, что другого подобного магического времени для литературной работы в России никогда не было (и может никогда не появиться вновь). Писателю предстояло стать «врачом, выполняющим спасительную операцию» правды на теле тяжелобольной страны. Его проза, подобно «лезвию скальпеля», должна была исцелять правдой, шла ли речь о «Колымских рассказах» Варлама Шаламова, «Факультете ненужных вещей» Юрия Домбровского или «Жизни и судьбе» Василия Гроссмана. «Клич свободы» вновь «исходил из сердца литературы»⁸⁵. Это должно было стать не «культурной революцией» (не приведи Господь!), а «революцией через культуру», культуру «очищения»⁸⁶. Если правда была необходимым условием краха тоталитаризма, то, как утверждалось в статье в журнале «Октябрь», «демифологизация» была одним из способов, позволяющих литературе принять участие в этом процессе»⁸⁷.

Там, где другие усматривали непоследовательность порой противоречивых экономических и политических реформ и критиковали их, «учителя истины» приветствовали и праздновали перестройку как «очищение нравственной атмосферы, формирование нового нравственного климата, освобождение мысли»⁸⁸. Подобно редактору «Огонька» Виталию Коротичу, они полагали, что хотя народ «воспитан на лжи», ныне он «отказывается принимать эту ложь как основу своей жизни», потому что осознает, что «право на истину равнозначно праву на жизнь»⁸⁹. Устав от лжи, люди жаждали «истины любой ценой», и сами при этом «становились более доверчивыми, смелыми, чистыми». На взгляд одного из лучших публицистов гласности Юрия Черниченко, «миллионы учились писать «М-ы н-е р-а-б-ы!»⁹⁰ «Духовное освобождение» и «нравственная революция» набирали скорость при

«возрождении» народного достоинства и преодолении «рабской психологии»⁹¹.

Как и Андрей Сахаров, трубадуры гласности были убеждены, что, несмотря на «трагическую деформацию нашего народа из-за террора и долгих лет жизни во лжи и лицемерии, нравственность всегда жива в народе». Эта «нравственная сила» была способна к росту, если только дать ей возможность развиться⁹².

По всей видимости, они были убеждены, что Россия выйдет из этого безжалостного самоанализа, как из русской бани: с осоловелыми глазами и красными рубцами от березовых веников, но наконец-то чистой, светлой, трезвой, серьезной и готовой к тяжелой честной работе. Да, впереди было множество огромных задач, но народ «освобождался от страха, привычки к смирению, жизни с закрытыми глазами», «сбрасывал свою кожу», заново осваивал «основы нашей нравственности»⁹³.

Поборники правды видели подтверждение этих преобразований в сотнях тысяч писем, поступавших в редакции разных изданий: 10 тысяч писем еженедельно в «Аргументы и факты», 200 тысяч писем в год в «Огонек» к 1990 году. В то время люди «открыли для себя свободу обсуждать действия тех, кто навлек трагедию на их страну, и в полной мере воспользовались этой свободой»⁹⁴.

Ежедневно их ободряли понимание и благодарность соотечественников. «Спасибо за все, что вы делаете ради страны, — писала читательница журнала «Знамя». — Кто защитит нас, если не писатели-публицисты. Я знаю, что вы жертвуете своей творческой работой ради святого дела возрождения». В анкете, распространенной «Московскими новостями» среди читателей перед голосованием в марте 1989 года на выборах кандидатов на Съезд народных депутатов СССР, самой популярной категорией «идеального» кандидата в депутаты был «журналист-публицист, писатель и ученый, чья работа отражает важнейшие проблемы нашего времени»⁹⁵.

Уже в апреле 1987 года одна из активистов гласности Марина Павлова-Сильванская удивительным образом предви-

дела, как будет нарастать поддержка нравственной революции правды и ее лидеров: «То, что терпели лишь вчера, сегодня стало нетерпимым... В обществе, где столь долго накапливалось невысказанное несчастье, слово становится детонатором. Публично высказанная мысль обретает волшебную силу. Похоже, все знали правду, но молча, каждый для себя. И даже если они действительно говорили правду, обязательно оглянувшись по сторонам и понизив голос, ничего не менялось. Трудно набраться смелости для личного протеста, если видишь, что то, что вызывает в тебе гнев, другие переносят с кажущимся спокойствием. Однако как только заговор молчания вокруг общественного зла разрушен, происходит быстрая кристаллизация общественного мнения. То, что вчера человек считал своей личной проблемой и несчастьем или несправедливостью, внезапно приобретает социальное измерение и рассматривается как общественное явление. Требования изменить нынешнее состояние дел, обновить экономическую и политическую жизнь начинают высказываться в полный голос. Кругом нарастает нетерпение. И берегитесь все, если оно не найдет выхода»⁹⁶.

Часть вторая

Кто мы?

Глава 3

Внутри «глухой зоны»

*Они [органы власти] не доверяют нам.
Почему? Разве у нас нет мозгов?
Разве нам нельзя доверять?
Разве мы не заслужили доверия?*

Шур М.

Письмо в «Огонек» // *Огонек*. 1989.

Мы не знали страны, в которой живем.

Горбачев М.

Перестройка и новое мышление для нашей страны
и для всего мира. М.: Политиздат, 1988.

Вопрос «Кто мы?» оказался очень сложным. Путь к самопознанию, считавшийся жизненно необходимым для возрождения страны — по сути, ее выживания, оказался невероятно трудным.

Ограничение информации, принятие решений о том, что люди должны и не должны знать, было одной из врожденных черт советского режима. Читатели «Московских новостей» узнали, что предшествующая публикации цензура была официально введена в стране в декабре 1921 года и что через полгода Съезд народных комиссаров создал пресловутый Главлит, орган, изначальной задачей которого было составление списков запрещенных книг, а позже цензура каждой книги и всякого издания.

«Манию секретности», которая, как считается сейчас, «несовместима с цивилизованным обществом», поддерживала цензура, масштабность и «свирепость» которой намного превышала уровень царской России. Среди запрещенных тем, перечни которых, как говорят, составляли целые «тома», были преступления и суициды; реальная стоимость рубля по отношению к другим валютам; наркотическая зависимость; алкоголизм и происшествия на производстве; степень реальной загрязненности воды и воздуха; информация о том, сколько зерна Советский Союз импортировал и по

какой цене. Попробуйте узнать что-нибудь об инфляции в предыдущие годы, восклицает один экономист, или о стоимости космической программы, или о размере государственного долга, о бюджете министерства или даже о бюджете вашего собственного города¹. Госкомстат, главный статистический орган страны, был бессилён: как признал в 1988 заместитель его директора, поскольку большая часть информации оставалась «закрытой», её скрывали от специалистов по статистике ответственные за нее министерства и органы управления².

Но реальную картину мира советских людей искажало не только — и, возможно, даже не столько — сокрытие отдельных фактов, сколько ежечасное построение и поддержание «параллельной», «блестящей» реальности. Все, что могло поставить под сомнение ее существование, было предано «сознательному, обдуманному заранее, хорошо организованному забвению»³.

Забывать, забыть велят безмолвно,
Хотят в забвенье утопить
Живую быть...

Забывать велят и просят лаской
Не помнить — память под печать,
Чтоб ненароком той оглаской
Непосвященных не смущать⁴.

Эти строки из поэмы одного из самых любимых поэтов России Александра Твардовского «По праву памяти» были запрещены на протяжении восемнадцати лет и впервые опубликованы лишь в 1988 году.

Главной задачей усилий государства было установление контроля над прошлым. Общим местом стала тема фальсификации и поддержания официальной версии прошлого, как об этом говорилось в опубликованном впервые романе Оруэлла «1984», а также в таких тоталитарных антиутопиях, как «Мы» Евгения Замятина и «О, дивный новый мир»

Олдоса Хаксли*. Шедевр Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» описывает порядки, поразительно напоминающие порядки в вымышленном Министерстве правды Оруэлла: Советское государство создало «новое прошлое», «заменяя по своей воле действия кавалерии в минувшем сражении, и назначало новых героев произошедших событий». Ведь у государства было «достаточно власти, чтобы переиграть то, что уже случилось, и навсегда полностью изменить... уже прочитанные речи [и] расположение фигур на уже сделанных фотографиях»⁵.

В опубликованном в «Известиях» обзоре учебника для средней школы один бывший школьный учитель и ученый обнаружил, что целью учебника было «не рассказывать о том, что могло бы нарушить картину “непрерывного движения” славной истории страны»: ни о «чудовищных эксцессах коллективизации», ни о голоде 1932–1933 годов, ни о запрете кибернетики и генетики в 40-х годах⁶. Осенью 1986 статья одного выдающегося историка, который «попытался доказать, что истории нужна правда», была отвергнута влиятельным журналом, редактор которого счел ее слишком смелой⁷.

Мы «не знаем миллионов фактов в истории страны», жаловался известный публицист эпохи гласности: из 1 300 000 документов с грифом «специальный доступ» планировалось открыть публике лишь 700 000. И это лишь один государственный архив общего профиля — что же говорить о других⁸. (Комиссия, созданная в 1988 году, должна была «подумать о»

* Вспоминая, помимо названных произведений, «Приглашение на казнь» Владимира Набокова и «Замок» Кафки, литературные критики призывали «бесстрастно проанализировать» то, как будущее в этих «антиутопиях» могло «настолько приблизиться к правде»: то есть насколько безошибочно эти мрачные предсказания отражены в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова, «Чевенгуре» Андрея Платонова, «Факультете ненужных вещей» Юрия Домбровского и «Жизни и судьбе» Василия Гроссмана (Гальцева П., Роднянская И. Помеха — человек // *Новый мир*. 1988. № 12. С. 217; Иванова Н. Прощание с утопией // *Литературная газета*. 1990. 18 июля. С. 4).

переводе книг из закрытых архивов, доступных только после получения всех возможных разрешений, в «обычные» библиотеки.)

В разрешенной версии прошлого страны («нового прошлого») было множество тех, кого историки называют «невидимыми» мужчинами и женщинами. Глава отдела Академии общественных наук при Центральном комитете КПСС теперь сокрушался о десятилетиях, на протяжении которых нельзя было опубликовать ни одного слова о февральской революции 1917 года, написанного ключевыми авторами меньшевистского левого крыла — «буржуазными либералами». Среди «невидимых» были меньшевик Павел Аксельрод и в прошлом близкий друг Ленина Юлий Мартов; лидер конституционных демократов (кадетов) Павел Милуков, историк и философ Петр Струве, а также лидеры Октябрьской революции и первого десятилетия Советской России, казненные Сталиным: Григорий Зиновьев, Георгий Пятаков, Карл Радек и Николай Бухарин⁹. Больше всех среди этих призраков очернению был подвержен заклятый враг, почти ставший объектом одержимости Сталина, Лев Троцкий, уступавший лишь Ленину по роли в Октябрьской революции, командовавший победоносной Красной армией в период Гражданской войны. «По крайней мере двум поколениям не было позволено увидеть ни единой строчки из его сочинений», — жаловался читатель в письме журналу «Огонек».

Несуществующие люди и события были не только в сталинскую эпоху. В октябре 1962-го, когда во время противостояния США и СССР из-за размещения советских ракет с ядерными боеголовками на Кубе «людей привели к краю ядерной пропасти», им не позволено было знать, что происходит. Классик советской зарубежной журналистики Станислав Кондрашов назвал это «зловещим апофеозом секретности». А позже писал о новых жертвах страха правды — родителях восемнадцатилетних солдат, убитых в Афганистане: им было приказано не открывать цинковые гробы и тайно предавать их земле, не указывая на надгробиях место гибели мальчиков¹⁰.

Целые города были лишены истории. После того как Ижевск (столица автономной республики Удмуртия) был переименован в «Устинов» в декабре 1984 года в честь скончавшегося члена политбюро ЦК КПСС и министра обороны, все следы старого названия города были удалены из официальных документов и средств массовой информации. Во внутренних паспортах всех уроженцев Ижевска место рождения было изменено на «Устинов». И еще весной 1987 года секретариат регионального отделения комсомола запрещал местной газете публиковать письма читателей на эту тему.

Не нужно было быть меньшевиком, кадетом или троцкистом, чтобы попасть в круг людей, чьи книги не допускались в библиотеки и книжные магазины. Их регулярно подвергали проверке, называя авторами-эмигрантами или «диссидентами», хотя большая часть их работ была аполитичной. Список «книг, подлежащих изъятию из библиотек» всего лишь за один год (1973), включал 100 названий.

Типичным является случай плодовитого автора-эмигранта — известного профессора юриспруденции Ленинградского государственного университета: Главлит издал указ об изъятии всех его научных трудов из библиотек и книготорговой сети. Вдобавок к его учебникам для будущих советских юристов среди запрещенных теперь работ были «Юридический справочник для населения» и «Мораль и закон в борьбе за коммунизм» — в общей сложности тридцать одно произведение.

Все написанное о евреях и евреями подвергалось особенно внимательному изучению. Упоминание Ханаана* в написанной в 1925 году поэме неизвестного автора, привело к закрытию в 1981 году одной из лучших серий в российской литературной истории — Ежегодника рукописного отдела Пушкинского Дома, издававшегося Институтом русской лите-

* Ханаан — один из сыновей Хама, внук Ноя (Бытие. 9:18). 2. Ханаан — древнее (доизраильское) название территории Палестины, Сирии и Финикии. Известна также как «Земля обетованная».

ратуры Академии наук СССР¹¹. (Публикации возобновились в 1993 году.) Главлит вмешался в написание бесконечной саги «Семья Ульяновых» о происхождении и воспитании Ленина, написанной увенчанной многими наградами и чрезвычайно лояльным советским автором Мариэттой Шагинян, после того как Центральный архив предоставил ей фотокопию свидетельства о крещении одного из дедушек Ленина, Абея Бланка, еврея. Исследователи архива, обнаружившие и обнаруживавшие свидетельство, были уволены, сам документ был перенесен в секретный отдел архива, а Шагинян было приказано никогда больше не упоминать этот факт в ее книге¹².

В 1967 году ведущим советским режиссером Александром Аскольдовым был снят прекрасный фильм «Комиссар», драматические события которого происходят в еврейском местечке во время Гражданской войны. Фильм с участием двух популярных советских актеров, Ролана Быкова и Нонны Мордюковой, в основу которого лег рассказ Василия Гроссмана «В городе Бердичеве», был запрещен. Все копии фильма было приказано уничтожить, а Аскольдову навсегда запретили снимать. Одна чудом уцелевшая копия позволила выпустить фильм в 1988 году — через 20 лет после того, как он был снят.

Та же «борьба с сионизмом» привела к изъятию из библиотек всех книг ранних сионистских лидеров (среди них Теодор Герцль и Владимир Жаботинский) и еврейских мыслителей (Мартин Бубер), а также еврейских журналов и книг, сочувствовавших тяжелому положению еврейского народа в царской России и их национальным устремлениям. (В последний раз их разрешалось публиковать в Советском Союзе в 20-х годах XX века.) Среди запрещенных работ были такие, как «Еврейский вопрос в коммунистическом движении» (1926) и «Правда о евреях» (брошюра 1928 года, заклеившая антисемитизм как «постыдный факт» и «пережиток прошлого»).

Самая яркая и утонченная часть повествования любой нации о себе и самое эффективное средство самопознания — искусство — особенно пристально изучалось на предмет

любых отклонений от официальной «безупречной реальности»*. Литература, которую Александр Солженицын в своей нобелевской лекции (написанной в 1970-м и опубликованной у него на родине девятнадцать лет спустя) назвал «живой памятью нации»¹³, была подвержена особенно тщательному, систематическому и безжалостному выявлению отклонений.

Помимо «Жизни и судьбы» Василия Гроссмана (1962) перечень заново обретенных шедевров включал такие произведения, как «Доктор Живаго» Бориса Пастернака (1957), автору которого присудили Нобелевскую премию в 1958 году; «Раковый корпус» и «В круге первом» (оба завершены в 1968 году) и «Архипелаг ГУЛАГ» (1973) Александра Солженицына; «Мы» Евгения Замятина (1920); «Котлован» (1929–1930) и «Чевенгур» (1926–1929) Андрея Платонова и «Реквием» Анны Ахматовой (1935–1940). Ни одного слова из написанных Владимиром Набоковым и его близким другом, также эмигрантом, одним из величайших российских поэтов XX века Владиславом Ходасевичем, не видели советские читатели на протяжении почти трех поколений. Они были приговорены, говоря словами одного литературного критика, к «полному многолетнему идеологическому заключению»¹⁴.

Не публиковались с 1920-х или начала 1930-х годов самый изящный российский поэт XX века Осип Мандельштам, с наибольшей вероятностью умерший от голода и помешательства в тюремном лагере в 1938–1939**, и писатель Борис Пильняк, о котором ничего не было слышно с момента его ареста в 1937 году***. Работы Исаака Бабеля, казненного в подвале Лубянки в 1940 году, были вновь опубликованы в период оттепели и потом не перепечатывались.

* Литература, отмечал американский писатель и критик Лайонел Триллинг, «дает самое полное и самое точное представление о разнообразии, возможностях, многогранности и трудностях», а все они чужды «безупречной реальности» (*Liberal Imagination*. New York, Doubleday. 1953: 10).

** О. Мандельштам умер 27 декабря 1938 года в пересыльном лагере Владивостока (*Прим. ред.*)

*** Б. Пильняк арестован в 1937-м, осужден «за шпионаж в пользу Японии», расстрелян 21 апреля 1938 года (*Прим. ред.*)

Описанные Лайонелом Триллингом, «темные и кровавые перекрестки», где встречаются «литература и политика», как теперь выяснилось, были частью советского культурного ландшафта на протяжении семи десятилетий. Лучшая советская литература была не башней из слоновой кости, а башней из костей погибших авторов¹⁵.

Эта война с русской литературой была объявлена «духовным геноцидом, который длился десятилетиями, преступлением против таланта, ума и совести собственного народа»¹⁶. На месте разрушенного искусства была создана «государственная литература», с целью не только верно служить «генеральной линии» партии, но и слепо поклоняться ей. Официальная правящая литературная доктрина, «социалистический реализм», теперь классифицируется как «культурное порождение тоталитаризма»¹⁷.

Страна с почти всеобщей грамотностью, Советская Россия была долитературным обществом во всем, что касалось реальной политической жизни. Она жила сказками и сплетнями, периодически ее охватывали безумные слухи*. Если люди отваживались откровенно говорить о государственных делах, разговоры — как известно — в основном ограничивались приглушенными ночными беседами на кухнях, перешептыванием на прогулке с собакой и болтовней у походного костра.

Даже в таких явно непубличных ситуациях нужно было быть осторожными: даже частное устное общение, противоречившее официальной версии жизни, было преступлением. В статье 190-1 Уголовного кодекса РСФСР, введенной в 1966 году, раскрывался состав действий, влекущих уголовное наказание: систематическое распространение «заведомо ложных измышлений, порочащих государственный и общественный

* «Слухи» — так называлась одна из самых популярных песен любимого барда России Владимира Высоцкого, скончавшегося в августе 1980 года. Несмотря на попытки его друзей и почитателей, среди которых был поэт Андрей Вознесенский, «ни единой строчки» из Высоцкого не было опубликовано до эпохи гласности (Вознесенский А. Мы были тощие и уже тогда ничего не боялись // *Огонек*. 1987. № 9. С. 28).

строй». Наказанием было до трех лет лишения свободы*. Для упрямцев с 1960 года существовала статья 70: «Антисоветская агитация или пропаганда» в целях подрыва советской власти**.

Среди попавших под статью были не только «диссиденты» и читатели самиздата из интеллигентов. В 1984 году водитель грузовика, разочарованный несправедливым, как ему казалось, вердиктом суда и полный решимости добиться его пересмотра, писал письма в советские организации и, не получив ответа, руководству страны. Его осудили как раз по статье 190 и приговорили в полутора годам тюрьмы за «устное распространение, а также за предоставление в письменной форме и распространение заведомо ложных измышлений, порочащих Советское государство и общественный строй»¹⁸.

Те, кому вменяют в обязанность быть голосом, глазами и ушами каждой нации, журналисты, теперь признаются, что насколько глубоко были подвержены «холуйству», что оно стало их второй натурой¹⁹. Даже теперь, после нескольких лет перестройки, требовалось умственное усилие, чтобы перестать лгать своим читателям²⁰. Российская интеллектуальная и моральная революция должна была заполнить вакуум в обществе «без даже самого элементарного знания себя»²¹.

«Десятилетия торжествующей лжи», которую осмеливались оспаривать лишь немногие, сделали кошмар «кричащей немоты» «ежедневной реальностью»²². Заточенная в «глухой зоне» нация потеряла «духовную связь» и «прекратила быть единым народом»²³. Хотя люди, казалось бы, разговаривают на одном языке, им, по выражению Солженицына, «стало труднее понимать друг друга, чем марсиан»²⁴. Строки Осипа Мандельштама, написанные в начале 1930-х годов, все еще не потеряли своей актуальности: «Мы живем, под собою не чуя страны, наши речи за десять шагов не слышны»²⁵.

* Статья 190 была отменена 8 апреля 1989 года.

** Лишение свободы на срок от шести месяцев до семи лет или ссылка от двух до пяти лет. Отменена в 1996 году.

Глава 4

В поисках истории

Наше главное несчастье заключается в том, что мы были лишены возможности действительно знать нашу историю.

Дробко А. Письмо в газету «Комсомольская правда» // *Комсомольская правда*. 1990. 28 декабря.

Долгое время мы были отделены от своей истории. Возможно, ни один другой народ не знал такой формы войны с историей своих людей. Наше историческое чувство методично уничтожено. Мы привыкли к изобретенной истории, к стереотипам бесстыдной лжи.

Васильев Б. Люби Россию в непогоду... // *Известия*. 1989. 16 января.

Это был обман, которого доселе ни видела история.

Клямкин И. Почему трудно говорить правду // *Новый мир*. 1989. № 2.

Зачем ворошить былое? Умные люди отвечают: это наши враги, которые вытягивают нас в дискуссию о прошлом, чтобы отвлечь нас. Враг, само собой, хитер, этого не отнимешь. Только как учиться на истории, если опять станем закрывать ее строчки пальчиком: это читайте, а это никак нельзя?.. Народ, забывающий свою историю, обречен повторить ее.

Селюнин В. Истоки // *Новый мир*. 1988. № 5.

Первое, на что без купюр взглянула гласность, было прошлое. В 1987–1988 годах изучение советской истории стало национальным хобби и национальным увлечением. Миллионы, казалось, сгорали от любопытства относительно истинного прошлого своей страны, которое, как они сильно подозревали, весьма отличалось от того, как учили их, их родителей, дедушек и бабушек, а теперь учат их детей. Никогда ранее, как заметил литературный критик Аркадий Сахнин, так и в таких масштабах не искали правду о прошлом. Каждый понимает, что прогресс невозможен, продолжает Сахнин, без «всестороннего» анализа этой правды — «и вся страна теперь озабочена этим анализом»¹. Тиражи журналов и газет, в которых историки разной степени квали-

фикации претендовали на объемные материалы о случавшихся почти ежедневно открытиях, сперва удвоились, а затем выросли в четыре раза.

«Я никогда не переставал удивляться, как мало я знаю свою историю», — писал в журнал «Огонек» один из его читателей. «В мире не существует другой страны, чья история была настолько фальсифицирована, как наша»², — заключает Юрий Афанасьев, ректор Московского историко-архивного института. В учебнике для средней школы по истории СССР Афанасьев не смог найти «ни одной неисканной страницы. Весь учебник — ложь»³. Принятая версия отражения советского периода российской истории оказалась настолько «чудовищно извращена», указывала ежедневная газета «Известия», что выпускные экзамены по курсу истории в средней школе были отменены в июне 1988 года. Экзамен вернули в следующем году, однако старые учебники уже не использовались, а новые были в процессе подготовки.

Будучи мотивацией для исследований, простая любознательность сперва получила информационную поддержку, а затем приобрела иное качество. Без правдивой истории невозможно реформирование политических основ страны и обретение чувства гражданского достоинства, а также эффективное созидание. Мифологизация прошлого, писал известный публицист Лен Карпинский, делает возможным фальсификацию настоящего, а следовательно, и мистификацию будущего⁴. В свою очередь, как утверждал Натан Эйдельман, писатель и биограф первого великого русского историка Николая Карамзина, «эмансипированное прошлое» открывает бесценное проникновение в суть «настоящего и будущего»⁵.

Возрожденная Россия не могла начать свою «новую историю», не обратившись к прошлому и не «освоив» полностью и без прикрас свою «старую историю». Написание первого «правдивого» учебника истории для средней школы было провозглашено задачей национального значения, а автор этой

идеи, учитель В. Свирский, в июле 1987 года получил полстраницы в «Известиях» — крупнейшей ежедневной газете страны после «Правды». Как считал Свирский, отсутствие правдивой истории было не просто «пробелом» в знании, а следствием и «вкладом» в «нашу вековую традицию обвинять всех и вся за собственные ошибки и неудачи: холодные зимы, засухи, происки мирового империализма — виноваты все, *кроме нас самих*»⁶. Фабрикация истории не только воспитывала в людях высокомерие и неосторожность, но и вела к «нравственной безответственности». Да, горькую историческую правду тяжело принять, но правда «приукрашенная» по своей сути «аморальна». Настоящий патриотизм, по словам Свирского, состоит в том, чтобы знать и говорить правду, в то время как «патриотизм, основанный на полуправде, вовсе не является патриотизмом, но лишь его *ленивой, самодовольной имитацией*». Свирский процитировал одного из первых русских диссидентов, Петра Чаадаева, которого Николай I в 1836 году объявил сумасшедшим и приказал заключить под домашний арест: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с запертыми устами... Я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной»⁷.

Возникновение «этого честного труда на благо самопознания»⁸ обусловлено тем обстоятельством, что нравственное государство невозможно без нравственных граждан, и только тем, кто не боится говорить правду о прошлом, можно доверять говорить о настоящем и будущем, что, в свою очередь, является гарантией необратимости процесса демократизации. «Непознанное прошлое» было равносильно невозможности начать новую, лучшую жизнь.

Связь между честностью в отношении прошлого и надеждами на лучшее будущее была такой сильной и жизненно важной, что объективность, по замечанию Абега Анганбеяна, отныне стала рассматриваться как «средство для испытания нашей серьезности относительно будущего»⁹. Письмо читателя в ведущий либеральный журнал

«Знамя» содержало выдержку из поэмы Твардовского «По праву памяти»: «Кто прячет прошлое ревниво, тот вряд ли с будущим в ладу». Другой читатель писал: «Я посмотрел на моих дочерей и взволнованно подумал: в каком обществе они будут жить? Будет ли оно правдивым, храбрым, демократическим или нет? И могут ли они вырасти в развитых гражданах своей Родины, если они не узнают и не будут понимать свою историю?»

От самообмана, рассматриваемого в качестве «главной болезни», существовало лишь одно лекарство — вновь изучать, «как все это начиналось», путем обращения к истокам этого «ужасного кошмара», от которого страна лишь только сейчас начала просыпаться¹⁰. Историческая память являлась самым надежным способом демифологизации, врагом всех диктаторов и иллюзий, которые они навязывали людям.

Может быть, неудачи страны, включая, естественно, ужасы сталинизма, были в большей степени обусловлены тем обстоятельством, что «мы не научились ценить правду, правду нашей истории, ее уроки?», задавался вопросом политический философ Александр Ципко. Если так, то «начиная нашу историю с “реабилитации” правды, мы должны идти этой дорогой до самого конца. Мы больше не можем избегать правды, заниматься созданием мифов... Мы должны уважать правду. Мы нуждаемся в правде... о нашей истории. Только правда может создать гарантии от возвращения к сталинизму»¹¹.

Люди могут поступать со своей историей двумя способами, пишет Игорь Клямкин. Они могут отрицать ее — «вычеркивать ее» и тем самым «отмежевываться от нее», а могут — «переживать ее». До сих пор — «мы в основном вычеркнуты и отмежеваны»¹². Разрыв связи с историей, попытки отнять у людей их прошлое — есть нравственная катастрофа. Только тогда, когда советские люди «будут знать всю правду о нашем прошлом», утверждал литературный критик Игорь Виноградов, страна будет готова к «духовному очищению» — только тогда она будет чувствовать «настоящую, глубокую»

потребность в ней¹³. Надо полагать, что «гигантские провалы» в национальной исторической памяти каким-то образом связаны с «огромными утратами» в «нравственном облике» страны. Мы должны знать нашу историю — абсолютно всю, до мельчайших подробностей, писал поэт Евгений Евтушенко. В противном случае белые пятна в истории могут стать черными дырами в национальном сознании¹⁴.

Человек должен «испытать страх, чтобы обрести отвагу», чтобы осудить прошлое, в котором прошла большая часть его жизни — и жизни его нации, и порвать с ним, — писал один военный историк в газету «Московские новости»¹⁵. Каждый должен, как бы страшно это ни было, заглянуть в бездну, чтобы не провалиться в нее в следующий раз. Разве не является это более достойным — примириться с правдой, какой бы жуткой она ни была?¹⁶

Чехов вложил свой взгляд на эту проблему в слова Трофимова, произнесенные во втором акте пьесы «Вишневый сад»: «Мы только философствуем, жалуемся на тоску или пьем водку. Ведь так ясно, чтобы начать жить в настоящем, надо сначала искупить наше прошлое, покончить с ним, а искупить его можно только страданием, только необычайным, непрерывным трудом»¹⁷.

Однако самую тяжелую артиллерию в поддержку неподдельной памяти можно найти в статье Льва Толстого, посвященной садистским наказаниям солдат во время царствования Николая I: «Мы говорим: зачем поминать?.. зачем поминать старое? Теперь уж этого нет больше... Зачем это вспоминать?.. Зачем раздражать народ?.. Как зачем поминать? Если у меня была лихая болезнь или опасная, и я излечился или избавился от нее, я всегда с радостью буду поминать. Я не буду поминать только тогда, когда я болею и все так же болею, еще хуже, и мне хочется обмануть себя. И мы не поминаем только оттого, что мы знаем, что мы больны все так же, и нам хочется обмануть себя»¹⁸.

Драматург Михаил Шатров, который привел эту цитату из Толстого, мог добавить к ней и другую из той же статьи:

«Зачем раздражать народ, вспоминать то, что уже прошло? Прошло? Что прошло? Разве может пройти то, чего мы не только не начинали искоренять и лечить, но то, что боимся назвать и по имени. Разве может пройти жестокая болезнь только от того, что мы говорим, что прошло. Оно и не проходит, и не пройдет никогда, и не может пройти, пока мы не признаем себя больными. Для того чтобы излечить болезнь, надо прежде признать ее. А этого-то мы и не делаем. Не только не делаем, но все усилия наши употребляем на то, чтобы не видеть, не называть ее. Болезнь и не проходит, а только видоизменяется, въедается глубже в плоть, в кровь, в кости, в мозг костей»¹⁹.

Глава 5

«Невинно осужденные, оклеветанные, уничтоженные»

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то узнал меня. Тогда стоящая за мной женщина, которая, конечно, никогда не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом): — А вы можете это описать?*

И я сказала: — Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

Ахматова А. «Вместо предисловия» к поэме «Реквием»

Когда ж все это с нами было?

В каком году, какой весной?

Когда с тобой происходило

Все, происшедшее со мной?

Когда бежал с работы Войтов?

Когда расстрелян был такой-то?

Когда солдат, стянув сапог,

Мозгами ляпнул в потолок?

Когда мы в карцере сидели?

* Как и сотни тысяч матерей и жен в то время Ахматова пыталась хоть что-то узнать о судьбе своего сына – Льва Гумилева, арестованного в годы руководства НКВД Николаем Ежовым (сентябрь 1936 — ноябрь 1938). Писательница Лидия Чуковская в небольшом романе «Софья Петровна» (М.: Московский рабочий, 1988) описывает суровое испытание, выпавшее на долю матери, сын которой, талантливый молодой инженер, был арестован за «участие в террористическом акте». В другом небольшом автобиографическом романе «Спуск под воду», опубликованном в приведенном выше издании, Чуковская вспоминает женщину, грудной ребенком которой умер в тот момент, когда она стояла в очереди, чтобы узнать хоть что-то о своем арестованном муже. Боясь потерять свое место в очереди, женщина продолжала стоять, с мертвым ребенком в руках (с. 198).

Сама Чуковская провела месяцы в тюремных очередях, после того как ее муж, физик-теоретик Матвей Бронштейн, был арестован в 1937 году. Год спустя его расстреляли. Однако, «убив его, они продолжали лгать мне долгие годы», писала она в романе «Спуск под воду». Проводя, как и Ахматова, дни и недели в очередях, Чуковская слышала лишь: «Оснований для пересмотра нет», «Кончится срок, он напишет вам сам», «Сведений о смерти не поступало», «Может, жив, может, умер, а я почему знаю? Мы вам не ЗАГС, гражданка. Нам о смерти не сообщают. Обратитесь в ЗАГС» (с. 160).

*Когда поджечь его сумели?
 Когда? Когда? Когда? Когда?
 О, бесконечные года! —
 О, дни без слухов и вестей:
 Один пустой, другой пустей.
 О время, скрученное в жгут!
 Рассказ мой возникает тут...
 Мы все лежали у стены
 Бойцы неведомой войны,
 И были ружья всей страны
 На нас тогда наведены.*

Домбровский Ю. Вступление к роману «Факультет ненужных вещей» // М.: Советский писатель, 1989.

Возможно, как они говорят, нам следует поискать в Магадане или на Урале могилы наших любимых — невинно осужденных, оклеветанных, уничтоженных: Куда идти, куда? Кого просить? Перед кем кланяться, Чтобы узнать всю правду до конца.

Мария Дранга. Письмо в «Знамя» // Знамя. 1987. № 8.

Я представляю себе Мемориал следующим образом: серая гранитная стена, очень длинная — почти бесконечная, а на ней контуры человеческих лиц. Женщины, мужчины, дети. Тысячи, десятки тысяч лиц! Без дат смерти, без каких-либо дат. Только лица, в каменных глазах которых навечно застыл вопрос «За что?».

Колесник В. [рабочий] Письмо в «Знамя» // Знамя. 1987. № 8.

Всех, кто заглядывал в основные российские газеты или журналы в 1987 или 1988 годах, сразу же окружали имена, лица, голоса — призраки разрушенных жизнью соотечественников — оклеветанных, арестованных, подвергнутых пыткам, расстрелянных, страдающих от голода или сведенных в могилу непосильным трудом*. Описания жизни мучеников, включавшие все стадии погружения в сталинский ад (от кабинетов, где решались судьбы тех, кого включали в специальные списки, до арестов, «следствия» и пыток, а также

* «Огонек» отмечал в 1988 году: «Информация о злодеяниях времен культа личности идет к нам со страниц газет и журналов, с телеэкранов. Пресса и творческие союзы взяли на себя просветительские функции, рассказывая об искалеченных судьбах, о незавершенных открытиях и запрещенных рукописях, об обезглавленной армии — о преступлениях сталинщины против народа...» (Афиша недели. Огонек. 1988. № 46. С. 31).

приговоров и приведения их в исполнение через расстрел или помещение в лагерь), внезапно приобрели фактуру, звуки, запахи. «История заговорила!» — объявил исследователь большого количества документов, рассекреченных в 1987–1988 годах: те, кто, казалось, был обречен на вечное молчание, заговорили¹.

Кто были они и как много их было? Первое из множества потрясений страна испытала, когда прозвучало то, что можно назвать мифом XX съезда КПСС 1956 года. С этого момента то, что объявил Хрущев в своей «секретной речи» о сталинских преступлениях на съезде, становилось «официальной версией» и в силу этого единственно разрешенной интерпретацией тех событий². Согласно ей, Большой террор, случившийся в 1937–1938 годах, истребил цвет Советского государства, его маршалов и генералов, партийных и государственных деятелей, руководителей и основателей разведки и секретных органов, а также творческую интеллигенцию, в особенности писателей. Количество жертв примерно исчислялось тысячами, самое большое — десятками тысяч.

Однако в 1987–1989 годах в Куропатах, неподалеку от Минска, активисты обнаружили одно из многих секретных мест массовых казней. Здесь с 1937 по 1941 год ежедневно расстреливали людей: было найдено 510 общих могил, в среднем по 200 тел в каждой, что в сумме составило 102 тысячи³. Около 120 тысяч человек, согласно оценкам, были похоронены в ничем не обозначенных могилах вокруг деревни Быковня на окраине Киева⁴. Последние, кого здесь захоронили, были офицеры и солдаты Красной армии, которым удалось вырваться из немецкого окружения. Все они были расстреляны НКВД за три недели до того, как Киев был захвачен нацистами в сентябре 1941 года. На Золотой горе, в золотодобывающих шахтах около Челябинска на Южном Урале, покоится прах 150 тысяч человек⁵. При этом овраги и шахты в Куропатах, Быковне или на Золотой горе заполнены останками не только высших партийных работников и государственных служащих — основных жертв террора по версии XX съезда КПСС.

Двадцать седьмого ноября 1988 года в «Московских новостях», а спустя два месяца и в «Аргументах и фактах» историк-марксист и бывший диссидент Рой Медведев впервые в советской прессе обнародовал свою оценку количества «репрессированных»* до 1937 года: 17–18 миллионов человек, из которых не менее 10 миллионов были убиты или погублены⁶. Однако даже среди 5–7 миллионов, арестованных в 1937–1938 годах, члены партии составляли только 1 миллион, не говоря уже о партийной элите.

Согласно социологу Владимиру Шубкину, число казненных или погибших в результате голода и непосильного труда во времена диктатуры Сталина, начиная примерно с 1929 года и до его смерти в 1953 году, составляет 12 миллионов человек⁷. Исходя из факта, что в середине 1920-х, то есть до начала коллективизации и террора, среднегодовой прирост населения составлял 2–3 миллиона человек, экономисты сегодня дают следующие оценки: если не брать в расчет официальные цифры о погибших в ходе Второй мировой войны (20 миллионов человек), то в 1989 году СССР «не досчитался» 40 миллионов человек, расстрелянных, умерших от голода или не родившихся у погибших от террора⁸.

Популярный белорусский писатель Алесь Адамович обнаружил, что в его родной деревне Глуша каждый третий работник небольшой фабрики по производству стекла был арестован и не вернулся назад — всего 85 человек⁹. Двадцатичетырехлетний грузчик склада по продаже древесины в городе Благовещенске на Дальнем Востоке был обвинен в «даче согласия на участие в контрреволюционной и саботажной террористической организации». На судебном разбирательстве, которое длилось с 14:00 до 14:15, он был признан виновным, приговорен к смертной казни и в тот же день расстрелян¹⁰. В 1941 году Матрене Чучаловой, неграмотной крестьянке из крошечной сибирской деревни, матери семерых

* Эвфемизм который используется в отношении арестованных, посаженных в тюрьмы или расстрелянных.

детей, было предъявлено обвинение в «контрреволюционной пропаганде»: ее знакомый член колхоза донес, что во время прополки проса Матрена сказала, что молится за победу Германии (по версии самой Матрены, она молилась за мир с Германией). Ее приговорили к шести годам лагерей, откуда она так и не вернулась¹¹. Простой рабочий из деревни на реке Свирь в Ленинградской области был вызван в областное управление НКВД, откуда не вернулся. «Мама осталась с пятерыми детьми, — вспоминает его дочь на страницах журнала «Знамя». — Мне было десять лет, и я была самой старшей, самым же маленьким, близнецам, было всего год. С нами жила бабушка, мать моего отца, которой тогда было 82 года. Мы остались без всяких средств к существованию. Чтобы прокормить семью, мать нашла работу, на которую ежедневно ходила пешком за три километра в одну сторону. Меня же она оставляла за старшую по дому. Вскоре один из близнецов умер. Потом умерла бабушка»¹².

Для десятков тысяч читателей, список «простых людей», истребленных террором, продолжается в мыслях Крымова, героя популярного романа «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. Ожидая допроса в Лубянской тюрьме, старый большевик и бывший комиссар дивизии вспоминает солдат, в гибели которых он был замешан, действуя на основании доносов, полученных от политработников: «Красноармеец Рябоштан носит нательный крест, называет коммунистов безбожниками — долго ли прожил Рябоштан, попав в штрафную роту?.. Красноармеец Маркович заявил: “Все коммунисты воры, придет время, мы их поднимем на штыки и народ станет свободный”, — трибунал присудил Марковича к расстрелу»¹³.

Широкая публика узнала о постановлении Совета народных комиссаров от 7 апреля 1935 года, снижающем возраст наступления уголовной ответственности до двенадцати лет. С детьми следовало обходиться так же, как и со взрослыми, применяя при этом «полный перечень имеющихся видов наказаний». Секретное разъяснение от 20 апреля, направляемое судьям и государственным обвинителям, подтверждало,

что к детям могут применяться все виды наказаний, включая «исключительную меру» — «смертную казнь через расстрел».

Шестнадцатилетний школьник из Еревана был приговорен к двадцати годам заключения за участие в заговоре с целью убийства председателя Коммунистической партии Армении*¹⁴. Другой мальчик, Федя Щапов, единственный ребенок вдовы из алтайской деревни, был осужден на десять лет за убой последней овцы в хозяйстве семьи. Как известно, забой домашнего скота был запрещен, независимо от того, страдали ли его владельцы от голода¹⁵. Оба ребенка умерли в свой первый лагерный год. В труде «Архипелаг ГУЛАГ», напечатанном в «Новом мире» во второй половине 1989 года, Солженицын писал, как он хотел бы посмотреть на тех, кто осуждал двенадцатилетних подростков на лагерные сроки: прикоснуться к их ушам или носам, чтобы понять, люди ли они¹⁶.

В продолжении романа Анатолия Рыбакова «Дети Арбата», одной из самых популярных книг эпохи гласности, глава НКВД Ежов говорит Льву Каменеву, главному обвиняемому на первом показательном (московском) процессе по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», бывшему заместителю Ленина в политбюро ЦК партии, что один из обвиняемых большевиков сознался в том, что вместе с Юрием, сыном Каменева, замыслил убийство Сталина. «Это... Это... — ошеломленно пробормотал Каменев, — ведь Юра еще пионер»**. «Постановление ЦИК и

* В дальнейшем на страницах цитируемого рассказа Варлам Шаламов пишет, что Агаси Ханджян, первый секретарь Коммунистической партии Армении, был застрелен Лаврентием Берией в своем кабинете. При этом автор приводит точную информацию: в фундаментальном исследовании, посвященном «пособнику» Сталина, Дональд Рэйфилд (Donald Rayfield) подтверждает эти обстоятельства гибели Ханджяна (Donald Rayfield. Stalin and his Henchmen. New York: Random House, 2004. P. 350).

** Похожая на скаутское движение, пионерская организация была государственной структурой, куда должны были входить дети, достигшие возраста девяти лет.

СНК СССР от 7 апреля 1935 года вам известно?» — ответил Ежов и прочитал его. «Вот так, — продолжал Ежов, — а вашему сыну больше двенадцати. И за попытку покушения на товарища Сталина к нему будет применена соответствующая, то есть высшая, мера наказания». «Ты негодяй! Мерзавец!» — крикнул Каменев. Однако Ежов уже звонит и отдает по телефону приказ об аресте мальчика, затем уходит, даже не взглянув на его отца*¹⁷.

Факты, приводимые Рыбаковым, как всегда, были точны. Юрий Каменев был расстрелян в январе 1938 года в возрасте шестнадцати лет. Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 30 января 1938 года гласил: «Каменев, находившийся под идейным влиянием своего отца — врага народа Каменева Л. Б., усвоил террористические установки антисоветской, троцкистской организации; будучи озлоблен репрессией, примененной к его отцу как к врагу народа, Каменев Юрий в 1937 году в г. Горьком высказывал среди учащихся террористические намерения в отношении руководителей ВКП(б) и Советской власти»¹⁸.

Для детей «врагов народа» приговор, вынесенный их родителям, одновременно был и приговором им самим: если последним удавалось пережить голод, побои или ежедневные унижения спецдетдомов НКВД, очень напоминавших тюрьмы, «преступления» их матерей и отцов преследовали их всю жизнь. «Клеймо с рожденья отмечало младенца вражеских кровей»¹⁹, — писал Твардовский в поэме «По праву памяти», опубликованной спустя шестнадцать лет после его смерти.

* В цитируемой книге есть и другой схожий случай: к смертной казни за «призыв к террористическому акту» был приговорен шестнадцатилетний ребенок, психически нездоровый сын «старых» большевиков Кондратьевых, который, по слухам, выкрикивал «Долой Сталина». Его мать обратилась к Клементу Ворошилову, близкому другу семьи и ближайшему сподвижнику Сталина, с просьбой спасти ребенка, утверждая, что последний даже не мог правильно выговорить такие слова, что он никогда не кричал, а лишь всегда что-то тихо бормотал себе под нос. Однако даже Ворошилов не смог помочь.

Дети обрекались на то, чтобы расти, не зная своих родителей. Считается, что восьмимесячный сын маршала Василия Блюхера, выдержавшего двухнедельные пытки, отказавшегося признаться и убитого, по некоторым сведениям, самим Берией, «бесследно исчез». Жена Блюхера была приговорена к восьми годам лагерей, а его старшие дети были отправлены в детские дома²⁰.

В 1950 году бывший узник ленинградской тюрьмы вспоминал кормящую мать, которая при аресте вынуждена была оставить свою шестимесячную дочь. Мать завернула ее в одеяло, чтобы взять с собой, однако ей сказали, что она вернется домой спустя несколько часов. Ребенок в одеяле остался на кровати. Женщина без устали рыдала, а ее сокамерники в тюрьме стучали в дверь и звали врача²¹.

В марте 1941 года бывшая немецкая актриса Карола Нейер-Геншке, переехавшая в Советский Союз вместе со своим мужем-коммунистом Анатолием Беккером*, писала из тюрьмы, чтобы узнать хоть что-то о своем сыне, которому на момент ее ареста было всего два года:

*Директору детского дома Л. Коники
(Стиль оригинала сохранен. — Прим. ред.)*

Ниже подписывающаяся, мать немецкого мальчика, Беккер Георгия Анатольевича, род. 1934 г. в Москве, который находится в вашем детском доме. Так как я уже 1 — ½ года ничего не знаю о своем сыне, прошу вас ответить мне на следующие вопросы:

Как мой сын развивается физически и умственно?

В каком он состоянии здоровья?

Каков его вес и рост? Чем он занимается? Учит ли он уже читать и писать? Вы понимаете, я жду с нетерпением день, когда я могу ему непосредственно написать. Когда он начинает ходить в школу? Знает ли он о своей матери?

* Первым был арестован ее муж. Считается, что он был казнен.

Очень прошу вас прислать мне фотокарточку его. Музыкален ли он? Рисует? Если да, посылайте мне рисунок, который он рисовал.

Я жду с нетерпением ваш ответ. Благодарю вас от всего сердца за все хорошее, что вы можете сделать моему любимому ребенку!

Геншке Каролина Н

10.3.1941, Орел, почт. ящ., 15.

Извините недостатки в письме, я не владею русским языком²².

Несколько месяцев спустя Карола Нейер-Геншке исчезла, предположительно была расстреляна НКВД наряду с другими узниками Орловской тюрьмы незадолго до того, как в город вошли нацисты. Анатолий Беккер впервые узнал о своих родителях в возрасте тридцати четырех лет.

Совсем в небольшом числе случаев, сразу же после того, как в ноябре 1938 года Лаврентий Берия сменил Ежова на посту наркома НКВД, некоторым из неожиданно освобожденных родителей удалось найти своих детей. Когда, после «невообразимых усилий», матери удалось отыскать свою дочь в детском доме, девочка молчала и даже не улыбнулась своей матери. Только в поезде, по дороге домой, она прошептала: «Мамочка, почему я не могу чувствовать себя счастливой?»²³.

Независимо от того, давали арестованные в результате пыток признательные показания или нет, «выводы следствия» обычно имели слабое значение для выносимого приговора. Все было predetermined уже во время ареста. «Личная невинность — пережиток средних веков, алхимия, — заявил Каценеленбоген, бывший генерал НКВД, в романе Гроссмана «Жизнь и судьба». Он, бывший руководитель гигантской гулаговской стройки в Заполярье, говорит своему сокамернику Крымову: «Мы, чекисты, выдвинули высший тезис — нет в мире невинных, нет неподсудных. Вина тот, на кого выписан ордер, а выписать ордер можно на каждого. Каждый человек имеет право на ордер. Даже тот, кто всю жизнь выпи-

сывал эти ордера на других». Его совет Крымову — «помогать» следователю, и таким образом избежать «сточасовых конвейеров» допросов, когда один следователь, закончив рабочий день, передавал свою жертву другому. Зачем же это делать? — задается вопросом Каценеленбоген. В конце концов Особое совещание утвердит обвинение, выдвинутое следователем, и «влепит положенное»^{*24}.

Как и Рыбаков, Гроссман внимательно относился к деталям. «Если им действительно было необходимо что-то выведать у тебя, то им это удавалось, — рассказал «Московским новостям» бывший узник, — или они убивали тебя»^{**25}. Этот человек жил, чтобы рассказать свою историю, историю человека, пережив-

* В романе Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей» многолетний заключенный ГУЛАГа объясняет своему новому сокамернику, что представляет собой Особое совещание при НКВД: «Человек там осуждается без судей, без статей, без свидетелей, без следствия, без приговора, без обжалования. Слушали – постановили! Литера ему в зубы! И все!.. по литере, то есть по буквам, а литеры тоже бывают разные, если, скажем, АСА или АСД, или КРА или КРД [антисоветская агитация, антисоветская деятельность, контрреволюционная агитация, контрреволюционная деятельность], ну тогда еще жить можно, а вот если влепят вам КРТД – контрреволюционная троцкистская деятельность или ПШ – подозрение в шпионаже, то все. Сразу же вешайся, жить все равно не дадут!» Личности членов особого совещания, приговаривающих людей к восьми, десяти, пятнадцати, двадцати, двадцати пяти годам лагерного заключения, а также к смертной казни, держались в секрете. Если, обычно в случае «неполитических» дел, советские следователи и прокуроры не могли доказать вину арестованного перед судом, то они пересылали материалы дела в Особое совещание. Там, по словам высокопоставленного прокурора из Москвы, обращенным к своим провинциальным коллегам, «мы не глядя и не споря подписываем ваши заключения! Там нет ни пересмотров, ни амнистий! Кто осужден вами, тот осужден навеки!» Особое совещание действовало с 1934 по 1953 год (Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. М.: Советский писатель, 1989. С. 330–334, 468).

** В романе Лидии Чуковской «Софья Петровна», посвященном матери, сын которой был арестован и приговорен к 10 годам дальних (то есть самых беспощадных) лагерей, молодой осужденный мужчина, в прошлом великолепный инженер на одном из самых больших заводов страны, пишет: «Милая мамочка!... Мой приговор основан на показаниях Сашки Ярцева – помнишь, такой мальчик был у меня в классе? Сашка Ярцев показал, что он вовлек меня в террористическую организацию. И я тоже должен был сознаться. Но это неправда, никакой организации у нас не было. Мамочка, меня бил следователь Ершов и топтал ногами, и теперь я на одно ухо плохо слышу. Я писал

шего допросы и двадцатипятилетнее заключение в лагерях, в приговоре которого указывалось, что он «должен быть использован исключительно на тяжелых работах под землей без права на оказание ему медицинской помощи». По-другому в конце 1930-х сложилась судьба Фатимы Ангаевой, молодой североосетинской учительницы. Через восемь дней и ночей непрерывного допроса она умерла, будучи подвешенной за свои косы на костыле, выступающем из стены²⁶. В то же время ее мучитель и палач, следователь Владимир Боярский, которого в 1988 году нашла и проинтервьюировала молодой корреспондент «Московских новостей» Евгения Альбац, рапортовал в Москву о «стахановских методах», применяемых им для «раскрытия контрреволюционной организации в рядах североосетинского комсомола». Из 103 человек, арестованных Боярским, 51 был расстрелян, а большинство остальных погибло в лагерях²⁷.

Во многих случаях не существовало даже необходимости в «выбитых» из арестованных «признательных показаниях». В Куропатах среди найденных вещей фигурируют остатки кошельков, хозяйственных сумок, одежды и обуви. Все это говорит о том, что многие из жертв не провели и минуты в тюрьме: на место расстрела их привозили прямо из их домов.

В романе «Факультет ненужных вещей», оконченном в 1975-м и опубликованном в СССР только в 1989-м, спустя одиннадцать лет после смерти автора, Юрий Домбровский приводит цитату из сопроводительного письма Ежова Сталину: «Посылаю на утверждение четыре списка подлежащих суду военного трибунала. Список номер один. Общий. Список номер два. (Бывшие военные работники.) Список номер три. (Бывшие работники НКВД.) Список номер четыре. (Жены врагов народа.) Прошу санкции осудить всех по первой

отсюда много заявлений, но все без ответа. Напиши ты от своего имени старрой матери и в письме изложи факты. Тебе ведь известно, что я Сашу Ярцева со времени окончания школы даже ни разу не видел, так как он учился в другом вузе. И в школе я с ним никогда не дружил. Его, наверное, тоже сильно били. Целую тебя крепко... делай скорее, потому что здесь недолго можно прожить» (Чуковская Л. Софья Петровна).

категории». К тому времени Сталин уже получил и подписал сотни таких списков, каждый из которых включал в себя тысячи фамилий. «Первая категория» означала казнь²⁸.

Как это обычно бывало в Советском Союзе, практика применения на высоком уровне быстро переносилась на все остальные уровни управления. В записке, которую вдова бывшего руководителя «криминальной» милиции Ивановской области, находящейся в 380 километрах к северо-востоку от Москвы, отправила в «Московские новости», говорилось, что местная «тройка» получала из столицы «квоту на 1500 приговоров», то есть на «расстрел 1500 человек без суда и следствия». У членов «тройки» были списки, которые не содержали ничего, кроме имен, фамилий, дат рождения и названий вменяемых преступлений. Напротив каждого имени красным карандашом начальник областного управления НКВД ставил заглавную букву «Р», первую букву слова «расстрел». Два других члена «тройки», руководитель областного комитета партии и прокурор области, ставили свои подписи постфактум без всяких возражений. Однажды была целиком расстреляна вся семья: железнодорожный рабочий, его жена, сыновья и дочери. «Все они были японскими шпионами»²⁹, — пояснил начальник областного управления НКВД автору цитируемых заметок.

Арестом или приговором, несмотря на то что не было даже малейшего намека на совершение человеком преступления, наказывались все, кто был «виновен» в принадлежности к «чуждому классу» или «изменникам родины». После того как в декабре 1934 года убийцей-одиночкой был застрелен Сергей Киров, член политбюро ЦК партии и глава Ленинградской партийной организации, около одного миллиона человек из среды бывших дворян были арестованы и выселены из Ленинграда, Москвы и некоторых других крупных городов. Среди них был правнук великого русского поэта Александра Пушкина. «Ну, а разве Пушкин не был дворянином?» — замечает прокурор, обязанностью которого является защита законности, в разговоре с исследователем творчества Пушкина, дерзнувшем подать жалобу³⁰.

Не проводилось индивидуально расследований в отношении десятков тысяч репатриантов — бывших советских граждан, которые содержались в немецких концентрационных лагерях и были принуждены к работе. Бесконечные караваны пароходов доставляли их в порт города Магадана на Колыме в 1945–1946 годах для использования в трудовых лагерях, которые можно назвать не чем иным, как лагерями смерти. Репатриантов завозили просто по спискам и именовали «безучетниками». Некоторым из них зачитывали следующий приговор: «Шесть лет для проверки» в лагерях, где даже шестимесячное пребывание означало смертный приговор³¹.

Не проводилось индивидуальных расследований и не выносились индивидуальных приговоров в отношении лиц, арестованных в 1939–1940 годах и депортированных как из оккупированных частей Польши и Румынии (то есть Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины), так и из Латвии, Эстонии и Литвы, присоединенных к СССР в соответствии с пактом Молотова–Риббентропа, а затем вновь оккупированных («освобожденных») в 1944–1945 годах*. Сегодня число таких жертв оценивается как

* Во многом схожим способом, как и в случае с семьями кулаков, поступали с выслаемыми эстонцами. Их погружали в вагоны для перевозки скота. Каждый такой вагон был рассчитан максимум на восемь лошадей или тридцать два солдата, однако в них помещали по пятьдесят заключенных. Никакие меры не были предприняты, чтобы подготовить вагон к зимней дороге. В силу того что в полу даже не было отверстий, в качестве туалета использовалось старое ведро. После полутора суток такой дороги в холоде, без воды и еды заключенный умирал. На долгих остановках на станциях в Сибири люди подбегали к запечатанному вагону, стучали в двери, пытались передать заключенным еду или что-либо из теплых вещей. «Все это было впустую, — вспоминает очевидец, — людей били прикладами винтовок, а те, кто был внутри, продолжали страдать от голода и холода» (Никитин А. Не навреди! // Огонек. 1989. № 28. С. 5).

В марте 1944 года председатель отдела НКВД по транспортировке рекомендовал заместителю председателя НКВД Кабулову: «В свете того факта, что 40–50 процентов спецпереселенцев составляют дети, разумным представляется произвести уплотнение в каждом вагоне до 45 человек». Кроме того, «упразднение багажных вагонов в спецпоездах позволило нам существенно сократить количество вагонов в составах» (Бугай Н. В бессрочную ссылку // Московские новости. 1989. № 14. С. 11).

минимум в 2 миллиона человек в 1939–1940 годах и в 2–3 миллиона в 1944–1945 годах³². Однако неизвестно, сколько человек умерло в пути, в местах ссылки, в лагерях. Двести тысяч? Триста тысяч? Полмиллиона?

Всем, кто был депортирован июльской ночью 1949 года из маленького городка в бывшей румынской Бессарабии, ставшей частью Молдавской Советской Социалистической Республики, было дано полтора часа, чтобы собрать свои пожитки. После этого людей сначала посадили в грузовики, а затем в поезда для отправки в Сибирь. Среди них были крестьяне, в годы войны входившие в подполье, боровшееся против режима Антонеску* и нацистов; социалисты и члены аграрных партий. Ровно в два часа ночи участники ареста жителей — солдаты, местные коммунисты и активисты — под руководством офицеров НКВД открыли запечатанные конверты со списками жителей и двинулись от дома к дому. Они стояли на страже, пока обреченные мужчины, женщины и дети, цеплявшиеся за своих матерей, рыдали или цепенели, сраженные горем, или прощались со своими соседями, или в последний раз поглаживали своих собак и коров. Все, включая гражданских, участвовавших в аресте, были охвачены ужасом и чувством стыда, подавлены, сломлены всесильной «чужой волей». Только одна женщина, которую быстро заставил замолчать ее муж, пыталась протестовать: «Начальник, — сказала она директору местной школы, члену партии, присланному сюда с Урала, — за что, начальник?.. Где суд? Ведь должен быть суд! Почему нет суда?»³³

Крымских татар также подняли в два часа ночи 18 мая 1944 года. Этот час, вероятно, был установлен ГПУ/НКВД как время, когда «жертва» наиболее уязвима. К этому моменту крымско-татарские деревни, разбросанные по всему полуострову, были окружены войсками НКВД. Ошеломленным женщинам, детям и старикам было дано десять минут, чтобы

* Ион Антонеску — премьер министр и диктатор Румынии в 1940–1944 годах, союзник нацистской Германии.

забраться в грузовики, которые покатили к железнодорожной станции, где стояли наготове вагоны для перевозки скота. Было запрещено брать с собой теплые вещи и еду³⁴. Мужчин, которые в это время сражались в рядах Красной армии против нацистов, отправляли в ссылку, как только они возвращались домой.

Татары были отправлены на хлопковые поля Узбекистана. Согласно докладу узбекского НКВД, до места добрались 151 424 человека. Однако в нем ни слова не говорится о том, сколько умерло по дороге от голода, болезней или жажды. Надзиратели расстреливали тех, кто пытался покинуть вагоны на станциях, чтобы достать воды. Не будучи арестованными с формальной точки зрения, высланные люди не могли покидать «особые поселения» и были обязаны работать в поле столько времени, сколько приказано. Они даже завидовали «настоящим» заключенным, которых по крайней мере кормили. Из 400 000 спецпереселенцев, «изменников Родины», высланных в Узбекистан, среди которых были балкарцы с Кавказа, курды, проживавшие на побережье Черного моря, а также турки-месхетинцы из Грузии, 130 000 человек умерли в этом «хлопковом ГУЛАГе»³⁵.

Женщина из числа крымских татар, принимавшая участие в антинацистском подполье, арестованная, «как и весь ее народ», а затем приговоренная к девяти годам «каторжного труда» в одном из воркутинских лагерей за полярным кругом, писала в «Огонек» из узбекского Самарканда. Она жила одна, «без родных и детей» и хотела узнать, не мог ли журнал помочь ей хотя бы немного повысить ее скромную пенсию, составлявшую всего 63 рубля в месяц. И это после «сорока лет труда, включая мое участие в борьбе против немецких оккупантов»³⁶.

Согласно архивам НКВД в 1946 году общее число «спецпереселенцев» в места их «бессрочной ссылки» составляло 2 463 940 человек. В числе самых больших переселенных «этнических общностей» были поволжские немцы (август 1941-го), калмыки (октябрь 1943 года, 26 359 семей или 93 139

человек — данные НКВД), карачаевцы (ноябрь 1943-го, 14 774 семьи или 68 938 человек), чеченцы и ингуши (февраль 1944-го, 459 486 человек). Среди «намеренно переселенных» НКВД насчитало 829 084 женщины и 979 182 детей в возрасте до 16 лет³⁷. Примерно миллион человек, главным образом дети и пожилые люди, оставленные на произвол судьбы, умерли в первые годы изгнания от голода или болезней³⁸.

В апреле или мае 1940 года (дата точно не установлена) 4404 польских офицера без суда и приговора были привезены на поездах в Смоленск или маленькую станцию Гнездово, недалеко от деревни Катынь. Их товарищей в количестве 6287 человек расстреляли в том же месяце в Калининской области, а жизнь 3896 поляков оборвалась в Харькове³⁹. Если к этим цифрам добавить имена 544 поляков, место казни которых было неизвестно по состоянию на 1990–1991 годы, то общее число казненных, отраженное в отчетах, посылаемых в главное управление НКВД в 1940 году, равнялось 15 131 человеку. Все они сдались в плен превосходящим силам Советской армии в сентябре 1939 года⁴⁰.

Впервые о массовых расстрелах поляков упомянула «Комсомольская правда» в январе 1990 года. Спустя год информация появилась в «Новом мире» в виде тщательно подобранной компиляции архивных документов*⁴¹. В архивах НКВД (к тому времени уже КГБ) сохранилось множество запросов, которые польские майоры, полковники и генералы направляли советским тюремным надзирателям с конца 1939-го до апреля 1940 года. Все они содержали вопросы следующего содержания: «Почему нас не отправляют домой?», «Как долго мы будем находиться в статусе интернированных?»,

* В то же время в «Московских новостях» в дополнении к материалам, цифруемым в настоящей главе, был опубликован ряд статей о казнях в Катыни. Среди них: «Катынь. Трудный путь к истине» (22 апреля 1990. С. 4); Наталья Лебедева «И еще раз о Катыни» (6 мая 1990. С. 6); Игорь Некрасов, Геннадий Жаворонков «Страницы катынской трагедии» (13 мая 1990. С. 11). Последняя из статей основана на материалах дискуссии в рамках круглого стола российских и польских историков.

«Почему вы удерживаете военных врачей и фельдшеров, которые согласно Женевской конвенции должны быть немедленно отправлены домой?»

Согласно воспоминаниям одного из водителей грузовиков, привозивших польских офицеров в Катынский лес, последних сразу же ставили во рвы «длиной около 100 метров и глубиной порядка 2–3 метров». Все они были расстреляны в упор, однако в некоторых случаях их добивали штыками. Затем их складывали в «каккуратные кучи» и засыпали землей⁴².

Сохранились письма жен польских офицеров*. Где мой муж? — писала одна из женщин. — Почему мои письма возвращаются назад с пометкой о том, что лагерь расформирован, а мой муж «отбыл в неизвестном направлении»? Пожалуйста, помогите найти его, я нахожусь в Казахстане с двумя маленькими детьми в «ужасных материальных условиях!»⁴³

В 1940 году польская девочка Крыся Микутская на ломаном и полном ошибок русском языке писала Сталину: «Наш дорогой горячо любимый отец Сталин! Сейчас я болею и очень скучаю по моему папе. Я не видела его почти девять месяцев. И думаю, что только Вы, великий Сталин, можете вернуть его. Он был инженером и из-за войны был призван в армию, а потом был арестован. Сейчас он находится в Козельске в Смоленской области. Мы, родом из Пинска, были перевезены в Казахстан в район Арык-Балык, колхоз Имантов. Здесь у нас нет родственников. Моя мама маленькая и слабая. Верните нам нашего папу, прошу Вас всем сердцем».

Когда Крыся писала это письмо, ее отец, инженер Евгениуш Микутский, был уже расстрелян в Катыни.

Последние минуты приговоренных, как и способы, которыми их расстреливали, открывались публике. Тех, кто был похо-

* Адреса последних попадали в руки НКВД от заключенных, в дальнейшем казненных, которые верили, что им позволят соединиться со своими семьями. Однако вместо этого их жен, детей и родителей, находившихся в той части Польши, которая была оккупирована СССР, арестовывали, сажали в автомобили для перевозки скота, а затем эшелонами отправляли в Сибирь или Казахстан. Всего было выслано около 110 100 человек.

ронен в Быковне, расстреливали ночью в Лукьяновской тюрьме Киева, в кабинете ее «коменданта по особым поручениям»... каждую ночь в 1936–1941 годах⁴⁴.

В Смоленске, согласно показаниям Петра Климова, бывшего дворника и сторожа здания НКВД, приговоренному говорили, что его переводят в Москву, раздевали, а потом расстреливали в подвале НКВД на улице Дзержинского. В маленькую подвальную комнату с канализационным люком в полу заводили жертву, клали на пол головой на край люка и стреляли в затылок или висок. Вечером тела грузили на машины («по 30–40 человек в одну машину») и вывозили в Козьи Горы (лес за городом). Там тела сбрасывали в рвы и засыпали землей. Люди, ответственные за погребение, проживали рядом с лесом⁴⁵.

«Они расстреливали каждый день» — вспоминает Климов. В первое время водители грузовиков выносили убитых из подвалов на носилках, потом был установлен ленточный транспортер, чтобы напрямиком грузить тела казненных в грузовики. Климову дополнительно платили 5 рублей за то, что он вытирал кровь с грузовиков⁴⁶. Большинство казней произошло в период с 1933 по 1939 год.

В Куропатах отверстия в черепах, извлеченных из тщательно замаскированных могил, показывают, что людей также казнили выстрелом в затылок. Иногда, согласно показаниям очевидцев из близлежащих деревень, будущих жертв выстраивали в линию на краю рва, связывали им руки и вставляли в рот кляпы. Палачи применяли более мощные винтовки, приставляли ствол к головам, стоящих с краю шеренги, и стреляли, чтобы убить как минимум двоих одним выстрелом. «Они тем самым сэкономили патроны, — рассказывает один из очевидцев, — а также показывали свое мастерство»⁴⁷.

Казни в Катынском лесу начались примерно в 1935 году, задолго до того, как здесь были убиты поляки. Дети из окрестных деревень имели обыкновение дожидаться, когда грузовики уедут, а затем раскапывали могилы, которые были едва присыпаны землей, снимали с жертв одежду и в особенности сапоги, которые иногда были хромовые, сделанные исключи-

тельно для высших офицеров. Иногда дети находили так называемые «дышащие могилы», «означающие тот факт, что всех в силу спешки не удалось полностью убить»⁴⁸.

Бывший надзиратель одного из лагерей на Дальнем Востоке, будучи на лечении в Москве в одной из «специальных» больниц для сердечников, охотно рассказывал своему соседу по палате о своих дополнительных обязанностях в качестве палача:

— Да не было никаких специальных людей. Мы же и расстреливали.

— А как? — Да вот так. Утром сдаем дежурство новой смене, заходим в караулку, берем оружие, нам тут по стакану водки дают, потом берем списки и со старшим идем по камерам, выводим и в машины.

— Какие машины?

— Они крытые. В каждой машине их по шесть человек и четыре наших.

— И сколько же машин выезжало?

— Три-четыре машины.

— А они знали, куда их везут? Им что, сначала приговоры объявляли или что?

— Нет, никаких приговоров не объявляли, ничего не говорили, только: «Выходи, прямо вперед, давай в машину!»

— Они были в наручниках?

— Нет, у нас их и не было.

— А в машине как они себя вели?

— Мужчины, те молчали. А вот женщины начинали плакать, говорить: «Ой, да что вы делаете, мы же ни в чем не виноваты, товарищи, что вы делаете» и прочее такое...

— Далеко вы их возили?

— Километров за 12 к сопке — Глухая сопка называется. Ну там сопки вокруг, а посредине мы их сгружали.

— Так что — вы их выгружали и объявляли им?

— А что объявлять? Мы кричим — выходи! становись! — они вылезают, а перед ними уже яма выкопанная. Они вылезут, жмутся, а мы сразу по ним...

— Молчали?

— Кто молчит, а кто начинает кричать, вот мы-де коммунисты, погибаем безвинно и прочее такое. А женщины только плачут и жмутся друг к дружке. Так ведь мы их сразу же...

— А врач с вами был?

— Ну а зачем он? Постреляем, кто шевелится — добьем и в машины. А в сторонке уже ждет дальлаговская бригада.

— Что это за бригада?

— А у нас в особой зоне жила бригада уркаганов из Дальлага. Они обслугой были, и потом их дело было ямы рыть и закапывать. Вот мы уедем, а они пошвыряют в ямы, закопают, выроют яму на завтрашний день. Урок у них кончен — в зону. Им зачеты шли и кормили их хорошо, да и работа не пыльная — не лес валить.

— А вы?

— А мы приедем в лагерь, сдаем в караулке оружие, выпиваем, значит, бесплатно, сколько хотим. Другие помногу — тянуло на даровое, а я завсегда один стакан выпью, схожу в столовую, поем горячего и в казарму спать⁴⁹.

Казни были и в лагерях. В первом из лагерей особого назначения, созданном для массового уничтожения людей в 1923 году на Соловецких островах в Белом море, некоторых заключенных привязывали к бревнам и сталкивали вниз по ступеням каменных «длинных и крутых лестниц». Спустя полминуты, вспоминают очевидцы, «бесформенная кровавая масса» достигала подножья лестницы. В летнее время голых заключенных привязывали к шестам и оставляли на съедение бесчисленных полчищ комаров. «Поставить на комара» — так в лагере называли эту процедуру⁵⁰.

Массовые казни начались позже, в 1937–1938 годах, «когда по северным лагерям востока и запада пронесся ураган массовых бессудных расстрелов»⁵¹. В Дальстрое, государственном тресте по дорожному и промышленному строительству Северо-Восточной Сибири (образован в 1931 году), казни «десятков тысяч» заключенных шли без остановки. Многие из тех, кого должны были расстрелять, умирали в конвойных

помещениях⁵². В то же время некоторых заключенных выводили прямо из палаток, где они спали, и отводили в специальные помещения, в которых их убивали выстрелами в голову, как только они переступали порог⁵³.

Казни отдельных лиц были частью рутинной жизни лагеря. Один из заключенных, которые несли бревно, случайно переступил линию, определявшую границу зоны, и был застрелен надзирателем. Позднее последний был поощрен двухнедельным отпуском. Другой заключенный был разорван собаками за то, что на утренней проверке нарушил строй, чтобы поднять письмо от своей жены, когда листок бумаги выскользнул из рук⁵⁴.

Кроме смерти от пули, заключенные умирали также и от постоянной халатности и жестокости. Например, три сотни женщин-заключенных, работавших на строительстве взлетно-посадочной полосы в Саранске, жили в подобии землянки глубиной в два метра с соломенной крышей. Когда вспыхнул пожар, заключенным были приказано оставаться на месте. Шестерым женщинам все-таки удалось выбраться. Одна из них рассказала «Огоньку», что была спасена благодаря помощи «политического заключенного», бывшего врача⁵⁵.

Однако большинство лагерных заключенных умерло не от пуль или пожаров, а от постоянного изнурения. Имена некоторых из них теперь известны, их жизнь описана, их оплакивают независимо от того, добывали они золото или валили лес, осушали болота. Политические заключенные, осужденные по 58-й статье*, обычно использовались на самых тяжелых, а для многих становившихся смертельными работах; рабочий день длился от двенадцати до четырнадцати часов. И все это время зэки находились под присмотром бригадира, надзирателя и прораба⁵⁶. За несанкционированную останов-

* Это означало, что заключенные осуждены на основании бесчисленного множества пунктов и подпунктов очень длинной статьи 58 Уголовного кодекса за совершение одного из многочисленных «политических преступлений», таких как терроризм, шпионаж, «антисоветская агитация», «оскорбление руководства» в шутках.

ку для отдыха заключенного либо избивали, либо обвиняли в саботаже. Но избить могли и совершенно беспричинно, особенно доходяг, которые были слишком слабы, чтобы дать сдачи или защитить себя; обычно избивали не только надзиратели или всевластные бригадиры, но также и другие заключенные: дневальные в бараках, привилегированные кухонные приживальщики, а также блатные⁵⁷.

Учитывая время, чтобы дойти до места работы и вернуться, время на развод и прием пищи, на сон оставалось не более четырех-шести часов.

Мужчины засыпали как только переставали двигаться⁵⁸. Некоторым из них удавалось спать стоя или на ходу. Лагерному фельдшеру разрешалось объявлять больными не более 2% от числа заключенных. Фактически «освобождались от работы» обычно «заслуженные» уголовники, которые угрожали фельдшеру смертью, если он откажется занести их в список больных⁵⁹.

Обычный пищевой рацион состоял либо из слегка приправленной жиром баланды и хлеба, либо из селедки и баланды. Те, кто полностью выполнял дневную норму, получали от 400 до 500 граммов хлеба, выдаваемого утром на весь день. Пайка же других сначала составляла 300 граммов хлеба без баланды, затем сокращалась до 200 граммов, потом — до 100 граммов и совсем отменялась⁶⁰.

Хлеб был непеченным, в него добавлялась резаная солома, так как большинство «настоящих» ингредиентов (мука, масло, сахар) были украдены для столов лагерного начальства. Хлеб ели медленно, кусочек за кусочком. Его не жевали, а сосали как леденцы или сахар. Кошунством считалось запивать хлеб водой. Только когда с последней крошкой хлеба было покончено, заключенные приступали к чаю — теплой воде, подкрашенной коркой хлеба. Спустя всего несколько месяцев, всем заключенным снились одинаковые сны: в небе, «как ангелы»⁶¹, парили буханки ржаного хлеба.

Селедка была главным источником протеина для заключенных. Каждый второй день им выдавалось по половинке

маленькой рыбки. В «селедочное утро» в колымских лагерях двери огромных бараков открывались и с четырех рядов деревянных нар, от пола до потолка, «две тысячи глаз», непрерывно глядели на подносы с головными или хвостовыми половинками селедок. Как и хлеб, селедку не просто ели, а бережно смаковали. Как только заключенному доставался его кусочек, он не начинал сразу его есть, а лизал, пока тот не исчезал из пальцев. Оставшиеся кости он тоже осторожно разжевывал и глотал*⁶².

«Голод был неутолим, и ничто не может сравниться с чувством терзающего голода — постоянного состояния лагерника, если он шел по политической — пятьдесят восьмой статье. Этот голод еще не воспет. Собирать миски в столовой, облизать их и проглотить хлебные крошки, собранные на ладонь, — все это принесет лишь вкусовые ощущения. Утолить такой голод нельзя. Много лет пройдет, пока арестант не избавится от постоянной готовности есть, когда сколько бы ни съел — через полчаса-час хочется есть опять»⁶³.

Так описывает лагерную жизнь Варлам Тихонович Шаламов, большой русский писатель, автор прекрасных и в то же время невыносимых «Колымских рассказов». Этот человек чудом пережил семнадцать лет заточения в лагерях, четырнадцать из которых — на Колыме. Он называл свою прозу — «проза, пережитая как документ, без искажений». «Каждый мой рассказ — это... достоверность документа»⁶⁴, — писал Шаламов.

* В другом рассказе Шаламова, также автобиографическом, как и его другие рассказы, по дороге в страшный кабинет следователя заключенный увидел на снегу обледеневшую кожу репы. Это была поразительная находка, небывалая удача, подарок с небес. Он медленно ее прожевал и почувствовал давно забытый вкус земли, настоящих овощей, дома. Через минуту его могли расстрелять, но он был счастлив всю оставшуюся часть пути (из рассказа «Почерк»). В другой ситуации рассказчик набрасывается на кусочек сыра, который оставил следователь: «Я бросился, чтобы проглотить его перед тем, как уму» (*Новая проза*, с. 62).

Лагерные заключенные также умирали от цинги, дизентерии* и пеллагры. Эти болезни вызывали непрекращающийся кровавый понос, а кожа начинала шелушиться и сходить по всему телу. Самым же быстрым убийцей являлась «алиментарная дистрофия», сокращавшая за несколько недель вес высокого плотного и здорового мужчины тридцати или сорока лет до сорока килограммов⁶⁵.

В лагерях на севере холод был третьей, после тяжелых работ и голода, причиной массовой смертности. На заключенных, работавших на строительстве железной дороги Котлас–Воркута за полярным кругом, элементарно не хватало валенок, рукавиц и телогреек. Согласно подсчетам лагерного руководства, заключенный мог прожить всего две недели, не имея теплой одежды и работая в том, во что он был одет во время ареста. План работ, таким образом, составлялся, исходя из этого факта: после двух недель работы заключенных отправляли в лагерь «догнивать до смерти», а на их места заступали свежие рабочие руки⁶⁶.

На Колыме заключенные не выходили на работу, только если температура опускалась ниже минус 56 градусов по Цельсию, когда слюна замерзала, даже не достигнув земли. В 1940 году «рабочая температура» была поднята до минус 52 градуса по Цельсию. Даже летом вода на полу в колымских золотодобывающих шахтах была ледяной. Чуни — грубо сделанные галоши, которые заключенные носили на босу ногу, быстро промокали, а обмороженные пальцы постоянно кровоточили⁶⁷.

Зимой бараки превращались в «холодильные камеры». Поэтому те, кто спал на нижних нарах, проводили полночи, сидя вокруг маленькой и едва излучающей тепло печки. Заключенные наверху спали лучше, однако их волосы к утру примерзали к подушкам. Телогрейки использовались в качестве одеял, а бурки (сапоги, сделанные из ватных брюк, с

* Обезумевшие от голода доходяги ели все, что попадалось, в том числе и на мусорных свалках, кишашщих мухами.

подошвами из того же материала, прикрепленными веревкой) — в качестве подушек⁶⁸.

Приговор Особого совещания, содержащий формулировку «срок будет отбываться на Колыме», являлся «синонимом казни». С 1937 года «все ограничения по возрасту или недееспособности» при вынесении приговора были отменены: «безногих и шестидесятилетних», больных туберкулезом и страдающих сердечно-сосудистыми заболеваниями отправляли на колымские золотодобывающие шахты, где даже здоровый молодой человек обычно в течение двух недель — месяца становился чахлым и угасающим доходягой. Кроме бригадира и его заместителя, никто из бригадных заключенных, открывавших «золотой сезон» 15 мая, как правило, не доживал до его окончания 15 сентября. Состав бригады обновлялся полностью несколько раз в течение этих четырех месяцев⁶⁹.

В лагерях с более мягким режимом смертность могла быть как более низкой, так и более высокой в зависимости от того, кто был начальником лагеря, шахты или входил в руководство областного ГУЛАГа⁷⁰. Развод караула происходил по баракам утром, вспоминают выжившие люди: «Умершие лежали на нарах. Караульные мелом ставили на таких телах крестики. Затем их выносили, клали на грузовики и везли на кладбище. И так начиналось утро каждого дня»⁷¹.

Дневальный был рад, когда кто-либо из заключенных умер после развода, но раньше начала ужина, так как положенный умершему суточный рацион доставался ему⁷².

Глава 6

Уничтожение крестьян

На месте нашей деревни летние дачи. От нас не осталось ни следа. Хотя нет, что-то все-таки осталось: четыре куста сирени, посаженные отцом. И ничего больше. Как будто нас и не было вовсе. Тяжело и горько это, и никто не утешит. Всех родных убили — и за что? Какой урожай надеется собрать общество с этого поля печали?

Из письма Натальи Кирилловны Мочаловой, ссыльной дочери кулака // *Комсомольская правда*. 1989. 25 января.

У него [Сталина] иногда возникало ужасное чувство: побеждали на полях сражений не только сегодняшние его враги. Ему представлялось, что следом за танками Гитлера в пыли, дыму шли все те, кого он, казалось, навек покарал, усмирил, успокоил. Они лезли из тундры, взрывали сомкнувшуюся над ними вечную мерзлоту, рвали колючую проволоку. Эшелоны, груженные воскресшими, шли из Колымы, из республики Коми. Деревенские бабы, дети выходили из земли со страшными, скорбными, изможденными лицами, шли, шли, искали его беззлыми, печальными глазами.

Гроссман В. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1989.

И ничего не осталось. А где же эта жизнь, где страшная мука? Неужели ничего не осталось? Неужели никто не ответит за это все? Вот так и забудется без следа?

Гроссман В. Все течет // *Октябрь*. 1989. № 6.

Возвращенная к жизни историческая наука вскоре начала проливать свет на, вероятно, самую страшную и тщательно скрываемую тайну Советского государства: аресты, ссылки, тюремные сроки и голод, которые привели к мучениям и гибели миллионов крестьян в период с 1929 по 1933 год. На пике десталинизации 1961–1963 годов и при всем рвении и смелости своего «тайного доклада» на XX съезде Никита Хрущев даже не намекал на то, что высокопоставленные историки партии в сентябре 1988 года назвали «самым ужасным преступлением Сталина и его пособников», а литературный критик описал как «плановое уничтожение крестьян с помощью чудовищных репрессий» и «тотальную войну с народом»¹.

В отличие от бывших узников ГУЛАГа в конце 80-х никто из жертв коллективизации публично не выступал со своими историями. Этим историям суждено было увидеть свет с помощью детей и внуков, историков и нескольких писателей, которые ранее затрагивали тему уничтожения крестьян в своих книгах*. Некоторые из этих книг ждали публикации четверть века.

Подсчитать жертв коллективизации было труднее, чем других репрессированных. Большинство кулацких семей (зажиточные крестьяне, об утрате которых сейчас скорбят как об утрате «самых энергичных», «трудолюбивых» и «самодостаточных» людей деревни)² сажали в поезда, в которых они ехали долгие дни, зачастую почти без еды и воды, а потом их выгружали на болотах на Европейском Севере, шахтах на Урале или в сибирской тайге для постройки спецпоселений. Это было их ссылкой. (Многие главы семей были арестованы, а некоторые из них расстреляны как «противники коллективизации» или «антисоветские» активисты еще до того, как их семьи были высланы.)³

Других раскулаченных жителей деревни выгнали из собственных домов, отняли у них все имущество и нищими изгоями отправили в дальние уголки районов или областей. Некоторым удалось сбежать в город или на строительство промышленных предприятий в надежде найти работу и прокормить семьи.

В ходе первой советской дискуссии о жертвах коллективизации и голода ведущие архивные работники и историки партии в газете «Правда» обнародовали информацию о том, что «не менее» чем 481 000 семей отправили в «дальнюю ссылку» в 1930–1932 годах; от 400 000 до 450 000 семей лишили собственности и оставили в их областях; 200 000 — 250 000 сбежали в город и на производство⁴. В то время семьи русских крестьян редко насчитывали меньше чем пять или шесть человек, семьи

* В 70-х так называемым писателям-«деревенщикам» позволили рассказывать о «разорении деревни» и «уничтожении крестьянина», «но кто это сделал, и как, и когда — об этом не было позволено сказать ни слова», и «ничто не могло сломить этого запрета» (Игорь Золотусский. Крушение абстракций // *Новый мир*. 1989. № 1. С. 240).

в 10–12 человек были нормой. В действительности в условиях постоянно изменяющегося понятия «кулаки», которых коллективизация стремилась «истребить как класс», большие семьи уличали в богатстве и «социально чуждом» статусе. Поскольку семьи подвергались наказанию целиком — вплоть до последнего мужчины, мальчика, девочки, беременной женщины, младенца, немощной бабушки, парализованного и душевнобольного⁵, для того чтобы получить количество жертв, общее число от 1 081 000 до 1 181 000 так или иначе пострадавших крестьянских семей необходимо умножить соответственно. По подсчетам Р. Медведева, общее количество жертв насчитывает как минимум 10 миллионов человек⁶. Это же число Сталин упомянул в разговоре с Черчиллем в Москве в августе 1942-го как число крестьян, с которыми он, Сталин, был вынужден «вести борьбу»⁷.

Никто не мог сказать, сколько людей сгинуло в ссылке. Как и в случае с «предателями» десятилетие спустя, считалось, что большинство из тех, кто погиб в пути или в первые несколько лет, были из числа самых молодых и самых старых⁸. Таким образом, оценку политического философа Александра Ципко «убийства сотен тысяч крестьянских детей» можно считать достоверной⁹.

Подсчитать тех, кто погиб от голода 1932–1933 годов, который считается «крупнейшей демографической катастрофой европейского крестьянства со Средних веков»¹⁰, было еще более трудной задачей. По оценкам Медведева, их число составляет 6–7 миллионов человек, в большинстве своем это жители Украины, Казахстана, Северного Кавказа и Поволжья¹¹. Экономист Павел Вошанов оценил число погибших в 3–7 миллионов человек¹². В 1988 году выдающийся казахский писатель Олжас Сулейменов на суде партии заявил, что из 6 миллионов его соотечественников после коллективизации выжили только 3 миллиона¹³. Официальные советские историки не называли чисел, обещая провести «масштабные изыскания».

Как сказано в публикациях времен гласности, истребление крестьян началось с редакционной статьи в газете «Правда» от

11 января 1930 года с призывом «объявить войну не на жизнь, а на смерть кулаку и в конце концов смести его с лица земли»¹⁴. Две с половиной недели спустя комиссия политбюро, в которой председательствовал Вячеслав Молотов, установила минимальные региональные разверстки на семьи, которые необходимо было подвергнуть аресту и ссылке: например, 210 000 семей из ключевых зерновых регионов Северного Кавказа, Украины, Нижнего и Среднего Поволжья и Казахстана; 32 000 в Ленинградской, Московской областях и Нижегородском крае¹⁵. В каждом регионе местные власти должны были распределить плановые показатели по районам и деревням. Невыполнение квот чиновниками любого уровня грозило им как минимум лишением поста и исключением из партии, а чаще заканчивалось арестом и иногда смертной казнью.

Страх невыполнения квот и стремление «перевыполнить» план породили жажду крови, предательство и бюрократическую жестокость, ставшую частью повседневной жизни. Практически каждый функционер, вне зависимости от того, какую бы малозначительную должность он ни занимал, и зачастую в отсутствие формально определенных полномочий (например, просто «колхозный активист»), мог объявить человека кулаком и, таким образом, подписать смертный приговор ему и его семье¹⁶. Однажды, стоя на улице, 61-летний житель Архангельской области сказал проходившему мимо «активисту», что его шуба когда-то принадлежала высланному кулаку. За эти слова его приговорили к «10 годам лагерей без права переписки» (что обычно означало смертную казнь). Девять его детей были немедленно арестованы и высланы. В 1989 году они так и не знали где, когда и как умер их отец¹⁷.

Три года спустя в «распоряжении» для партийных организаций Сталин и Молотов признали: «Арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. Арестовывают все, кому не лень и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать» (Данилов и Тепцов, цит. соч.).

Отец бросил в него стулом и на следующий день был арестован по обвинению «в терроре против деревенских активистов». Двумя днями позже его семью тоже арестовали, и милиция загнала их в город к другим «врагам народа». Дочь нигде не могли найти. Мать плакала и умоляла конвоиров позволить ей искать девушку: «Пожалуйста, позвольте мне уйти и найти ее. Я оставлю вам детей. Я вернусь!» В ответ один из милиционеров пригрозил ей оружием. Полгода спустя, уже в ссылке в Казахстане, семья девушки узнала, что ее мать повесилась¹⁸.

«Зимой 1929 года в нашей маленькой деревне в двадцати километрах от Курагана [на юге Урала] раскулачили шесть семей, выбросили их из домов, — писала Наталья Мочалова в *«Комсомольской правде»* в январе 1989. — Всех — вон [из дома]: детей, стариков, больных. Всех — на улицу. А тех, кто хотел помочь, хотел пустить нас в свои дома, тут же вызывали в сельсовет: “Что? Вы помогаете кулацкому отродью?!” Но какие из нас кулаки? У нас ни мельницы, ни скота не было. Только шесть детей»¹⁹.

Путь советских крестьян на голгофу: взгляд украдкой туда, где щи еще теплятся в печи; идет дым из трубы; стынет молоко в погребе; стоит драгоценная лошадь или корова в хлеве; ждет любимая собака во дворе. Женщины боялись рыдать и потому тихо плакали²⁰. И вопрос, который «раскаленным гвоздем» «сидел в голове» белорусского крестьянина, героя повести Василя Быкова: «Люди, за что же вы так? Что я вам сделал плохого? За что все это навалилось на меня? Разве я так грешен перед людьми или Богом? Разве я кого убил, ограбил или обесчестил кого? Одумайтесь, люди!»^{*21}.

* Белорусский крестьянин, объявленный кулаком из-за молотилки, которую «взяли в кредит» и которой он разрешил пользоваться всей деревне, «а платили кто сколько мог», Хведор Ровба был арестован и выслан со своей женой и шестилетней дочерью в республику Коми на северо-востоке. После того как его жена и дочь умерли в первые два-три года, он сбежал, сумел добраться до родной деревни. Там его узнали и отправили в погоню за ним отряд милиции, пограничников и местных активистов, скрываясь от которых, он утонул в болоте.

«Я хорошо помню тот морозный зимний день (мне семь лет было тогда), когда за нами пришли двое конвоиров с двумя телегами, — писал житель деревни Сухое-Солотино Курского района. — В том, во что мы были одеты, нас погрузили на телеги и повезли в Обоянь, в пятидесяти километрах от деревни. Считая мать, нас было семеро (моему самому младшему брату тогда было три, а самой старшей сестре — одиннадцать)... По дороге люди бросали нам на телеги вещи — старую куртку или одеяло, и мать могла укрыть нас от холода. Поздно ночью в Обояни нас привезли в церковь, где уже было полно «врагов народа»²².

«Кулацкому отродью» приходилось целыми днями ждать под открытым небом прибытия товарных вагонов (их не пускали на вокзалы), чтобы на них их увезли туда, где они жили бы «под строжайшим административным надзором» рядом с местом работы: шахтами на Урале, торфяниками на болотах и в лесах севера или карьерами и котлованами будущего Беломорканала²³.

Вагоны были переполнены, и ссыльным приходилось по очереди спать на полу. На некоторых станциях им выдавали ведро баланды и двести грамм хлеба на каждого²⁴. Дорога могла занять месяц. На каждый вагон выдавали по отхожему ведру. Женщины плакали и умоляли конвоиров позволить им вылить ведро почаще, потому что «дети задыхались», но без толку. Трупы «никто не считал»; их выбрасывали прямо с поезда²⁵.

«Нас привезли на Урал, — вспоминает дочь кулака. — Потом — пешком, сорок километров. Мой отец с больными ногами нес младших на руках. Папу определили работать в шахте, маму — на стройке. Там они и сгнули. А вместе с ними все братья и сестры. Меня отправили в детдом»²⁶.

Те, кто пережил дорогу, жили в землянках или избах, построенных из деревьев, которые они валили днями и ночами после того, как их выгрузили из поезда. Щели между бревнами затыкали мхом. Кому повезло, достались бараки, по комнате на семью, независимо от того, сколько было детей. Летом бараки

наводняли тараканы; «от них было никуда не деться»²⁷. Зимой трупы складывали рядом с бараками. Весной их сжигали²⁸.

В местах, где отбывала наказание «ссылная интеллигенция», были так называемые школы, куда заставляли ходить кулацких детей, и там их учили петь «песни о Сталине и о счастливом детстве». В спецпоселении в Медвежьегорском районе на Онежском озере, рядом с финской границей, дети старше четырнадцати лет работали наравне со взрослыми, днем обрубая сучья со стволов деревьев. Вечером они шли в школу. От плохого питания у большинства детей развилась куриная слепота (особенно из-за нехватки овощей, молока и яиц), и они часто не могли найти свое жилище. Они спотыкались о пни и ветки и падали. Их родители выходили наружу и выкрикивали имена своих детей и в то же время не отходили далеко от жилья, потому что многие сами ничего не видели. Двигаясь на голос родных, мы могли добраться до дома. Если кого-то некому было звать, то приходилось долго бродить по лагерю, пока кто-нибудь не услышит плач и не возьмет к себе домой²⁹.

Для взрослых кулаков ссылка была «бессрочной», то есть пожизненной. Тем, кому на момент ареста было до восемнадцати лет, позже разрешили уехать, но в городах селиться запретили.

Целью «раскулачивания» и «коллективизации» советской деревни было подтвердить рекордными урожаями гениальность тезиса Сталина о неизмеримом превосходстве коллективного сельского хозяйства и собрать зерно на экспорт, чтобы получить валюту на закупку станков, необходимых для набирающей обороты «индустриализации». Однако к весне 1932 года стало понятно, что деревня, парализованная страхом и едва оправившаяся после голодной зимы 1931–1932 годов, далека от выполнения этой задачи. Как только начали колоситься озимые, крестьяне стали тайком «срезать» ножницами колоски на колхозных полях, чтобы смолоть муку или сварить кашу. В основном это делали женщины, отчаявшиеся накормить своих детей. 7 августа 1932 года в постановлении, подготовленном лично Сталиным, была предусмотрена «высшая мера социальной

защиты — расстрел с конфискацией всего имущества» за «хищение колхозного имущества». «При смягчающих обстоятельствах» высшая мера наказания могла быть заменена на лишение свободы на срок не ниже 10 лет. Применение амнистии к осужденным по таким делам было запрещено³⁰.

Постановление прозвали «законом о пяти колосках»: столько нужно было «похищенного имущества», чтобы заработать наказание. К «похищенному имуществу» приравнивались зерна, съеденные или спрятанные в карманы во время уборки урожая, в том числе и зерна, найденные в мышиных норах. Всего за пять месяцев с августа 1932 года и по январь 1933 года 54 645 человек были осуждены по «закону о пяти колосках», к 2 110 из них была применена смертная казнь³¹.

По мере того как приближалось время сбора урожая осенью 1932 года, «комиссии» Центрального комитета, под руководством высших советских чиновников, были отправлены в ключевые районы по производству зерна для того, чтобы обеспечить «победу коллективного сельского хозяйства» с помощью сбора рекордных объемов зерна. Крупнейшим житницам СССР — северной Украине, Черноземью, Поволжью, населенной казаками части Северного Кавказа (Ставропольский и Краснодарский края) и северному Казахстану — были назначены жесткие, невыполнимые показатели по урожаю. Обеспечить выполнение планов на Северном Кавказе и на Украине было поручено ближайшим соратникам Сталина: Лазарь Каганович и Анастас Микоян должны были разобраться с казаками, а Вячеслав Молотов с украинцами.

Деревни, более крупные поселения и целые районы, которых уличили в «срыве планов по сбору зерна», заносились в черный список. Попасть туда означало подписать себе «смертный приговор». Объявленных «саботажниками», «пособниками кулаков» и «перерожденцами» партийных и деревенских руководителей районов, попавших в черный список, арестовывали и приговаривали к «пяти, а лучше к десяти годам», как говорил Сталин, а часто и расстреливали, при этом имена осужденных публиковали в местных газетах³².

В районах, виновных в «саботаже», не должно было остаться зерна: ни на посевы, ни для людей или скота³³. Милиция и активисты искали зерно везде: протыкали землю в амбарах штыками, перекапывали огороды. Участники рейдов часто забирали все, что можно было есть: картошку и мясо, коров и лошадей, кур и гусей, хлеб и прочее³⁴.

Торговым кооперативам и ларькам приказали закрыться, а районы из черного списка были окружены Красной армией и войсками НКВД, чтобы не дать никому уйти. «Чем нам кормить детей?» — спрашивали крестьяне из деревни Новое Зубрилово в Саратовской области у чиновника, командовавшего рейдом по изъятию зерна. «Вам дали землю. Землей и кормите...» — отвечал тот³⁵. После выхода постановления Центрального комитета от 4 ноября 1932 года пятнадцать станиц «остались без еды»³⁶. (При средней численности населения 15 000 человек на станицу «можете ли вы себе представить эту Хиросиму?» — задавался вопросом ведущий экономист отрасли сельского хозяйства и публицист Юрий Черниченко.)

Всех жителей этих станиц арестовали и отправили в «дальнюю ссылку» на север: детей и взрослых, бедных крестьян и середняков, которые вместе должны были быть опорой коллективного сельского хозяйства, учителей, ветеринаров. Даже названия станиц, которые веками снабжали Россию лучшей кавалерией и стали синонимом воинской доблести, исчезли с советских карт: Полтавская, Уманская, Вогушевская, Урюпская, Медведовская. Заново заселенные демобилизованными солдатами и их семьями, Полтавская стала Красноармейском, а Урюпская — Советской.

Поначалу было вооруженное сопротивление, а затем полномасштабные крестьянские восстания, особенно среди казаков. Погранвойска ОГПУ, под командованием Михаила Фриновского, уничтожили «десятки тысяч» крестьян и арестовали еще тысячи³⁷. Когда летчики авиаотряда отказались бомбить и обстреливать станицы, подразделение было немедленно распущено, а каждого второго военнослужащего расстреля-

ли³⁸. На заседании политбюро в отчете о подавлении восстаний весной 1933 года Фриновский докладывал, что в реках Северного Кавказа плавали «сотни тел» красноармейцев, убитых бунтовщиками³⁹.

Осенью 1932 года подводы с изъятым зерном тянулись днем и ночью. Элеваторов или вагонов для перевозки не было, не было и брезента, чтобы прикрыть от дождя сначала реки, озера, а потом море зерна. Пшеницу и рожь с телег сбрасывали прямо на землю, где зерно мокло и гнило под надзором часовых⁴⁰.

«Ужаснейшие безобразия творятся в Мещовском районе, — писали Сталину крестьяне Смоленской области. — Что делается с хлебом, так жутко сказать... По хлебу ходят коровы, свиньи, люди грязными ногами. Отнимают у мужика хлеб — говорят для Красной армии, для рабочих, а вместо этого просто в грязь его топчут. Не подготовили ни места, ни тары, словом, ничего, а двинули тысячи обозов с хлебом... Тысячи пудов гниют. Многие крестьяне вывезли буквально все до последнего зерна, и на их-то глазах, по их хлебу ходит скот, топчет в грязь, а дома совершенно без куска хлеба осталась семья. Ужели в интересах Революции полнейшее разорение и обнищание крестьянских хозяйств?»⁴¹

С тех пор как не осталось зерна, в деревню стал приходиться голод. В отличие от жителей городов, крестьянам не полагались талоны на продукты. Хлеб можно было купить в райцентрах или ларьках на крупных железнодорожных станциях, но их окружали солдаты, которые не пускали к ним крестьян⁴². К январю 1933 года в районах, по которым изъятие зерна ударило особенно сильно, весь скот был съеден: северная Украина, Черноземье (юг Курской и Воронежской областей), Поволжье (Куйбышевская и Ульяновская области), Северный Кавказ и северный Казахстан*.

* В период с 1929 по 1933 год хозяевами были забиты или умерли от плохого ухода 17,7 миллиона лошадей, более 25 миллионов коров, более 10 миллионов свиней и 71 миллион овец и коз (Черниченко Ю. Трава из стога / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 610).

Картофель тоже исчез, а затем и картофельные очистки на помойках. Желуди закапывали и пекли⁴³. Клевер сушили и терли в «муку», смешивали с шелухой от гречки и ели с «крапивной похлебкой». Ели почки и листья липы, лебеду, лопухи. Ели кошек и собак, мышей, лягушек и червей⁴⁴. Копыта и рога дохлых лошадей и коров тоже мололи в муку. Овечьи шкуры резали на лоскуты и варили⁴⁵.

С раздутыми животами, на тонких ногах, отчего головы казались огромными, как «пушечные ядра», на тонких журавлиных шеях, крестьянские дети были похожи на ходячие скелеты, туго завернутые в «прозрачную желтую марлю» кожи, под которой можно было разглядеть даже самые маленькие косточки. (Некоторые из детей, которые пережили голод 1932–1933 годов, в пять лет не могли ходить. В Вятской области (северо-запад России) таких звали сидунами. Но они проворно ползли, завидев зерно, и горстями запихивали его себе в рот⁴⁶.)

Пока не обессилели, крестьяне ходили к железной дороге, где становились на колени и кричали «Хлеба, хлеба!» проходящим поездам. Некоторые поднимали своих обезображенных детей, чтобы их видели пассажиры. И, случалось, бросали люди куски хлеба, объедки разные. Вскоре вышло распоряжение, и в поезда, идущие через голодные области, стали ставить охрану. Охрана закрывала окна и спускала занавески, не допускала пассажиров к окнам⁴⁷.

Голодные двигались все медленней и медленней, как будто в оцепенении, иногда останавливаясь, чтобы опереться о стены домов. Через какое-то время они могли только ползать. Сил хоронить уже не было, тела лежали на улицах или в домах: целые семьи, на полу, в постелях, за столом⁴⁸. В своем выдающемся произведении «*Все течет*» — размышлении о сталинизме с едва приукрашенными «художественным вымыслом» свидетельствами очевидцев самых страшных преступлений режима — Василий Гроссман описывает, как в опустошенные деревни привезли новых поселенцев. Женщинам и детям было велено ждаты на окраине, а мужчинам выдали вилы и приказали вытаскивать трупы из домов. Трупы разва-

ливались на части, и вонь стояла невыносимая. Останки хоронили в полях⁴⁹.

Как и в ужасное голодное послевоенное время 1921 года, начался каннибализм. Поначалу ели тела из свежих могил, а потом и живую добычу⁵⁰. Дети были наиболее уязвимы. Юрий Черниченко, который вырос на Кубани, вспоминает, что его никогда не оставляли дома одного, мать боялась, что его украдут и съедят.

Отец Черниченко был агрономом машинно-тракторной станции, и как государственный работник получал паек, который спас его семью. Распухшая женщина — вероятно, не старше, чем юная мать Юрия, но с виду уже как бабушка — приходила к семье Черниченко и говорила: «Как посуду помоете, не выливайте воду — я ее выпью». Юрий просил ее рассказать ему сказку, но она только «плакала по ее погибшим деткам»⁵¹.

«Мой покойный дядя рассказывал мне как [мальчиком] он поплелся, именно поплелся, потому что ходить нормально уже не мог, повидать своего друга, — вспоминал доктор из Мурманска. — Когда он зашел на двор, он увидел друга лежащим на земле у колодца. Его мать разделявала его тело топором и бросала куски в ведро, потому что, я думаю, она хотела, чтобы они дольше остались свежими в холодной воде колодца»⁵².

Житель Саратовского района, который служил в Красной армии в 1933 году, вспоминает, как однажды его сослуживцу Кириллу Шилову пришло письмо от матери из деревни:

«Как служба? — писала она. — У тебя хотя бы хлеб есть. А здесь Прасковья своих детей ест. Она съела дочь, и пока люди искали другую, они нашли на плите полную кастрюлю мяса». В общем, его командир прознал о письме и доложил об этом комиссару. Шилова вызвали в Особый отдел и отправили в тюрьму за распространение антисоветской пропаганды. Но официальный запрос в сельсовет все подтвердил. Его выпустили, но предупредили, чтоб держал рот на замке»⁵³.

В 1934 году узник ГУЛАГа (арестованный в 1929 году актер, приговоренный к десяти годам лагерей за участие в

«студенческой организации») в лагере Кемь перевалочной базы Беломорско-Балтийского комбината встретил женщин с Украины. Вдруг одна из них, из деревни Романовка в Запорожье, зарыдала в истерике. «Она съела своего ребеночка», — сказала другая женщина. — «Да, съела! Все ели! И я. Не съела бы, тоже померла. А так, может, будет у меня еще ребеночек, может, будут еще детки...»⁵⁴

«Одному на десять тысяч» голодающих удавалось пройти мимо контрольных пунктов на дорогах и добраться до города⁵⁵. К тому моменту большинство их были настолько ослаблены, что не могли идти. В Киеве они ползали среди прохожих, которые шли по своим делам, делая вид, что не замечают их или трупы на тротуаре, поскольку официально голода нигде не было⁵⁶. Каждый день, рано утром, длинные повозки ездили по улицам и собирали умерших за ночь.

Гроссман пишет об одной такой повозке, груженной мертвыми детьми, хотя некоторые все еще шевелились. Возчик, когда ему сказали об этом, махнул рукой: пока довезет до кладбища — притихнут⁵⁷.

Советский Союз вывез в Восточную Европу почти 2 миллиона тонн зерна в 1932 году и 1 миллион в 1933 году. Ни один водочный завод на Украине, работавший на зерне, не прекратил производство⁵⁸.

Глава 7

Развенчание легитимирующих мифов

Миф 1-й: продукты, жилье, медицинская помощь, «детство золотое» и уровень жизни

Довольно много людей не хочет расставаться с мифами... Остальные начинают задавать вопросы — один за другим. Мы должны вести предельно честный разговор. Мы больше не можем его откладывать.

Кива А. Кризис жанра // *Новый мир*. 1990. № 3.

Сегодня мы стоим перед важнейшим выбором: вновь позволить нашему обществу запутаться в паутине мифов, парализующих свободу воли и действий и поощряющих иллюзорные надежды, или же выбрать свободную волю и свободный разум сознательного человека, способного ориентироваться в мире, не полагаясь на то чувство успокоения, которое несет с собой идолопоклонничество. Не осознавая, что «король-то гол», невозможно утверждение общечеловеческих ценностей; разрушая идолы, мы расчищаем дорогу к идеалам.

Бочаров А. Мчатся мифы, бьются мифы // *Октябрь*. 1990. № 1.

Конечно, не все могут противостоять такому мощному потоку всеисильной правды. Душу очень легко сломить. Но неужели было бы лучше скрывать всю правду или подменять ее другой ложью? Что же это за идеалы такие, если их сохранение требует сокрытия правды от людей?!

Ципко А. Хороши ли наши принципы? // *Новый мир*. 1990. № 4.

Нас потряс апокалипсис Чернобыля. Но в Чернобыле взорвались не реакторы, а профессионально-социальная мнимость. Из-за низкой продолжительности жизни, из-за высокой детской смертности, из-за недостатка или отсутствия современных лекарств, оборудования, специалистов; из-за отравительных больниц, где старики после инсультов часами лежат в коридоре, подпертые досками, и к ним никто не подходит; из-за того, что половина урожая овощей и фруктов гнивает, не попав на стол потребителя; из-за аварий, травматизма, неочищенных стоков, производства никому не нужных товаров, варварского расхода энергии, металла, древесины; из-за того, что мы не умеем работать, учить, хранить, лечить, — может быть, тихо и почти незаметно каждый месяц у нас взрывается по Чернобылю? Или каждую неделю?

Баткин Л. Возобновление истории / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988.

Любое устойчивое государство поддерживает и распространяет набор ключевых убеждений, по которым оно живет. Эти убеждения не обязаны быть истинными в буквальном смысле; более того, они редко бывают правдивы. Однако этот факт не имеет значения, если такие убеждения или мифы воспринимаются достаточным количеством людей как реальность. Вновь цитирую описанную Робертом Мертоном «теорему Томаса»: Если человек определяет ситуацию как реальную, то она реальна по своим последствиям¹. Основным «последствием» в данном случае является вера в нравственную целостность основания общества, что наделяет государство легитимностью.

Советский Союз не был исключением: он тоже породил мощную мифологию, узаконившую различные политические, экономические и социальные установки в обществе. Мифология Советского Союза ежедневно поддерживалась никем не оспариваемой пропагандой, ограждалась от критики посредством цензуры и запрета на поездки за рубеж для всех, кроме мизерного меньшинства представителей элиты, и охранялась под страхом незамедлительного применения сурового наказания всех, кто открыто поддерживал альтернативные версии прошлого или настоящего СССР. Благодаря этому советская мифология оказалась не только прочной, но зачастую вдохновляющей. Строительство «нового общества» требовало огромных жертв, но успехи впечатляли и Советскому Союзу завидовал весь мир — в этом, по сути, и состоял официальный метанарратив.

В течение всего нескольких лет, особенно в период 1987–1989 годов, практически все составные части этого мифа были развеяны ветром бесцензурной правды. Беспощадная, сокрушительная сила гласности оставила от мифов лишь пустые ссохшиеся оболочки. Каждое новое откровение наносило удар по моральным устоям правящего режима, делая его недостойным лояльности миллионов людей, к которым он, как оказалось, столь несправедливо относится.

«Кризис доверия» — именно так озаглавил пронизательный редактор газеты «Правда» напечатанную в июне 1988

года статью — обзор писем читателей, рассказывающих об отвратных условиях жизни: от жилья до здравоохранения и питания². Спустя два года заместитель главного редактора «Московских новостей» написал: «Жизнь выхватывает последние козыри из комбинации пропагандистских карт, которые еще остались в колоде “достижений развитого социализма”»³. Это было весьма опасное развитие событий для советского общества, которое в значительной степени определяло себя как победившее «пророки капитализма» — бедность, голод, беспризорность, платное, а значит, недоступное для «народных масс» здравоохранение, — и избавившее детей от всех этих бедствий.

Конечно, миллионы русских людей в разной степени сами испытывали груз этих проблем, видели тех, кто страдал, или слышали о них от друзей и близких. Однако, судя по письмам, которые они писали в журналы и газеты, и по тому, что они говорили корреспондентам, прежде всего их возмутил внезапно открывшийся системный характер этих недугов, что навредило репутации всей страны.

Самыми острыми проблемами были дефицит и низкое качество продовольствия. Конечно, те, кто часами стоял в очередях, чтобы купить себе колбасы, жаловались долгие годы, даже десятилетия. Но как только по всем городам и весям прогремела в 1988 году статья в «Московских новостях» под заголовком «Продовольственные карточки в мирное время — позор!», дефицит стал политической проблемой общенационального масштаба⁴. Хотя в очередях стояли практически за любимыми продуктами, особенно остро в стране, значительная часть которой расположена на севере материка, воспринимали дефицит мяса. За исключением Москвы и Ленинграда, в большинстве городов мясо продавалось только по талонам всего два раза в год: на майские праздники и накануне годовщины революции 7 ноября. В Свердловске, третьем по важности промышленном городе страны, в честь праздника на человека по талону продавался один килограмм мяса⁵. В остальное время его можно было найти только в виде колбасы, по поводу

качества которой нередко отпускались шуточки. Каждый месяц людям раздавались бледно-желтые *талоны*, по которым на семью приходилось не больше 800 граммов колбасы (и 400 граммов сливочного масла) в месяц*⁶.

Однажды летом 1987 года ведущий советский экономист и советник Михаила Горбачева академик Абел Аганбегян начал описывать корреспонденту журнала «Огонек», как должен выглядеть «нормальный» мясной прилавок его мечты: «разные виды колбас, сосиски, ветчина, свиной костец горячего или холодного копчения, окорок, широкий ассортимент говядины и птицы». Журналист перебил ученого: «Мне сложно это себе представить»⁷.

Те, кто хотел настоящего мяса (или колбасы лучшего качества), могли раздобыть их только одним путем — приехать в Москву В большой статье в «Огоньке» есть описание «колбасных поездов» и их пассажиров с фотографиями усталых женщин, идущих вдоль платформы на железнодорожной станции с большими сумками и рюкзаками на плечах. «И поезда направляются в Москву — длинные поезда, по 12 вагонов», — гласила подпись под фотографией. «Они идут из Калуги, Рязани, Дмитрова, Серпухова, Звенигорода. Они прибывают каждый день, и пассажиров волнует только один вопрос: “Где купить колбасу?”»**⁸.

* Такое же количество в месяц на человека можно было купить по продовольственным карточкам в Кирове, в центральной, европейской части России (Беккер А. Мясо на вывоз // *Московские новости*. 1988. 10 июля. С. 13). В городе Череповец, центре по производству стали, расположенному на северо-западе страны, колбаса, которая должна была заменить мясо, выдавалась по полкило в месяц (Письмо В.В.Гуревича, Christopher Cerf and Marina Albee, eds., *Small Fires: Letters from the Soviet People to Ogonyok Magazine*, 1987–1990, New York: Summit Books, 1990: 50).

** По словам корреспондента «Правды», люди использовали отгулы или выходные и стояли в бесконечных очередях, выслушивая оскорбительные фразы («Понаехала деревня нас объедать!»), а потом «штурмовали» автобусы и поезда, чтобы вернуться домой. «Ну а что еще нам делать? — размышляла работница станочного завода из Рязани. — За день ты выматываешься, но привозишь еду для себя и своего соседа. А потом уже наступает очередь соседа привозить еду. Так мы и живем» (Черняк А. Едоки по статистике и в жизни // *Правда*. 1988. 1 сентября. С. 3).

Когда сотрудницу одной известной советской газеты спросили, почему у страны такой «комплекс неполноценности» в сочетании с «недостатком свободы» и «низким качеством жизни», среди прочих причин она отметила также и «необходимость ездить в Москву за колбасой»⁹.

В деревнях, откуда все производимое направлялось «в центр», дела обстояли еще хуже. Деревенские продовольственные магазины стояли пустыми. Чтобы хотя бы время от времени есть мясо, простая школьная учительница из Ставропольской области, одной из наиболее плодородных в России, вынуждена была выращивать собственный скот. Но в письме газете «Правда» она жаловалась, что корма для животных в магазинах не продавались, а местный совхоз продавал зерно «чужим», только если они работали на его полях в сезон сбора урожая. Автор письма в течение многих лет добросовестно трудилась, но летом 1989 года не смогла участвовать в работах, потому что недавно родила ребенка. Лишившись корма для животных, она была вынуждена отказаться от мяса на столе. «Как можно заставлять идти в поле женщину с ребенком, которому едва исполнился месяц? — спрашивала она. — Разве нельзя по-доброму войти в ее положение и продать ей мешок зерна?»¹⁰.

Когда реформы не смогли решить проблему борьбы с дефицитом продовольствия и режим оказался не в состоянии прокормить «все 300 миллионов человек», перестройка была обречена на провал, писал ведущий автор экономических очерков периода гласности Юрий Черниченко. А между тем, как продемонстрировала ситуация с требованиями бастовавших шахтеров Кузбасса, одного из крупнейших каменноугольных бассейнов страны на юго-западе Сибири, задача была отнюдь не из легких. Чтобы остановить забастовку, правительство в 1989 году направило в Кузбасс «десять тысяч тонн сахара, более шести тысяч тонн мяса, тысячу тонн чая»¹¹.

Миф о недорогом, комфортабельном и доступном каждому жилье также оказался несостоятельным. Жилье и правда было

недорогим, но особой комфортабельностью не отличалось и, что самое главное, его настолько не хватало, что десятки миллионов человек могли всю жизнь прожить, так и не обзаведясь своей квартирой. Жилье «нормировали» с такой же скупостью, как и еду.

По некоторым данным, 14 миллионов семей, что составляло от 15 до 17% населения страны, или 40–50 миллионов человек, не имели собственного жилья. Они проживали в общежитиях или коммунальных квартирах: одна комната на семью с общей ванной и кухней¹². В соответствии с советскими «санитарными нормами», которые были приняты в 1922 году и с тех пор не пересматривались, на человека должно было приходиться не менее 9 квадратных метров жилой площади. Около трети населения (сто миллионов человек) имели и того меньше. Число семей, внесенных в списки ожидания на жилье или на улучшение жилищных условий, достигало сотен тысяч*¹³.

В одном из писем редактору «Правды» рассказывается история семьи из шести человек, в том числе детей, которые четырнадцать лет живут в комнате площадью 13 квадратных метров — «как свиньи»¹⁴. Еще одна семья ветерана афганской войны из шести человек жила на 14 квадратных метрах, а в 1987 году в очереди на жилье занимала 109-е место после ветеранов Второй мировой войны¹⁵. Или трое детей с отцом, директором театра и профессором Института культуры и искусств, и матерью-учительницей росли в комнате 9 квадратных метров, в «маленькой трехкомнатной квартирке» родственников семьи, в которой помимо самих этих родственников проживала также 84-летняя бабушка отца и его брат-алкоголик¹⁶. «Да, я знаю, что в стране проблемы с жильем, — писала в конце своего письма в «Огонек» мать этой семьи в

* В крупнейших городах России в списках ожидания значились: 344 800 семей и отдельных лиц в Москве, 282 900 — в Ленинграде, 111 600 — в Новосибирске и 130 600 — в Свердловске (Толстов В. Как обеспечить жильем крупнейшие города страны // *Известия*. 1988. 4 сентября. С. 2).

сентябре 1989 года, — что не только мы живем в таких условиях, но как мне объяснить это детям, которые так быстро растут, которым нужно где-то спать, ползать и развиваться. Товарищи, я прошу вас, умоляю — помогите нам! Спасите нашу семью!»¹⁷

«Мы, родившиеся и выросшие в Ленинграде, живем в доме, абсолютно непригодном для жилья, который с 1966 года подлежит сносу, — так ответили на один из вопросов анкеты, опубликованной в феврале 1989 года в «Литературной газете». — Ванной комнатой пользуются четыре семьи, как и кухней площадью пять с половиной квадратных метров. На стенах плесень, под половицами вода. Я постоянно болею, мои дети вырастут инвалидами. Наш дом забыт Богом и людьми»¹⁸.

Прожив с семьей 50 лет в комнате 18,5 квадратных метров в коммунальной квартире, мужчина, называвший ее «тюрьмой», заявил проводившим опрос общественного мнения, что он больше не мечтает о «светлом будущем». По ночам во сне его мучают «кошмарные виды трущоб». «Нам нечего назвать своим домом, — сказал он. — Как нам растить здесь своих детей?»¹⁹

Советское жилье подразделялось на «благоустроенное» и «неблагоустроенное». Тем, кто проживал в квартирах последней категории, восемь или даже шесть квадратных метров на человека показались бы раем, если бы там были туалет, водопровод и отопление. Семидесятидвухлетняя Зоя Терентьева и ее соседи, жители города Ярославля, в котором расположен крупнейший в стране моторостроительный завод, несомненно, согласились бы с этим. Каждое утро женщина спускалась на пять лестничных пролетов вниз с маленьким бидончиком для молока, чтобы набрать воды, потому что в ее квартире воды не было. Еще одна женщина из того же района, мать троих детей, жаловалась на то, что и холодная вода у них бывает «только по выходным». Жильцы расположенного неподалеку многоэтажного здания даже подумывали о том, чтобы поставить посреди двора общественный туалет, потому что в доме нет воды для смыва²⁰.

Однако это еще далеко не самые худшие примеры. Один пожилой инвалид из Сибири написал в газету «Правда», что он живет в крошечной заброшенной бане, где все «прогнило и отсырело», и мечтает жить в «тепле и свете», хотя бы как в свинарнике. Была еще семья из шести человек с грудным младенцем, разместившаяся в одной комнате, где постоянно отключали электричество и газ. Около десяти семей жили в бараке, о котором еще за 25 лет до этого говорили, что он в «аварийном состоянии», но ни одну семью так и не переселили. У них не было удобств, кроме воды, которую периодически отключали. Поселок, в котором они жили, располагался рядом с городской свалкой, среди установок нефтеперерабатывающего завода. Когда еще одна семья, живущая в таком же «не подлежащем ремонту» полуразрушенном бараке, подала заявление на улучшение «жилищных условий», им ответили, что в этой области пятая часть населения живет так же, как они, и что «многие» живут в зданиях, подлежащих сносу²¹.

Еще одна семья с маленьким ребенком жила в однокомнатной землянке. «Перед сном вечером мы топим печь, но утром у нас все равно от холода чуть ли не волосы примерзают к подушке», — говорила рыдающая женщина, жена и мать, корреспонденту «Комсомольской правды». Комиссия из исполкома местного Совета, посетив их лачугу, сделала заключение, что «семья проживает в удовлетворительных на момент проведения инспекции условиях»²².

Когда в 1988 году москвичей попросили назвать основные проблемы в стране, 44% опрошенных указали «снабжение продуктами питания», 38% — проблему жилья, но больше всего нареканий вызвала система здравоохранения — на нее пожаловались больше половины респондентов²³. Опубликованные секретные статистические данные подтверждают, что эта проблема волновала многих. Как пишет экономист Аганбегян, в 1987 году на здравоохранение выделялось 3–4% от ВВП Советского Союза: это был самый низкий показатель среди развитых стран, а из 126 стран мира СССР занимал примерно 75 место²⁴. На развитие медицинских техноло-

гий направлялось 2 миллиарда рублей в год (3,2 миллиарда долларов по официальному обменному курсу, подверженному значительной инфляции), в то время как в США, являвшимися мерилем прогресса, главным соперником и образцом материального развития, на это выделяли 35 миллиардов долларов. Степень оснащенности среднестатистической «больничной койки» медицинской техникой в СССР составляла 10–15% от уровня США²⁵.

Что касается других утвердившихся в Советском Союзе основных мифов, то им был нанесен урон раскрытием реального положения дел в стране. По словам министра здравоохранения, 35% медицинских учреждений (1,2 миллиона больничных коек) не были обеспечены горячей водой (в сельской местности горячей воды не было в 65% больниц); в каждой шестой больнице воды не было вообще; в 30% больниц не было туалетов²⁶. В Алтайском крае на юго-западе Сибири, где проживали 2,5 миллиона человек, 88% сельских больниц были расположены в ветхих зданиях, не имели водоснабжения и туалетов²⁷.

Медсестер и нянечек остро не хватало: помимо того, что их зарплата «граничила с чертой бедности», чувствовался также недостаток инвентаря: швабра, ведро и носилки — это «все, что у нас есть», писал терапевт из Харькова в газету «Правда». Завтраки, обеды и ужины кухонные работники в отделение приносили в бидонах²⁸.

Сообщалось, что в Волгограде, городе-миллионере, в больницах не хватало халатов и таких дезинфицирующих средств, как хлорамин и перекись водорода. «Мне страшно подходить к операционному столу, — заявил в июне 1989 года один хирург из столицы Алтайского края Барнаула, где проживает более 600 тысяч человек, выступая на Первом съезде народных депутатов. — Я боюсь за пациентов, потому что нам не хватает большей части важнейшего оборудования»²⁹.

Один из ведущих советских фармакологов назвал нехватку препаратов «катастрофической». Он также отметил, что технологии, используемые на многих фармацевтических предприя-

тиях страны, отставали от современного уровня «на десятилетия»³⁰. Летом 1989 года премьер-министр Николай Рыжков объявил, что советская промышленность производит лишь 45% лекарственных препаратов, необходимых стране³¹. Журналисты и эксперты обнаружили, что цифра была куда страшнее: производилось лишь 60% препаратов для лечения сердечно-сосудистых заболеваний; в целом по стране ощущалась нехватка 450 препаратов, а в РСФСР в достаточном количестве не было 657 препаратов³². На Первом съезде народных депутатов одна из женщин-врачей призвала срочно выделить валюту для покупки по крайней мере «пятнадцати, двадцати, тридцати жизненно необходимых видов лекарств: инсулина и его производных, гормональных препаратов и лекарств для лечения сердечно-сосудистых заболеваний»³³.

В 1988 году Советский Союз занимал тридцать второе место в мире по средней продолжительности жизни³⁴. С середины 1960-х по конец 1970-х средняя продолжительность жизни мужчин сократилась с шестидесяти шести до шестидесяти двух лет, повысившись лишь на два года (как оказалось, ненадолго) в 1987 году в связи с проведением антиалкогольной кампании, вскоре прекращенной³⁵.

Инфаркты миокарда убивали в среднем 1,8 миллиона советских граждан (обычно мужчин) в год, однако операции по аортокоронарному шунтированию проводились редко. Во Франции, население которой почти в пять раз меньше, ежегодно проводилось около 22 000 таких операций, сообщил министр здравоохранения Евгений Чазов, — каждый год в Советском Союзе нужно было оперировать, тем самым спасая жизнь, 100 000 человек. Однако, с возмущением восклицал Чазов, лишь 870 человек проходили такие операции³⁶.

В феврале 1989 года на передний план вышел другой дефицит — одноразовых шприцев и катетеров. Их отсутствие особо связывалось с распространением пока что редкого и экзотического заболевания — СПИДа. В педиатрической палате инфекционной больницы города Элиста, столице Калмыцкой АССР, двадцать семь детей (в основном младен-

цы) и шесть матерей заразились вирусом СПИДа в больнице³⁷. Спустя три месяца заболевание было обнаружено у 23 детей в городе Волгограде, расположенном более чем в 225 километрах к северу от Элисты. Один из зараженных детей умер через несколько дней после того, как заболевание было диагностировано.

Правительственная комиссия связала эпидемию с повторным использованием шприцев и игл для внутривенных инъекций и катетеризаций: не было достаточного количества одноразовых инструментов, а многократно используемые шприцы и иглы не проходили должной стерилизации после инъекций. Из 3 миллиардов одноразовых шприцев, необходимых в 1989 году, Советский Союз произвел лишь 150 миллионов³⁸. Тем временем в Волгоград из Москвы было срочно направлено 250 000 одноразовых шприцев, 5 000 систем переливания крови и 10 000 пар хирургических перчаток³⁹.

В течение года четыре волгоградских ребенка умерли от СПИДа и еще семьдесят семь детей (причем у них сначала находили другие болезни) умерли после пребывания в тех же палатах. В мае 1990 года корреспондент «Комсомольской правды» сообщил из Волгограда (крупного промышленного центра с населением в 1 миллион человек), что в печально известной педиатрической больнице № 7 все еще наблюдалась «нехватка многих одноразовых инструментов и систем», и что 5 000 одноразовых шприцев, поставленных ранее, не могли использоваться из-за нехватки игл, что склоняло медсестер к повторному использованию обычных шприцев. Во многих случаях одноразовые шприцы «не подходили» к используемым катетерам: шприцы были советского производства, тогда как катетеры ввозили из-за границы. Корреспондент продолжает: «Город задыхается без важнейших лекарств, необходимых для укрепления иммунной системы, таких как иммуноглобулин и интерферон... без минимума инструментов и лекарств, необходимых для спасения детей». Бригадам скорой помощи Волгограда выделялось по пять одноразовых шприцев на смену, хотя за это время могло поступать втрое больше неотложных вызовов⁴⁰.

В то время был некий трагический символизм в факте, что именно дети стали первыми официально установленными жертвами СПИДа в стране. Ибо даже на фоне других откровений о системе здравоохранения открывающиеся факты о педиатрии и акушерстве вызывали настоящий ужас. Потрясение было тем сильнее также потому, что идея о безграничной заботе о детях являлась одной из центральных в легитимирующей мифологии страны. «Самый привилегированный класс в СССР» — именно так здесь говорили о детях. «Все лучшее — детям!» — гласил пресловутый слоган. «Наше детство золотое все светлее с каждым днем», — пелось в песне, которую каждый учил в детском саду или начальной школе*.

Мифу о «детстве золотом» был нанесен тяжелый удар уже тогда, когда по СССР прокатилась новость о том, что в половине школ страны нет центрального отопления, водопроводного водоснабжения и внутренних туалетов⁴¹. Четвертой части всех советских школьников приходилось учиться в две смены, а «некоторым» и в три — при этом в некоторых классах набиралось до 42 школьников. Неизбежное сравнение с Соединенными Штатами лишь усугубляло проблему: «они» тратили на образование 12% национального дохода; «мы» же — только 7%, причем разница между «доходами» была «очень велика»⁴².

Ходили рассказы о «работающих детях» всего десяти лет от роду, которые по двенадцать часов в день («работали даже ночью») трудились в полях**, о том, что в 1986 году произош-

* Детство наше золотое
Все светлее с каждым днем,
Под счастливую звездою
Мы живем в краю родном.

Кабалевский Д. [музыка], Пришелец А. [слова]. 1955 год.

** Осенью 1988 года в Узбекистане и Туркменистане члены неправительственной «экспедиции» по вопросам защиты окружающей среды неоднократно наблюдали школьников, убравших хлопок. Дети работали по восемь часов в день под «палящим солнцем» на полях, обработанных дефолиантами. Еда была очень скудная, а вода из оросительных каналов была «непригодной для питья» (Переведенцев В. Письмо в «Огонек» // Огонек. 1989. № 4. С. 3).

ло 35 000 несчастных случаев, жертвами которых стали дети моложе четырнадцати лет. В целом на каждую тысячу советских школьников моложе четырнадцати лет пятьдесят получали травмы и нередко погибали⁴³. Корреспонденты ездили в интернаты и доносили до читателей страшные истории о нищете, эксплуатации детского труда и злоупотреблениях, особенно в отношении «отсталых» воспитанников, многие из которых получали неверные диагнозы и скверную медпомощь*⁴⁴.

И все же лишь немногие из читателей представляли себе полную правду о состоянии акушерства и педиатрии в стране. По словам министра здравоохранения, в 1988 году детская смертность в Советском Союзе была выше, чем в сорока девяти странах, — показатели были хуже, чем на Барбадосе и Маврикии**. Процент детской смертности (среди детей до года) был в два с половиной раза выше, чем в Великобритании, Западной Германии и Соединенных Штатах⁴⁵. По словам ведущего акушера страны, из шестидесяти видов оборудования, необходимых для современного родовспоможения, Советский Союз производил шесть, и «обедневшему» акушерству доставалось очень немного «инвалюты» после того, как другие

* Детский дом в Калининской области, в 150 километрах севернее Москвы, располагался в полуразрушенной усадьбе, построенной до 1917 года, «сырой и холодной». Там не было горячей воды, и дети пилили дрова и собирали уголь, чтобы «хотя бы раз в неделю мыться в тепле». Они мылись в бане, поскольку ванн не было. Дети также чинили потолки, которые полностью обвалились в одной из комнат. Персонал детского дома был вдвое меньше необходимого из-за низких зарплат: нянечка получала 98 рублей в месяц, учитель, отвечавший за двадцать пять – тридцать детей в течение всего дня, получал 138 рублей (Давыдова Н. Долги наши // *Московские новости*. 1989. 10 сентября. С. 5).

** Даже в этой печальной статистике, вероятно, преуменьшается реальный масштаб проблемы. По словам профессора В.И. Кулакова, ведущего советского акушера и директора Всесоюзного центра по охране здоровья и безопасности матери и ребенка, в Советском Союзе лишь те дети, чей вес при рождении составлял 1 000 граммов или больше, считались живорожденными (имевшие меньший вес считались выкидышами и таким образом исключались из статистики детской смертности), в то время как по нормам Всемирной организации здравоохранения дети от 500 граммов считаются живорожденными (Кулаков В. Ребенок без присмотра? // *Правда*. 1987. 10 августа. С. 4).

государственные «ведомства» и учреждения получали свою долю⁴⁶.

«Тысячи» детей погибали каждый год из-за нехватки оборудования для УЗИ. «В Советском Союзе за тридцать лет не было произведено ни одного аппарата УЗИ! За всю эпоху космических исследований!» — возмущался в разговоре с корреспондентом профессор В.И. Кулаков, директор Всесоюзного центра по охране здоровья и безопасности матери и ребенка*. У врачей не было одноразовых медицинских халатов и бахил, не было одноразовых пеленок для новорожденных, тогда как «плохо отстиранные» использованные пеленки могли приводить к инфекциям⁴⁷.

Санитарок, получавших одни из самых низких зарплат в Советском Союзе, не хватало как в педиатрических отделениях, так и в обычных больницах, и их обязанности все чаще ложились на плечи матерей. «Все знают, — писал репортер «Комсомольской правды», — что матерям приходится мыть полы, менять подкладные судна, стирать белье и выносить мусор — они были настоящими «батраками» нашего бесплатного здравоохранения»⁴⁸. Четырнадцать матерей, привезших своих детей в региональную педиатрическую больницу в Хабаровске, писали в «Огонек» в октябре 1988 года: «В каких ужасных условиях держат наших детей! Невозможно полностью описать, насколько ветхим и убогим было здание больницы, описать отлетающую штукатурку в палатах, сгнившие полы с огромными крысиными норами**, мышей и тараканов... насквозь прогнивший и протекавший водопровод, пере-

* На октябрь 1987 года центр уже пятнадцать лет находился в процессе постройки. Строительство центра, который должен был стать образцом лучшего родильного дома в стране, не было завершено, установки для кондиционирования воздуха не работали, случались перебои с подачей горячей воды, лифты часто ломались (Потерпите, женщина! Письма в «Работницу» // Работница. 1989. № 2. С. 23).

** В 1988 году один из самых популярных русских поэтов Андрей Вознесенский опубликовал короткое стихотворение под названием «В роддоме», в котором были следующие строки:

полненные палаты, по пятнадцать-восемнадцать детей в каждой. Среди нас есть матери, которые в течение десяти лет привозили сюда своих детей, но и они не видят никаких изменений в лучшую сторону. Вы думаете, что министерства СССР и РСФСР не знают об этом? Конечно, знают! За время существования этой больницы приезжало и уезжало так много различных [правительственных] комиссий, что если бы от них была хоть какая-то польза, то построили бы не просто новую больницу, а целый новый город!»⁴⁹

В конце 1988-го и начале 1989 года тысячи бывших пациентов роддома писали в журнал «Работница» в ответ на письмо под названием «Дурной сон?», в котором женщина описывала, как у нее принимали роды⁵⁰. В одном из писем говорилось о московской больнице, в которой находилось вдвое больше пациентов, чем она могла обслуживать. В этой больнице у некоторых женщин роды принимались в простых креслах, после чего матери новорожденных «в течение нескольких дней» лежали на каталках. Из-за хронической нехватки санитарок никого не удивляла сцена, когда акушерка, моющая пол, вдруг «бросала швабру [и бежала] принимать роды», как пишет одна московская медсестра*. Нередко приходилось

Крыса в родильном доме
проела щеку младенцу.
Крыса, мы все долдоним,
все обо всем высокою.
Крыса в родильном доме
проела щеку младенцу!
Спасаем людей на льдине,
на Марс засылаем проекты,
крыса в доме родильном
младенцу щеку проела.

(Литературная газета. 1988. 5 октября. С. 6)

* «Есть ли вообще у наших медсестер возможность нормально работать? — спросил репортер газеты «Известия». — Ни для кого не секрет, что за свою крошечную зарплату одна медсестра выполняет работу двух или трех. Кроме того, во многих больницах медсестры выполняют работу нянь, что категорически запрещено правилами стерилизации, но разрешается по указанию» (Тутурская С. Потрясение // *Известия*. 1989. 7 марта. С. 3).

наблюдать, как медсестра бегала «по всей больнице» (и это в московской больнице!) в поисках стетоскопа, чтобы прослушать сердцебиение ребенка⁵¹.

Женщин, которые должны были вот-вот родить, оставляли одних в боксах. Посетителей в палаты не пускали, в то время как у медсестер, как писала одна из них, не было времени, чтобы «подойти, поговорить, приободрить», как бы им ни хотелось это сделать: им нужно было разносить еду, мыть посуду, убираться в родильных кабинетах после использования, вводить пациентам лекарства и измерять давление — и все это ложилось на плечи трех медсестер в каждую смену. В Брянском региональном роддоме женщины сами мыли полы («вместо гимнастики»). Одна женщина вспоминает, как зажгла свет посреди ночи и «в ужасе закричала — весь пол и стены были покрыты тараканами»⁵².

Возможно, ни в чем другом так сильно не проявлялась пропасть между мифом и реальностью, как в людской нищете — которой просто не могло быть в «первом социалистическом государстве». «Миллионы простых людей были обречены жить в полуголодных условиях», — жаловался читатель крупной всесоюзной газеты. Бедствовали библиотекари, секретари, работники музеев, воспитатели детских садов⁵³.

Когда в 1989 году в советской прессе впервые появился термин «черта бедности», он, по информации в газетах, касался 43 миллионов советских граждан (15% населения по статистике на 1988 год), которые жили в семьях с доходом ниже 75 рублей на человека в месяц⁵⁴. Оказалось, что еще четверть советских семей тратила каждую копейку из своих заработков на товары первой необходимости и была не в состоянии копить средства, а каждому десятому приходилось ежемесячно занимать деньги у друзей или других членов семьи, чтобы сводить концы с концами. Лишь у одного из восьми советских граждан был сберегательный счет⁵⁵.

Спустя год неправительственные эксперты пришли к заключению, что люди с ежемесячным доходом 100 рублей или менее жили в условиях нищеты — 81 миллион человек

(28% населения). Еще пятьдесят миллионов человек (18%) зарабатывали 100–125 рублей в месяц — они были, как говорилось тогда, «на пороге бедности»⁵⁶. Таким образом, 131 миллион человек, или 46% советских граждан, в это время причислялись к категории бедных⁵⁷.

«Пятидесятилетний рабочий из Москвы сообщил социологам, что «за всю свою жизнь» он не мог бы купить своим детям велосипед, «не говоря уже о чем-то другом». Согласно письму одного из читателей, опубликованному в «Комсомольской правде», рабочий с семьей из четырех-пяти человек, получающий 200 рублей в месяц (высокий оклад по меркам 1989 года), не имел возможности «отложить даже рубль на черный день». «Мы не заглядываем дальше, чем на день вперед. О будущем мы и не думаем»⁵⁸.

В стране, в которой в 1988 году среднемесячный доход на душу населения составлял 125 рублей, стоимость «гардероба» самых необходимых вещей для семилетней девочки (пальто, колготки, ботинки, рубашки, при условии, конечно, что эти вещи вообще можно было найти в магазинах) составляла около 420 рублей⁵⁹. «Я хотела бы спросить у наших социологов, — сказала одна женщина, отвечая на вопросы специалистов, проводящих опрос общественного мнения, — как может семья жить на 50 рублей на человека?» И советские социологи ответили ей, пускай и не напрямую: в соответствии с их расчетами, чтобы удовлетворять «базовые потребности», обоим родителям в семье с двумя детьми необходимо было зарабатывать по 400 рублей⁶⁰, сумму просто астрономическую.

Даже имея относительно высокую зарплату в 140 рублей в месяц, мать-одиночка, квалифицированная машинистка, не смогла бы избежать бедности, если бы не помощь ее родителей. Каждый месяц она тратила 90 рублей на продукты («рыба, масло, картофель, крупы и яйца»), зимние сапоги стоили 120 рублей, а телевизор и холодильник — по несколько сотен рублей. Она смогла купить все это (а также небольшой ковер и «кресло-раскладушку» для сына) только благодаря помощи

своих родителей⁶¹ (ежемесячное государственное пособие для матери-одиночки составляло 20 рублей в месяц).

После тридцати лет работы в качестве железнодорожного электрика пятидесятидвухлетний мужчина вынужден был уйти на пенсию по состоянию здоровья. Его пенсия составляла 41 рубль 71 копейку; его жена получала зарплату 90 рублей; пенсия его тещи, которая жила с ними, составляла 31 рубль; а его сын, студент, получал стипендию 30 рублей. «Это меньше 50 рублей на человека, — писал мужчина в своем письме в газету «Правда». — Как нам жить?!»⁶²

В схожей ситуации находились два молодых врача с маленьким ребенком — они не смогли бы позволить себе холодильник, телевизор и даже одежду, если бы не помощь родителей: плата за съем комнаты в чьей-то квартире (большой надежды на покупку собственной квартиры не было), еда и уход за детьми оставляли очень мало денег на что-либо еще⁶³.

Однако наиболее остро нищета проявлялась среди пожилых людей и инвалидов. Пенсии «подавляющего большинства» пенсионеров были «позорно низкими», писал Андрей Сахаров в статье в 1988 году, в первой статье, которую он опубликовал в Советском Союзе⁶⁴. «Как могут не ужасать условия, в которых живут пенсионеры?» — спрашивал читатель в письме в «Огонек». Действительно, треть всех городских пенсионеров и 84,7% пенсионеров, живущих в сельской местности, получали пенсии менее 60 рублей в месяц*⁶⁵.

Восьмидесятитрехлетняя женщина из деревни в Центральной России написала в газету «Правда», что она проработала в колхозе всю жизнь и даже в возрасте семидесяти пяти лет выходила в поле. Ее муж был убит на Великой

* «Мы, пенсионеры, просто нищенствуем, — писала женщина в газету «Советская культура» летом 1989 года. — Я проработала машинисткой всю мою жизнь. Сейчас я пенсионер и тяжело болею. Моя [ежемесячная] пенсия составляет 72 рубля. Из них я трачу 13 рублей на жилье и 15 рублей на лекарства. Можно прожить на 44 рубля?» (Петраков Н. Доходы и расходы // Советская культура. 1989, 6 июля. С. 6).

Отечественной войне, и она осталась одна с тремя детьми. Два ее мальчика не выжили, а дочь стала инвалидом. «Я никогда не просила ни о какой помощи, пока могла работать. Я получаю пенсию 40 рублей и еще 5 рублей за своего мужа. Но сейчас здоровье ослабло. Я попросила председателя сельсовета выдать мне немного дров для печки. «Идите в дом престарелых, — ответил он мне. — У нас много таких, как вы». Она «не могла вспомнить», как добралась до дома — настолько была расстроена. После этого она проплакала целую неделю⁶⁶.

В другом колхозе мужчина и его жена (оба в возрасте шестидесяти трех лет) не получали вообще никакой пенсии: из-за частых болезней их рабочий стаж был на два года меньше минимума. «Дорогие товарищи! — писал мужчина в «Известия». — Пожалуйста, поймите меня правильно. Если бы у нас были дети, с чьей помощью мы могли бы прожить в старости, я бы не беспокоил вас». Он просил «лишь 20 рублей на хлеб», как «рабочий с неполным рабочим стажем». Местные власти отказали ему⁶⁷.

Хотя число физически и психически больных людей и размеры их доходов держались в тайне (или, возможно, этого просто никто не знал), если судить по письмам и статьям, их жизнь была куда тяжелее жизни сельских пенсионеров. «Инвалиды от рождения» младше шестнадцати лет получали пенсию 20 рублей в месяц, которая с 1 января 1987 года была повышена до 30 рублей⁶⁸. И все же сообщалось, что в 1989 году нетрудоспособный двадцатилетний мужчина получал 26 рублей ежемесячного пособия. Нетрудоспособная мать-одиночка получала «31 рубль 48 копеек» на обеспечение себя и своего ребенка⁶⁹.

«О, эта огромная богатая страна, — писал кинорежиссер Станислав Говорухин. — Леса, воды, пушнина, рыба, чуть не 70% мировых черноземов, колоссальные минеральные богатства — нефть, газ, редкие металлы, золото... И нищета! Удручающая, лишаящая достоинства нищета»⁷⁰.

Глава 8

Развенчание легитимирующих мифов

Миф 2-й: прогресс, «государство рабочих и крестьян», равноправие, «свобода от эксплуатации», Новочеркасск

Говорят, победителей не судят. Но сопоставление результатов с уплаченной за них ценой — вещь в экономике обязательная. Только разобравшись в этом, удастся понять, что было в действительности — победа или поражение.

Селюнин В. Истоки // *Новый мир*. 1988. № 5.

И что же мы обнаружили, когда очнулись от самообмана?.. Мы обнаружили нечто похожее на на слаборазвитую сверхдержаву, теряющую способность к развитию.

Адамович А. Речь на Первом съезде народных депутатов СССР. *Известия*. 1989. 29 мая

За что отдали свои жизни миллионы людей, погибших от непосильного труда, голода и болезней, в деревнях и лагерях для «спецпереселенцев»? Какие крестьянские восстания так жестоко подавлялись силами НКВД? Во имя каких стратегических целей раскулачивали и заставляли вступать в колхозы деревенских рабочих? Где же она, эта высшая цель, которая должна оправдать уничтожение села, ставшее трагедией национального масштаба?»

Попов В., Шмелев Н. На развилке дорог / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989.

Социализм — это когда работающим людям живется лучше. Это свобода труда. Это доступ к культуре и здравоохранению. Это гарантия соблюдения прав человека. Мы же, напротив, все еще пытаемся определить социализм как набор механизмов: одна правящая партия, одна идеология, государственная собственность и плановая экономика. Пятьдесят лет мы прожили с этими механизмами — и каков результат?

Бурлацкий Ф. Судьба реформаторов страны // *Литературная газета*. 1990. 27 июня..

Это миф, что в Советском Союзе не существует эксплуатации человека человеком. У нас есть эксплуатация! Эксплуатация тех, кто работает хорошо, теми, кто работает плохо; эксплуатация работников администраторами и чиновниками; эксплуатация всех трудящихся государством.

Симонян Р., Друзенко Р. Куда мы идем? // *Огонек*. 1989. № 37.

Интересы какого класса защищали лидеры эпохи Хрущева, когда они отдавали приказ стрелять в рабочих Новочеркасска в 1962 году?.. Чьи интересы направляли действия всех этих партийных деятелей райкомов, горкомов, обкомов и других аппаратчиков, когда они рвались в начало очереди на получение роскошных апартаментов? Когда они строили все больше и больше дач, охотничьих домиков, санаториев и домов отдыха, возводили дворцы для своих штаб-квартир, в то время как семь миллионов трудящихся людей ютились в бараках, крошечных квартирах без каких-либо удобств, жили в поселках рядом со сталелитейными, химическими заводами и другими крупными предприятиями и вдыхали отравленный воздух.

Кива А. Кризис жанра // *Новый мир*. 1990. № 5.

Я очень обижен на свою страну. Она унизила меня, сделав неполноценным и недоразвитым... Я люблю свою страну, как любят мать, какой бы она ни была. Мы ходим с этой мамой, оба злые, и смотрим. Я обижен на свою мать, сделавшую меня, умного и талантливого, придурком... Я очень обижен на свою мать, сделавшую меня ленивым, невоспитанным, неговорящим, непоющим, неверящим, циничным и убогим. Ходим мы с Родиной-матой, двое нищих откуда-то из шестнадцатого века, из времен каких-то непрерывных и разрушительных войн.

Жванецкий М. Из миниатюры «В Японию и назад, к себе» // *Известия*. 1989. 8 сентября.

Традиция преклонения перед историческим прогрессом, которую марксизм заимствовал у Гегеля и рассматривал как подтверждение того, что один из «способов производства» превосходит остальные, сыграла роль ключевого легитимирующего компонента в советском укладе. Базисом Советского Союза являлся государственный характер экономики, а политической надстройкой — однопартийная диктатура. Успехи советской власти, изображавшиеся как беспрецедентные по скорости и масштабу, должны были оправдывать любые жертвы, на которые приходилось идти ради достижения целей.

Первым пал устойчивый миф о том, что сталинская индустриализация и коллективизация привели к самым высоким в мире темпам промышленного и сельскохозяйственного роста. Во-первых, советские экономисты обнаружили, что с 1928 года экономика страны выросла не в 90 раз, как преподносила государственная пропаганда, а лишь в шесть или семь раз — весьма приличный результат, но отнюдь не фантастический¹.

Кроме того, экономика росла в пять-шесть раз быстрее еще в эпоху новой экономической политики в 1921–1927 годах, до полной национализации и последующего «чуда» индустриализации, описываемого в официальных «мифах». Именно тогда, во время первой «героической пятилетки», когда голодали, страдали и умирали миллионы советских граждан, темпы роста были самыми низкими, в то время как затраты материальных ресурсов на единицу продукции были наивысшими. В целом в период 1928–1985 годов темпы роста затрат на единицу продукции всегда опережали темпы экономического роста, а рентабельность инвестиций неуклонно падала².

Сравнивая темпы экономического роста в период НЭПа и после установления той системы, которую сегодня называют командно-административной, для которой было характерно бездумное расточительство, известные экономисты считают, что Советский Союз мог построить в два раза больше заводов, фабрик и электростанций, при этом не «обворовывая» крестьян, чтобы финансировать индустриализацию. Село тоже должно было кормить страну, по крайней мере на том же уровне, что во время НЭПа, при этом без «ужасных жертв» коллективизации и не обрекая село на почти 25 лет жизни «на грани голодной смерти» в 1929–1953 годах³.

«Мы никогда не сможем забыть тот трагический факт, что цена, которую заплатила страна, была совершенно несоизмерима с результатами, — писали видные экономисты и историки Владимир Попов и Николай Шмелев. — Мы говорим не только о миллионах людей, погибших напрасно. Мы говорим о вещах, которые могут и не быть столь эмоционально заряженными, но которые тем не менее ужасны: о разрушении производительных сил, о растроченных ресурсах, о безвозвратно потерянном времени, о миллионах людей, которые на протяжении всей жизни своим потом и кровью оплачивали амбиции Сталина и его полуграмотных и аморальных прислужников, узурпировавших власть»⁴. Кроме того, если в 1914 году дореволюционная Россия была на одном уровне или же близка по экономическому развитию со многими странами, то

в 1990 году Советский Союз «за редкими исключениями» отставал от этих же стран «во всех сферах человеческой деятельности»⁵.

В 1987 году половина всех советских рабочих и крестьян занимались ручным трудом — такое соотношение было на 30–35% выше нормы, принятой в других промышленно развитых странах, и даже выше, чем в самом Советском Союзе тридцать лет назад⁶. Почти 9,5 миллиона человек работали на вредном производстве, и из них 30% составляли женщины. Кроме того, 275 тысяч женщин занимались «тяжелым физическим трудом»⁷. По словам заместителя председателя Государственного комитета по статистике (Госкомстат), в 1987 году произошло 690 000 несчастных случаев на производстве, из них 14 600 с летальным исходом*⁸.

Еще одной платой за «экстенсивную» индустриализацию был полномасштабный экологический кризис. Летом 1988 года, по словам председателя Государственного комитета по охране окружающей среды, 50 миллионов советских граждан в 102 городах были подвержены воздействию «такой концентрации вредных веществ в воздухе, [которая была] в десять раз выше» нормы⁹. Или, как сказал год спустя ведущий специалист Советского Союза по проблемам окружающей среды, одна пятая населения страны жила в «зонах экологических бедствий» и еще 35–40% населения проживали в «экологических неблагоприятных условиях»¹⁰.

Академик Сахаров наверняка застал советского читателя врасплох, написав в 1988 году о том, что большинство научных и технологических идей пришли в Советский Союз с Запада, часто с запозданием в годы и даже в десятки лет¹¹. По признанию премьер-министра Рыжкова, для него сокрушительным ударом было узнать в 1985 году, что страна, которую

* Специалист по охране труда утверждал, что если подсчитать число людей, которые ежегодно умирали от болезней, полученных на работе, то наберется около 200 000 смертей каждый год (Волин В. Охрана от безопасности // *Московские новости*. 1989. 27 августа. С. 10).

он считал «ведущей индустриальной державой мира», импортировала все подряд: от зерна и колготок до промышленных станков и оборудования. Половина химической промышленности держалась импортным оборудованием, продолжал Рыжков; за счет импорта работало 80% легкой и пищевой промышленности. Из общего объема импорта СССР станки и оборудование составляли 40%!¹² Страна, которая в 1913 году экспортировала 9 миллионов тонн пшеницы, теперь была одним из крупнейших в мире импортеров зерна, которого она ежегодно закупала десятки миллионов тонн. Каждый третий батон хлеба и каждая вторая пачка макарон в Советском Союзе были произведены из импортного зерна¹³.

Тем не менее даже эти гигантские объемы импорта, оплачиваемые в основном нефтью, газом и золотом, не могли компенсировать отсталость и недостатки экономической системы. Одна из крупнейших швейных фабрик страны — в Павловском Посаде — располагалась в здании 1910 года и использовала ткацкие станки, произведенные в начале века. Для председателя колхоза в Ставропольском крае было «наказанием» использовать советские плуги, не позволявшие равномерно вспахивать землю, что приводило к огромному снижению урожайности¹⁴. Когда шахтеры Кузбасского угольного бассейна на юго-западе Сибири бастовали летом 1989 года, их требования включали полотенца, ватные телогрейки и 800 граммов мыла для мытья после рабочей смены*¹⁵.

«У вас есть компьютеры?» — спросил осенью 1989 года режиссер Станислав Говорухин, обращаясь к представителям отделения милиции в Перми, городе с миллионным населени-

* В другом важном горнодобывающем регионе, Донбассе, администрация отказалась предоставить мыло для мытья после смены, намекая шахтерам на то, что они должны приносить свое собственное. Когда выяснилось, что существует страшная нехватка мыла в домах шахтеров, власти вычислили дневную «норму» для выдачи — 18 г. «Нам было интересно, — писали шахтеры в газету «Известия», — соскабливать эти 18 граммов с куска мыла или же просто взвешивать мыльные пузыри?» (18 граммов мыльных пузырей. Письмо шахтеров из шахты им. Киселева, город Торез // *Известия*. 1989. 15 апреля. С. 2).

ем на востоке европейской части в Предуралье. «У нас не хватает даже пишущих машинок, а вы еще спрашиваете про компьютеры!» — ответил ему следователь¹⁶. В другом городе с населением более миллиона человек — в Куйбышеве (ныне Самара) на юго-востоке России, крупнейшем промышленном центре в Среднем Поволжье, 60% участковых милиционеров не имели в своих квартирах телефонов¹⁷.

И это при том, что стражи порядка жили в целом лучше, чем простые люди. В РСФСР лишь одна семья из пяти имела телефон¹⁸. В целом по Советскому Союзу телефоны были лишь в 30% городских жилищ и в 10% сельских. Связь между деревнями поддерживалась с помощью тракторов или лошадей. В стране было около 14,9 миллиона неудовлетворенных заявок на проведение телефонов, более миллиона из них приходились на инвалидов¹⁹. Так, в декабре 1987 года один рабочий текстильной промышленности из города в Московской области ждал телефона уже двадцать два года.

В результате беспристрастного сравнения Советского Союза с другими странами стала известна самая горькая правда. Десятки миллионов рядовых граждан, которые, несмотря на свои ежедневные трудности, были уверены, что живут лучше, узнали, что они на самом деле бедны. В рейтинге стран по уровню потребления на душу населения Советский Союз оказался на 77-м месте. В списке стран по количеству автомобилей на душу населения СССР занимал 58-е место с показателями в 3–4 раза ниже, чем в Венгрии и Чехословакии, а также в 10 раз ниже, чем в Западной Германии. Сообщалось также, что СССР уступал Индии по протяженности дорог с твердым покрытием.

Выяснилось, что уровень зарплат в СССР был на несколько порядков ниже, чем в «развитых странах»*. При этом по уров-

* «Средняя зарплата у нас составляет порядка 200 рублей, — с негодованием отмечал редактор «Литературной газеты» летом 1990 года. — А в США, Великобритании, Японии и т.д. средняя зарплата составляет 1500 долларов. Это простой факт, и никакая идеологическая софистика не в силах его опровергнуть» (Бурлацкий Ф. Судьба реформаторов страны // *Литературная газета*. 1990. 27 июня. С. 1).

ню жизни своих граждан Советский Союз отставал не только в абсолютном, но и в относительном выражении. Покупательная способность советского рубля уступала не только доллару США (которые, согласно знаменитому пропагандистскому лозунгу Н.С. Хрущева, надо было «догнать и перегнать»), но и была ниже по сравнению с дореволюционным рублем 1913 года и рублем времен последних годов НЭПа. Согласно подсчетам старшего научного сотрудника авторитетного аналитического центра «Институт США и Канады», чтобы позволить себе купить те или иные продукты питания, средний советский работник должен был работать в разы больше: чтобы позволить себе купить мясо — в 10–12 раз, молоко — в 3 раза, сливочное масло — в 7 раз, куриные яйца — в 10–15 раз, бананы или апельсины (которые, впрочем, можно было найти только в Москве) — в 18–25 раз, чтобы купить хлеб — в 2–8 раз²⁰. В пересчете на стоимость рабочего времени в Советском Союзе 80-х годов один килограмм мяса стоил в 1,5 раза больше, чем в России 1913 года, стоимость трех и двух часов труда соответственно. По тем же подсчетам, в 1985 году уровень потребления мяса в городах в расчете на душу населения был почти в два раза меньше по сравнению с уровнем 1913 года (в 1985 году в СССР этот показатель был в два раза ниже, чем в США)²¹.

Чтобы позволить себе купить продукты в том количестве, которое устанавливалось «нормами ежемесячного потребления продуктов питания» (сейчас мы не принимаем во внимание возможность найти те или иные продукты в продаже), среднестатистическая советская семья, состоящая из четырех человек, двое из которых работающие взрослые, и ежемесячный доход которой составляет 380 рублей, должна была тратить 59% заработка на продукты питания. Для сравнения: среднестатистическая американская семья на продукты питания тратила 15% заработка*. Чтобы позволять себе покупать

* Расходы семей на продукты питания в разных странах в процентах от ежемесячного дохода: Япония — 20%, Франция — 25%, Испания — 45%, Восточная Европа (в целом) — 21% (Зайченко А. США—СССР: личное потребление // США. 1988. 12 декабря. С. 17).

продукты питания, качество и количество которых соответствовало бы не «советским нормам потребления», а американским стандартам, среднестатистическая советская семья вынуждена была бы тратить 180% ежемесячного заработка²².

У среднестатистического советского трудящегося действительно уходило меньше денег на оплату своей крошечной квартиры (при условии, что ему повезло и у него она была), чем у среднестатистического американца. Однако если учитывать площадь жилья и степень комфорта, то получится, что квадратный метр жилплощади в Советском Союзе был дороже, чем в США на 41%. Чтобы оплатить такое жилье, городской житель в СССР должен был работать 1,23 часа в день, а житель американского города — 0,87. При этом в США общий объем жилой площади «со всеми удобствами» был в 6–7 раз больше, чем в СССР, где по состоянию на 1980 год в расчете на душу населения этот показатель находился на уровне 1913 года в Санкт-Петербурге²³.

Наконец, соотношение цен на одежду и товары длительного пользования и уровня зарплаты в Советском Союзе было в 10–20 раз больше, чем в США. В целом считалось, что уровень розничных цен на товары и услуги (особенно на продукты питания) в СССР был «одним из самых высоких в мире»²⁴.

Возможно, еще более досадным открытием стало то, что страна, которая гордилась высочайшим уровнем научно-технического и духовного развития, отставала от многих других стран и в плане «потребления» культурных благ, а ее культурные учреждения получали намного меньше финансовой поддержки со стороны государства. Советский Союз занимал 29-е место в мире по числу музеев в стране, а среди семи стран — членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) — экономической организации социалистических государств* — по этому же показателю, взятому в расчете на 100 000 человек, СССР был на последнем месте. Исходя из численности насе-

* В состав СЭВ входили: Болгария, Чехословакия, Восточная Германия, Венгрия, Польша и Румыния.

ления, СССР также занимал последнее место среди других европейских социалистических стран по посещаемости концертов классической музыки и художественных выставок²⁵.

Статус Советского Союза как «самой читающей страны мира» оказался очередным мифом. Количество наименований книг, выпущенных на 1 миллион населения в СССР, лишь на 25% превысило показатель России 1913 года и составило лишь половину от количества наименований книг, напечатанных в США и Японии, одну треть от аналогичных показателей ФРГ, Великобритании, Нидерландов и Испании и одну четвертую от количества наименований книг, изданных в скандинавских странах²⁶. Согласно оценкам экспертов в области советского общественного мнения и издательского дела, в общем количестве печатаемых в СССР книг удельный вес книг для детей был ниже, чем в «практически любой другой стране с большим количеством выпускаемых книг». По объему производства бумаги в расчете на душу населения Советский Союз занимал 47-е место в мире. А уровень потребления бумаги для письма и книгопечатания уступал более чем в два раза показателям Венгрии, Восточной Германии и составлял одну шестую часть от показателя Великобритании. По сравнению с Советским Союзом, в Канаде производилось почти в 8 раз больше бумаги, а в Швеции, США и Финляндии — почти в 12 раз²⁷. Бюджет Библиотеки Конгресса США в 15 раз превышал бюджет библиотеки имени В.И. Ленина²⁸. В США 34% жителей в возрасте от 18 до 25 лет учились в высших или средних учебных заведениях, а в Советском союзе — 15%²⁹.

Забастовка шахтеров в 1989 году стала причиной, по которой советская пресса впервые стала настойчиво стремиться сообщать достоверные сведения, тем самым посягая на главный компонент основополагающей мифологии — на идею «страны рабочих и крестьян». Насколько хорошо на самом деле жилось в «своем» государстве тем, кого провозгласили его хозяевами?

В самый центр бастующего Кузбасса, на один из заводов по производству металлической арматуры, используемой для

вязки каркасов бетонных плит, отправился журналист. На этом заводе трудились женщины могучего телосложения, работавшие в выцветших майках и шароварах. Они вышли на забастовку в знак протеста против решения руководства, из-за которого была уволена мастер их участка — «молоденькая девушка», которая помогла рабочим написать жалобу по поводу слишком низкой оплаты труда. «Им наплевать на рабочего человека! — кричали в толпе. — Они хотели нас развести на деньги!» Бывшая мастер участка говорила сквозь слезы: «Я всего лишь написала за них жалобу, потому что им самим образования не хватает».

Здание завода представляло собой «коробку» из кирпича, все окна которой были выбиты. На полу в кучу были свалены металлические прутья, из которых женщины-рабочие «вязали» арматуру. Одна из них проработала на заводе 24 года, две другие — по 19 лет. Они говорили: «Вот так мы плетем арматуру. Сейчас нормально, а вот зимой... Отопления нет, туалета нет. Когда кто-нибудь приносит флягу кипятка, то нам каждому достается по полчашки». Неподалеку рабочие-мужчины сваривали металлические прутья. Поскольку эта работа относилась к разряду «вредных», мужчины имели право уйти на пенсию на несколько лет раньше, однако у женщин такого права не было, несмотря на то что, как выразились работницы завода, «мы с ними одним воздухом дышим». Именно на эти обстоятельства они указали в своей жалобе³⁰.

Из-за нехватки питьевой воды в «большинстве» населенных пунктов Кузбасса действовали специальные графики, по которым водоснабжение приостанавливалось и возобновлялось. Однако напор воды был слишком низким, из-за чего вода не доходила до верхних этажей многоквартирных жилых домов. «Обеспечат ли нас жильем с водопроводом?» — на этот вопрос требовали ответа бастующие работники Кузбасса в июле 1989 года³¹.

Мириться с обнаруженными масштабами нищеты стало еще труднее после того, как был развенчан очередной миф — о том, что в «стране рабочих и крестьян» все граждане равны

между собой. Идеи справедливости и перераспределения национального благосостояния — как в хорошие, так и в плохие времена — были частью общественного договора, лежащего в основе легитимности правящего режима, они помогали миллионам советских людей легче переносить повседневные тяготы. Однако очень быстро был установлен ряд привилегий, в закреплении которых ежедневно играли свою роль печатные СМИ. Эти привилегии не были связаны с «объективными критериями», такими как размер зарплаты или уровень профессиональной квалификации. Льготы зависели «исключительно» от положения, которое человек занимал в политической иерархии³².

Как стало известно, это была невероятно обширная, тщательно проработанная и прочно укоренившаяся система. Для немногих избранных она включала не только улучшенный ежемесячный паек продуктов питания в плане их количества и качества, но и то, что журналист «Огонька» охарактеризовал как жизнь в условиях «повышенной комфортности», имея в виду более просторные квартиры, особые меню в «специальных» столовых и автомобили с личным водителем, который отвозил их на работу (а их жен и дочерей в «специальные» магазины)³³.

Так же дело обстояло и с детскими садами: некоторые из них были как «настоящие дворцы» с бассейнами и игровыми комнатами, там детям на обед давали икру, а летом их вывозили в деревню «на свежий воздух», в то время как в других детсадах дети играли, ели и спали в одной и той же комнате. Элитные роддома тоже разительно отличались от обычных: в первых соблюдалась «строжайшая гигиена», а медсестры «чрезвычайно внимательно» относились к пациентам. Поликлиники и больницы разного статуса, разумеется, тоже коренным образом различались, поскольку персонал и материально-техническое обеспечение направляло туда легендарное «4-е Главное управление Минздрава СССР», отвечавшее за работу специальной сети здравоохранения³⁴.

Особенно значительным было неравенство в количестве и качестве продуктов питания. В одной из центральных областей страны (в газете «Правда» не было приведено ее название) члены аппарата обкома партии и исполкома областного совета, а также члены их семей потребляли от 56 до 100% «деликатесной продукции», направляемой в эту область. Причем эти люди составляли 0,04% от общей численности населения области³⁵. Жительница старинного русского города Рязань, расположенного в 196 километрах к юго-востоку от Москвы, сообщила читателям «Огонька», что до поездки в Москву за продуктами она не могла «по две-три недели найти хотя бы грамм сливочного масла». В то же время в двух соседних дачных поселках, принадлежащих рязанским обкому и облисполкому, продавали порядка тонны икры, более 6 000 банок крабового мяса, полторы тонны осетрины горячего и холодного копчения, а также полторы тонны буженины³⁶.

«Мы не пойдем в шахты на голодный желудок!» — скандировали бастующие шахтеры Кузбасса, собравшиеся на центральной площади города Прокопьевска³⁷. Когда забастовочный комитет получил продовольственные товары, избранный из числа шахтеров ответственный по вопросам торговли отправился на «закрытый» склад продуктов. Впоследствии он сообщил репортеру: «Мне 43 года. Я так понимаю, две трети моей жизни уже позади. Но многие из продуктов, которые там оказались, я не только никогда не видел, но даже не знал, что они существуют. И все же они там были для кого-то...»³⁸

Осенью 1987 года читательница «Огонька» писала: «Если какой-нибудь большой шишке придется простоять два-три часа в очереди на прием к врачу в обычной районной поликлинике, а сам прием у врача продлится минут пять; если ему придется два-три года ждать своей очереди на зубное протезирование, если ему придется некоторое время проваляться в коридоре больницы, а там не окажется нужного ему лекарства и если его жене придется переобуться в то, что продают в обычных обувных магазинах... вот *тогда* можно действительно ожидать каких-то изменений!»³⁹

Известный эссеист Андрей Нуйкин писал, что люди начинали подозревать, что жертвы, принесенные на «алтарь общего дела, коим было строительство коммунизма», были принесены не ради их благополучия и даже не ради благополучия их внуков⁴⁰. По данным опросов газеты «Московские новости», по состоянию на июль 1988 года доля людей, считавших, что они живут в «несправедливом обществе» достигла 44%⁴¹. Поэтому одной из первых комиссий, которую учредил Верховный Совет, избранный Первым съездом народных депутатов, не случайно была Комиссия по вопросам привилегий и льгот.

Неравенство доступа к жилью, здравоохранению и продовольствию было самой болезненной проблемой. По результатам другого опроса в «Московских новостях», 67% респондентов считали несправедливым, что представителям элиты выделялось жилье в домах с «квартирами улучшенной планировки, расположенных в престижных районах»; 60% опрошенных высказали недовольство тем фактом, что больницы и поликлиники обслуживали лишь представителей руководства, и 84% были возмущены тем, что «некоторые магазины и буфеты были открыты для одной категории людей и закрыты для остальных»⁴². На основе такого значительного уровня неравенства доступа к «товарам и услугам высокого качества» экономист Зайченко сделал вывод о том, что социальная пирамида СССР имеет «очень большую высоту и узкую вершину», которую занимают богатые 2% населения. В середине этой пирамиды люди со средним достатком, составляющие 11% населения, а в ее основании — бедные 87% населения⁴³.

Как стало ясно из экономических и исторических очерков и статей, «страна рабочих и крестьян» тоже была «эксплуататором» в классическом марксистском понимании этого слова. Причем таким эксплуататором, у которого могли бы поучиться и капиталистические страны. Дело было не только в том, что уровень заработной платы советских трудящихся составлял ничтожную часть от уровня заработной платы западных трудя-

щихся. Фонд заработной платы трудящихся составлял лишь небольшую часть от объема экономики СССР: от 28 до 42% ВВП, в то время как в западных странах этот показатель держался на уровне 60–70% ВВП. (В 1985 году в США, на которые постоянно ориентировался СССР, этот показатель составил 61% ВВП)*⁴⁴.

Советский Союз также не мог похвастаться высоким объемом общественных фондов. В западных странах этому показателю соответствует объем расходов на социальное обеспечение. В СССР объем общественных фондов составлял 20% ВВП, а в США расходы на социальное обеспечение составляли 29% ВВП**. В 1987 году в Советском Союзе объем личного потребления составил 41% от ВВП, а в западных странах — 60–70% (в США — 66%). По этому показателю СССР был ближе к Габону и Конго⁴⁵.

Таким образом, говоря языком Маркса, СССР добивался от своих трудящихся больше прибавочного труда и оставлял им меньше средств для удовлетворения собственных нужд, чем это делалось в западных странах (речь идет о величине «необходимого труда», о чем Маркс писал в «Капитале»)⁴⁶. Отныне государственная политика Советского Союза стала подвергаться критике, ее характеризовали как «директивное

* Наибольший удельный вес в валовом объеме промышленного производства СССР фонд заработной платы советских трудящихся занимал в последние годы НЭПа и составлял 58%. Этот показатель снизился до 33% в 1950 году, затем поднялся до уровня 38% в 1987 году (Зайченко А. Как делить пирог // *Московские новости*. 1989. 11 июня. С. 12).

** Как писал Василий Селюнин, в абсолютном выражении эти показатели «попросту несравнимы», даже если учитывать сильно завышенный официальный курс рубля к доллару: 1 рубль = 1,65 долларов США. Таким образом, нельзя сравнивать СССР и США по объему средств, выделенных на образование: 38 млрд рублей против 179 млрд долларов; здравоохранение: 20 млрд рублей против 175 млрд долларов, социальное и пенсионное обеспечение: 61 млрд рублей против 458 млрд долларов (Черные дыры экономики // *Новый мир*. 1989. № 10. С. 157). В 1989 году в советском посольстве в Вашингтоне 100 долларов можно было обменять на специальные сертификаты, которые давали их владельцу право приобрести товары в сети магазинов «Березка» на сумму 320 рублей (Черниченко Ю. О хлебе насущном // *Комсомольская правда*. 1989. 12 марта. С. 2).

планирование нищенского уровня жизни» и «механизм воспроизводства бедности»⁴⁷.

Словно подтверждая пророческий характер идей марксизма относительно первого социалистического государства, Советский Союз сочетал экономическую эксплуатацию с политическими репрессиями. В январе 1989 года читатели газеты «Московские новости» обозначили «бюрократическую систему правления» и «беззащитность граждан против произвола чиновников» как одни из «наиболее острых» проблем, стоящих перед советским обществом⁴⁸. «На смену власти народа в социалистическом обществе пришла власть узкого круга лиц из высшего бюрократического аппарата», — говорилось в резолюции, принятой рабочими комитетами Кузбасса в ноябре 1989 года⁴⁹. Один из политологов охарактеризовал советскую политическую систему как «доминирование правящей административной иерархии, не избираемой народом и которой дозволено все»⁵⁰.

В этом однопартийном полицейском государстве, как выразился один отставной генерал КГБ, не было «ни одной сферы жизни», куда спецслужбы не внедряли бы своих агентов: от Академии наук до Священного синода Русской православной церкви, агентом под прикрытием мог быть кто угодно: от музыкантов до литературных критиков⁵¹.

Становление политической и экономической системы сопровождалось в стране эксплуатацией рабочего класса. В начале 30-х годов, утратив остатки своей независимости, профсоюзы не смогли оказать сопротивления усилившейся эксплуатации и превратились в инструмент государственного контроля. К 1940 году были введены правила, согласно которым промышленного рабочего, который попытался сменить место работы без разрешения начальства или попросту опоздал на работу на несколько минут, могли арестовать, судить и отправить отбывать наказание в трудовом лагере. Подростка, обучавшегося в профтехучилище, могли арестовать, судить и отправить отбывать наказание в колонии (трудовой лагерь для несовершеннолетних) за попытку бросить учебу⁵².

И снова больше всех пострадали крестьяне. В силу обездоленного и бесправного положения, в котором они оказались в результате коллективизации, экономисты, историки и журналисты часто называли их уклад жизни «крепостничеством», а их самих — «крепостными». Более тридцати лет — с 1932 года и до середины 1970-х годов — советским крестьянам нужна была специальная справка, без которой они не могли перемещаться внутри страны. Чтобы отправиться в город, в областной центр, не говоря уже о городах за пределами области, крестьянин был обязан получить разрешение в сельском совете. Вплоть до 1953 года крестьянам выдавали заработную плату не в денежной, а в натуральной форме. Так, например, в 1950 году в черноземной Курской области заработная плата крестьянина за один трудовой день составляла 200–300 граммов хлеба⁵³.

Пользуясь монополией на закупки, государство устанавливало настолько низкие цены на зерно, мясо и молоко, что колхозам не всегда хватало выручки, чтобы покрыть расходы на доставку своей продукции к ближайшей железнодорожной станции⁵⁴.

В письме в редакцию газеты «Московские новости» один из читателей поделился своими воспоминаниями о жизни в украинских селах в 1949–1953 годах. Он написал, что наблюдал там «самую ужасающую степень бедности людей, у которых не было паспортов и которым за их труд не платили практически ничего»⁵⁵. «Когда в нашем селе пекли хлеб, в него добавляли опилки и листья клевера. Когда можно было добавить туда картошку — это был настоящий праздник», — писал Василий Селюнин о своем детстве, которое проходило в период после проведения коллективизации. — Хуже всего было то, что, выходя из организма, непереваренные опилки и трава царапали задний проход и вызывали кровотечение»^{*56}.

* «Чистый черный хлеб без картофеля и желудей ели, как пряник, только в праздник, — говорит героиня книги Василия Гроссмана «Все течет...», вспоминая о временах, когда она была председателем колхоза. — Как-то раз я привезла старшей сестре в деревню белого хлеба, и дети боялись его кушать — первый раз в жизни увидели» (Гроссман В. Все течет // *Октябрь*. 1989. № 6. С. 61).

В отличие от тех, кто работал в городах, колхозникам не выдавали продовольственных пайков. Писатель Юрий Черниченко вспомнил своего одноклассника Колю, с которым учился в 1946 году. Он был «мальчишкой из колхоза», у него не было «хлебной карточки» и он приходил в школу только ради куска хлеба, выдаваемого на завтрак. Даже тогда Черниченко понимал, что причиной этому было то, что «мы родились вольными людьми, а Колька Крючков был крепостным»⁵⁷.

Крестьяне жили лишь за счет того, что они сами выращивали на своих крошечных земельных участках, приходя домой после того, как отработали в колхозе целый день без оплаты — в точности как их предки во времена барщины. Тем не менее «государственные крепостные» были обязаны уплачивать налог государству, который взимался натурой, и размеры которого зависели от произведенного ими на своих личных земельных участках⁵⁸. Каждое домашнее хозяйство голодающих советских сел было обязано, например, в 1948 году сдать государству 40–60 килограммов мяса, 100–280 литров молока и несколько десятков яиц⁵⁹. «Иногда приходилось покупать мясо, молоко, яйца, а затем отдавать это все государству»⁶⁰. Картофель и шкуры животных также могли взиматься в пользу государства в качестве налога натурой⁶¹. Вдобавок налог собирался с «каждой яблони», с каждого куста черной смородины⁶².

В своих воспоминаниях журналист «Комсомольской правды» писал: «После того как мой отец вернулся с войны, он надолго заболел. Он был все еще прикован к постели в тот день, когда в наш дом пришел административный сотрудник и потребовал уплатить налоги. Налогами облагалось все: животные, куры, яблони, кусты и, разумеется, огород. Нам было нечем платить. Нам нечего было есть. Корова была нашим единственным спасением. Чиновник строго предупредил: “Если вы не заплатите завтра, то вы сами знаете, что случится”. Даже будучи мальчишкой, я понимал, что может “случиться”. Они придут и опишут все наше имущество, а затем все

отнимут. Что делать? Утром мы с мамой начали с коровы — надо было продать ее на рынке. Она была нашей единственной надеждой и кормилицей. Мама вела корову за веревку и плакала всю дорогу длиной 10 километров, которую мы прошли пешком. Я шел позади и подгонял корову прутиком. Я тоже плакал из-за несправедливости всего этого — теперь мы все помрем с голоду!..

Вечером, когда мы вернулись с рынка, мама была совсем больна. Она глядела на меня, на моего младшего братика в детской кроватке, на моих двух сестер и сокрушалась: “Что теперь с нами будет? Как нам жить дальше?”⁶³.

В 1989 году главный редактор журнала «Октябрь» написал статью, в которой подвел итоги коллективизации, того «великого перелома» в официальной истории. Он писал о селах, в которых не было дорог и которые утопали в непроходимой грязи, о тысячах исчезнувших деревень, вместе с которыми исчезли тысячи домашних хозяйств, о миллионах гектаров заброшенных земель, заросших деревьями и сорняками⁶⁴. К этому портрету экономисты добавили несколько штрихов: производительность труда в сельском хозяйстве была на уровне одной пятой — одной четвертой от уровня США, урожай с гектара земли меньше одной трети от уровня стран Западной Европы и США и отставание более чем в два раза по уровню надоев молока на одну корову⁶⁵.

Заслуженный председатель одного из колхозов сокрушался по поводу отсутствия в домах советских сел централизованного газо- и водоснабжения и туалетов. Он с негодованием отмечал: «Мы качаем природный газ в Европу, а в наших деревнях нет ни одной газовой горелки, даже в деревнях, расположенных неподалеку от газопроводов!»⁶⁶ К началу 1970-х годов в большинство советских сел было проведено электричество, однако крестьяне по-прежнему были вынуждены набирать воду из колодцев и мыться в корытах. В сумраке утра доярки по-прежнему должны были ходить на ферму в высоких резиновых сапогах, поскольку ноги увязали в грязи по колено. Сельчане по-прежнему нанизывали на вилы охапки невыноси-

мо дурно пахнущего квашеного силоса и перетаскивали его на себе. А их дети по-прежнему ходили пешком по четыре километра до ближайшей школы⁶⁷.

Один из самых красноречивых сюжетов, развенчивающих миф о «стране рабочих и крестьян», — расстрел в Новочеркасске в июне 1962 года. Первое описание этих событий почти двадцать лет назад дал Александр Солженицын в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ». Информация об этом событии была засекречена, а книга Солженицына была запрещена. Сам факт того, что в газетах появились сообщения о трагических событиях, произошедших в Новочеркасске, уже означал настоящий прорыв в процессе поиска правды. Вторая особенность события — расстрел безоружных рабочих произошел *после* смерти Сталина, когда полным ходом шел запущенный Хрущевым процесс «десталинизации», когда впервые было публично признано существование ГУЛАГа — после того как была опубликована повесть Солженицына «Один день из жизни Ивана Денисовича». Жертвами расстрела стали не обычные цели гостеррора — крестьяне, представители интеллигенции, люди из высшего руководства, военные офицеры, старые большевики, а простые заводские рабочие, то есть члены правящего класса, как утверждала официальная пропаганда, те кто, должен был быть опорой «советской власти». Наконец, многие из тех, кто исполнил приказ и открыл огонь на поражение в тот день, живы до сих пор.

Журналисты действовали целенаправленно, стараясь «докопаться» до правды, в каждой публикации стремились «показать, как все было на самом деле», потому что из таких «происшествий необходимо извлекать уроки», как говорилось в первой статье, опубликованной 2 июня 1989 года, к двадцать седьмой годовщине бойни в Новочеркасске⁶⁸. Спустя три недели в печати появилась еще одна большая статья, и еще две вышли в 1990 и 1991 годах. Руководствуясь письмами свидетелей, журналисты расширили охват расследования, искали тайное массовое захоронение и пытались установить личность каждой жертвы.

Начало этой трагической истории приходится на январь 1962 года, когда государство начало сокращать расценки за конкретные виды производственной деятельности на всех советских заводах и фабриках, пока они не оказались снижены на 30–35%⁶⁹. К маю это почувствовали в каждом цеху гигантского Новочеркасского электровозостроительного завода (НЭВЗ) в городе с населением более 145 тысяч человек, расположенном в Ростовской области, в 900 километрах к югу от Москвы. Затем 1 июня правительство объявило о резком повышении цен на мясо и масло.

Рабочие сталелитейного цеха завода сразу же прекратили работу. Громко выражая недовольство, они вышли на улицу, где увидели директора завода.

«Как нам теперь сводить концы с концами?» — вопрошали рабочие. «Не волнуйтесь, — ответил директор. — Все будет в порядке. Не хватает на мясо — ешьте пирожки с ливером!»⁷⁰

По мнению большинства, именно эти слова стали «искрой», от которой вспыхнул протест. Прозвучала сирена, оповестившая о начале всеобщей забастовки. Рабочие сорвали огромный портрет Хрущева с фасада завода, разбили картины с его изображением в канцелярии и бросили их в костер. Люди взяли в руки плакаты с лозунгами: «Дайте нам мяса и масла!», «Нам нужны квартиры!» (Как и миллионы советских трудящихся, многие рабочие НЭВЗ с семьями были измучены жизнью в бараках или в съемных комнатах и квартирах за 35–50 рублей в месяц, что составляло существенную часть их бюджета⁷¹.) На фотографии, снятой спецслужбами, был изображен плакат следующего содержания: «Мясо, масло, повышение зарплаты!»⁷². Рабочие забирались на грузовики и один за другим произносили речи. Протест продолжался всю ночь.

Рано утром следующего дня некоторые из самых активных забастовщиков были арестованы. Тем не менее, маршируя под красными флагами и портретами Ленина, от семи до восьми тысяч рабочих прошли 10–12 километров от завода к горкому КПСС в центре Новочеркасска. (На фото из архива управления Главной военной прокуратуры колонна была пятнадцать чело-

век в ширину, и конца ее не было видно.) К этому моменту приказы отдавали член Президиума ЦК КПСС Анастас Микоян и секретарь ЦК КПСС Фрол Козлов, находившиеся в штабе местного военного гарнизона и окруженные «со всех сторон» танками и войсками⁷³.

Вскоре площадь перед опустевшим горкомом партии (его сотрудники уже сбежали) была заполнена рабочими. «Как нам жить? — кричали люди. — Нам нечего есть!» Солдаты и танки начали двигаться в сторону толпы. Вдруг прозвучала очередь из автомата Калашникова, а затем еще одна. Люди побежали, пытаясь унести раненых. Многие, вероятно, ветераны войны, сразу легли на землю и стали ползти. На площади остались лежать тела погибших⁷⁴. По словам бывшего первого заместителя командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерала Матвея Шапошникова, от двадцати двух до двадцати четырех человек было убито и тридцать ранено⁷⁵. Точные цифры могут уже никогда не стать достоянием общест-венности.

Тела погибших так и не были возвращены семьям. Летом 1990 года, двадцать восемь лет спустя, место захоронения так и оставалось неизвестным — это все еще была государственная тайна. Одно из тел принадлежало пятнадцатилетнему мальчику, Гене Терлецкому. Он был убит шальной пулей, когда через дыру в заборе наблюдал за штабом, перед которым протестующие собрались, чтобы потребовать освобождения арестованных утром. Год спустя его мать вызвали в штаб и спросили, знает ли она, где находится тело ее сына. «Я буду знать, если вы мне скажете», — ответила мать. Ей выдали свидетельство о смерти и отправили домой. Почти три десятилетия спустя она все еще боится говорить о своем сыне. Семья местной женщины-парикмахера, которая была убита во время работы в своем салоне, тоже так никогда и не увидела ее тело⁷⁶.

Мать еще одного убитого мальчика вспоминает, что ходила в милицию, где ее отправили в городской совет. «Моего мальчика убили, — сказала она одному из секретарей совета. — Хотя бы отдайте мне его тело. А он сказал мне: никто ни в кого

не стрелял и никто не погиб. Затем пришел молодой человек и увел меня, прикрывая ладонью мой рот»⁷⁷.

4 июня 1962 года милиционер из соседнего города вынужден был подписать расписку, «обязавшись выполнить правительственное поручение и сохранять государственную тайну». Если «я нарушу присягу», говорилось в расписке, «я буду подвержен высшей мере наказания, казни». (Скорее всего, «поручение» состояло в транспортировке и захоронении тел.) В январе 1991 года один из сотрудников милиции, утверждавший, что участвовал в погребении погибших 2 июня, был куда-то увезен «местными властями» в тот самый день, когда он должен был дать интервью российским документалистам⁷⁸.

Кровь на площади перед горкомом смывали сначала водой из пожарных шлангов, затем при помощи специальных машин, оборудованных щетками. Потом площадь покрыли новым слоем асфальта.

Два месяца спустя, в августе 1962 года, на специальном заседании Верховного суда РСФСР происходил процесс над четырнадцатью предполагаемыми «зачинщиками». Семеро были приговорены к смерти и вскоре расстреляны⁷⁹. Основным доказательством против них были фотографии, которые, по-видимому, снимали одетые в штатское сотрудники КГБ 1 и 2 июня. (В 1990 году оригиналы этих фотографий таинственным образом исчезли из восьми томов «новочеркасского дела», которое хранилось в канцелярии Главной военной прокуратуры. К счастью, незадолго до исчезновения были сняты копии.) Каждый «преступник» был отмечен крестом. Подпись под одной из фотографий гласила: «Выражал недовольство политикой партии». Под другой: «Вел себя крайне неуважительно. Кричал, что убьет любого, кто не даст ему мяса и масла». А следующая подпись находилась под фотографией женщины, стоявшей возле здания горкома: «Выражала недовольство. Злостный подстрекатель».

Самым старшим среди расстрелянных в августе 1962 года было пятьдесят пять и тридцать девять лет. Двух самым младшим было по двадцать пять. В апреле 1991 года шестеро из

них были полностью «реабилитированы» (полностью оправданы судом). Один был признан виновным в «хулиганстве», которое влечет за собой максимальное наказание в виде трех лет лишения свободы⁸⁰.

Один из казненных, рабочий по имени Андрей Каркач из соседнего электродного завода, был обвинен в том, что вышел встретить делегацию НЭВЗ, которая пришла на завод, чтобы попросить рабочих присоединиться к забастовке. Кроме того, он был обвинен в том, что «клеветал о материальном положении трудового народа». Помимо казни, его приговор также предусматривал «конфискацию всего имущества». Тридцать лет спустя его жена и дочь показали журналистам это «конфискованное имущество»: заброшенную и полуразрушенную лачугу, в которой раньше жила их семья⁸¹.

Остальные «организаторы» получили длительные сроки тюремного заключения. Один из них, Петр Сиуда, был приговорен к двенадцати годам за выступление на митинге 1 июня на НЭВЗ, где он задавал главному инженеру «провокационные вопросы» и предлагал рабочим пойти маршем на горком, чтобы представить свои требования⁸². Другой подсудимый, по словам его адвоката, был «всего лишь мальчиком», который из любопытства протиснулся в переднюю часть толпы, где попал на фотографию. Не было никаких других доказательств его вины. Он был приговорен к десяти годам заключения⁸³.

2 июня 1990 года в Новочеркасске состоялся первый митинг памяти и прошла «гражданская панихида» в память о погибших. Журналист из Москвы, писавший о заседании, выразил надежду, что вскоре убитые будут похоронены «должным образом, как люди», и что на площади, где они погибли, будет возведен мемориал^{*84}.

* 31 мая 1991 года на площади перед горкомом был поставлен большой камень с православным крестом и надписью «2 июня 1962 г.». В 1994 году двадцать шесть тел были захоронены на городском кладбище. 11 июня 1996 года президент Борис Ельцин приехал в Новочеркасск, чтобы объявить, что он подписал указ о полной реабилитации всех, кто проходил по «новочеркасскому делу» в 1962 году.

Тем временем приходило все больше писем от читателей, в которых рассказывалось о расстрелах бастующих: «Длинная и тревожная череда расстрелов». По оценкам репортера «Комсомольской правды», после смерти Сталина произошло еще порядка сорока случаев, подобных новочеркасскому⁸⁵. Кому, если не первому свободно избранному Верховному Совету страны, подобает «взять на себя эту тяжкую ношу и изучить печальный список преступлений против народа?» — написал еще один журналист летом 1990 года. Тогда у нас появится надежда, что подобных списков больше никогда не придется составлять⁸⁶.

Глава 9

Развенчание легитимирующих мифов

Миф 3-й: Великая Отечественная война

Мы как-то умудрились сочинить «другую войну». К тому, что написано о войне, я как солдат никакого отношения не имею. Я был на совершенно другой войне.

Астафьев В. Речь на конференции «Неотложные вопросы исторической науки и литературы». Москва, 27–28 апреля, 1988
// *Литературная газета*. 1988. 18 мая.

Ни одна составная часть официального советского «канона» не связывала народ и режим крепче, чем полная трагедий и героизма история Великой Отечественной войны, начавшейся 22 июня 1941 года с вторжения немецких войск в Советский Союз. На протяжении более сорока лет официальный миф был простым и надежным. Советское руководство, стоящее перед неизбежной перспективой вторжения нацистской Германии и преданное Францией и Великобританией (которые, прикрываясь тем, что ведут переговоры с Советским Союзом по созданию антигерманского союза, на самом деле хотели «обратить Гитлера на Восток», подтолкнув к войне с Советским Союзом), не имело иного выбора, кроме как попытаться выиграть для себя «передышку», для чего в августе 1939 года оно заключило с Германией договор о ненападении (пакт Молотова–Риббентропа).

Этот искусный маневр сработал. Немецкое наступление было отложено почти на два года, что позволило Советскому Союзу значительно усилить свою оборону, нарастить, модернизировать и обучить свои вооруженные силы и, наконец, запастись материалами и всеми необходимыми припасами для войны. Затем, после первоначальных неудач 1941 года, вызванных совершенной внезапностью немецкого наступления и подавляющим преимуществом агрессора в живой силе, оружии, танках и самолетах, Красная армия начала медленно,

но верно и неумолимо уничтожать врага, освобождая мир от «коричневой чумы». Огромные жертвы, принесенные за время войны, были абсолютно необходимы для победы, к которой Советский Союз пришел прежде всего своими силами, благодаря талантам военного руководства, а также благодаря мастерству и доблести советских офицеров и солдат, при этом не получая почти никакой помощи от своих очень неохотно действующих «союзников»¹.

В эпоху гласности в 1987–1989 годах все составные части этого мифа подверглись жесткой критике со стороны «развенчателей мифов», за исключением разве что идеи о поразительной доблести и самопожертвовании советских солдат. С тех пор вопрос изучения истории войны приобрел весьма неоднозначный характер, что было связано с непростительно широкой причастностью режима к смертям и страданию миллионов граждан, солдат и гражданских лиц.

По этой новой версии военной истории, сближение с Германией началось еще задолго до середины августа 1939 года и выглядело гораздо более искренним, чем якобы вынужденная «уловка», о которой говорится в официальной мифологии. Как заявил министр иностранных дел Вячеслав Молотов, поднимая бокал за товарища Сталина ночью с 23 на 24 августа, после подписания договора о ненападении, именно речь Сталина на XVIII съезде Всесоюзной коммунистической партии 10 марта 1939 года (речь, «которая была очень хорошо принята в Германии», с удовольствием добавил Молотов) стала «поворотным пунктом в отношениях между Советским Союзом и Германией»^{*2}. Два месяца спустя предшественник Молотова в Министерстве иностранных дел и убежденный сторонник идеи создания антигитлеровской коалиции с западными державами³ Максим Литвинов был отправлен в отставку, а почти все ключевые

* Фашизм не является проблемой, заявил Сталин на съезде. Фашизм в Италии не помешал Советскому Союзу иметь «наилучшие» отношения с этой страной (Кулиш В. У порога войны // *Комсомольская правда*. 1988. 24 августа. С. 3).

сотрудники Министерства иностранных дел были арестованы и расстреляны*.

Более того, как пишет известный советский историк, было бы «искажением» говорить о том, что Франция и Великобритания не изменили свою политику «умиротворения» после оккупации Германией Чехословакии в марте 1939 года⁴. Напротив, дипломатическая деятельность западных держав явно свидетельствовала об искреннем желании создать коалицию для противостояния Германии. Даже сторонник политики «умиротворения», премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен, нанес неожиданный визит в советское посольство в Лондоне⁵.

Что касается «затягивания» западными державами переговоров с Москвой, то, даже несмотря на вполне реальные антикоммунистические настроения лидеров западных стран, которые официальная советская история называла в качестве основной причины их предательской нерешительности в переговорах с Москвой, Франция и Великобритания имели веские основания крайне настороженно относиться к союзу с СССР под руководством Сталина⁶. Почему они должны были больше доверять «репрессивному диктаторскому режиму», «тирании левых», настроенной враждебно по отношению к демократии и возглавляемой человеком, который попирает любые нормы нравственности и в целях укрепления своей собственной авторитарной власти прибегал к преступным и жестоким инструментам репрессий?⁷ И по какой такой причине военные офи-

* Говорили, что Сталин приказал Молотову «очистить министерство от евреев». «Слава Богу за эти слова! — вспоминает Молотов. — Евреи занимают абсолютное большинство в руководстве и среди послов. Ничего хорошего это не сулит» (Резис А. Падение Литвинова. *Европейско-азиатские исследования*. 2000. № 52[1. С. 35) Максима Литвинова, настоящее имя которого было Меер-Генох Валлах Финкельштейн, на немецком радио часто называли Литвинов-Финкельштейн. «Знаменитый еврей, — как о нем позже напишет Черчилль, — мишень для немецкой враждебности, от него просто избавились... как от поломанного инструмента...» Еврей Литвинов был устранен, а основные опасения Гитлера развеяны (Nora Levin *The Jews in the Soviet Union since 1917: Paradox of Survival*. New York: New York University Press, 1988. P. 330).

церы во французской и британской делегациях должны были спешить создавать союз с СССР на переговорах, на которых советская сторона была представлена маршалом Климентом Ворошиловым, человеком не слишком умным и образованным, не имеющим какого-либо дипломатического опыта, абсолютно преданным Сталину и причастным к «кровавой чистке элиты советских вооруженных сил», произошедшей всего за два года до этого?⁸

Именно Советский Союз, по утверждению «новых историков» России, проводил переговоры с Гитлером за спинами западных держав, и именно он прекратил переговоры с Великобританией и Францией перед заключением своего пакта с Германией⁹. «Клим, Коба [Сталин] сказал, чтобы ты сворачивал шарманку», — говорилось в записке, которую, по воспоминаниям одного из помощников Ворошилова, ему доводилось передавать своему начальнику¹⁰.

Даже если не принимать во внимание нравственную сторону вопроса, спешное заключение договора с Гитлером теперь оценивалось как серьезный стратегический промах. Германия пакт о ненападении был нужен гораздо больше, чем Советскому Союзу, — очевидно, что Германия «отчаянно стремилась» добиться такой договоренности¹¹. По этой версии Гитлер был готов начать войну либо на Востоке, либо на Западе, однако в тот момент он не мог воевать на два фронта. Его генеральская верхушка, включая главнокомандующего сухопутными войсками фельдмаршала Вальтера фон Браухича, открыто предостерегала фюрера от вторжения в Польшу, если оставалась вероятность, что Советский Союз примет участие в конфликте на стороне Великобритании и Франции¹². Война с Советским Союзом сразу после завоевания Польши была бы «безумием». Поэтому Гитлер приказал Риббентропу «любой ценой» обеспечить нейтралитет Советского Союза¹³.

Если бы целью Москвы было предотвращение войны, то намного более разумным было бы продолжить переговоры с Францией и Великобританией, при этом не разрывая контак-

тов с Берлином. Одно из объяснений того, почему СССР так спешил заключить пакт с Гитлером (и, таким образом, позволить Германии начать военные действия на Западном фронте), связано с позицией, которую, очевидно, занимал Сталин: подобно Первой мировой войне, следующая мировая война должна была стать продуктом обострения «противоречий империализма» и, таким образом, вновь подтвердить правоту Ленина и эффективность его плана в 1914 году, когда он намеревался «превратить империалистическую войну в гражданскую», что удалось совершить большевикам в октябре 1917 года. Для того чтобы началась новая серия социалистических революций, историю необходимо было «подтолкнуть», повысив вероятность конфликта между «империалистическими державами»^{*14}.

Секретные протоколы к пакту Молотова–Риббентропа, существование которых Советский Союз отрицал в течение полувека, подтверждают, что отношения между двумя странами были более тесными, чем допускается в «официальной» версии. В протоколах описывается разделение «сфер влияния» между Москвой и Берлином: Советский Союз получает свободу действий на территории Латвии, Литвы, Эстонии и Восточной Польши (последняя в дальнейшем фигурирует в советских учебниках истории как «Западная Украина» и «Западная Белоруссия»). Новая граница между СССР и Германией при этом должна будет проходить по территории Польши¹⁵.

Как считает Александр Яковлев, именно эти протоколы превратили «договор» в «сговор»¹⁶. «Комиссия по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 года» под председательством Яковлева, создан-

* «Мы не прочь, чтобы империалистические державы подрались хорошенько и ослабили друг друга, — заявил Сталин в разговоре с генеральным секретарем Коминтерна Георгием Димитровым 7 сентября 1939 года. — Гитлер... подрывает империалистическую систему. Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались» (Кулиш В. Был ли выбор? // *Московские новости*. 1989. 3 сентября. С. 12).

ная на Первом съезде народных депутатов в июне 1989 года, так и не смогла найти оригиналы протоколов. Вместо этого комиссия «подтвердила подлинность» копий, находящихся в советских архивах, которые «не оставляли никаких сомнений в том, что протоколы действительно существовали». Об этом 24 декабря 1989 года сообщил сам Яковлев, выступая с обращением на национальном телевидении, и это был первое официальное признание подлинности протоколов (вскоре после отставки Михаила Горбачева в декабре 1991 года оригиналы протоколов были найдены в президентском архиве)¹⁷.

Яковлев, инвалид войны, тяжело раненный в возрасте девятнадцати лет во время службы на Северо-Западном фронте в 1942 году, сумел убедить Верховный Совет аннулировать пакт, хотя всего за несколько месяцев до этого парламент отказался делать это. Назвав договор «недостойным с точки зрения нравственности, неприемлемым и несовместимым с идеалами социализма», Яковлев добавил: «Теория относительности, товарищи, великое открытие в постижении Вселенной. Но относительность не может существовать в сфере морали... Пора осознать — беззаконие страшно не только своим прямым эффектом, но и тем, что оно калечит сознание, создает ситуации, когда аморальность и оппортунизм начинают считать нормой. Любое наше решение, товарищи депутаты, будет одновременно не только политическим, но и нравственным»¹⁸.

По этой новой версии временный и ограниченный характер советско-германского сближения опровергался еще и тем, с каким воодушевлением советское руководство восприняло этот договор. Так, например, после подписания пакта Сталин поднял тост за Гитлера (немецкий стенографист описал этот жест как «неожиданный»): «Я знаю, как сильно немецкий народ любит своего верховного правителя, и потому хочу выпить за его здоровье»¹⁹. На следующий день в передовице газеты «Правда» говорилось о том, что «дружба между народами СССР и Германии, которая была почти сведена на нет усилиями врагов Германии и Советского Союза, теперь при-

обретет все необходимые условия для развития и процветания»²⁰. Сам Сталин провозгласил, что эта дружба, «скрепленная кровью» советского и немецкого народа, «имела все основания быть долгой и прочной»²¹.

Если Сталин имел в виду польскую кровь, то, по-видимому, советско-германское «сотрудничество» действительно стало заметно крепче. Спустя два дня после вторжения Красной армии в Польшу 17 сентября, Советский Союз и Германия подписали коммюнике, в которой перед вермахтом и Красной армией ставилась доблестная задача «восстановить мир и порядок, нарушенный в результате распада польского государства»²².

Через девять дней СССР и Германия заключили договор «О дружбе и границах», в котором формально закреплялся раздел Польши на взаимовыгодных условиях*²³. В публичном заявлении, которым сопровождалось соглашение, Москва и Берлин призывали к прекращению «состояния враждебности» между Германией, с одной стороны, и Францией вместе с Великобританией, которые объявили войну Германии после ее нападения на Польшу — с другой. Однако если Париж и Лондон не захотят прислушаться к этому призыву, именно на них «будет лежать ответственность за продолжение войны, в случае чего правительства Германии и Советского Союза будут консультироваться друг с другом о принятии необходимых мер»²⁴.

В то же время в соответствии с новой версией истории, посол Германии в Москве отправил в Берлин донесение о том,

* На одной из секретных карт, приложенных к договору (и напечатанных в «Литературной газете» в честь пятидесятилетней годовщины заключения пакта Молотова–Риббентропа), черными чернилами была прочерчена линия от латвийского города Лиепая на севере до Будапешта, чтобы «установить распределение взаимных интересов на территории бывшего польского государства» в соответствии со статьей 1 соглашения. В углу Риббентроп красным карандашом поставил дату «28.IX.39» и свою подпись. Сталин расписался по центру карты огромными синими буквами. «Размер моей подписи вас устраивает?» — якобы пошутил Сталин, обращаясь к Риббентропу (Подпись на карте // *Литературная газета*. 1989. 5 июля. С. 9).

что советское правительство «делает все возможное, чтобы изменить отношение населения к Германии». Советские газеты, продолжил он, «казалось, за одну ночь поменяли свое мнение. Помимо того, что критика в адрес Германии полностью прекратилась, вся представляемая информация о международных событиях в значительной степени основываясь на немецких отчетах, а вся антигерманская литература была выведена из печати»²⁵. Выступая перед Верховным Советом 31 октября 1939 года, Молотов с самодовольством заявлял, что «оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора»²⁶. Что же касается «идеологии гитлеризма», министр иностранных дел СССР сказал, что ее «можно признавать или отрицать, но что любой человек понимает, что идеологию нельзя уничтожить силой. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за “уничтожение гитлеризма”, прикрываемая фальшивым флагом борьбы за “демократию”»²⁷.

Скрывавшиеся от коммунистического режима в Германии беженцы были насильственно «репатриированы» — в СССР их ждал либо расстрел, либо медленная смерть в концентрационных лагерях. Среди беженцев была Маргарет Бубер-Нойман, жена лидера Коммунистической партии Германии Хайнца Ноймана. После того как Нойман исчез во время Большой чистки в 1937 году (его точная судьба так и осталась неизвестной), его жену отправили в лагерь Воркуты, а затем, в 1940 году, передали в гестапо и заключили под стражу в Равенсбрюке²⁸.

Кульминацией советско-немецкого сближения стал визит Молотова в Берлин 12–13 ноября 1940 года, целью которого было рассмотреть возможность (и «цену») более тесного союза. На пятидесятилетнюю годовщину заключения пакта в газете «*Московские новости*» появилась статья, в которой описывалось, как на встрече с Гитлером 13 ноября посол Сталина, по утверждениям, сообщил фюреру, что вступление Совет-

ского Союза в Трехсторонний пакт (Германия, Италия и Япония) являлось «в принципе абсолютно приемлемым» шагом, при том условии, что Гитлер выполнит ряд «пожеланий» Советского Союза: контроль над Финляндией, Южной Буковиной (в то время часть Румынии) и, важнее всего, создание советских военных баз «в области» проливов Босфор и Дарданеллы. Гитлер не стал ничего обещать, и Молотов вернулся в Москву «с пустыми руками»²⁹.

Согласно официальной советской истории, СССР заплатил огромную цену для того, чтобы получить передышку — он вынужден был заключить союз с Германией: по словам популярного писателя Владимира Амлинского, это была одна из самых «мрачных и позорных страниц в нашей истории», а историк А. Чубарьян назвал пакт самым воплощением «цинизма и вопиющей безнравственности»³⁰. Сегодня российские военные историки утверждают, что сама значимость пресловутой «передышки» была лишь иллюзией. Вопреки официальной пропаганде, в период между 1939–1941 годами стратегическое положение Советского Союза по отношению к агрессору в лице Германии значительно ухудшилось³¹.

Терзаемые бюрократическими проволочками и некомпетентностью, реорганизация и перевооружение Красной армии, начавшиеся в 1940 году, продвигались с большим трудом, поскольку промышленность не могла идти в ногу с потребностями военных в современном вооружении и амуниции. Вместо того чтобы создавать военную доктрину, руководство армии продолжало полагаться на свою непоколебимую веру в то, что «империалистическая война» разожжет «пожар» социалистических революций. Это, в свою очередь, позволило бы Красной армии проводить «быстрые победоносные операции на чужой территории малой кровью»³². Поскольку многие сторонники применения новых моделей танков и самолетов среди высшего советского командования погибли во время «чистки», эти новые виды вооружений либо не использовались вообще, либо поступали на вооружение очень медленно. Вместо этого в моду вновь вошла кавалерия, и в 1942 году пла-

нировалось создать девяносто две новые кавалерийские дивизии. Автоматическое оружие объявлялось «буржуазным» изобретением: Красная армия должна была полагаться на «трехлинейку» — винтовку времен Первой мировой войны — или, еще лучше, на штык. От грузовиков и механизированной артиллерии отказывались в пользу лошадей как самых дешевых и надежных средств перемещения³³.

Германия же, напротив, использовала эти годы для наращивания своих преимуществ. Гитлер, чьи руки на Востоке теперь были развязаны, перевел все кроме 10 из своих 136 дивизий на Западный фронт для борьбы против Франции, Бельгии и Нидерландов, оставив лишь скудно оснащенные подразделения на линии от Балтийского моря до Карпат. Одержав победу на Западе, вермахт вернулся к границам СССР с более крупными и лучше оснащенными силами, получившими бесценный опыт ведения боя. По сравнению с 1939–1940 годами немецкая армия увеличилась почти вдвое (до 7 234 000 человек), включая число танков и самолетов³⁴.

Миллионы тонн зерна, нефти, никеля, марганца, железной руды и резины для шин отправлялись в Германию из Советского Союза в соответствии с торговыми соглашениями между Москвой и Берлином. По словам ведущего «историка-ревизиониста», специалиста по Великой Отечественной войне Михаила Семиряги, советские ресурсы сыграли важную роль в резком росте стратегических резервов Германии между 1939 и 1941 годом: почти в восемь раз увеличились запасы железной руды; вдвое выросли запасы угля; стало в четыре раза больше зерна и в двадцать раз больше нефти³⁵. Последний грузовой поезд пересек советскую границу на пути в Германию за час до немецкого вторжения, в три часа утра 22 июня 1941 года³⁶.

В новой версии истории еще один ключевой компонент официального мифа оказался разрушен — речь идет о «полной неожиданности» немецкого вторжения, которое на деле оказалось вполне предсказуемым; по крайней мере оно не должно было стать для командования такой неожиданностью.

Советские шпионы, в том числе легендарный Рихард Зорге, действовавший в Японии, непрерывно отправляли в Москву «самую подробную информацию» о подготовке Германии к нападению на СССР. Как утверждается, у начальника советского Генерального штаба была копия плана «Барбаросса» уже 20 марта 1941 года³⁷. Однако такие разведданные не воспринимались всерьез и рассматривались как «провокации». Один за другим пять руководителей Главного разведывательного управления Генерального штаба были арестованы и казнены³⁸.

Вместо того чтобы прислушаться к этим предупреждениям, весной 1941 года Сталин направил Гитлеру ноту о немецкой военной активности на советской границе. В своем ответе Гитлер поклялся «честью рейхсканцлера», что Германия не планировала нападать на Советский Союз и что 130 дивизий вермахта, которые к тому времени были переведены к советской границе, находились там, чтобы избежать воздушных бомбардировок британскими ВВС³⁹.

Что-то заставило даже такого проницательного и хитрого человека, как Сталин, каким он изображался в советских мифах, поверить Гитлеру. Укрепления вдоль «старой» (действовавшей до сентября 1939 года) западной границы Советского Союза были демонтированы, а новая граница оставалась незащищенной. Когда начальник управления оборонительного строительства Главного военно-инженерного управления РККА генерал-полковник Леонтий Котляр попросил выделить средства, чтобы по крайней мере спасти оставленные армией укрепления от естественного разрушения, Сталин в гневе отдал приказ их снести, все укрепления снять и отправить на восток для использования в строительстве, а все доты передать колхозам под силосные ямы⁴⁰.

В соответствии с доктриной победного движения на Запад, чтобы возглавить социалистическую революцию в «империалистических странах», ослабленных взаимным кровопролитием, Советский Союз оставлял на своей лишенной укреплений западной границе 30% (25 000 грузовых вагонов) всех имеющихся в стране боеприпасов и 50% всего топлива и продоволь-

ствия. Все эти запасы и ресурсы были уничтожены или захвачены немцами в первые дни войны⁴¹.

Немецкие разведывательные самолеты регулярно вторгались в советское воздушное пространство вдоль западной границы. Однако Сталин не только запрещал их перехватывать (не говоря уже о том, чтобы сбивать), но даже позволял пилотам люфтваффе, у которых заканчивалось топливо, садиться на советских военных базах для дозаправки. Не обеспокоил Москву и внезапный интерес Берлина к поиску могил немецких солдат, погибших на Первой мировой войне и захороненных на территории, которая теперь принадлежала Советскому Союзу. Просьбы о том, чтобы разрешить «поисковым группам» искать эти могилы, незамедлительно удовлетворялись, что позволяло разведчикам вермахта свободно перемещаться в тылу Красной армии между Балтийским и Черным морями⁴².

14 июня 1941 года, за восемь дней до начала вторжения, информационное агентство ТАСС опубликовало сообщение, в котором говорилось, что Германия не готовила вторжения в страну, и строго предостерегало граждан не поддаваться на слухи о враждебных намерениях Германии. Командиры западных военных округов издали приказы, разрешающие офицерам и их семьям покинуть базы на выходные 21–22 июня⁴³.

Согласно картине, выдвигаемой советскими историками, именно тактическая и стратегическая некомпетентность Кремля, а отнюдь не «подавляющий перевес» немецких сил привели к той катастрофе, которой стали первые месяцы войны. Для операции «Барбаросса» Германия развернула около 3 миллионов человек, 48 000 артиллерийских орудий и минометов, 2 800 танков и 5 000 самолетов. На западной границе СССР им противостояло 3 миллиона солдат Красной армии, около 100 000 артиллерийских орудий и минометов, 12 000 танков и почти 18 000 самолетов (хотя используемая СССР военная техника была в основном устаревшей)⁴⁴. Тем не менее, по словам советского военного историка, никогда еще за всю историю России захватчику с запада не удавалось так далеко продвинуться на восток — противостоя при этом самой

крупной российской армии за всю историю страны (на 22 июня 1941 года она насчитывала в общей сложности 5 миллионов вооруженных солдат)⁴⁵.

Пока в первые дни немецкого вторжения терялись целые фронты и в Центр отовсюду поступали «отчаянные крики» и просьбы об указаниях к действиям, Сталин в течение десяти дней скрывался на своей даче в Кунцево. Как писал советский писатель Алесь Адамович, даже среди всех тысяч непростительных поступков Сталина эти десять дней выделяются особенно⁴⁶. Казалось, советское высшее командование было совершенно сбито с толку, подавлено и действовало крайне некомпетентно. Один промах следовал за другим. Так, ночью 22 июня войскам Западного фронта, в котором уже зияли бреши, пробитые немецкими танками и пехотой, было приказано незамедлительно начать «контратаку» и взять города Сувалки и Люблин, расположенные на «немецкой» стороне Польши. Большая часть армий, выполнявших этот приказ, была вскоре окружена и почти полностью уничтожена⁴⁷.

Из всех недостатков советского верховного командования дороже всего для страны обошлась его неспособность или нежелание организовывать глубокую стратегическую оборону и отдавать приказы об отступлении, что могло бы спасти миллионы жизней. Вместо этого Ставка Верховного главнокомандующего, по словам историка, продолжала бросать миллионы солдат «под немецкий поезд»⁴⁸ до тех пор, пока подлинный героизм рядовых солдат не остановил вермахт менее чем в тридцати километрах от Москвы. К тому времени, по утверждению военного историка, генерал-лейтенанта Николая Павленко, Сталин был готов просить Гитлера о мире даже на самых унижительных условиях»*.

* Павленко вспоминает, что однажды в середине 1960-х, когда он гостил на даче Георгия Жукова в селе Сосновка под Москвой, маршал предавался воспоминаниям о первых днях войны. Перед тем как он был назначен командующим Западным фронтом, его удостоили личной встречи со Сталиным и Берией. Вдруг Сталин начал говорить о том, как в 1918 году Ленин заключил

«Мы просто не знали, как сражаться, — заявил ветеран войны и популярный писатель Виктор Астафьев, выступая на конференции по истории и литературе в мае 1988 года. — Мы закончили войну, не умея воевать. Мы утопили врага в своей крови и завалили его своими телами»⁴⁹.

В отсутствие какой-либо проверенной официальной статистики оценки о соотношении погибших бойцов на Западном фронте варьировались от четырех красноармейцев на каждого убитого немца⁵⁰ до почти невероятных «четырнадцати наших на каждого немца»*. В Первой мировой войне потери России были приблизительно равны совокупным потерям Германии и Австро-Венгерской империи на Восточном фронте⁵¹.

Одной из основных причин такой ужасающей непропорциональности потерь было то, что Советский Союз вступил в войну с «обезглавленной» армией. Между 1937 годом и июнем 1941 года было арестовано и расстреляно более 80 000 офицеров Красной армии⁵². Чистке подверглось более 60% офицерского состава армии: 512 из 767 маршалов, генералов и адмиралов; командиры и личный состав всех военных округов; командиры и личный состав всех корпусов и дивизий; командиры всех флотов и флотилий; весь аппарат Генерального штаба и стратегической разведки; большинство

сепаратный мир с Германией в Брест-Литовске, тем самым выводя Россию из Первой мировой войны и спасая советский режим ценой огромных территориальных потерь. Учитывая, что враг приближался к столице страны и что у нас не было достаточных сил, чтобы защитить ее, Сталин посчитал, что, возможно, нам придется пойти по стопам Ленина, и попросил Берия «прощупать почву через свои тайные каналы». По словам Жукова, Сталин был готов отказаться не только от совсем недавно приобретенных Прибалтики и Молдавии, но также и от Белоруссии и части Украины. (Берия нашел посредника для связи с Берлином, болгарского дипломата по имени Статенов, однако Гитлер ожидал скорой победы и не был заинтересован в переговорах.) (Павленко Н. Трагедия и триумф Красной армии // *Московские новости*. 1989. 7 мая. С. 9.)

* Автор Юрий Геллер подсчитал, что советские потери на поле боя составили 22 млн человек по сравнению с 1,5 млн немцев, а общие потери СССР достигали 46 млн человек, или одной четверти всего населения Советского Союза (Геллер Ю. Неверное эхо былого // *Дружба народов*. 1989. № 9. С. 242).

профессоров Академии Генерального штаба; более половины всех командиров полков; многие командиры батальонов и даже командиры рот^{*53}.

Ни одно военное поражение за всю современную эпоху, включая поражение вермахта в 1945 году, не было сопряжено с таким «чудовищным» количеством жертв среди офицерского состава. По мнению ведущего советского историка и специалиста по Великой Отечественной войне профессора Василия Кулиша, к лету 1941 года лишь 7% офицеров Красной армии имели высшее военное образование; 37% не имели вообще никакого военного образования⁵⁴. Многие дивизии возглавлялись майорами и даже капитанами; во главе многих полков стояли лейтенанты.

Ветераны среди историков и писателей были убеждены в том, что, по выражению маршала Александра Василевского, одного из самых известных полководцев времен Великой Отечественной войны, «уничтожение советских военных кадров» сыграло значительную роль в решении Гитлера напасть на СССР⁵⁵. «Если бы не чистка 1937 года, — соглашались они, — июнь 1941-го был бы совсем иным, война могла бы быть гораздо менее опустошительной⁵⁶.

* Первые жертвы чистки были осуждены 11 июня 1937 года и расстреляны на рассвете следующего дня: Маршалы М. Тухачевский, И. Якир, а также военные командиры И. Уборевич, Р. Эйдеман, Б. Фельдман, А. Корк, В. Примаков, В. Путна. Они были расстреляны на Ходынском поле в Москве, а их тела были брошены в яму и засыпаны негашеной известью (Геллер Ю. Неверное эхо). Одними из последних из арестованных до войны, на второй или третьей неделе июня 1941 года, были командующий ВВС СССР и Герой Советского Союза генерал-лейтенант Рычагов; его предшественник, а позже заместитель начальника Генерального штаба ВВС, дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант Яков Смушкевич; командир Дальневосточного фронта, Герой Советского Союза и командир успешной операции 1938–1939 годов против Японии у озера Хасан и реки Халхин-Гол, генерал-полковник Григорий Штем (Константин Симонов. Уроки истории и долг писателя // *Наука и жизнь*, июнь 1987. С. 45). Все трое были обвинены в заговоре против Сталина, подвергнуты пыткам в тюрьме на Лубянке, эвакуированы в Кубышев (Самара), когда немцы приближались к Москве, и расстреляны 28 октября 1941 года.

В сочетании с тем, что в передовице газеты «Огонек» назвали режимом «чрезвычайного пренебрежения к жизни обычного человека»⁵⁷, «преступная неготовность» советского руководства продолжала уносить жизни советских солдат еще долгое время после июня 1941 года. Писатель, ветеран войны Вячеслав Кондратьев вспоминает, что, готовясь к бою под Ржевом*, в 190 км на северо-запад от Москвы, он был готов простить режим за террор 1930-х годов и даже вступить в партию, если выживет. Однако он был «потрясен общей неподготовленностью и абсолютным пренебрежением к жизням солдат», которое наблюдал на следующий день. Бессмысленное наступление захлебнулось, и его батальон отступил, оставив половину своих солдат мертвыми в поле. «В этот момент я понял, — продолжает Кондратьев, — что эта война ведется и будет вестись с той же жестокостью по отношению к своему народу, с которой проводилась коллективизация и уничтожение «врагов народа»: если Сталин не щадил жизни людей в мирное время, то не пощадит и в военное»⁵⁸. Кондратьев так и не вступил в партию.

В мае 1942 года около крымского города Керчь было убито 176 000 солдат под командованием личного посланника Сталина и руководителя Главного политического управления Красной армии, Льва Мехлиса. Мехлис был комиссаром без военного образования и опыта, а за свою роль в организации чистки Красной армии в 1937–1939 годах был известен под прозвищем Кровавая Собака. Сразу же по прибытии в Керчь он освободил от должности командира, генерала Толбухина, — за строительство оборонительных сооружений. Мехлис запрещал рыть окопы, чтобы не навредить «духу наступления». В конце концов два немецких танковых корпуса «столкнулись в море» три советские армии, располагавшиеся у Керчи⁵⁹.

* В январе–июле 1942 года Красная армия, выполняя приказ Сталина, потеряла от 500 000 до 1 000 000 солдат в наступлении на хорошо укрепленные немецкие позиции около Ржева. Число погибших включает и тех, кого убили и взяли в плен после того, как целая армия была окружена и разгромлена.

Среди самых бессмысленных жертв этой бесконечной бойни были сотни тысяч, возможно, миллионы солдат «народного ополчения». Этих героических людей, зачастую физически непригодных или слишком старых для службы, но все равно уходивших на фронт добровольцами, Кремль отправлял в самые страшные «мясорубки» неподготовленными, а во многих случаях и без оружия*. Одним из самых кровавых таких сражений была битва под Вязьмой, где три советские армии были окружены и полностью уничтожены немцами в октябре 1941 года. Среди павших были лучшие представители московской интеллигенции: гении математики и поэты, философы и музыканты, историки искусства и учителя**. Многие, а возможно и большинство мемориалов советским солдатам, погибшим в войне, также являются памятниками жертвам сталинизма.

Советские солдаты продолжали страдать от «психоза» недоверия к ним даже несмотря на то, что их косили немецкие пули, бомбы и снаряды. Царила атмосфера шпионажа, а НКВД и военная контрразведка СМЕРШ («Смерть шпионам!») «как в приступах паранойи постоянно проверяли личности солдат»⁶⁰. Обычным делом были расстрелы подозреваемых в «трусости», а также «паникеров» и «перебежчиков». В военном документальном фильме 1990 года осужденного военнослужащего заставили вырыть самому себе могилу. Он закан-

* «И он пошел [на войну], — писал Солженицын об одном из своих персонажей, инженере-электрике и добровольце, — в очках минус три диоптрии... с кобурой пустой — на втором году хорошо подготовленной войны еще не хватало оружия для офицеров» (Солженицын А. В круге первом. М.: АСТ, 2006. С. 211).

** Около деревни под Москвой герой романа Солженицына «В круге первом» встречает камень-монумент, на котором было написано: «Вечная слава воинам Четвертой дивизии народного ополчения, павшим смертью храбрых за честь, независимость и так далее... от министерства финансов». «Финансов? Даже и финансов! Бедные клерки... — говорит «пораженный» Иннокентий Володин. — Сколько ж их тут легло?.. И на сколько человек была одна винтовка? Дивизия безоружных! И [уже] четвертая! Вот дикость этой войны — народное ополчение» (Солженицын А. В круге первом. М.: АСТ, 2006. С. 322).

чивает копать, вылезает из ямы и в течение нескольких секунд смотрит в дуло пистолета своего палача. Затем раздается выстрел, и тело сбрасывают обратно в яму⁶¹.

Просмотрев сцены из документального фильма, один ветеран вспоминал казнь солдата из его взвода. Человек пропал без вести в прошлую ночь. Сказал, что потерялся. Его обвинили в желании перебежать к врагу. Его вывели на расстрел, а он продолжал падать в снег и все бормотал о том, что невиновен. Его поднимали, а он снова падал, видимо полагая, что лежачего человека не станут расстреливать⁶².

По изданному 28 июля 1942 года приказу Сталина № 227 «Ни шагу назад!» были созданы так называемые заградительные отряды. По этому приказу запрещалось отступать при любых обстоятельствах «без приказа командования фронта», и при проявлении признаков нерешительности или попытке отступления применялись заградотряды, стрелявшие в солдат^{*63}. Особенно много работы для заградотрядов было во время разведки боем, когда солдатам приказывали двигаться вперед, чтобы засечь по выстрелам в наступающих расположение пулеметов, минометов и орудий противника.

Разведка боем была неотъемлемой частью тактики всех советских пехотных подразделений, но особенно часто она применялась в штрафных батальонах (штрафбатах). Штрафбаты, созданные по приказу № 227, должны были укомплектовываться из числа средних и старших офицеров, повинных в «нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости». Их надлежало использовать на «более трудных участках фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои

* «В каждой армии должны быть сформированы 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), которые надлежит развертывать в непосредственном тылу неустойчивых подразделений и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам выполнить свой долг перед Родиной» (Приказ Народного комиссара обороны СССР от 28 июля 1942 года, Москва, URL://www.stalingrad-info.com/order227.htm).

преступления против Родины»⁶⁴. Если штрафнику везло, и он получал рану, при этом оставшись в живых, его переводили обратно в обычную часть. Этот принцип называли «до первой крови».

Решение об отправке военнослужащего в штрафной батальон зависело исключительно от его непосредственного начальника и не могло быть обжаловано. Ветераны вспоминали, что это наказание могло применяться за любой проступок, независимо от его тяжести, либо просто чтобы избавиться от подчиненного, которого командир недолюбливал, в том числе соперника, если речь шла о завоевании сердца медсестры, радистки или любой другой женщины в части (их называли «походно-полевыми женами», или ППЖ)⁶⁵.

В своей статье в «Литературной газете» один ветеран прослеживал аналогию между зловещей легкостью, с которой военных могли отправить в штрафбат, и жестокостью режима в мирное время, когда человек мог получить огромный тюремный срок за гвоздь, украденный с завода или за колосок пшеницы. Режиму были нужны трудовые армии, которые бы работали бесплатно и которых можно было бы отправить в любую точку на самый тяжкий труд. А еще на войне нужны были подразделения, которые могли бы закрыть собой все «дыры», исправить все ошибки верховного командования и помочь обнаружить расположение огневых точек врага ценой сотен, а иногда тысяч жизней — они ведь всего лишь осужденные, их жизнь ничего не стоит, и никто за них не ответит. И поэтому один штрафбат за другим продолжали бросать в самые страшные мясорубки⁶⁶.

Сколько солдат погибло во время разведки боем, осуществляемой штрафными батальонами? Скольких скосили пулеметы заградотрядов? Скольких расстреляли? Писатель и ветеран, задавший эти вопросы в начале 1990 года, сомневался, что «мы когда-либо узнаем эти цифры, потому что командование не считало погибших таким образом. Десятки тысяч, сотни тысяч?... Бедная, несчастная Россия. Бедные и несчастные русские люди, обреченные на такую жизнь»⁶⁷.

По подсчетам, ранее носившим статус секретных, которые тоже были преданы огласке в конце 1980-х, 5 734 528 советских солдат было взято в плен. Советские историки и журналисты, стремившиеся во что бы то ни стало узнать правду о Великой Отечественной войне, объясняли такое невероятное число плененных солдат именно убийственным безумием командования, запрещавшего отступать вне зависимости от обстоятельств. «Самое главное — не сдавать удерживаемые позиции!» — заключил исследователь, изучив десятки приказов и инструкций. Немецкие командиры, продолжил он, очень удивлялись тому, что солдаты Красной армии продолжали укреплять линию обороны даже после того, как с тыла их обходили немецкие танки. «Они продолжают удерживать те позиции, на которые мы уже не нападаем», — отметил в своем дневнике начальник штаба пехоты вермахта в октябре 1941 года. Среди жертв этого «безумия» было 665 000 солдат, взятых в плен под Киевом в сентябре 1941 года, когда Сталин запретил отступать; еще через два месяца 662 000 человек было взято в плен под Вязьмой; 207 000 было захвачено во время Изюм-Харьковского наступления, осуществленного по приказу Сталина в мае 1942 года, несмотря на возражения его генералов; в мае 1942 года 150 000 солдат, находившихся под командованием Мехлиса, попали в плен под Керчью⁶⁸.

Почти пятая часть этих заключенных (1 310 000) погибла в плену. Некоторые были казнены за попытку бежать, другие умерли от болезней, переутомления, карательных массовых расстрелов и пыток. Большинство же погибло от голода. Советский Союз отказался подписывать Женевскую конвенцию, в которой присутствовали положения о гуманном и достойном обращении с военнопленными. Сталин также отклонил призывы движения Красного Креста, которое предлагало выступить в роли посредника при передаче продовольствия военнопленным из Советского Союза — как теперь полагали историки, это могло бы спасти как минимум половину из тех, кто погиб от голода⁶⁹. Вместо этого «предатели Родины» погибали в «людоедских лагерях», как называл их

Александр Солженицын, который участвовал в войне с первого дня до своего ареста в Восточной Пруссии в феврале 1945 года по обвинению в «антисоветской пропаганде» и «создании враждебной организации» (печально известные 10-й и 11-й пункты 58-й статьи УК РСФСР). В этих лагерях советские солдаты ели кору деревьев и трупы своих товарищей⁷⁰. Только за ноябрь-декабрь 1941 года в немецких лагерях от голода погибло 400 000 советских заключенных. Из 235 473 британских и американских солдат, попавших в плен в немецкие лагеря, за всю войну, погибло 8 348 человек⁷¹.

Еще один из сталинских приказов — № 270 от 16 августа 1941 года* — был коллективным смертным приговором для всех советских военнопленных. Отныне попасть в плен считалось добровольным действием. В приказе использовалась не фраза «попасть в плен», а «сдаться в плен». «Солдат, сдавшийся в плен, — гласил приказ, — уничтожать всеми средствами, как наземными, так и воздушными». Семьи военнопленных лишались «государственного пособия и помощи» (то есть продовольственных карточек), что, по словам советского историка, обрекало «сотни тысяч» детей и стариков — сыновей, дочерей и пожилых родителей этих солдат — на голод. Офицеры, «сдававшиеся в плен», считались «злостными дезертирами», а их семьи подлежали аресту «как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров»⁷².

Быть взятыми в плен было «хуже, чем смерть, — соглашались советские ветераны. — Лучше получить пулю в голову». Если ты пропал без вести, значит, ты сдался врагу. «Теперь я понимаю, — говорит ветеран в статье, напечатанной в газете *«Московские новости»*, — почему перед форсированием рек солдаты просили друг друга: «Брат, если я утону, пожалуйста, скажи, что ты видел, как меня убили»⁷³.

Военнопленные, по приказу № 270 заклеенные как предатели, больше не заслуживали доверия, включая даже тех,

* Приказы зачитывались солдатам на линии фронта, однако ни этот приказ, ни приказ № 227 не были опубликованы в Советском Союзе до периода гласности.

кто бежал из плена и возвращался в ряды Красной армии. Многие, если не большинство, были осуждены по статье 58 и отправлены в ГУЛАГ. Герой произведения Солженицына «*Один день Ивана Денисовича*», бежавший из немецкого лагеря после того, как вся его армия была окружена в феврале 1942 года, был обвинен в том, что он был агентом, посланным «немецкой разведкой на задание». Ни Иван Денисович (который подписал признание после того, как его «долго избивали», и потому что единственной альтернативой был расстрел), ни его следователь не знали, что это могло быть за «задание». Так и было написано в приговоре Ивана Денисовича: «задание»⁷⁴.

Два из пятидесяти советских генералов, взятых в плен в первые месяцы войны, — Павел Понеделин и Николай Кириллов — чудом остались в живых в немецких лагерях. Они были освобождены союзниками и переданы советскому командованию в апреле 1945 года. После пяти лет «следствия» в тюрьме КГБ для политзаключенных Лефортово оба генерала были казнены⁷⁵.

В последние месяцы войны, когда более миллиона бывших военнопленных воевали в рядах Красной армии, Сталин приказал отрядам НКВД и СМЕРШ, командирам Первого, Второго, Третьего и Четвертого Украинских фронтов, а также Первого и Второго Белорусских фронтов создать 100 лагерей для всех «гражданских и военнопленных», которые любое время провели в плену у врага. Каждый лагерь должен был содержать 10 000 человек⁷⁶. В рамках МВД было создано специальное «Управление по делам военнопленных и интернированных».

В 1945–1946 годах обитатели этих лагерей составили самый крупный контингент заключенных, отправленных в ГУЛАГ. Сотни вагонов для скота с решетками на окнах везли их на восток: солдаты и офицеры, которым, по словам популярного писателя и ветерана Григория Бакланова, было «суждено во второй раз заплатить за нашу неготовность к войне, за все наши поражения»⁷⁷. Как и многие другие персонажи в произведении Солженицына «*В круге первом*», они были осуждены за «добровольную сдачу в плен». Они «копали шахты, строили элек-

тростанции на реках и возводили города, рядом с которыми они будут вечно лежать в замерзшей земле»⁷⁸.

Один из немногих оставшихся в живых заключенных немецкого и советского лагерей писал в газету *«Московские новости»* о том, что бывших военнопленных в течение нескольких недель везли в вагонах для скота почти через весь Евразийский континент: от Германии до Дальнего Востока. Они были «битком набиты» в трюме парохода, идущего в Магадан, на побережье Тихого океана. Их кормили всего один раз за неделю: большая кастрюля с горячей водой, смешанной с мукой, которую спустили на веревке в трюм, где наполовину обезумевшие от голода люди голыми руками черпали обжигающий «суп». После того как пароход пришвартовался в Бухте Нагаева в Магадане, мертвые были выброшены за борт, а живые уведены в тайгу, к лагерям⁷⁹.

Уже в 1950-е годы бывшим военнопленным нужно было в назначенные даты прибыть в милицейские участки для регистрации. Пропустить регистрацию считалось уголовным преступлением. В мае 1988 года, когда страна праздновала пятьдесят третью годовщину победы, один репортер спросил председателя Всесоюзного совета ветеранов, являются ли военнопленные ветеранами. «Нет, они не ветераны, — ответил бывший комиссар. — И зачем вы о них пишете? Вам что, недостаточно писать о настоящих солдатах?» «Вот она, — подумал репортер, — нравственность сталинизма, залитая кровью и страданиями миллионов солдат. Тридцать пять лет мы жили без «отца народов», но по какой-то странной причине продолжали почитать его устои. А куда нам было идти, кому бить челом, по какой из красных стен Кремля стучать и просить, чтобы плененным солдатам вернули их достоинство, чтобы восстановили их доброе имя? Как нам избавиться от раболепства перед Сталиным в своих душах?»⁸⁰

То, что для советского народа было войной за выживание, на которой сражались с таким мужеством и жертвенностью, которые никогда не перестанут изумлять, теперь также представлялось, по словам одного советского философа, столкно-

вением двух чудовищных режимов, отмеченных «жутким историческим сходством» в том, как они «унижали достоинство человека» и «лишали его свободы, воли, выбора». В течение четырех долгих лет войны, писал поэт Евтушенко, миллионы солдат и десятки миллионов мирных жителей оказывались между двумя кровавыми жерновами, «задыхались» от «столкновения двух гнилых ветров»⁸¹.

Непостижимая по своему масштабу трагедия советского народа не закончилась с окончанием Великой Отечественной войны. Бедствия продолжались — казалось, даже огромные жертвы советского народа не могли остановить их. Ветеран войны Борис Васильев, известный созданием одного из лучших романов о Великой Отечественной войне — «*А зори здесь тихие*»*, писал, что, одолев нацистскую «реакцию» за границами, мы не только укрепили, но и оправдали политическую реакцию внутри своей собственной страны. «Мы оправдали преступления Сталина и сталинизма, — продолжал Васильев, — ГУЛАГ и казни без суда и следствия, превращение крестьян в государственных крепостных, а государственного аппарата — в новый класс эксплуататоров»⁸².

Это была «трагическая война», как говорил персонаж произведения Солженицына. «Мы родину отстояли — и мы ее потеряли», потому что Россия «окончательно стала вотчиной Усача» (Сталина). Мы «крепче затянули на себе петлю», — согласился его собеседник. Это была «самая несчастная война» в русской истории⁸³.

Вердикт Василия Гроссмана по итогу «сталинградского триумфа» отразил результат всей войны: «Молчаливый спор между победившим народом и победившим государством продолжался. От этого спора зависела судьба человека, его свобода»⁸⁴.

* Опубликованный в 1969 году роман был посвящен короткой жизни и героической гибели девушек-зенитчиц где-то на северо-западе России в 1942 году. Фильм 1972 года был не менее популярным.

Глава 10

«Безнравственная» экономика

Мы обязаны внедрить во все сферы общественной жизни понимание того, что все, что экономически неэффективно, — безнравственно. Экономически неэффективная обстановка всеобщего дефицита является, по-моему глубокому убеждению, основной причиной воровства, взяточничества, махрового бюрократизма, всякого рода потаенных, аморальных льгот, человеческой озлобленности. Экономически неэффективный, затратный механизм планирования породил бездумное расширение наших национальных ресурсов, безнравственное отношение к нашим национальным богатствам.

Шмелев Н. Новые тревоги // *Новый мир*. 1988. № 4.

Одним из самых закономерных открытий, сделанных поборниками гласности, был «чудовищный», даже «не поддающийся воображению» масштаб расточительства, небрежности и хищений в экономике страны¹. Было замечено, что иррациональная, «перекошенная» система работала не на «человека, а все больше и больше исключительно на себя»². Ее называли «ненасытной» и «самоедской», Молохом, который с каждым годом пожирал все больше ресурсов и труда и производил все меньше³.

Конечно, каждый советский гражданин видел этого Молоха в действии. И все же, как и в случае с другими аспектами национального самопознания, поражал именно масштаб распространенности этих явлений, выраженный в более не являвшихся тайной цифрах, безжалостных и неоспоримых. Подобный эффект произвело, например, обнародование в июле 1988 года информации о том, что на производство одной тонны меди Советский Союз тратит электроэнергию в три раза больше, чем Федеративная Республика Германия, и «условного» топлива на единицу продукции (универсальная мера затраченной энергии, вне зависимости от того, является ли ее источником уголь, нефть или электричество) более чем в два раза больше, чем Япония. Вдобавок низкий КПД использова-

ния электроэнергии в бытовой электротехнике ежегодно обходился советской экономике в 20 миллиардов киловатт-часов — что эквивалентно энергии, вырабатываемой гигантской электростанцией⁴.

Одной из самых безобразных сторон этой системы была ее «анархия», существовавшая несмотря на одержимость педантичным и жестким планированием. (Только сельскохозяйственное производство регламентировали 700 показателей производства, накопления и реализации: 400 из них касались капиталовложений и около 200 — заработной платы, труда, финансов⁵.) Олицетворением этого анархичного «самопотребления» и «саморазорения» были огромные проекты, обошедшиеся в миллиарды рублей и, как стало известно сейчас, не принесшие особой или вообще какой-либо пользы или выгоды и часто наносившие огромный вред почве, воздуху и воде. Например, была построена Байкало-Амурская магистраль (БАМ) длиной 4324 километра, по которой «ничего было перевозить»⁶. По экономической пользе недавно построенные девяносто гидроэлектростанций, похоже, «не слишком отличаются от египетских пирамид»⁷. На протяжении двух предшествующих десятилетий из-за дамб, сооруженных для работы этих станций, было затоплено около 10 миллионов гектаров земли, включая пастбища, тогда как страна испытывала постоянную нужду в кормах для скота и хронический дефицит мяса⁸.

Еще одним бедствием было незавершенное промышленное строительство. В газетах внезапно появилось множество изобличительных историй, среди которых было сооружение металлургического комбината в Караганде, который на момент публикации (1987) строился уже одиннадцатый год⁹. Несмотря на официальные обещания разобраться с этим, реформистское правительство оказалось не в состоянии остановить это безрассудство: капитальное строительство было увеличено на 40%, или еще на 30 миллиардов рублей, а в целом затраты выросли до астрономической суммы в 150 миллиардов рублей¹⁰. (ВВП Советского Союза в 1989 году оценивался примерно в 900 миллиардов рублей.)

Лишь треть производственных зданий разной степени завершенности могла быть обеспечена необходимыми для окончания работ материалами. Работы считались завершенными, производственные нормы выполненными, заработные платы выплаченными и налоги собранными на основании общего физического объема производства (вал), вне зависимости от того, производилось, продавалось или как-либо использовалось что-то или нет¹¹. Машина могла развалиться, едва сойдя с конвейера, жаловался известный автор экономических статей Анатолий Стреляный, но план, «подчиненный бездумному валу», диктовал, что «труд, вложенный в производство, должен был быть оплачен государством»¹². Тот же самый план оценивал гораздо выше рытье котлованов, заливку бетона в котлованы и возведение стен, нежели выполнение остальных работ, которые сделали бы эти здания пригодными к использованию. В соответствии с этой установкой и руководствуясь директивами бесчисленного множества министерств и органов власти в московском Центре, республиках и областях, строительные бригады рыли котлованы, возводили фундаменты, строили стены — и приступали к новому строительству на другой площадке¹³.

Помимо «пирамид» на мысль о древних цивилизациях наводило также строительство каналов. За него отвечало Министерство водного хозяйства (Минводхоз), бывшее бельмом на глазу всех авторов эпохи гласности. «План» (а также, медали и премии за выполнение плана) этого неудержимого гиганта, штат которого составляли почти 2 миллиона человек, рассчитывался в километрах прорытых каналов и земель, подвергшихся мелиорации (то есть якобы освоенных или улучшенных за счет ирригации или осушения). В 1968–1988 годах Минводхоз якобы потратил 130 миллиардов рублей на «улучшение земель» без какого-либо увеличения урожая на «мелиорированной» площади. На каждый рубль, инвестированный в «мелиорацию» отдача составила в среднем 30 копеек¹⁴. Даже те цифры, которые были обнародованы (без сомнения, они представляют собой только часть общей картины), показыва-

ли, что государство угробило 3 500 000 гектаров «мелиорированных» земель. Летом 1988 года правительство отбраковало еще миллион гектаров «осушенных» или «орошенных» земель как более непригодных для сельского хозяйства. И все же ежегодный бюджет министерства, работа которого была объявлена «по большей части вредной или, в лучшем случае, бесполезной», продолжал составлять от 10 до 12 миллиардов рублей в год¹⁵.

И все же больше всего ущерб советской экономике нанесли не эти наглядные проявления расточительности, а скорее ежедневные примеры халатности и небрежности на миллионах рабочих мест на заводах и в крестьянских хозяйствах, в полях и садах. Разбазаривание было по большей части связано с «плановыми» нормами выработки, диктующими, что каждое предприятие и каждый работник должны делать то, что предписано — и ничего более. Сложная промышленная экономика была подразделена на миллионы полуфеодалных владений, получавших жесткий план из Центра и отделенных административными рвами и частоколами, через которые никому не было позволено наводить мосты или перелезать (да никто и не проявлял инициативы).

Один крымский колхоз попытался произвести «незапланированный продукт», перемолов в муку зерно, оставшееся после того, как плановая норма была отгружена государству. Они выпекли из нее хлеб и стали продавать его в соседнем городе. Говорят, это были великолепные батоны: пышные и золотистые, цвета «летнего заката»! И все же почти сразу председатель получил выговор от Министерства сельского хозяйства с предписанием «оставаться в рамках плана». Хлеб, продававшийся в городе, после этого снова стал «распространяться из центра» и цвет батонов стал таким же «серым, цвета грязных грузовиков или кровельного шифера», по словам Юрия Черниченко, «цвета государственной монополии»¹⁶.

Еще больший урон, нежели потеря хорошего хлеба, нанесли открытая разработка железной руды. Чтобы добраться до нее, экскаваторы и бульдозеры срезали в отвал миллионы тонн

песка, гравия, глины, известняка. Но в плане ничего не говорилось об этих «побочных» продуктах, и их не использовали. Аналогично дело обстояло с фабриками, которые должны были своевременно отгружать продукцию и платили штрафы за задержку товарных вагонов. Поэтому когда в вагонах оказывались «сторонние» грузы — иногда «100–200 кг, иногда 2–3 тонны полезных продуктов», их выбрасывали как мусор¹⁷.

Оказалось, что уникальное сокровище России, ее лес, подвергается чудовищному разбазариванию. Не будучи способными переработать или транспортировать все десятки тысяч стволов, срубаемых каждый день для выполнения «плановых» норм вырубки, леспромхозы беспокоились о том, чтобы скрыть бесполезные потери по меньшей мере. Ценную древесину сваливали в овраги, вырытые специально для этой цели, или сжигали в «гигантских крематориях, где огонь пылал многие годы». На километры площади вокруг мест лесозаготовок были покрыты древесиной: деревья валялись на земле, штабели полусгнивших стволов сосен торчали из болот, плоты из бревен перегораживали маленькие таежные речки, подобно бобровым плотинам, или торчали из воды озера Байкал, подобно призрачным лесам. Всего лишь на одной делянке в Республике Коми каждый год уничтожалось 250 000 кубометров древесины¹⁸. Подобное творилось и в тысячах других леспромхозов, что помогает объяснить вечную нехватку бумаги в стране, обладающей самыми большими лесами в мире*.

* Были и другие причины. Министру деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности теперь разрешили открыто рассказать, что оборудование, возраст которого иногда превышал 60 лет, позволял его рабочим перерабатывать в бумагу не более 12% срубленной древесины, тогда как в других странах этот показатель составлял 60–70%. Так что из 1 000 кубометров дерева Канада производила 85 тонн бумаги и картона, Швеция — 129 тонн, США — 137 тонн, Финляндия — 164 тонны, а Советский Союз — 27 тонн. Имея 0,8 гектара леса на душу населения, Соединенные Штаты производили 143 килограмма бумаги на жителя страны, а Советский Союз с его 3 гектарами на душу населения — 22 килограмма (Гудков Л., Дубин Б. Литературная культура: процесс и рацион // *Дружба народов*. 1988. № 2. С. 173; Зятков Н. Лаборатория перестройки // *Аргументы и факты*. 1990. 28 января – 2 февраля. С. 7).

Невероятно бурное возмущение вызвало раскрытие информации о гибели миллионов тонн фруктов и овощей в стране, где во многих северных регионах — территория некоторых из них по размеру сопоставима с территорией одной или двух европейских стран — помидоры, цветная капуста или виноград были редкостью. Например, фрукты и овощи, которые должны были доставлять из Молдавии, гибли на земле, на деревьях или на лозе, поскольку грузовики ждали разгрузки в бесконечных очередях у железных дорог. По словам молдавского писателя, продукцию сваливали в «огромные кучи» возле железных дорог, где «все портилось», а зерно и кукуруза имели тенденцию «самовозгораться»¹⁹. И все же молдавским колхозам, угождая которых ломились от винограда, томатов, кукурузы, перцев, не позволялось привлекать «сторонних подрядчиков» для самостоятельной доставки продукции на север и восток. Все, что превышало план отгрузки, должно было перерабатываться внутри республики, где до половины урожая скармливалось сельскохозяйственным животным или пропало²⁰.

Далеко не факт, что фрукты и овощи из Молдавии и других южных республик, не попадавшие на гигантские базы, могли попасть в магазины. Многие тонны их оставляли гнить, частично из-за примитивных условий хранения, но также и потому что работники баз, «от директоров до рядовых сотрудников», не были заинтересованы в сохранении продукции: чем больше ее на законном основании «списывалось» в рамках норм естественной убыли, тем больше они могли забрать домой, продать «налево» или дать в качестве взятки, забирая отборный товар и посылая гниющие яблоки и томаты в магазины²¹. Власти смотрели на такие «премии» натурой сквозь пальцы, как на компенсацию мизерных заработных плат работников баз. Так же дело обстояло с продавцами и работниками мясо- и молокоперерабатывающих заводов.

Каждую осень сотни тысяч городских жителей — студентов вузов, инженеров и хирургов, адвокатов и творческих работников — отправлялись, иногда на несколько недель, на

близлежащие колхозные поля, «на картошку». И все же 60–70% ее урожая в коллективных хозяйствах могло остаться в земле, под снегом, перепахивалось следующей весной²². Ежегодно около 20% урожая зерна пропадало (оставалось на полях, высыпалось из грузовиков по дороге на элеваторы, сгнивало в неприкрытых кучах под дождем и снегом) — примерно то же количество зерна (30 миллионов тонн) Советский Союз закупил за границей в 1987 году²³.

В стране всегда чего-либо не хватало, писали в мае 1988 года два известных экономиста и историка экономики: от детского мыла до железнодорожных билетов. Если забыть о том, что прочитать это в советском журнале было само по себе чудом, сам факт вряд ли удивлял кого-либо из живших тогда граждан: дефицит был естественной частью их существования, как и дыхание. Тем не менее то, что Владимир Попов и Николай Шмелев пишут дальше, неминуемо удивляло, потому что они более не списывали дефицит на обычные причины: «отдельные случаи неэффективности», некомпетентность «отдельных бюрократов» или даже устаревшую технологию или воровство. «Постоянство дефицита», продолжают ученые, наводит на мысль о существовании некоего «экономического закона». И они нашли его в укоренившейся в нашей стране «системе планирования, которая в своей сегодняшней форме не только не исключает дефицит, но, по сути, неизбежно приводит к нему, делает его хроническим, а его искоренение — невозможным. При текущем механизме планирования дефицит является не исключением, а правилом: естественно воспроизводимым феноменом, неотъемлемой частью экономической системы»²⁴.

Олицетворением «экономики хронического дефицита» были очереди. «Изнурительные и бессмысленные», они, по оценкам, стоили советской экономике 65 миллиардов человеко-часов в год, что эквивалентно годовому рабочему времени 31 миллиона человек²⁵. Дефицит и административная реализация товаров и услуг также привели к возникновению черного рынка, объем которого составлял «многие миллиарды» руб-

лей. Но наибольший ущерб, по оценкам моралистов, поборников гласности, как обычно, был нанесен душам: люди, производившие богатство страны, подвергались ежедневному унижению, «принижались» теми, кто отвечал за реализацию этого богатства, от бюрократов до продавцов²⁶.

То, что ведущий экономист и советник Горбачева Леонид Абалкин в июле 1987 года назвал «хроническим дефицитом всего» — современных машин, металла, энергии, еды, потребительских товаров, соседствовало с выполнением абсолютно ненужной работы²⁷. «Целые отрасли промышленности, как стало известно, производили то, на что не было спроса, то, что «никому не нужно». Легкая промышленность (потребительские товары) производила миллионы пар обуви, которую даже неизбалованные советские потребители отказывались покупать из-за ее уродства и неудобства. Осенью 1987 года на складах Министерства легкой промышленности лежали нераспроданные товары на сумму 2,5 миллиарда рублей, в том числе почти миллион квадратных метров ткани²⁸. И все же гораздо дороже обходилось перепроизводство (или импорт за золото или твердую валюту) машинного оборудования: его производилось и покупалось в три раза больше, чем можно был использовать. (Советский Союз производил больше машинного оборудования, чем Соединенные Штаты, Япония и Западная Германии вместе взятые²⁹.)

Многие машины, в том числе и наиболее сложные, были обречены ржаветь и «растаскиваться» на запчасти, потому что квалифицированных рабочих не хватало³⁰. В своем письме одной крупной газете наладчик токарного станка из Москвы сообщал, что до 40% токарных станков в его смену простаивало, потому что не хватало рабочих для работы на них. В среднем во всей экономике на 60–63 рабочих приходилось 100 станков³¹.

В итоге 700 000 рабочих мест в промышленности невозможно было заполнить из-за нехватки квалифицированной рабочей силы³². К 1989 году стоимость неустановленного промышленного оборудования составляла более 14 миллиардов

рублей, и все же год за годом «строились новые заводы, для которых, как все знали, работников было взять неоткуда»³³.

Несоответствие было особенно вопиющим в деревне. В то время как было нужно не более 470 000 комбайнов, ко второй половине 80-х их был 1 миллион — в 14–16 раз больше, чем в Соединенных Штатах, где урожай на душу населения был в два с половиной раза выше (1313 килограммов по сравнению с 490 килограммами), чем в Советском Союзе³⁴. Комбайны, каждый из которых стоил несколько миллионов рублей, продавали колхозам меньше чем за полцены, но все же от трех из десяти они отказывались, потому что не знали, что делать с уже имевшимися у них машинами. И все же производство гигантского комбайна «Дон» непрерывно продолжалось, и в Елабуге на Волге шло строительство огромного тракторного завода³⁵.

Советскую деревню также наводнили 2,8 миллиона тракторов, «сотням тысяч» из которых «нечего было делать», поскольку можно было найти водителей лишь для 452 000 тракторов и комбайнов³⁶. Вдобавок, по оценкам, в каждый отдельно взятый день 250 000 тракторов были неисправны. Поскольку их ремонт зачастую стоил больше, чем продажа новой машины государством с огромной скидкой, тысячи ржавеющих громадин, разобранных на запчасти сельскими механиками, усеивали российский сельский ландшафт³⁷. Как и миллионы других произведенных, но никогда не использованных предметов, ненужные тракторы и комбайны были, как положено, записаны в ВВП страны.

К 1989 году стоимость «бесполезных материальных ценностей» (то есть вещей произведенных, но не используемых) достигла, по оценкам, отметки 470 миллиардов рублей, или около половины объема национальной экономики³⁸.

Тысячи заводов и фабрик были убыточными, так же как почти каждый четвертый колхоз (6500 колхозов из 26 000, часто на протяжении десятилетий), и, по оценкам, на их субсидирование ежегодно уходило до 90 миллиардов рублей³⁹, а их долг приближался к 140 миллиардам рублей⁴⁰.

День за днем работа бесчисленного множества людей также растрчивалась впустую. Согласно данным закрытых социологических исследований, проведенных в начале 80-х и ныне обнародованных, «едва ли треть» советских промышленных и сельскохозяйственных рабочих работала добросовестно, «в полную силу»⁴¹. «Мы платим десяти человекам, чтобы они выполняли работу пяти», — писал один ведущий экономист. По оценке советника Горбачева Абега Аганбегяна, «миллионы» получали зарплату, «несоизмеримую» с их «трудовым вкладом», часто «не делая вообще ничего». Правда, их зарплаты часто были «мизерными», но в то же время и работа у многих была «не бей лежачего»⁴². Когда аграрным руководителям Алтайского края в Сибири предложили гипотетическую возможность свободно нанимать, брать на работу и увольнять своих работников и платить им то, что, по их мнению, они заслуживали, они оценили, что 15–20% стали бы «ненужными»⁴³. В целом в Советском Союзе до одной четвертой части рабочих были «не нужны на своем месте работы». (В 1987 году это означало 35,5 миллиона «лишних работников»⁴⁴.) «Административный аппарат», в котором было занято от 17 до 18 миллионов человек, включая 1,5 миллиона личных водителей, подвергался наиболее жесткой критике⁴⁵.

Зарплата едва ли, если вообще отражала производительность, квалификацию и добросовестность работников. В одном благополучном колхозе во Владимирской области работники получали всего на 10 рублей в месяц больше, чем их соседи в постоянно несущем убытки колхозе. Руководители, заключает известный очеркист Геннадий Лисичкин, казалось, предпочитали колхозы с плохим управлением, которые «не хотели и не могли» работать, тем, которые хотели и могли. Первые постоянно «кормились» за счет последних⁴⁶.

И вновь это была не только и не столько экономическая проблема, сколько моральная. Те, кто получал субсидии, делает вывод Лисичкин, «быстро отвыкали стоять на собственных ногах» и все больше и больше полагались на тех, кто «тянет

лямку». Последние якобы «мечтали о равенстве» — не равенстве доходов, но «равенстве труда», при котором труд тех, кто больше работает и больше производит, оплачивался бы лучше, чем тех, кто этого не делает⁴⁷.

Советский экономист Лариса Пияшева писала, что созданная для «равенства распределения» советская экономическая система и правда «имела некоторые примечательные достижения»: хирург зарабатывал столько же, сколько и продавец универмага, а воровство, взяточничество, паразитизм и иждивенчество стали общим местом⁴⁸. Если такая экономическая система продолжит существовать, пишет журналист Михаил Антонов, советские люди «полностью деградируют»⁴⁹.

Расточительство труда не было домыслом. Несколько «экспериментов», проведенных в 70-е (они имели ограниченный масштаб и были быстро свернуты), без всяких сомнений, выявили возмутительное разбазаривание рабочего времени и денег государства. Согласно проведенным в 1963–1970 годах экспериментам «бухгалтера-экономиста» Ивана Худенко, хозрасчетные рабочие группы (бригады и звенья) в совхозе в Казахстане полностью отвечали за свою часть производства, и их зарплата больше не устанавливалась исходя из плана, а зависела от результатов работы. Рабочие издержки сократились в семь раз, прибыль в пересчете на одного рабочего также выросла в семь раз, а доходы увеличились в четыре раза по сравнению с прежним уровнем. «Авантюра» была прервана в 1970 году, а ее инициатор был арестован за «хищение» и скончался в трудовом лагере в 1974 году, но она демонстрирует, что советское сельское хозяйство могло повысить производительность в четыре раза, используя труд лишь 5 миллионов человек вместо почти 28 миллионов⁵⁰.

В другом вскоре прекращенном эксперименте на фабрике по производству одежды на черноморском курорте Сочи два брата организовали «экспериментальную рабочую группу», заказы которой определялись исходя не из плана, а на основании договоров с магазинами и другими контрагентами. Руководство фабрики, по имеющимся сведениям, было «пора-

жено» ростом производительности, не меньше, чем дешевизной производства. Доход группы в пятнадцать раз превышал «норму» фабрики. Когда их спросили об их секрете, братья объяснили: «На нашей фабрике тысяча рабочих, но того же результата можно добиться при помощи пятидесяти человек»⁵¹. (Когда при Горбачеве такие эксперименты стало возможным проводить безнаказанно, одна только Белорусская железная дорога уволила 11 000 рабочих без негативных последствий для своей деятельности⁵².)

Цены по крайней мере на 200 000 товаров устанавливались ежегодно Государственным комитетом цен (Госкомцен): от железной руды и целлюлозы до карандашей и томатов, брюк и телевизоров. Практически все продукты питания продавались в среднем за половину их себестоимости⁵³. В стране, измученной дефицитом мяса, цены, по которым государство закупало его у колхозов и совхозов, были настолько низкими, что выращивание скота не приносило производителям «ничего, кроме убытков», и они давным-давно с радостью забили бы все свои стада, если бы не контроллеры из местных комитетов партии. Половина денег, которые Советский Союз выручал из своего единственного крупнейшего источника государственных доходов (так называемый налог с оборота, который взимался с общего объема произведенной продукции в ее денежном выражении) тратилась на продуктовые субсидии — до 50 миллиардов рублей в год⁵⁴.

В то время как некоторые цены подрывали финансовую заинтересованность, будучи до смешного низкими, другие были раздуты, превращая в невообразимую роскошь нормальные потребности высококвалифицированных современных рабочих. При средней зарплате, составлявшей в 1986–1987 годах 100–120 рублей, пара «приличных» мужских ботинок стоила 50 рублей, цветной телевизор — 700 рублей, а машина — 8000 рублей⁵⁵.

Но все же субсидированные или раздутые цены (и деньги в целом) имели небольшое значение из-за дефицита почти всех качественных товаров. Все знали, писал один известный эко-

номист, что «наши деньги — это не деньги». Один ведущий экономист назвал рубль «беспомощным», другой, советник Горбачева Николай Петраков, — «пустышкой»⁵⁶.

В отличие от «нормальных» валют ценность рубля, то есть его конвертируемость в товары и услуги, зависела от того, на какой ступени иерархии находился его держатель*. Как выразился журналист, «один рубль не равнялся другому»⁵⁷. В привилегированном положении была «иностранный валюта», или инвалютный рубль, который в форме «сертификатов» различных цветов, позволял их держателям почувствовать вкус роскоши в магазинах, постоянно охранявшихся секретными службами: джинсов, американских сигарет, кока-колы, финской салями, сервелата, шариковых ручек или импортных униформ. «Обычные» (или, как их скоро стали называть, «деревянные») рубли, в которых десяткам миллионов платили зарплату, давали право на стояние в очередях, часто на протяжении многих часов и с сомнительным результатом, за мясом, яйцами, молоком или маслом или на покупки на сельскохозяйственных рынках в городах, где они были, что обычно могли себе позволить лишь немногие. Когда в родном городе Ленина, Ульяновске, в конце 80-х была арестована группа фальшивомонетчиков, репортер «Огонька» поинтересовался, какие купюры они печатали: двадцать пять рублей? пятьдесят? сто? Нет, сказали ему, жулики занимались подделкой продуктовых талонов на мясо и масло.

Между имеющими магическую силу «сертификатами» и «деревянными» рублиями находилась валюта тех, кто работал в «теплых» местах. Руководителю железнодорожной станции в одном из крупнейших городов России напомнили о существовании этого рубля, предлагая работу в районном

* Проведя масштабные исследования, ведущий социолог и эксперт по общественному мнению Татьяна Заславская назвала «равную покупательную способность рубля» одним из главных условий заработной платы, устанавливаемой «в соответствии с трудозатратами» (Заславская Т. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // *Коммунист*. 1985. № 13. С. 69).

исполкоме. Конечно, сказал секретарь райкома партии, зарплата будет почти той же, но «исполкомовский рубль стоит больше». «Как это?» — спросил наивный железнодорожник. «Как будто вы не знаете...» — ответили ему. «И мы действительно знаем!» — негодовал репортер, предавший огласке эту историю. Руководитель или работник крупного предприятия, где были «предварительные заказы», имел «свободный доступ к сосискам, мясу и маслу» и, таким образом, мог «отоварить» свой рубль совершенно другим способом, нежели, скажем, «учитель или врач, которые могли купить те же продукты, не стоя в очереди, только на сельскохозяйственном рынке по непомерным ценам»⁵⁸.

Доступ ко всему качественному определялся не столько деньгами, сколько близостью к власти в бесчисленном множестве ее инкарнаций — или к источнику производства, или торговли этой качественной продукцией. Если кто-то за те же деньги не мог купить что-то доступное другим гражданам, «речь шла о плате не только за труд, но и за что-то еще»⁵⁹.

Люди могли жить поразительно по-разному, получая одну и ту же зарплату. Встречая друг друга, они спрашивали «Какая у тебя зарплата?» гораздо менее часто, чем «Где ты работаешь и как там со снабжением?». Поиск места, где «все было доступно» — «особого» (то есть закрытого для других) магазина, ателье или «буфета» с хорошими сосисками, фруктами и сыром, стал национальной манией. Все очень хорошо знали, какой вред подобная практика наносит их сознанию, с сожалением заключает один журналист⁶⁰. «Деньги не были универсальным эквивалентом труда», — заключает академик Юрий Рыжов. В результате «труд не был гарантией благополучия»⁶¹.

В условиях, когда каждый рубль из двух, напечатанных в период 1971–1985 годов, «не был поддержан» товарами и услугами⁶², экономика Советского Союза была в большой степени домонетарной. Бартер, или «натуральный обмен дефицитом», был гораздо более надежным способом получения того, что было нужно, чем деньги⁶³. Чтобы получить от дру-

гих предприятий ресурсы, необходимые для выполнения «плана», руководителям приходилось прибегать ко всякого рода сделкам и натуральному обмену, и «серый» рынок товаров и услуг и коррупция, которую он породил, были «почти легальными»⁶⁴.

Такая «сюрреалистическая экономика» была, по словам еще одного советника Горбачева по экономике, Николая Петракова, «в десять раз более странной», чем картины Сальвадора Дали: мотивацией упорного труда была не столько высокая зарплата, сколько сосиски и добрый кусок копченого мяса⁶⁵. Было более престижно работать мясником, нежели хирургом.

Когда государство захотело, чтобы колхозы и совхозы выращивали больше гречки, власти в несколько раз подняли закупочные цены, но посевные площади продолжали сокращаться, поскольку сельскохозяйственное руководство «разумно» решило, что дополнительные деньги не помогут им купить ничего из того, что им нужно. Ситуация изменилась, лишь когда на каждые 100 кг гречки хозяйства стали по бартеру получать 100 кг комбикорма или зернофуража для скота⁶⁶.

Промышленные предприятия, научно-исследовательские институты и больницы выращивали (и крайне «поощрялись» к выращиванию) овощи и цыплят, скотину и свиней для получения мяса и яиц. В 1987 году три из четырех предприятий при Министерстве цветной металлургии имели «в подчинении свои подсобные хозяйства», где выращивали продовольствие для своих работников и разводили скот⁶⁷. (Президиум Верховного Совета сделал министерству выговор за оставшуюся четверть предприятий, которые пренебрегали этой важной работой.) Те, кто занимался бурением и качал нефть в расположенном в Западной Сибири «Эльдорадо» Советского Союза, зарабатывая стране «миллионы долларов» и получая астрономическую месячную зарплату в 800 или даже 1000 рублей, также, если повезет, выращивали свою картошку, писал Юрий Черниченко.

«Обеспечение населения питанием является внеурочной работой этого самого населения, включая тех, кто живет у полярного круга, — язвительно замечает он. — Таким образом, плановая экономика унижает людей»⁶⁸.

Тем временем те, чьей работой было выращивать овощи, ухаживать за скотом и доить коров, обменивали свою продукцию на промышленные товары. В одном алтайском колхозе, например, оброк (слово из эпохи крепостного права, означающее «натуральную ренту») за цепную бензопилу составлял около 70 килограммов мяса, поставляемого государству. «Цена» купона, позволявшего его держателю купить ковер, составляла 2 000 литров молока, и снова не от колхозной, а собственной коровы. В этой алтайской истории вторая из описанных сделок не состоялась потому, что продавец, заведовавший торговлей коврами, утверждал, что покупателю не хватает еще 500 литров. «Что значит, не хватает?! — воскликнул крестьянин. — Вы что, не видите? Здесь же написано!» Женщина за прилавком зевнула и отвернулась⁶⁹.

Глава 11

Разлад в душах: Homo sovieticus

Самое ужасное для народа — это не экономическая разруха, а разлад в душах, потеря необходимости быть лучше, чище, благороднее, судить о своих поступках по совести.

Антонов М. Так что же с нами происходит? // *Октябрь*. 1987. № 8.

Главное преступление сталинского режима — создание нового типа человека. Воспитанный в атмосфере лжи, предательства, холодей преданности возведу, он вырос в обществе, где сместились, приобрели обратный смысл многие понятия: белое стало называться черным, честь и благородство — пороком, донос на ближнего — гражданской обязанностью.

Говорухин С. Война с преступностью // *Советская культура*. 1989. 29 июля.

Во что же мы превратились? Поймут ли нормальные люди, из-за чего мы дрожали от страха? И куда же еще дальше?.. Одно несомненно: страна зашла в тупик. Вот что они сделали с народом: есть нечего, повсюду воровство и безнравственность, и никто не знает, как с этим бороться, где искать выход.

Абрамов Ф. А люди ждут и ждут перемен: из дневников и рабочих записей (ноябрь 1969, октябрь 1979, ноябрь 1981) // *Известия*. 1990. 3 февраля.

На протяжении десятилетий государство проводило самую безнравственную внутреннюю политику — политику обмана и насилия. Сегодня носители этой безнравственности — люди. Их много, но это следствие многих лет существования безнравственного тоталитарного государства. Оно было жестоким — и люди стали жестокими. Оно признавало лишь культ грубой силы и беспринципно обращалось со своими гражданами — и они, в свою очередь, тоже стали беспринципными.

Шиндель А. Свидетель // *Знамя*. 1987. № 9.

Все началось с этого — все наши проблемы, все наши слабости. И прежде чем мы попытаемся изменить частности... давайте определимся, когда же в нашей жизни взяточничество, воровство, вранье, унижение слабых и раболепие перед властью имущими стали лишь отклонением от нормы.

Ганина М. Без обольщений прежних дней // *Литературная газета*. 1988. 13 января.

В конечном счете, как и в случае с другими аспектами национального стремления к самопознанию, основной и самый неотложный вопрос касался не самой экономики, а скорее того, как она повлияла на людей, которые трудились: на их взгляды, на представление о самих себе, на их совесть — то есть на их души. Жившие в условиях расточительности и халатности, произвола и некомпетентности всемогущей бюрократии, которая применяла бесчисленное количество абсурдных законов и правил, люди либо уже потеряли, либо должны были вскоре растерять большую часть того, что необходимо, дабы сделать свою страну свободной и процветающей.

Экономика, в которой расточительство ресурсов и «низкое качество» были выгодными¹, породила и взрастила Homo sovieticus, с которым мы познакомились во второй главе. Макс Вебер, возможно, соотнес бы его со своим очередным «идеальным» типом: социологической или философской категорией, феноменом, а не реальным человеком².

Homo sovieticus стал одновременно и символом духовного кризиса, и его воплощением. До наступления гласности высланный из страны диссидент Александр Зиновьев посвятил этой теме целую книгу, которую опубликовали за границей³. Конечно, она не попала в руки советского читателя, но проблема стала темой сотен газет и журналов.

Homo sovieticus «забыл», что значит нести ответственность за результаты своего труда. Его не волновало ежедневное разорение колхозов или заводов, продукция которых стоила меньше, чем тратилось на ее производство и на зарплаты. Он мог страдать от скуки, «задыхаясь от безделья», но не хотел напрягаться — и возмущался усердием других⁴. Перспектива получать больше за более качественную, усердную работу привлекала немногих, поскольку доход гораздо в меньшей степени улучшал жизнь, чем способность «добывать» что-то через связи или за счет льгот, предоставляемых людям с определенными политическими взглядами⁵. «С чего им было к этому стремиться? — писал один журналист, побывав на заседании работников колхоза. — Трактористу выгоднее, чтобы его

машина сломалась. Он придет на работу, походит вокруг нее с инструментами несколько минут, а потом пойдет домой, а ему за этот день заплатят»⁶.

Homo sovieticus завидовал соседу, который смог заработать больше: «лучше моя корова подохнет, чем у моего соседа их будет две». Известный автор экономических очерков делает вывод о том, что нищета в советской деревне была «наказанием» за более чем пять десятилетий «отказа от здравого смысла, разрушения всего, что побуждает человека к нормальному, добросовестному труду»⁷.

Народ, «крайне зависимый» от приказов сверху, согнувшийся под бременем бесчисленных «нельзя», перестал верить в законы и законность⁸. Исполненный горячим желанием избавиться от дисциплины, навязываемой государством, Homo sovieticus постоянно, практически не осознавая того, нарушал законы и был вынужден жить своим умением «ловчить»: приписывать показатели труда и бухгалтерские отчеты или «работать на стороне» (левачить) вместо того, чтобы делать работу, за которую ему платят. По мнению режиссера С. Говорухина, «жульничество» было в крови у Homo sovieticus, а «недоверие» — всегда в его глазах⁹. Считалось, что этот «тип» всегда искал возможность «урвать кусок», взять взятку, беззастенчиво польстить своему начальнику и принять страдания других с «абсолютным безразличием»¹⁰.

И речь идет не только о водителях грузовиков, продавцах, официантах, образ которых воплощает качества определенного круга советского общества, но о «целом рабочем коллективе», который ежедневно вводил в заблуждение начальство и нарушал законы¹¹. Тот, кому постоянно ввали, сам был вынужден стать ловким и опытным лжецом, чтобы скрыть свою некачественную работу. В результате больше нельзя было полагаться ни на инженерные проекты, ни на статистические данные, ни на научную экспертизу¹².

Homo sovieticus также был практически вынужден стать расхитителем, который принимал как норму и даже право красть с места работы¹³. Известный экономический журна-

лист с горечью отмечает, что мелких краж не стыдились, поскольку человек «прет» у государства. Это даже не называли «кражей», да и мелкого вора не называли «вором». Для него придумали особый термин — «несун»¹⁴. Две популярные поговорки отражали общее правило: «Скажи мне, где ты работаешь, и я скажу, что ты несешь в своей сумке после работы» и «Если ты не воруюешь у государства, то обкрадываешь свою семью». В 1986 году советское исследование выявило, что почти половина заводов и предприятий в СССР завышали свои производственные показатели, незаконно тратили средства и страдали от систематических хищений¹⁵.

После особо тяжелой зимы ввиду дефицита мяса глава одного регионального общепита созвал встречу управляющих столовыми для рабочих и упрашивал их не красть мясо для продажи или взятки в течение двадцати дней — всего двадцати дней, до того когда мясо прибудет с центрального склада: «Когда птица и свинина появятся снова, вы сможете взяться за старое, если без этого никак нельзя. Но в эти двадцать дней, пожалуйста, не надо, лично вас прошу»¹⁶.

Homo sovieticus не любил, часто даже ненавидел работу, причем любую. Предпринимательство, смелость, изобретательность были либо «физически уничтожены» вместе с их обладателями, либо «морально подавлены» очень давно¹⁷. «Мы потеряли уважение к нашей работе», — писал ведущий российский актер Кирилл Лавров¹⁸. Всеобщая «растренированность», халтура, халатность и лень были «национальным бичом»¹⁹. Homo sovieticus не имел ничего общего с Homo faber. Труд честного, добросовестного работника считался чем-то постыдным или как минимум занятием для юродивого²⁰. «Мы удивляем мир своей поразительной небрежностью, неспособностью качественно выполнять работу», — писал политический философ Александр Ципко²¹. Советский народ «разучился» работать, и для восстановления страны его необходимо было либо заменить «миллионами совершенно иных» работников, либо волшебным образом превратить народ в этих людей: тех, кто будет

уважать в себе творца, кто будет ценить честную, качественную работу²².

Homo sovieticus был настоящим разрушителем стоимости, который «делал плохие товары из хороших материалов, превращал стоящее в нечто непотребное». Советская доярка отказывалась кормить своих голодных коров, которые громко мычали: «Мне платят 370 рублей за то, чтобы я доила коров, — объясняет она. — И мне этого хватает. Чтоб я их кормила... Мне это надо?»²³.

Идя по полю, два военных в отставке, прошедших Вторую мировую войну, увидели, как трактор начинает пахать ту его часть, где еще не собрали урожай овощей. Мужчины начали кричать, но тракторист не реагировал. Тогда один из них, хромя и опираясь на палку, побежал и встал на пути трактора. Тот остановился в метре от него.

— Уходи, отец, — крикнул молодой парень.

— Что ты делаешь, сукин сын! — Разве не видишь, что овощи еще не убрали?!

— Это тебе кажется. В отчете написано, что и урожай убран, и поле вспахано.

— Ладно, понятно, что твоим начальникам надо отчитаться, а как же твоя совесть? Не видишь, что губишь труд других?

— Да ты что, шутишь? — рассмеялся тракторист. — Разве не знаешь, что мы живем в эпоху всеобщей электрификации? Всем же до лампочки²⁴.

«Где все *наше*, там нет ничего *моего*, ничего, за что душа болит», — пишет Анатолий Ананьев, главный редактор журнала «Октябрь». А что если плуг неправильно заглублен, переворачивает и разрушает плодородный верхний слой почвы? Что если на пути к элеватору зерно сыплется из грузовика на дорогу? Пудом больше, пудом меньше, да к тому же тонны зерна уже сгнили при хранении, так что какая разница? Такая логика, отмечает Ананьев, стала частью нашего сознания, а для многих и «жизненной позицией»²⁵.

В поисках истоков «моральной деградации» народа, воплощением которой является *Homo sovieticus*, обнаружилось

серьезное разрушение чувства собственного достоинства. «Падение собственного достоинства» привело к снижению «морального уровня всего общества», к «бездне духовной нищеты, притеснению и унижению», в которую, как считалось, скатилась страна²⁶.

Писатель Даниил Гранин отмечает, что советский народ «унижали» десятилетия, проведенные в «убогих» общежитиях и коммунальных квартирах. Грубое отношение властей. Дефицит и бесконечные очереди, которые он порождал: очереди за мукой и за обувью; очереди к доктору в поликлинике и очереди, чтобы отдать ребенка в детский сад; чтобы попасть к любому чиновнику, даже самому незначительному; чтобы получить квартиру. «Очереди, очереди и снова очереди — доводящие до бешенства и отчаяния!»²⁷

Поколения людей «были подавлены от настороженности постоянного ожидания лжи и обмана», пишет в «Литературной газете» автор очерков Майя Ганина. «Ген» чувства собственного достоинства (как и ген долга) был ослаблен настолько, что почти исчез, уступив место «безнадежной усталости и ленивому безразличию»²⁸.

Живя в среде, где царили, по словам писателя Юрия Нагибина, «сплошной развал, бездельничество и ложь»²⁹ и будучи «порабощенным» абсурдностью существования, на которое он не мог, по словам философа Ципко, воздействовать, народ искал спасения в алкоголе³⁰. Премьер-министр Николай Рыжков, которого мы цитировали в главе 1, был прав: страна действительно «спаивалась». Среди главных источников пополнения бюджета государства (на водку приходилось 12–13% бюджета Советского Союза³¹) водка, писал Нагибин, играла «колоссальную экономическую роль»: разрушая рабочих физически и духовно, она позволяла оплачивать большую часть их зарплаты³². Милиция зарегистрировала в те годы четыре с половиной миллиона алкоголиков, но их общее число достигало, по некоторым оценкам, от 18 до 22 миллионов³³.

Особенно жестоко такая ситуация ударила по деревне. Переехав в 1988 году из города в деревню в Нижегородской

области, что в центральной части России, один рабочий попал в «моральный кошмар». После 23 лет работы он рассказал в ходе опроса общественного мнения следующее: я думал, что видел все, но «даже представить себе не мог, что в центре европейской части нашей страны могут существовать такие колхозы, как этот. Пьянство стало обычным делом». Когда при проведении первых социологических опросов в масштабе страны в 1988 и 1989 годах людей просили назвать «причины сегодняшних проблем», пьянство (вместе с такими социальными болезнями, как коррупция, воровство и спекуляция) упоминалось чаще (в 57–59% случаев), чем другие экономические, политические или социальные проблемы³⁴.

Аборты превратились в пандемию. В СССР проживало примерно 6% мирового населения, и в стране делалась примерно четверть всех аборт: 8 миллионов в год, что больше, чем в любой другой стране. (Это не считая незарегистрированных аборт, которые в СССР проводились неофициально и число которых составляло примерно 50–80% от числа аборт, сделанных в больнице.) Доля аборт в СССР была в 6–10 раз больше, чем в развитых странах, и в 2–4 раза выше, чем в европейских социалистических странах. На 100 женщин в возрасте от 15 до 20 лет приходилось 30 аборт. Каждая пятая женщина детородного возраста в СССР делала аборт. Примерно треть коек в акушерских и гинекологических отделениях советских больниц занимали женщины, подвергшиеся аборту. И примерно половина из 60 000 гинекологов и акушеров в стране, по различным оценкам, занимались практически только абортами*³⁵.

Из всех практически бесчисленных видов унижения, которым режим подвергал народ, самым серьезным был страх. В романе «Жизнь и судьба» Гроссмана заключенные в Лубянской тюрьме сочинили и рассказывали стих:

* Аборт был одним из самых распространенных способов контрацепции, поскольку советским женщинам было доступно всего 10% из необходимых противозачаточных средств.

Из чего твой панцирь, черепаха?
Я спросил и получил ответ:
Он из пережитого мной страха
И брони надежней в мире нет!³⁶

Хотя врожденный, жесткий и гнетущий «панцирь» после смерти Сталина ослабел, он по-прежнему оставался «второй натурой», «которая обосновалась в нашем сознании навсегда» — страх вовремя не сказать «да» или недостаточно быстро кого-нибудь предать³⁷.

Мы боимся всего и всех: мужчины в форме, звонка из ЖЭКа, своей характеристики, неожиданного стука в дверь... Мы боимся выступать на собрании сотрудников на работе, встретиться с начальником в коридоре... боимся просить продавца еще раз назвать цену товара, (мы) раболепствуем перед девушкой, сидящей за стеклом госучреждения, (мы) умоляем передать еду для пациента в больнице; мы с подозрением относимся даже к работнице метро, которая сидит у эскалатора: вдруг она нам что-то скажет³⁸.

Народу ежедневно напоминали о непреодолимой пропасти между ним и «теми, кто правит и принимает решения, теми, кого нужно бояться (они находятся наверху, в то время как ты, «никчемный» и «подчиненный», где-то внизу)»³⁹. Людям привили «рабскую психологию», «рабское видение мира».

Популярный поэт Роберт Рождественский с горечью описывал такое положение дел в начале 1989 года:

О стену разбивая лбы,
летя в межзвездное пространство,
мы все-таки рабы.
Рабы!
Невытравимо наше рабство⁴⁰.

Этому современному рабу приказывали ненавидеть своих сограждан, которые были «другими». Он считал, что сила решает все и был уверен в своем праве помыкать теми, кто находился ниже⁴¹.

В большой степени эту ненависть и жестокое обращение прививали миллионам мужчин в Советской армии, где многие солдаты в первый год подвергались садистской дедовщине и ежедневным мучениям со стороны *дедов*, которые служили второй год. «Офицеры... позволяли старшим солдатам жестоко обращаться с новобранцами — обращение было зверским по жестокости, неподконтрольным и ненаказуемым, — комментирует ситуацию участник опроса общественного мнения из Москвы. — Дезертирство и суициды были повсеместны. Многие возвращались домой злыми, морально и физически изуродованными»⁴².

Когда в июле 1988 года в «Комсомольской правде» опубликовали показания солдата, который убил своих мучителей после восьми месяцев побоев и лишения сна⁴³, в газету поступило 14 247 писем от читателей. Из каждой 1000 писем в 100 говорилось о побоях солдат первого года службы или «других формах жестокого обращения», в 19 — о нанесении увечий, в 8 — о дезертирстве и 6 — о серьезных психических расстройствах вследствие пыток⁴⁴.

Пришло время «бить в набат» и остановить, на словах и на деле, процесс сползания страны в состояние «безразличия по отношению к таким проблемам, как отсталость, коррупция, воровство и пьянство»⁴⁵, пишет Анатолий Ананьев. В письме в «Комсомольскую правду» сказано еще резче: «Нам нужно построить новое общество, чтобы россияне не стали нацией рабов»⁴⁶.

Часть третья

Кто виноват?

Глава 12

Дом, который построил Сталин

Идеальное государство и его политэкономия

Авторитаризм, тоталитаризм, сталинизм — все это появилось в нашей стране из-за того, что все источники благосостояния индивидуума, все способы его существования были в полной власти государства.

Яковлев А. Выступление в МГУ им. М.В. Ломоносова 12 февраля 1990 года. Муки прочтения бытия. М.: Новости, 1991.

По мере того как сквозь туман мифологии стали проступать истинные черты Советского государства, его концепция, ключевые элементы и функции, поборники гласности все больше убеждались в том, что, всесильное и всеведущее, оно «уничтожило» общество, «разрушило», «истощило» и «подавило» его¹ и стало единственным и неоспоримым хозяином страны и людей, ее населяющих. Как ни назови — «административно-бюрократическая система», «казарменный социализм», «государственный социализм», «государственно-бюрократический социализм», «тоталитарный, антидемократический режим» или даже «тоталитаризм»² — суть понятий и их негативное влияние на общество в основном похожи.

«Люди, создавшие такое государство, считали его средством достижения своих идеалов, — писал Гроссман. — Но, как оказалось, их мечты и идеалы послужили основанием для создания колоссального и внушающего ужас государства. Из слуги государство превратилось в мрачного повелителя, стало хозяином»³. Данный политический режим являлся даже более опасным, нежели автократия или тоталитаризм — это было государственное самодержавие, или *этакратизм*⁴.

Как оказалось, несравнимо легче было отречься от некоторых преступлений Сталина, что происходило в 1956-м, а также в 1961–1964 годах, освободить заключенных лагерей ГУЛАГа и даже допустить публикацию повести А.И. Солже-

нищина «Один день Ивана Денисовича», чем избавиться от фетиша самой государственной власти. Хрущевская оттепель подорвала сталинскую «империю смерти», но не систему власти, на которой она основывалась⁵. В период оттепели был прекращен культ личности, но по причине невозможности (или нежелания) сохранен культ государства и присущие ему этатистские принципы организации общества. В подтверждение этого Хрущев говорил народу: до сих пор государственная власть была плохой, теперь она станет лучше, но *сама* власть при этом должна оставаться безграничной⁶. Хрущев сохранил культ власти, который отражал в большей степени суть сталинизма, чем культ личности⁷. С учетом этого Советский Союз все еще оставался домом, который построил Сталин, а оттепель расценивалась лишь как попытка выполоть «вершки» правящей партии, оставив нетронутыми «корешки», и именно с этими «корешками» — системы сталинизма — намеревались бороться революционеры периода гласности⁸.

Ими было установлено, что наследие Сталина значительно повлияло на жизнедеятельность общества, во всех сферах (политической, социальной, гражданской и т.д.) действующая система воспроизводится на «генетическом уровне» через «историческое кровное родство», ведущее к «государственной машине» — громадной бюрократической пирамиде, которая беспощадно давила на народ и страну⁹. Будучи совершенно неподотчетной в силу «административно-бюрократического всемогущества», эта «правящая олигархия» самоизбираемой *номенклатуры* была единственным собственником страны и ее богатств¹⁰. Это была «диктатура бюрократии»: тотальное доминирование и безграничная власть¹¹.

Последним препятствием на пути к государственному всевластию, «последним оплотом людской независимости» считались 28 миллионов крестьянских хозяйств, владевших крохотными наделами земли. Развал крестьянства, который также способствовал подрыву культурных и религиозных ценностей России, глашатаи гласности связывают с господством «абсо-

лутной вседозволенности и жестокости» власти. С 1933 года репрессиям не было конца и края, поскольку *номенклатура* была «готова пойти на любое преступление» для защиты своего доминирования¹².

Огромная и сложная машина террора была приведена в действие государством для подавления любого независимого движения, любой попытки самоорганизации общества. *Номенклатура* расценивала все, что «не могла контролировать на 100 процентов», как опасность и недопустимое посягательство на власть¹³. Подавление мысли было тотальным; насилие стало опорой режима, главным принципом правления и инструментом его осуществления¹⁴.

В истории не существовало похожего *разгула* жестокости, пришел к выводу социолог Шубкин. «Жестокость правила всем, — заявил во время своей речи на Первом съезде народных депутатов СССР в июне 1989 года бывший чемпион мира по тяжелой атлетике Юрий Власов, один из самых знаменитых спортсменов Советского Союза. — Это стало единственной правовой нормой в нашем обществе. Насилие, страх, нетерпимость и жестокость глубоко проникли в нашу жизнь, добрались до главного нерва... И до сих пор это не дает нам распрямить спины»¹⁵.

Именно в этом победоносном государстве-партии, основанном на жестокости и насилии, Гроссман в романе-эпопее «Жизнь и судьба» увидел главное сходство сталинизма и нацизма. «В чем причина нашей вражды?.. — спросил однажды зимой 1943 года Лисс, начальник нацистского лагеря для военнопленных, у заключенного, комиссара дивизии и большевика старой закалки Мостовского. — Я не могу понять ее... Пропasti нет! Ее выдумали. Мы форма единой сущности — партийного государства... На земле есть всего два великих революционера: Сталин и наш вождь. Их воля родила национальный социализм государства. Мы — ваши смертельные враги, да-да. Но наша победа — это ваша победа тоже. Понимаете? А если победите вы, то мы и погибнем, и будем жить в вашей победе... проиграв войну, мы выиграем войну,

мы будем развиваться в другой форме, но в том же существе»^{*16}.

Следующим после насилия столпом режима Сталина и режимов после него стала государственная экономика. Одним из наиболее разочаровывающих и удручающих открытий стало то, что «передача экономических благ народу» — один из ключевых слоганов Октябрьской революции и семидесяти лет советского режима в качестве обеспечения легитимности — на деле обернулась мошенничеством: вместо людей экономикой владело «недемократичное» государство. Параллельно с партийным лидерством и марксистско-ленинской идеологией государственная собственность являлась базовым принципом «реального» советского социализма. Социализация превратилась в *огосударствление*: всеобъемлющее, максималистское, беспощадное и всепроникающее¹⁷.

Будучи воспитанными на учении Маркса, сторонники гласности увидели в Советском Союзе версию того, что Маркс называл «азиатским» способом производства: экономическо-политическое устройство, при котором государство, вместо того чтобы быть ограниченным политической «надстройкой» (как, например, в европейском пути развития), не только глубоко проникает в экономические основы общества, но даже становится их главной составляющей¹⁸. Политическая власть сливается с собственностью, государство становится собственником способов производства, в то время как «рабочие массы» навсегда лишаются прав на них¹⁹. Работник становится не больше чем «винтиком», как говорится в небезызвест-

* В другом великолепном романе, который вернули публике после 15 лет запрета («Факультет ненужных вещей» Юрия Домбровского), герой, которого должны арестовать, мечтает высказать Сталину следующее: «Ох, как будет страшно, если кто-нибудь из вас — Фюрер или вы, Вождь, ее выиграете. Тогда мир пропал. Тогда человек осужден... потому что только кулаку он и служит, только кнуту и поклоняется, только в тюрьмах и может жить спокойно... разум, совесть, добро — все, что выковывалось тысячелетиями и считалось целью существования человечества, ровно ничего не стоит. Тогда демократия — просто-напросто глупая побасенка о гадком утенке. Никогда, никогда этот гаденыш не станет лебедем».

ном сравнении Сталина, и принуждение становится едва ли не центральным принципом организации труда²⁰.

Именно в огосударствлении экономики творцы гласности нашли, по крайней мере частично, ответ на вопрос, который волновал всех: почему в самой богатой природными ресурсами стране, одаренной «колоссальными запасами земли, древесины, нефти и газа, металлов», население которой было «достаточно образованным», оно страдало от количественной и качественной нехватки еды, жилища, одежды, книг?²¹

Поначалу, все объяснения носили технический характер — невозможности управления современной экономикой из одного центра. В частности, во избежание расточительства и кражи государственные планировщики должны были рассчитать «нормы затрат» сырья и труда для производства товаров (к середине 1970-х целый институт под руководством основного государственного распределительного органа — Госснаба — смог рассчитать подобные нормы только для нескольких тысяч изделий)²². *Дефицит*, как мы уже заметили ранее, оказался не «временной» или «локальной» неудачей, а постоянной, регулярно воспроизводимой и составной частью советской экономической системы, последствием директивного (командного) планирования при наличии 18 миллионов планировщиков и администраторов²³. Эта «система» не могла не воспроизводить экономический дисбаланс: он был изначально заложен в основу централизованного планирования.

Единственным периодом, в который существовала более-менее эффективная экономика в Советском Союзе, при которой затраты сырья и труда были соразмерны результатам, является период новой экономической политики в 1921–1928 годах, в который наравне с хоть и государственными, но автономными предприятиями существовали мелкие и средние частные предприятия. Согласно экономисту Николаю Шмелеву, после этих 7–8 лет темпы роста советской экономики «резко упали»²⁴. НЭП создал самую быстроразвивающуюся советскую экономику, даже по сравнению с иностранными государствами, по показателям развития промышлен-

ности и сельского хозяйства, роста дохода, потребления и производительности труда. К 1928 году ВВП страны вырос на 10% по сравнению с 1913 годом — лучшим годом развития перед Первой мировой войной, что даже превысило экономический рост Соединенных Штатов за тот же период. После этого советская экономика никогда не развивалась с подобной скоростью, притом что рост в период НЭПа был достигнут без нормирования, обеднения, голодания, арестов, трудовых лагерей, миллионов заключенных и огромного количества смертей²⁵.

Как показали аналитики гласности, более глубокие процессы и разрушительные последствия социализма обнаружилось вне экономики и политики — в системе ценностей людей и их взглядов. Поэтому надежда на замену надзирателя-бюрократа на настоящего мастера своего дела, который смог бы наладить качество продукции и эффективность труда из личных побуждений, была настолько же «утопичной, как и создание травоядного волка»²⁶. Будучи лишенной настоящего владельца, экономика стала ничейной и, по сути, «никому не нужной». При управлении экономикой бюрократическим аппаратом, когда государство выступает в качестве монополистического производителя, единственного закупщика и продавца товаров и услуг, природные богатства страны становятся «бесплатными» и вместе с казной беззащитными перед разграблением в результате развития хитроумных бюрократических схем²⁷. Коррупция также стала повсеместной, тотальной, перестала быть пороком индивида, превратилась в продукт сверхцентрализованной экономической системы. Она обеспечивала должностных лиц безграничной властью в «социальной сфере», лишая народ прав и заменяя законы административными инструкциями и предписаниями²⁸.

Такое государство вряд ли могло полагаться на инициативу и усердие «рабочих масс», занятых в промышленности или на полях. Экономическая система, основанная на «кнуте и приказах», не благоволит инициативным или даже минимально сознательным работникам, а скорее стремится полностью

избавиться от них. Сталинские «винтики» не могли и не стали бы работать усердно и творчески, поскольку человеческой природе чуждо, когда «все решается без него за него», идет ли речь о планах или нормах выработки. Существует известное высказывание радикального социалиста XIX века Николая Чернышевского, согласно которому «невозможно приучить крепостного энергично работать в поле и в то же время полностью зависеть от власти надзирателя». «Сколько может быть энергии в человеке, которой привык к невозможности отстаивания своих законных прав, которого лишили чувства независимости и благородного самоуважения?»²⁹ — ставит вопросы Чернышевский.

Это противоречие, которое считается причиной дальнейшего отставания советской экономики от Запада, берет свое начало в «модернизации» Петра Великого, что послужила примером для Сталина. Выдающийся российский историк XIX века Василий Ключевский особо отмечал желание Петра «иметь раба, действующего сознательно и свободно, оставаясь рабом». Согласно Ключевскому, Петр установил политический порядок, основанный на всеобщем бесправии, поэтому в его государстве «после власти и законов пропущен самый важный элемент: свободная личность, гражданин»³⁰.

Как и предсказывали Чернышевский и Ключевский, Советский Союз не справился с задачей заставить подневольного человека работать инициативно на своем месте. Принуждение не могло привести его к трудолюбию. Наоборот, оно вызывало ненависть работников к тому, что они делают. Страх может удерживать от совершения злого дела, но не в состоянии подвигнуть на добрые поступки. Он может заставить лентяя работать кое-как, но не может наделить его усердием³¹. Вместо того чтобы стать «кульминацией человеческого разума», экономика, организованная по принципу одного большого завода с единственной всевластной диспетчерской функцией при полном контроле над собственностью, оказалась «экономическим абсурдом», лишившим народ экономической и духовной энергии³². Качества *Homo faber* (человека

производящего) были подорваны также по причине централизованного распределения благ: бюрократы забирали продукты чьего-то труда и перераспределяли их по своему усмотрению. Поэтому усердие, порядочность и достоинство стали неуместными и даже обременительными, ведь благосостояние семьи зависело исключительно от милости чиновника, отвечающего за «распределение купонов счастья»³³.

Учитывая, что добросовестная работа «исключалась» из системы человеческих ценностей, разрушение трудовой этики неизбежно снижало нравственность вообще³⁴. Трудящаяся нация превратилась в нацию «бедняков и деспотов», цель которых была урвать кусок общего пирога побольше — до тех пор, пока станет не из чего его делать или некому его печь³⁵.

Именно так появился наш давний знакомый Homo sovieticus, или человек советский. Лишенный плодов своего труда, предприимчивость которого была подавлена бюрократическими *ведомствами* и утонула в бесконечных командах и инструкциях, такой человек стал «*лжеструженником*»³⁶. В обществе, где не ценятся и не поощряются честность и творчество, на первый план выходят безразличие и *подлость*. И этот круг замыкается, когда власти, в свою очередь, относятся к человеку лишь как к «ленивому рабу», которого только кнут может заставить трудиться³⁷.

Государство, будучи единственным потребителем труда работников, стало «монополистическим собственником» наиболее важных средств производства — людского времени, работы и знаний. Анализируя марксистский подход к изучению государственной машины и оперируя уже определенным понятием «эксплуатация», исследователи пришли к выявлению новой формы эксплуатации — эксплуатации государством. Василий Селюнин подсчитал, что на Западе средний рабочий 60–80% рабочего времени тратит «на себя», то есть его труд компенсируется ему в виде зарплаты и иных благ, а оставшиеся 20% — работая «на общество». Пропорция в Советском Союзе была диаметрально противоположной: 60–80% рабочего времени изымались государством бесплатно³⁸.

Отдав номенклатуре неделимое и абсолютное право собственности на богатства страны, бюрократическое право собственности привело к возникновению нового класса эксплуататоров. При этом для рабочего мало имело значение, *кто* отбирает (экспроприрует) результаты его труда (прибавочная стоимость труда по Марксу): индивидуальный предприниматель или государство. Одна тирания, будь то аристократия или буржуазия, сменяется другой — «авторитарной бюрократией» или «бюрократической буржуазией»³⁹.

Но в отличие от классической марксистской буржуазии доминирование нового класса основывается не только — и, возможно, даже не столько — на присвоении прибавочной стоимости труда, сколько на контроле над ее перераспределением. Поэтому по сравнению с рабочими капиталистических стран советский народ был *лично* зависимым от своего нанимателя⁴⁰. Все блага контролировались им непосредственно либо его товарищами из других сфер бюрократического аппарата и могли быть дарованы или отобраны по щелчку пальцев: квартира, телефон, машина или даже обычный пакет с продуктами. Что важно, только наем государством предоставлял основные права советскому гражданину: разрешение на жилье, медицинское обслуживание и школу для детей. Не будучи нанятым государством, человек становился изгоем, «маргиналом»⁴¹. Отсутствие работы значило не просто полное обнищание (учитывая, что в Советском Союзе вообще «не существовало» безработицы, не было предусмотрено и пособий по безработице), но и, как следствие, бездомность и даже уголовное преследование за «паразитизм» и помещение в трудовой лагерь.

Таким образом, это была поистине *политическая* экономика — привязанная к Советскому государству повседневным производством, управляемая новым эксплуататорским классом, состоящим из нанятых государством начальников, и основанная на праве собственности на ресурсы и присвоении результатов труда. Главными задачами такой экономики было укрепление центрального политического режима, подавление

общества государством, что и диктовало применение механизмов, прямо противоречащих всякому экономическому здравому смыслу⁴².

Именно эти *политические* задачи объясняли не только столь выраженный дефицит товаров в советской экономике, но и то, что выглядело совершенно иррационально: три миллиона кураторов в сельском хозяйстве, ирригационные системы Минводхоза СССР, которые должны были окупиться лишь через 40–100 лет, безрассудные проекты сооружения 90 дополнительных гидроэлектростанций в стране, где банально не хватало основных жизненно необходимых товаров и услуг, и т.д.⁴³

В конце концов не имело значения, как жили и работали люди, пока они это делали «под одной государственной крышей»⁴⁴. Гроссман пришел к выводу, что людям не нужна была тяжелая промышленность с гигантскими плавильными печами и танкостроительными заводами, им не нужен был Беломоро-Балтийский канал или шахты в Арктике, даже железные дороги за полярным кругом или заводы, «спрятанные в тайге». Все это нужно было Советскому государству. Его нужды и нужды народа были в противоположных концах и никогда бы не пересеклись⁴⁵, верховенство политики над экономикой было абсолютным.

Достояние Советского государства создавалось не для благополучия народа, который оставался бедным, — это было обосновано политическими задачами. Ничтожные зарплаты и отсутствие соразмерного вознаграждения за честный труд были не только следствием тяжкого бремени военных расходов или безмерного постоянного расточительства, но также и средством держать людей в относительной бедности, чтобы поддерживать покорность государству и зависимость от него⁴⁶.

Однако в перспективе самым разрушающим эффектом государственной монополии на экономику оказалась ее несовместимость с гражданскими и политическими свободами, равенством перед правом и, как следствие, с демократией. И

виновными в «тоталитаризме» был не сталинский культ личности, а целиком вся марксистская концепция в интерпретации Ленина, согласно которой необходимо было искоренить частную собственность. «С отменой частной собственности было уничтожено основание свободы индивида: для него больше ничего не оставалось, кроме как служить государству на условиях, которые государство ему диктует», — писал Селюнин. Государство, в свою очередь, не ограничено в своих действиях и вольно решать самостоятельно, какие гражданские институты имеют право существовать, а какие нет⁴⁷.

Исследователи полагают, что советское тоталитарно-бюрократическое государство возникло в результате ликвидации частной собственности. При доминировании государственно-бюрократической системы демократия лишается своих экономических основ, что приводит к «невозможности в принципе» существования в таком государстве политических свобод⁴⁸.

Политические свободы берут свое начало из экономической свободы, и их существование невозможно без экономического фундамента, который возникает при частной собственности⁴⁹. Демократия является суверенным правом людей, но она невозможна в государстве, в котором индивид зависит от государства, контролирующего его доход и тем самым, по сути, делающего такого индивида своей «собственностью»⁵⁰.

Среди наиболее явных жертв безграничного государственного суверенитета выделяется ключевой элемент демократии: равноправие граждан перед законом. Один из ведущих юристов в подтверждение этого привел следующую ситуацию: сапожник по какой-либо причине не выполнил свои обязательства (ошибся или обманул, взяв больше, чем договорились). В правовом государстве пострадавший клиент может обратиться в суд. Но при невероятном огосударствлении общества сапожник является государственным служащим, защищенным «толстой броней государственных органов». Его не волнует, доволен ли клиент его услугами: его зарплата выплачивается министерством, а не клиентами, и быть в ладу ему нужно именно с министерством. Невозможно существова-

ние правового равенства при отсутствии прямого оборота товаров, услуг и платежей между частными производителями и потребителями. В правовом государстве государственная власть *ограничена* законом, а не вооружена им. В Советском Союзе государство и народ образовывали скорее военно-феодалную систему, поддерживаемую инквизиторским уголовным правом, которая отвергает презумпцию невиновности, как и другие буржуазные ценности⁵¹.

Государственная экономика неизбежно породила такой антидемократический феномен, как монопольная политическая партия, которая, в свою очередь, толкает всю систему вперед и не дает ей развалиться. Как верно отметил Василий Селюнин в ноябре 1989 года, если бы народ не дал партии управлять экономикой, последняя не смогла бы функционировать вообще⁵².

Поэтому даже наиболее искренние попытки сохранить политические и гражданские свободы при национализации экономики выглядели бы, писал в «Комсомольской правде» философ Бутенко, как попытка «натянуть овечью шкуру на слона»⁵³. Демократические принципы оказались не просто абсолютно несовместимыми с государственной монополистской собственностью, но эта собственность даже привела к появлению автократической, диктаторской власти и деспотизму. За семьдесят лет коммунистические системы породили больше «политических чудовищ» — Сталина, Ракоши, Мао, Пол Пота, Ходжу, Чаушеску, — чем цивилизации, основанные на частной собственности, создали в течение предшествовавших столетий⁵⁴.

Уничтожив «десятки миллионов» людей, советский тоталитарный режим превратил, таким образом, остальных граждан в рабов. И это рабство нанесло непоправимый ущерб человеческой душе и таким качествам человека, как предприимчивость и ответственность, стремление к работе и к свободе⁵⁵.

Глава 13

«Деиндивидуализация», «первородный грех» и национализация сознания

Как же так получилось, что человек, вершина творчества, стал ничем иным, как сырьем для социальных экспериментов, удобрением для почвы, заготавливаемой для будущего всеобщего счастья?

Селюнин В. Истоки // *Новый мир*. 1988. № 5.

За семьдесят лет была построена система, которая стала абсолютно безразлична по отношению к живому человеку, даже скорее враждебна. И это выразилось не только в массовых репрессиях, жертвами которых были миллионы, но и в повседневной жизни, где индивид не значил ничего, ничего не имел и не мог приобрести даже жизненно важных вещей без унижения.

Яковлев А. Об опасности реваншизма. Открытое письмо коммунистам, 16 августа 1991 / Муки прочтения бытия.

Действующая система возникла целиком и полностью на принципах угнетения индивида, бессильности каждого из нас перед лицом государства и, как следствие, нашей незащитности.

Власов Ю. Речь на Первом съезде народных депутатов СССР // *Известия*. 1989. 2 июня. С. 4.

И сколько... ужасов заключает в себе одно слово: раб! Вот заколдованный круг, в нем все мы гибнем, бессильные выйти из него. Вот проклятая действительность, о нее мы все разбиваемся. Вот что превращает у нас в ничто все самые благородные усилия, самые великодушные порывы. Вот что парализует волю всех нас, вот что пятнает все наши добродетели.

Чаадаев П. Цит. по: Кантор В. Имя роковое // *Вопросы литературы*. 1988. № 3.

Несвобода безраздельно торжествовала от Тихого океана до Черного моря. Она была всюду и во всем. И везде и во всем была убита свобода. Это было победоносное наступление, и совершить его можно было, лишь пролив много крови: ведь свобода — это жизнь, и, преодолевая свободу, Сталин убивал жизнь.

Гроссман В. Все течет // *Октябрь*. 1989. № 6.

В непрекращающемся и неутомимом поиске главных причин устойчивой порочности положения дел в стране возникло новое состояние человеческого бытия. Определение «деиндивидуализация» ему дал в январе 1988 года известный совет-

ский социальный психолог Игорь Кон, который описал его симптомы как «гипертрофированное чувство бессилия» и «социальная апатия»¹. Год спустя один широко известный публицист определил «деиндивидуализацию общества» как утрату права на свободу и независимость и права на изъявление своих интересов. В результате было утрачено и самоуважение индивида². Пренебрегая научной терминологией, ведущий социолог определил это состояние как «низведение человека, индивида до статуса насекомого, которое государство может прихлопнуть в любой момент»³.

Учитывая, что основной гипотезой гласности было то, что появление нового, преобразованного, «перевоспитанного» гражданина должно стать ключевой предпосылкой создания новых справедливых и достойных политических, экономических и социальных реалий, тема деиндивидуализации — ее проявлений и последствий — стала основным направлением поисков авторов проекта гласности. Наиболее очевидной причиной возникновения деиндивидуализации было ощущение повседневного унижения. Ежедневная борьба за обеспечение естественных биологических потребностей — где и как достать мяса, масла, сахар, обувь, одежду — выматывала миллионы людей, заставляла забыть о ценностях и сосредоточиться на первостепенных потребностях⁴. Неспособность приобрести желаемое путем оплаты товаров и услуг «трудом» (то есть за деньги) без дополнительных «издержек» в виде заискивающих улыбок, личных связей, взяток приводила к утрате экономического достоинства — источника достоинства как такового. Души людей разрушались от повседневных унижений, от очередей, в которых проводили часы, от обчетов на кассе, некачественных и просроченных товаров. 80% времени проводили люди в очередях, чтобы купить пропитание⁵.

По словам одного читателя «Комсомольской правды» из Краснодара, люди были «прикованы к пожизненному унижению». Они натыкались на него везде: в продуктовом магазине, ателье, почтовом отделении. Но самое острое чувство беспомощности возникало именно перед должностными лицами.

Еще не сделав шаг внутрь здания госоргана, человек уже испытывал чувство униженности и даже вины перед государством. Ежедневно и ежечасно, согласно исследователям, люди лишались достоинства, и каждая секунда такого существования усиливала ощущение государственного всемогущества и их бессилия перед ним. Повсюду они были окружены огромным количеством силовых структур и бескрайней жестокостью всеильного государства⁶.

Социальное порицание и уголовное преследование стали применяться для искоренения так называемого индивидуализма. Его клеймили как отклонение от нормы и приравнивали к «паразитизму», алкоголизму и наркотической зависимости. Отказ от работы на государство расценивался как бездельничество и *тунеядство*; желание получить выгоду от работы — «стяжательство»; желание стать независимым путем сохранения своих сбережений — «накопительство»⁷.

Деиндивидуализация не была побочным следствием политических и экономических реалий Советского Союза, она была необходимым звеном доктринальной основы Советского государства. И, как предполагали некоторые исследователи, возникла из традиционной трактовки марксистских догм. Пока «массы» («классы») творили историю, толкая прогресс вперед чередой революций, индивид был безмерно малой «песчинкой»⁸ в масштабах истории. Его упорное и жалкое буржуазное желание лучшей жизни *для себя сейчас* было препятствием для развития истории на пути славного будущего *для всех*. Воля большинства (согласно интерпретации и наставлениям революционной партии) подавила волю личности, лишила его суверенитета и независимости⁹. Отмена частной собственности была лишь материальной реализацией этого отказа от индивидуальности. Как и «культ государства», «культ масс» предвосхитил культ Сталина, произвел его и поддерживал его существование¹⁰.

Истоки деиндивидуализации также берут свое начало из миллениаризма Маркса — убеждения в том, что однажды наступит царство мира и справедливости. Ключевой элемент,

оправдывающий существование установленного режима, — «обожествление» будущего — вполне успешно сместил в раздел несущественного повседневные нужды человека, его нормальную, естественную жизнь¹¹. Учитывая, что «вечное счастье и справедливость» уже мерцают на горизонте, разве не «подло» замечать «ложь» и «жертвы» или даже «духовное обнищание» на пути к ним?¹² Ведь это шаг на пути к «великой будущей цели», поэтому настоящее было лишь «нравственной пустыней», в которой глаза закрывались на повседневные трудности и унижения, а также на предательство друзей, всеобщий страх, подозрение и ложь, «на слезы детей, которые виноваты лишь в том, что их родители не смогли угодить власти имеющим». Настоящее не было реальной жизнью, оно было подготовкой к ней, а там, в прекрасном будущем, все будет забыто, списано и прощено¹³.

Несмотря на это, российской социальной и культурной традицией было потворствовать продвигаемому государством преклонению перед будущим в ущерб настоящему. По словам Гоголя, «мы думаем о будущем, словно оно не выходит из настоящего. Наши ненастья возникают из-за того, что мы смотрим в будущее, а не в настоящее». Чаадаев же связывал это презрение и пренебрежение настоящим с той легкостью, с которой российские правители погружали страну в реформы. Если «...настоящая жизнь России не заслуживает его любви... жизнь народа может быть прервана без чрезвычайного... потрясения; народ может в одно доброе утро отказаться от своей прежней жизни и начать жить на новый лад»¹⁴.

Революционный миллениаризм, несмотря на российскую историю, определенно не является производным марксизма или ленинизма. Постепенно в людском сознании начала складываться картина выдуманного идеального мира, в котором все было простым, понятным, справедливым и разумным в полном значении этого слова. Именно такое видение идеального государства «воспламеняло фантазию народа и шаг за шагом удаляло от насущного»¹⁵, — писал о Французской революции Алексис де Токвиль.

Именно в этой моральной мутации Василий Гроссман находит ответ на вопрос, который мучил поколения советских историков, — о «старых большевиках» находившихся в тюрьмах и голодавших в лагерях: почему они, творцы революции, герои Гражданской войны, создатели первой пятилетки, самоотверженные и при необходимости беспощадные строители социалистического государства, молчали, когда их товарищей и сторонников арестовывали, пытали и казнили?¹⁶ Ведь это не мог быть обычный страх, это было осознанное освобождение от нравственности¹⁷.

Деиндивидуализация была главной идеей в Советском государстве, а подавление политических и личных свобод было основным инструментом ее реализации. Процесс этот уже невозможно приписывать сталинскому культу личности. Политика истребления и искоренения «духа свободы» берет начало в первые месяцы после Октябрьской революции, когда Сталин был всего лишь скромным народным комиссаром по делам национальностей¹⁸. Гроссман и сторонники его позиции склоняются к тому, что зарождением «несвободы» стало предательство российской демократической Февральской революции 1917 года.

Считается, что «первородным грехом» советского режима стало «убийство» русской демократии и свободы, рожденной в феврале 1917 года. Будучи раненной в октябре, она была окончательно добита несколькими месяцами позже, после провала в январе 1918 года первого российского демократического выборного законодательного органа — Учредительного собрания¹⁹.

Сотни тысяч читателей романа Солженицына «В круге первом» словно стали свидетелями роспуска Учредительного собрания и разгона демонстрации в его поддержку 5 января 1918 года в Петрограде.

Там было много студентов, гимназистов, служащих, вспоминает один из героев книги, дядя Авенир. Они шагали под разными флагами, но в большинстве своем красными, социал-демократическими. Их было около пяти тысяч, все трез-

вые, никаких песен. «Мы понимали важность дня... это будет единственный день единственного русского свободно-го парламента — на пятьсот лет назад — на сто лет вперед. Стали по нам стрелять из подворотен, с крыш. От нас никто не отвечал, и револьвера ни у кого не было. На Литейном перегородили дорогу красногвардейцы: “Расходитесь! На панель!”. И стали пачками стрелять. Кто-то рассеялся, кто-то бежал назад. Так еще в спину стреляли и убивали. Как легко этим красногвардейцам стрелялось — по мирным людям и в спину... ведь никакой гражданской войны не было! А нравы уже были готовы»²⁰.

Гроссман писал, что Ленин пожертвовал в целях захвата власти самым важным в России — ее свободой. Он презирал свободу, и государство без свободы²¹ было его основной задачей.

Несвобода стояла в основании здания, которое начал строить Ленин, возвел Сталин и расширили его последователи. Она непосильным грузом легла на плечи не только интеллигенции — мыслящих людей, писателей, исследователей. Герой повести Гроссмана «Все течет» приходит к выводу, что свобода заключается не только в свободе слова, печати и вероисповедания. Свобода — это возможность для крестьянина сеять в поле то, что он хочет, для торговца — выбирать, делать ему ботинки или туфли, печь хлеб и продавать тому, кому захочет, или же не захочет вообще. Свобода для всех одинакова: жить и работать так, как хочется, а не как прикажут²².

Вина за отсталость, убожество и дефицит лежала на подавлении экономической свободы, так как несвобода не может предложить комфорт и достаток²³. Так и в политике — отказ от формальной буржуазной демократии привел к полному устранению демократии как таковой, появлению «вымышленных» индивидуальных прав и свобод²⁴. То, что Гроссман назвал «синтезом социализма и несвободы», преподало человечеству жизненно важный урок: порабощение индивида подрывает самые благородные, самые человеческие идеи, оправдывает отрицание индивидуализма²⁵.

Лишение буржуазных свобод привело также и к утрате права на собственное мнение. Гражданское общество и гражданин исчезли из-за унижения гражданского достоинства²⁶. Культура увядала, поскольку не могла существовать без личных убеждений. Происходил надлом цивилизации и возврат в эпоху варварства²⁷.

Но больше всего государство преследовало людей, готовых брать на себя ответственность: за свои действия, даже за свое государство. Такое поведение каралось гораздо тяжелее, чем другие «политические проступки»²⁸. Вместо этого государство брало всю ответственность на себя, превращая граждан в «беспомощных детей», формируя нацию, управляемую «государством-педагогом». Словно неиспользуемая конечность, личное «Я» начало атрофироваться²⁹.

Сверхнасилие, стимулирующее деиндивидуализацию, парализовало человеческий дух. Прославление насилия «отравляло кровь и мутило сознание»: люди, ставшие рабами, начали прославлять государство³⁰.

Корнем всеобщей деиндивидуализации стали две основополагающие доктрины. Первая заключалась в прогрессе за счет расширения государственного контроля над обществом и присвоения всех средств производства, поэтому после захвата индивидуальных ценностей личные социальные блага также были изъяты. Узурпировав земные силы, государство желало подавить и духовные³¹. Результатом этого стала монополия государства на духовную жизнь каждого члена общества.

Другой причиной национализации сознания было убеждение в том, что не существует общечеловеческой нравственности. Собственно, поэтому и произошло отторжение таких ценностей буржуазного государства, как религия, парламентаризм и свобода слова, прощение, терпимость, сострадание³². Этика пролетариата целиком и полностью определяется интересами его классовой борьбы, говорил Ленин в 1920 году. «Демократично для нас то, что служит интересам народа, интересам коммунистического строительства»³³, — подтверждал Брежнев 56 лет спустя на XXV съезде КПСС.

Классовая нравственность определяла добро и зло не в соответствии с человеческим разумом, а «согласно директиве сверху»³⁴. Когда-то в католической церкви, продавая индульгенции, не отменяли само понятие греха. В сталинском же государстве степень нравственности человеческого деяния оценивалась его полезностью для реализации текущей задачи власти³⁵.

Это было ключевой сутью сталинизма, ядром повседневной дикости: нравственность растворилась в политике. По словам Василия Селюнина, было дозволено все, человек шагал по колено в крови к «светлому будущему»³⁶.

Главным для выживания стало служение цели, а достоинство и прощение — опасным. Любые идеи, ведущие к воцарению всеобщего счастья, требуют «исполнителей», которые смело перешагнут через «общую нравственность»³⁷, писал многолетний зарубежный корреспондент газеты «Известия» Станислав Кондрашов. Когда нравственность превращается в служанку власти, когда политические интересы подавляют общечеловеческие ценности, тогда человеческая жизнь теряет свою ценность, считает журналист «Комсомольской правды» Инна Руденко³⁸. Ценность человеческой жизни падает до нуля, даже ниже нуля. Сталин применил классовую нравственность, но эта идея зародилась еще до него и только с ее развитием смог возникнуть сталинизм³⁹.

«Следуйте за мной! — приказывало государство, олицетворенное бессменным и непобедимым лидером. — Забудьте мать и отца, и вы попадете в рай». Александр Твардовский (чья семья была раскулачена и ее члены сосланы в ссылку) написал в своей поэме–рассуждении на тему сталинизма:

А мы, кичась неверьем в Бога,
Во имя собственных святынь
Той жертвы требовали строго:
Отринь отца и мать отринь.

Ясна задача, дело свято, —
С тем — к высшей цели — прямоком.
Предай в пути родного брата,
И друга лучшего тайком.

И душу чувствами людскими
Не отягчай, себя щадя.
И лжесвидетельствуй во имя,
И зверствуй именем вождя⁴⁰.

Следование за государством стало нравственным идеалом. Добродетель определялась «наверху»⁴¹. Нравственные основы нации были разрушены с полнотой, не имевшей места в истории⁴².

Результатом этого стал «гигантский духовный вакуум». Люди были привычно погружены в постоянный страх, ложь, действуя по приказам и лозунгам, привыкшие к «запаху крови и стали». Они перестали верить в добропорядочность и добродетель, в честный труд, в возможность жить без воровства, в государство, готовое помогать, вместо того чтобы обманывать и угнетать⁴³.

Но самым ужасным стала утрата самой сути человеческой индивидуальности и важного условия нравственности — способности нравственного суждения и выбора⁴⁴. Без этого человек был лишен права на нравственность, на подлинную потребность в совести⁴⁵. Совесть стала коллективной и фактически утраченной. Ее заменило государственное мышление. Государство — непогрешимое и вечное — взвалило на свои стальные плечи весь груз ответственности, освобождая людей от того, что Геббельс называл «химерой совести»⁴⁶.

«Жизненная совесть», писал Александр Яковлев, ушла в подполье и там умерла. А «умирающая совесть» значила «вымирающую нацию»⁴⁷.

* Если все оценивать с позиций пользы для отдельных социальных групп, классов или государства, замечает литературный критик Владимир Лакшин, тогда не остается места для личной моральной ответственности (Лакшин В. Нравственность, справедливость, гуманизм // *Коммунист*. 1989. № 10. С. 41).

Часть четвертая

Что делать?

Глава 14

Сталин, память, покаяние, искупление

*Обратно реки не текут,
Два раза люди не живут,
Но суд бывает сотни раз!*
Домбровский Ю., эпиграф к роману

«Факультет ненужных вещей»
М.: Советский писатель, 1989.

Мы же все видели — и... молчали. Молчала наша совесть.

Лихачев Д. Тревоги совести // *Литературная газета*. 1987. 1 января.

Нашим убитым, нашим замученным мы даже памятник не поставили. Кто же мы, что же мы за народ? Стыдно.

Левитанский Ю. Из разных десятилетий // *Огонек*. 1988. № 26.

Национальная гордость без национального исторического стыда за преступления превращается в шовинизм. Исторический стыд становится не разрушительной, а созидательной силой.

Евтушенко Е. Судьба Платонова // *Советская культура*. 1988. 20 августа.

И если, по мере того как мы узнаем о ГУЛАГе из воспоминаний, мы начнем понимать, что задавали не те вопросы, что сами вопросы должны быть другими, то тогда, пожалуй, мы приблизимся к правде о нас самих и о мире, в котором живем.

Василевский А. Стрдание памяти // *Октябрь*. 1989. № 4.

Покаяние — сложный нравственный поступок. Оно требует решения признаться именно в том, что больше всего желаешь скрыть или забыть, назвать прошлые прегрешения и преступления своими именами. Тот, кто готов покаяться, принимает на себя вину многих, считает себя в ответе за воцарившееся зло.

Зоркая Н. Дорогой, которая ведет к храму // *Искусство кино*. 1987. № 5.

Мы просто не можем избежать национального покаяния, оно идет. Я имею в виду не единовременный ритуал, а нравственное самоочищение каждого человека и общества в целом.

Афанасьев Ю. Перестройка и историческое знание // *Литературная Россия*. 1988, 17 июня.

Я представляю себе Мемориал [жертвам сталинизма]: серая гранитная стена, очень длинная, почти бесконечная, а на ней контуры человеческих лиц. Женщины, дети, мужчины. Тысячи, десятки тысяч лиц! И никаких имен, никаких дат. Только лица, в каменных глазах которых навечно застыл вопрос: «За что?»

Из письма рабочего Владимира Колесника в редакцию журнала // *Знамя*. 1987. № 8.

Геолог жаловался приехавшему из Москвы журналисту на условия работы на Колыме: «Наш бульдозер снимает верхний слой почвы, и мы видим пласты трупов. Они так близко к поверхности, и вечная мерзлота сохранила их, как есть. Лед на бородах, а в остальном выглядят как живые. Как нам через них пройти?»¹

В сетованиях геолога звучала тема, которая преобладала на страницах ведущих либеральных изданий страны в 1987–1988 годах. Как быть со Сталиным и его наследием? Это стало первым моментом национального самоанализа, который «Огонек» назвал «самоочищением и пробуждением»². Вдруг возникло нечто вроде консенсуса: без того чтобы как-то «пройти через» Сталина, без сведения счетов с ним и созданным им «верхом бесчеловечности, безнравственности, презрения к людям и человеческому достоинству»³, начинающаяся революция будет чрезвычайно ограничена, а возможно, и сорвана, и новая Россия будет практически невозможна.

За предшествующие тридцать лет за хрущевской «полуправдой» последовали два десятилетия «удушения правды». Хотя средством была не петля, а «мягкая подушка», результат был тот же: режим «безупречно» рассчитал, что если не преподавать предмет в школе и не напоминать о нем каждый день, подавляющее большинство людей о нем очень быстро забудут⁴. Тело Сталина продолжало лежать у Кремлевской стены, на самом священном в стране кладбище.

«Пройти через Сталина» означало, во-первых, «вычеркнуть из памяти кощунство» безымянных массовых захоронений, в которых лежали миллионы⁵. Не знать и спрашивать: «Сколько человек погибло в лагерях? Сколько среди них было женщин и

детей? Где лежат их тела сегодня? Кто их хоронил?». Спрашивать и не получать ответа было «безнравственно»⁶.

Установление имен «раскулаченных» крестьян считалось особенно безотлагательной нравственной обязанностью, поскольку масштабы и жестокость этого преступления, с одной стороны, и тщательность организованного государством забвения — с другой, были поразительными даже по меркам сталинизма. В своем выступлении по национальному телевидению 20 августа 1990 года (первое и по сей день единственное выступление советского или российского руководителя на тему репрессий 1920–1980-х годов и нравственного императива искупления) Александр Яковлев осудил «беспрецедентное бессудное насилие» против «земледельцев». «До того история не знала такой лютой ненависти к человеку», — добавил он⁷.

Однако общенациональный акт признания преступлений и поминовения жертв должен был быть не просто данью памяти павших, сколь благородно и насущно необходимо это ни было бы. В процессе решительного разрыва не только со Сталиным, но и с созданной им системой, возрождение памяти должно было служить гарантией, защитой от возрождения тоталитаризма. Только беспрестанная, живая и постоянно обновляемая память о массовом убийстве («во всех его деталях и со всеми переплетениями причин и механизмов») могла стать надежным барьером против «восстановления преступного режима»⁸. Правда о масштабах тирании послужила бы своего рода «шоковой терапией»: заставить людей заглянуть в бездну, чтобы они не позволили стране вновь пойти по этому пути. Без такой «терапии» невозможно будет восстановить «нравственное здоровье» общества⁹.

Эту кошмарную повесть надо было вновь рассказать не только как правдивую и полную историю, но и как нравственную притчу, которую должен был бы читать каждый взрослый, каждый ребенок на протяжении поколений и веков — повествование о «лжи, отвратительных в своей изощренности акциях, цинизме тех, кто арестовывал и пытал»¹⁰.

Воспоминания выживших, которые учителя читали бы в школе своим ученикам, стали бы нравственным аналогом «прививок от холеры, оспы или чумы», утверждал один обозреватель из журнала «Огонек»: «Пусть содрогнутся, пусть зальются слезами, пусть ужаснутся — содрогание будет очищением, ужас — исцелением. Они должны знать, что сталинизм делает с человеком, они должны [научиться] быть бдительными, чтобы распознавать его под любыми масками, чтобы бороться с ним, не щадя себя. Потому что он несет смерть, физическую и нравственную, стране, ее гражданам, их детям и внукам»¹¹.

Считалось, что прогресс был уже невозможен без преодоления главного «нематериального» наследия сталинизма — страха, раболепия и, самое важное, глубокой безнравственности¹². «Мы все жертвы сталинизма, — утверждала автор «Огонька», — даже если мы не были в лагерях [ГУЛАГа]. Только освободившись от него, сможем мы изменить нравственный климат»¹³. Неискупленный сталинизм без покаяния был как открытая «кровоточащая рана», «нарыв», который необходимо было вскрыть¹⁴. Требовалось «нравственное очищение». Противостояние сталинизму было вопросом «духовного здоровья страны», ее «духовной гигиены»¹⁵.

Так же как поддержка государством амнезии рассматривалась теперь как опора тоталитаризма, память должна была стать лекарством, которое могло помочь восстановить души, опустошенные, исковерканные, искалеченные сталинизмом. Память помогла заново выучить «словарь гуманизма» — великодушие, милосердие, сострадание¹⁶.

Расчет прежде всего был на то, что обращение к памяти искоренит страх, «леденящий, парализующий страх»¹⁷, пропитавший поколения советских людей. Избавление от страха было необходимо для воспитания людей, которые понимали, что те, кто не защищает других от беззакония, сами становятся его жертвами. Новая Россия будет невозможна без тех, кто, услышав громкий стук в дверь глубокой ночью, не «замирал бы от страха», а лишь удивился бы, кто это осмелился беспо-

коить их в такой час*¹⁸. Именно таким людям, хозяевам своей жизни и тем самым ответственным вершителям судеб своей страны, которые «свободно мыслят, смело говорят и независимо поступают», надлежало стать надежной «внутренней гарантией» необратимости перемен¹⁹.

Создание таких нравственных преград сталинизму неизбежно должно было быть «болезненным и медленным»²⁰. Для этого требовалось не только восстановить в памяти все жертвы сталинизма. Для этого понадобилось повернуться от жертв к мучителям, причастным к преступлениям, и, что еще важнее, к десяткам миллионов их сообщников. Это важно, потому что сталинизм был не только величайшей трагедией российского народа, но и его огромной виной: «Это вина всех нас — и живших, и не живших в то трагическое время, потому что вина наших отцов и дедов, которые жили тогда... останется на их детях и внуках. И она останется на нас, пока мы не искупим ее хотя бы сегодняшним нашим покаянием — за них и от их имени, по праву и долгу нашего им наследования. Виноваты и те, кто был организатором и вдохновителем преступлений, и те, кто был исполнителем, и те, кто знал о них, оставаясь их молчаливым свидетелем, и те, кто не знал и не хотел знать, потому что незнание тоже не исключало их из участия в жизни, сеявшей смерть... Это вина всех, в разной степени, но все равно вина»²¹.

Преступников — составителей смертельных списков, дознавателей, тюремщиков, убийц в тюрьмах и лагерях с середины 20-х до «времени диссидентов», как назвал его Яковлев, — должны были ждать «суды совести»²². Люди

* Если жертв голода и «раскулачивания» не будут помянуть среди «мучеников сталинизма», писал Юрий Черниченко, если их имена не будут написаны на «памятниках» в каждой деревне, где они были арестованы, корни страха навечно останутся в земле деревенской России. «Горестные годы» останутся в душах людей как «тягостный груз, сковывающий инициативу, порождающий неуверенность и недоверие к жизни», мешающий возвращению «детей и внуков» тех, кого насильно согнали с земли (Черниченко Ю. Земля, экология, перестройка // *Литературная газета*. 1989. 29 января. Ананьев А. По течению или наперекор // *Октябрь*. 1989. № 10. С. 5–6).

должны знать их имена, всех и каждого, как и имена их жертв, чтобы общество могло судить если не по юридическим критериям, то по нравственным меркам, тем меркам, которые стране «так необходимо было» восстановить и принять к действию²³. «Сегодня мы живем не только среди героев и мучеников, — говорилось в редакционной статье в «Огоньке». — Мы также живем среди негодяев, подлецов. Мы должны знать их и подвергнуть их наказанию — нашим презрением на протяжении жизни будущих поколений»²⁴.

Для миллионов мужчин и женщин, чьи души были отравлены поддержкой преступного режима, сотрудничеством или просто сосуществованием с ним — их молчанием, их поднятыми руками на собраниях и митингах, тем, что они притворялись, что не замечают голодных, мучимых, арестованных среди соседей, родственников, друзей, соотечественников, искуплением было бы «публичное покаяние». Искупление надлежало заслужить почтением памяти невинных жертв, безоговорочным осуждением их убийц²⁵ и, самое главное, построением новой и справедливой России. Признанные со стыдом и раскаянием, вызывающие содрогание и стенания ужасы сталинизма предстояло искупить через создание государства и общества, которое никогда больше не допустило бы, чтобы страна управлялась с помощью массовых убийств.

Пришло время «общественного покаяния и нравственного очищения», заявил один из самых популярных российских актеров Георгий Жженов, сам бывший узник сталинских лагерей²⁶. Какое замечательное, емкое слово «покаяние», писал

* Другие были далеко не уверены в том, что нравственного суда достаточно. Бывшие палачи и мучители живут и радуются, писал поэт Анатолий Жигулин, переживший самые зловещие лагеря Воркуты, Колымы и Тайшета. «Пока они не понесут наказания, — продолжал Жигулин, — мы не победим сталинизм... Преступники сталинизма должны предстать перед судом. Даже посмертно». Он также настаивал на том, чтобы «пропаганда сталинизма» была признана уголовно наказуемым преступлением (Жигулин А. Вина! Она была, конечно... // *Московские новости*. 1988. 31 июля. С. 12).

лучший в России глазной хирург Святослав Федоров, отец которого тоже погиб в сталинских чистках. «Как подходит оно к нашим временам! Покаяться, рассказать все, ничего не утаивая, чтобы начать жить лучше!»²⁷

«Вспомнить всех поименно!» стало лозунгом Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал», учрежденного в августе 1988 года журналом «Огонек», Союзом кинематографистов, Союзом театральных деятелей и Союзом архитекторов²⁸. Его руководящий орган («Общественный совет») должен был организовать и проконтролировать проведение конкурса на разработку проекта «Мемориал жертвам сталинизма», а также организовать общенациональную кампанию по сбору средств на его строительство. Рядом с памятником предполагалось построить обширный архив и музей, в котором выставлялись бы экспонаты, «собранные по всей стране»²⁹.

В январе 1989 года 500 делегатов от отделений «Мемориала» съехались в Москву из всего Советского Союза на общенациональный учредительный съезд. Сопредседатель общества, ректор Историко-архивного института Юрий Афанасьев видел в «Мемориале» «в первую и главную очередь, нравственное движение, движение совести», а его важнейшую задачу — в «преодолении отчуждения человека от истории». Мы понимаем, сказал далее Афанасьев, что восстановить [совесть] в обществе можно, только восстановив ее в каждой личности. Во многих языках слово «совесть» похоже

* На той же странице «Огонька», где было опубликовано это сообщение, было напечатано и письмо одного из читателей: «Моя семья, которая подверглась всем ужасам сталинских репрессий, считает, что монумент надо построить так, чтобы его было видно из довольно хорошо известного здания на Лубянке». Монумент должен быть в ее центре. Но монумент для всех безлик. Вот почему мы предлагаем в дополнение к монументу мемориальный парк, где жены, сестры, дети и внуки могли бы посадить дерево в память о своих погибших родных. Ну и, конечно же, [должна быть] книга с именами всех жертв сталинизма. Мы должны торопиться, время не ждет. Это обязанность всех живых» (Шамборант В. // *Огонек*. 1988. № 37. С. 29).

на слово «сознание». Мы считаем, что помочь людям «осознать» [сталинизм] — это и есть правильный путь к их совести, к ощущению вины, к покаянию³⁰.

С самого начала «вспомнить всех поименно» оказалось исполинской по сложности задачей. Сообщения о методическом уничтожении мест захоронений на протяжении предшествующей четверти века потоком шли в газеты и журналы со всей страны. В одном из таких сообщений рассказывалось о совещании, прошедшем в кабинете партийного руководителя в городе Колпашеве в Западной Сибири, в 225 километрах от областного центра Томск в сентябре 1965 года. Присутствовали также руководитель Управления КГБ по Томской области и «товарищ из Москвы». Последний достал запечатанный пакет и попросил местного руководителя вскрыть его и прочитать содержимое в их присутствии. В служебной записке до сведения местных органов власти доводилось, что массовое захоронение казненных «врагов народа», расположенное вдоль берега реки Оби рядом со старым зданием НКВД, находится под угрозой смыва. «Останки могут оказаться на поверхности и быть опознаны родственниками». Служебная записка заканчивалась «просьбой» «оказать содействие в уничтожении вещественных доказательств»³¹.

В соответствии с распоряжениями по всей территории захоронения были пробурены скважины с помощью буровых установок, позаимствованных у местных геологов. В скважины залили негашеную известь и воду. Зачистка проводилась ночью силами местных воинских частей. (Призывников потом досрочно демобилизовали до истечения двухлетнего срока службы, «чтобы они не обсуждали эту операцию с местным населением».) Тем не менее в результате химической реакции повалил густой белый и желтый дым. Встревоженным жителям Колпашева сказали, что идут противопожарные учения³².

Четырнадцать лет спустя, в мае 1979 года, Обь обнажила еще один слой песчаной отмели, откуда показались «ноги,

руки, головы». Местные мальчишки, обнаружившие останки, бросали черепа в реку или насаживали их на палки и бегали с ними по городу. Вскоре туда прибыли военные строители (стройбат) и обнесли это место ограждением. Вдоль возведенного по периметру ограждения поставили круглосуточный наряд милиции. Подогнали судно, чтобы помочь обвалить часть берега, появившиеся останки «столкнули в Обь». По завершении работ томское управление КГБ наградило капитана судна транзисторным радиоприемником. Некоторые из участников «операции» — солдаты, речники, геологи и учащиеся местного профессионально-технического училища получили часы, или по двадцать рублей деньгами, и «личную» благодарность председателя КГБ «товарища Андропова». Позднее из берега то тут, то там только «выглядывали» доски. Говорили, что это часть подземного хода, который вел из здания НКВД к месту казни*³³.

Даже прямым потомкам тех, кого казнили больше пятидесяти лет назад, не разрешали прочесть материалы «следствия». Один из них был сыном профессора математики в Промышленной академии, лучшей на тот момент в

* Известный русский поэт-символист и близкий друг великого Сергея Есенина Николай Клюев был сослан в Колпашев после ареста в 1933 году. Годом позже он писал своим друзьям: «Поселок Колпашев — это бугор глины, усеянный почерневшими от бед и непогодиц избами. Есть нечего, продуктов нет или они до смешного дороги. У меня никаких средств к жизни, милостыню же здесь подавать некому, ибо все одинаково рыщут, как волки, в погоне за жраньем ... Налетающие с тысячеверстных болот дожди, немолчный ветер — это зовется здесь летом, затем свирепая 50-градусная зима ... Население — 80% ссыльных — китайцев, сиртов, экзотических кавказцев, украинцев, городская шпана, бывшие офицеры, студенты и безличные люди из разных концов нашей страны, — все чужие друг другу и даже, и чаще всего, враждебные, все в поисках жранья, которого нет, ибо Колпашев — давным-давно стал обглоданной костью... Вспомни обо мне в этот час — о несчастном — бездомном старике-поэте, лицезрение которого заставляет содрогаться даже приученных к адским картинам человеческого горя спецпереселенцев. Скажу одно: «Я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссыльным в Колпашеве!» (Запекский В. И снова...). Клюев был казнен в 1937 году. Его останки тоже растворили с помощью негашеной извести или утопили в Оби?

Советском Союзе школы подготовки перспективных партработников и руководителей предприятий. Отца забрали, когда сыну было четыре месяца от роду³⁴. Хотя его отца «полностью реабилитировали» (то есть приговор был аннулирован «за отсутствием состава преступления»), представитель КГБ сообщил этому человеку, что ему «категорически запрещено» смотреть «дело» отца. Если у него есть «конкретные вопросы» про «дело», на них можно ответить, при условии что они будут представлены в письменном виде. «Как я могу задавать “конкретные вопросы”?» — спросил сын. Ему ничего не было известно о «деле» отца, он понятия не имел, о чем спрашивать. (Его вместе с матерью и двумя братьями десяти и пяти лет выслали в Казахстан, после того как отец был осужден.) Может быть, ему хотя бы зачитают что-нибудь из «дела», что угодно, что сочли возможным рассекретить? В КГБ согласились, при условии что ничего не будет записываться на магнитофон. Сын делал пометки, пока полковник КГБ зачитывал фрагменты из материалов «дела» отца.

Когда чтение закончилось, сын убитого профессора хотел сделать снимки с двух фотографий на титульном листе «дела» (в фас и в профиль, как обычно). Это были последние снимки его отца. Хотя ему сначала отказали («только по распоряжению Генерального прокурора СССР или Главного военного прокурора!»), затем был найден компромиссный вариант: титульный лист «дела» закрыли плотной бумагой, оставив только небольшое окошко, через которое видны были фотографии³⁵.

С каждым днем все громче раздавались требования правды и восстановления памяти. Преподаватели и студенты Московского историко-архивного института требовали опубликовать «Белую книгу» (перечень преступлений) о «Сталине и его режиме», а также настаивали, чтобы соответствующей рабочей группе был предоставлен полный доступ к архивам Центрального комитета КПСС, ОГПУ–НКВД–КГБ, прокуратуры и к личным документам жертв³⁶.

В Красноярске активисты (они хотели, чтобы их историческое общество называлось «Людские судьбы») планировали разыскать и проинтервьюировать очевидцев затопления в реке Енисей барж с заключенными³⁷. В Чите волонтеры пытались создать музей и общество бывших узников лагерей. Когда они начали искать места казней и брать интервью у бывших сотрудников НКВД, историков-любителей забросали письмами и телефонными звонками «с угрозами и требованиями прекратить поиски». Они заявили, что «не боятся», и продолжили работу.

Пожалуй, наиболее ярким примером желания свести счеты со сталинизмом была «Неделя совести», прошедшая в Москве с 19 по 26 ноября 1988 года, с субботы по субботу, в Доме культуры электролампового завода на площади Журавлева. Сводчатый зал с тремя ярусами балконов не смог вместить всех желающих. Очередь растянулась вокруг квартала почти на полкилометра³⁸. Люди часами ждали под мокрым снегом московского ноября. В итоге в здании побывали более 33 тысяч человек, чтобы «лично принять участие в восстановлении правды и справедливости»³⁹.

Откликнувшись на призывы «Огонька», главного спонсора и организатора этого мероприятия, пришли и выступили некоторые из ярчайших представителей либеральной интеллигенции: актеры Михаил Ульянов и Юрий Никулин, драматург Михаил Шатров и глазной хирург Станислав Федоров, поэт Евгений Евтушенко, писатель Алесь Адамович, публицисты Юрий Карякин, Лев Разгон и Юрий Черниченко.

Проекты памятника жертвам, представленные на первый этап конкурса, выставили рядом с Информационным центром, где был вывешен список из 15 тысяч имен приговоренных «к высшей мере наказания» — расстрелу*⁴⁰.

* Это были жертвы, реабилитированные только в течение одного года — 1955-го — и только Военной коллегией (трибуналом). (Реабилитациями также занимались областные суды.) Автор этого проекта, студент Историко-архивного института Дмитрий Юрасов, составил каталог имен с кратким описанием истории 128 тысяч жертв.

Центральное место в экспозиции занимала Стена памяти — 280 фотографий и 1700 документов, предоставленных родственниками погибших в ответ на опубликованный в «Огоньке» за три месяца до этого призыв присылать документы. Среди фотографий на кирпичной стене (молодые лица жертв, как писали, были «такие умные, добрые и лучистые») была одна с надписью: «Басюбин, Василий Григорьевич, начальник Главгидроэнергостроя. Умер в лагере. Басюбина, Татьяна Ефремовна, хирург, арестована. Светлана Васильевна Басюбина, дочь, родилась в лагере и проживала там»⁴¹. Еще одна надпись гласила: «Мартемьянов, Иван Михайлович. Проживал в деревне Благовещенское, имел на иждивении девять детей. Арестован в 1937 году. Судьба неизвестна». И еще одна: «Кто знал моего отца, Сергея Алексеевича Зайцева?» А рядом фотография молодой супружеской пары с ребенком: «Кто знал Сергея Ивановича Макеева? До мая 1937 года работал печатником в Душанбе (Таджикистан). Май–июнь — тюрьма на Лубянке, июль–декабрь 1937 года и позднее — лагеря». И подпись под шестью старыми фотографиями: «Из моих родных никто не вернулся. К.А. Дудинская (г. Горький)»⁴².

Рядом со Стеной памяти была карта ГУЛАГа, нарисованная на кирпичной кладке (символ тысяч «промышленных объектов» и целых городов, построенных заключенными), на которой белой краской было отмечено местонахождение 162 лагерей. Выжившие заключенные говорили, стоя перед этой картой: «Мой номер был Щ-270. За полярным кругом в Инте. Теперь это город. Мы его построили». «Мне в 1945-м было девятнадцать... и меня вместе с моими друзьями-студентами арестовали. Самому молодому из нас было шестнадцать, талантливый математик. Ему потом продлили срок и использовали на самых тяжелых работах в лагере. Математикой ему было не суждено заниматься — не дожил»⁴³.

В качестве экспоната стояла тачка — символ сталинской индустриализации и главный инструмент эков. В нее люди стали бросать пожертвования, и к концу выставки в ней набра-

лось 57 тысяч рублей*. (Среднемесячная зарплата в то время составляла около 100 рублей.) Горы свежих цветов закрывали нижнюю часть Стены памяти.

«После десятилетий страха не слишком ли мало всего одной недели совести?» — задавался вопрос в статье в «Московских новостях». Нет, отвечал сам же автор, это уже произошло и «теперь возможно продолжение!» — покаяния, памяти и нравственного возрождения⁴⁴.

* В середине «Недели памяти», 23 ноября, вышел специальный выпуск газеты «Московские новости», который распространялся добровольцами с перечислением вырученных средств фонду «Мемориал». Среди добровольцев были актеры одного из самых известных московских театров — Театра им. Вахтангова, офицеры Политуправления Главного штаба ВВС, научные сотрудники Института химической физики Академии наук и студенты факультета журналистики Московского государственного университета. За газету стоимостью 10 копеек люди платили рубль, два с половиной и даже двадцать пять рублей. 18,5 тысяч рублей поступили в «Мемориал» в виде пожертвований.

Глава 15

«Дух свободы» и сила слова «НЕТ»

Колымские рассказы — это попытка поставить и решить какие-то важные нравственные вопросы времени, вопросы, которые просто не могут быть разрешены на другом материале... Борьба человека с государственной машиной, правда этой борьбы, борьбы за себя, внутри себя — и вне себя. Возможно ли активное влияние на свою судьбу, перемалываемую зубьями государственной машины, зубьями зла. Иллюзорность и тяжесть надежды. Возможность опереться на другие силы, чем надежда.

Шаламов В. Проза, стихи // *Новый мир*. 1988. № 6.

Что можем сказать мы перед судом прошедшего и грядущего? Нет нам оправдания. Мы скажем, не было времени тяжелейшего нашего, но мы не дали погибнуть человеческому в человеке... Мы сохраняем веру, что жизнь и свобода едины, что нет ничего выше человеческого в человеке.

Гроссман В. Сикстинская Мадонна. Цит. по: Лазарь Лазарев. Правда безусловная и честная: Василий Гроссман и традиции русской классики // *Литература*. 2002.

Как нужно жить, чтобы остаться человеком при любых, даже самых невыносимых, обстоятельствах, в любом кругу ада, остаться независимым и ответственным за свои поступки индивидом, не потерять достоинства и сознания, не предать и не ударить в спину, как выжить, пройдя сквозь огонь и воду, выдержать, не перекладывая бремя своей судьбы на последующие поколения, — как?

Воскресенский Л. Здравствуйте, Иван Денисович! // *Московские новости*. 1988. 7 августа.

Теперь, когда мы с таким опозданием узнаем о столь многих трагедиях, временами становится невыносимо стыдно за людей и за историю. Но, к счастью, у этого опоздания есть позитивная сторона. С опозданием, но и с радостью мы узнаём, что даже в самые жестокие годы находились люди, которые сопротивлялись массовому психозу.

Евтушенко Е. Сталинизм по Платонову // Сталинизм по Платонову / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989.

Мы видели не только разрушение старого мифа, но и возвращение правды о настоящих героях Отечества, героях, чью славу умышленно загораживали или почти полностью стерли.

Преловская И. Миф и судьба. // *Известия*. 1989. 15 июля.

Вновь обретенное прошлое не было исключительно постыдным — чем-то, достойным лишь раскаяния, сожаления и искупления. В могучем хоре осуждения постепенно пробивались и набирали силу более тихие, но настойчивые, хрустальные ноты света и героизма. Они дарили вдохновение и надежду.

В художественных произведениях, которые были опубликованы спустя десятилетия после написания, в воспоминаниях, которые теперь звучали не только шепотом, в документах, которые проливали свет на настоящую историю страны, возвращались к нам светлые истории тех, кто решил остаться верным своим собственным понятиям о добре и зле, истории русских праведников, которые остались добродетельны в условиях столь экстремальных, какие редко выпадало пережить человеческим душам. В самые темные года сталинизма они отстаивали свое право быть людьми: право думать, говорить и даже действовать так, как им велела их совесть. Они отказывались подавлять в себе способность к нравственной оценке и, следовательно, к нравственному выбору. Они воплощали *дух свободы*, если вспомнить название и лейтмотив первого и по-прежнему наиболее талантливого эссе, посвященного только опубликованному тогда выдающемуся русскому роману-эпопее Василия Гроссмана «Жизнь и судьба»¹.

Одно из наиболее ярких и масштабных проявлений этого духа — Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Внезапно на долю каждого из миллионов советских солдат, бывших *винтиков* сталинской системы, выпала главная и самая благородная ответственность, которой судьба награждает мужчину, — встать на защиту своего Отечества, когда оно в смертельной опасности. Беспощадная война до победного конца даровала им то, что Гроссман назвал «естественным равенством»; оно сделало их «уверенными и сильными»². Эта сила и эта уверенность несли с собой свободу — живительную, осязаемую свободу окопов, свободу братства обреченных.

Об этом чуде говорили и другие выжившие — писатели и поэты, все — бойцы Красной армии или военные корреспонденты. В стихотворении «Я был пехотой в поле чистом» переживший войну поэт Семен Гудзенко писал (эти строчки были вымараны при публикации цензурой): «С какой свободой дружил!» Поэтесса Ольга Берггольц вспоминала о блокадном Ленинграде:

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
Где смерть, как тень, тащилась по пятам,
Таковыми мы счастливыми бывали,
Такой свободой бурною дышали,
Что внуки позавидовали б нам³.

Как «вольно дышится» в Сталинграде! — писал Гроссман, снабжавший «Красную звезду» репортажами из осажденного города с первых дней битвы летом 1942-го до сдачи немецких войск в феврале 1943-го. После того как он увидел, как Красная армия — ее полки часто выкошены до «дюжины солдат» — под непрерывными бомбежками час за часом, день за днем отбивала атаки немецкой пехоты и танков, он пришел к выводу, что у Сталинграда есть душа. Этой душой была свобода. Именно свобода, писал Гроссман, сокрушила стратегию фельдмаршала Паулюса. Именно свобода — ключ к «сталинградскому чуду»⁴.

Свобода, за которую они сражались и умирали, была свободой не только от нацистского рабства, но и от унижительной сталинской машины. «Чего вы хотите?» — спрашивает комиссар в «Жизни и судьбе» капитана Грекова, чье отделение, становящееся все меньше и меньше, выдержало ежедневные атаки нацистов в эпицентре сталинградского ада, посреди руин знаменитого «Дома номер 6/1». «Свободы, — отвечает Греков спокойно, даже весело, — за нее и воюю». «Мы все ее хотим», — парирует комиссар. «Бросьте, — возражает Греков. — На кой она вам? Вам бы только с немцами справиться». — «Вы что ж, Греков, задумали менять ход истории?» — «А уж вы-то все на старые

рельсы хотите вернуть?» — «Что это “все”?» — «Всеобщую принудилровку»⁵.

Все защитники «Дома номер 6/1» погибли, но не отступили ни на шаг. Они умерли свободными людьми, защищая свою страну, в которой еще несколько месяцев назад не значили ничего; теперь они внезапно стали ее самостоятельными и гордыми гражданами⁶.

Другой персонаж Гроссмана — майор Ершов, руководитель подпольного сопротивления в нацистском лагере для военнопленных, которого десять лет назад не приняли в военную академию, потому что он отказался отречься от своего сосланного отца-кулака. Вместо того чтобы отказаться от него ради карьеры, как делали многие, Ершов несколько дней добирался до места ссылки, крошечной деревеньки «между опушкой леса и краем болота». Он нашел там только отца: его мать и две младшие сестры умерли в первые два года ссылки. В грязной сырой землянке, пахнувшей «нищей пищей и нищей одеждой», отец рассказал плачущему Ершову о пятидесятидневной зимней поездке в теплушке с дырявой крышей; о женщинах, несших детей на руках, бредших по снегу целыми днями; о том, как их привели в зимний лес и сказали, что здесь они будут жить⁷.

Не успел Ершов вернуться в свое отделение, как его начальству донесли о поездке. Ершова, тогда еще лейтенанта, немедленно уволили из Красной армии. Вскоре после этого пришло извещение о смерти его отца. Ершов был мобилизован на второй день войны и героически сражался. Как и Греков, Ершов «сражался за свободную русскую жизнь». Победа над Гитлером для него стала бы и «победой и над теми лагерями, где погибли его мать, сестры, отец»^{*8}.

* Идею борьбы против нацизма как борьбы за свободу в широком смысле разделяли и в других странах, и борьба продолжалась везде, где героическое сопротивление нацизму сменилось сопротивлением «родному» тоталитаризму. Когда в 1982 г., во время военного положения в Польше, власти обратились к доктору Мареку Эдельману, одному из вождей Варшавского восстания 1942 г., с просьбой помочь в праздновании сороковой годовщины

Старый узник ГУЛАГа говорит герою романа Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей»: все в ваших силах, все, что у вас есть, — ваше «нет»⁹. Но сила слова «нет» — то, что английский философ Исайя Берлин назвал «негативной свободой», свободой не быть принужденным сделать что-либо, что делать не хочешь, свобода от принуждения¹⁰ — становится оплотом моральной свободы, когда зачастую не остается ни капли иной свободы или достоинства. «Судьба ведет человека», — писал Гроссман, проводя своих героев через жесткий нравственный выбор войны, ГУЛАГ и нацистские концлагеря. «Но человек свободен не хотеть идти» — даже если цена свободы — его жизнь¹¹.

В колонне евреев, направляющейся в газовую камеру, военврач майор Софья Левинтон «противилась ненавистной ей силе», не выйдя из колонны в ответ на повторяющийся, предлагающий жизнь зов надзирателей: «Врачи? Хирурги?» И снова: «Врачи? Хирурги?»

В другом концлагере русский эмигрант Иконников тоже выбирает умереть достойно и отказывается работать на строительстве газовой камеры, зная, что будет казнен. «Не говорите — виноваты те, кто заставляет тебя, ты раб, ты не виновен, ибо ты не свободен, — говорит Гроссман устами Иконникова. — Я свободен! Я строю фернихтунгслагерь, я отвечаю перед людьми, которых будут душить газом. Я могу сказать “нет”! Какая сила может запретить мне это, если я найду в себе силу не бояться уничтожения. Я скажу “нет!”»¹²

На Колыме «заключенный Паташников» — когда-то здоровый тридцатилетний мужчина, сейчас едва способный ночью забраться на свою шконку в бараке, мозг и душа которого «замерзли и высохли», мечтал лишь о том, чтобы умереть в

этого события, он сказал: «Не используйте меня, чтобы прикрыть свой срам. Сорок лет назад мы сражались не только, чтобы выжить — мы сражались за достойную и свободную жизнь. Праздновать нашу годовщину сейчас, когда все общество живет в рабстве и унижении, когда слова и поступки стали только лишь ложью, — означает предать дух нашей борьбы» (Мэтт Шудел. «Непростые мгновения» руководителя Варшавского восстания // *Washington Post*. 2009. 5 октября. P. B9).

госпитале и на настоящей кровати, не на лагерной «улице» или в бараке, под сапогами, среди проклятий, грязи и всеобщего полного равнодушия. Однако он отказался от единственной возможности спастись — став надсмотрщиком, бригадиром или кем-нибудь еще в лагерной иерархии, потому что он «давно поклялся никогда не насиловать чужую волю»¹³.

Герой повести Солженицына Иван Денисович, крестьянин и солдат, на пороге смерти от голода, холода и переутомления в другом сибирском лагере ни на пядь не увеличивал расстояние «от себя до смерти», если ценой лишней чашки супа или четвертушки хлеба был донос на соседей по бараку или любое другое заигрывание с ненавистным лагерным начальством. И он «хранил свою душу», оберегая ее от «черноты насилия», предательства и другой «грязи»¹⁴.

Некоторым выпадало счастье «умереть свободными», сражаясь или даже убив кого-то из своих палачей. Майор Пугачев и его одиннадцать товарищей (рассказ В. Шаламова «Последний бой майора Пугачева»), привезенные на Колыму как сотни тысяч советских солдат из нацистских лагерей для военнопленных, «стали похожими на ходячих мертвецов», были «смелы и верили только в силу своего оружия». Они несколько месяцев тщательно планировали побег и однажды рано утром вырвались на свободу, убив двух охранников и захватив оружие и боеприпасы из лагерного склада. Так как среди них были летчики, они направились к ближайшему военному аэродрому, чтобы захватить самолет. Когда их выследили и окружили сотни солдат, они отвергли неоднократные предложения сдаться. Каждый сражался, пока не был убит или терял способность стрелять из-за ранений. Они застрелили двадцать семь преследователей, включая командира лагерной охраны. Когда его почти что схватили, Пугачев вложил ствол пистолета в рот и нажал на спусковой крючок¹⁵.

«Что дороже всего в мире?» — писал в дневнике персонаж романа Солженицына «В круге первом». «Оказывается: сознавать, что ты не участвуешь в несправедливостях. Они [творя-

щие несправедливости] сильнее тебя, они были и будут, но пусть — не через тебя»¹⁶. Завещав будущей России этот бесценный литературный дар культуры противостояния моральному рабству, сделав героический выбор в пользу личного неучастия в злодеяниях, Гроссман, Солженицын и Шаламов писали большинство своих персонажей с людей, которых знали лично или о которых слышали. Одним из них запросто мог быть русский крестьянин, Федор, арестованный в 1937-м вместе со всеми членами Сибирской коммуны (в отличие от колхоза это было действительно добровольное фермерское объединение, основанное на толстовском учении о ненасилии, самообеспечении и неподчинении земным властям). Когда Федора пришли арестовывать, он отказался сесть на телегу, чтобы ехать в тюрьму. Его запихнули в матрас, привязали к хвосту лошади и протащили по снегу много километров. В тюрьме Федор не пошел сам на допрос, и его стащили за ноги с третьего этажа. Его голова стучала по ступенькам, а он хранил молчание¹⁷.

Бывший кандидат в члены ЦК ВКП(б) и секретарь московского райкома партии Мартемьян Рютин был исключен из партии в сентябре 1930 года, так как состоял в «правой оппозиции», которую возглавляли критики ускоренной индустриализации и коллективизации Николай Бухарин, Алексей Рыков и Михаил Томский. Вместо того чтобы пройти обычный путь очищения оппозиционеров — отказ от своего мнения, покаяние, признание ошибок, заверение Сталина в вечной преданности — Рютин и несколько других членов так называемой «школки Бухарина» попытались основать подпольный «Союз марксистов-ленинцев». Также он написал в 1932 году двухсотстраничную работу, резко критикующую сталинизм, известную как «Платформа группы Рютина»¹⁸.

В июне 1932 года Рютин попытался распространить сокращенную версию «Платформы» — обращение «Ко всем членам ВКП(б)». «Партия и пролетарская диктатура Сталиным и его свитой заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис, — писал Рютин. — ...Сталин за послед-

ние пять лет... установил в ВКП (б) и всей стране свою личную диктатуру... стал на путь самого необузданного авантюризма и дикого личного произвола... «Авантюристические» темпы индустриализации и коллективизации и непосильные» налоги привели к чудовищному обнищанию масс и голоду». Принудительная коллективизация стала «ограблением сельского населения», которое «убивает... всякую личную заинтересованность» в развитии сельского хозяйства и оставляет лишь «принуждение и репрессии». Рютин предупреждал, что в следующем, 1933 году очень высока возможность голода. Он продолжал: «На всю страну надет намордник. Бесправие, произвол и насилие, постоянные угрозы висят над головой каждого рабочего и крестьянина. Всякая революционная законность попорана! ...Рабочий класс и трудящиеся массы деревни доведены сталинской политикой до отчаяния. ...Советы доведены за последнее время до роли убогих придатков партийного аппарата... Профсоюзы... превращены в подсобный орган нажима на рабочих и расправы с инакомыслящими. Печать... в руках Сталина и его клики стала чудовищной фабрикой лжи, надувательства и терроризирования масс.

...Немедленно за работу! Пора покончить с состоянием растерянности и страха перед репрессиями обнаглевшего беспринципного политика и изменника делу ленинизма... начать самоотверженно бороться, не ждать начала борьбы сверху, а начинать ее снизу. Террору противопоставить мужество и сознание величайшей правоты нашего дела. ...От товарища к товарищу, от группы к группе, от города к городу должен передаваться наш основной лозунг: долой диктатуру Сталина и его клику, долой банду беспринципных политиканов и политических обманщиков!»*¹⁹

* В рукописи книги «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» Рютин описывал сталинский СССР в начале 1930-х годов как «разоренную, ограбленную, разрушенную, обнаженную и голодную страну, где эффективность труда, как и покупательная способность, сведены к минимуму; страну, которая потеряла веру в дело социализма, напуганную и озлобленную» (Борщаговский А. Прислушаемся к голосу Рютина: отрывки из рукописи, так и не ставшей книгой // Московские новости. 1990. 27 мая. С. 16).

Рютина арестовали почти сразу, но в 1932 году Сталину еще нужно было согласие политбюро, чтобы казнить видного большевика, и большинство проголосовало за то, чтобы сохранить ему жизнь. Рютин был приговорен к десяти годам заключения, его переводили в тюрьмы все более удаленные, все худшие по условиям содержания, пока он не оказался в уральской тюрьме строгого режима. Летом 1936 года его вернули в Москву и даже разрешили позвонить семье; ему была уготована важная роль на одном из показательных процессов. Однако, по всей видимости, даже месяцы пыток его не сломили: он не показался ни на одном из них.

Рютина расстреляли в начале 1937 года. Его жена Евдокия умерла в лагере. Одного из его сыновей, Василия, расстреляли в Лефортовской тюрьме в Москве; другого, Виссариона, выслали в лагерь в Средней Азии и там его убили уголовники. Выжила только дочь Любовь*²⁰.

Подобно Рютину, в 1947 году несколько десятков воронежских школьников старших классов осознали весь ужас насилия, страдания и отчаяния, их окружавших. Вернувшись из лыжного похода во время зимних каникул по сельским местам, где они увидели, как люди варят березовую кору, чтобы добыть хоть какое-то пропитание, они организовали антисталинскую «Коммунистическую партию молодежи», у которой была своя программа, устав, символика и журналы. Среди них были дети руководителей Воронежской области,

* За несколько дней до того, как Рютин был исключен из партии, собрание рабочих нескольких фабрик Москвы и Подольска (самого крупного города Московской области) приняло и 19 сентября 1930 г. направило председателю всесоюзного ЦИКа Михаилу Калинин у резолюцию, столь же бесстрашную и гордую, как и призыв Рютина. Рабочие требовали, чтобы «деспот» и «тиран» Сталин был немедленно отстранен от власти и привлечен к суду за «бесчисленные преступления против пролетариата». Они также призывали ввести свободные выборы руководства страны вместо «самоназначения» и требовали «смены курса» в духе «реального ленинизма», а не его сталинской интерпретации. ОГПУ, посланное «сокрушить контрреволюцию», как писала местная газета, действовало быстро и тщательно: в 1980-е годы ни одного участника собрания не удалось обнаружить живым (Богданова О., Станиславский А., Старостин Е. Сопrotивление // *Огонек*. 1989. № 23. С. 10–11).

так что они прекрасно знали, чем им грозили такие действия. В 1949–1950 годах 23 члена организации были арестованы и осуждены²¹. Спустя одиннадцать месяцев допросов и пыток, после которых некоторые сошли с ума, они все еще были связаны своей совестью, честью и честностью. Часть из них Особое совещание при НКВД приговорило к десяти годам строгого режима в смертоносных лагерях в Воркуте, Тайшете и на Колыме²². Другие получили от восьми до двух лет. Выживших, среди которых был и будущий летописец группы, известный поэт и прозаик Анатолий Жигулин, спасла от следующего срока смерть Сталина.

Еще одну историю моральной твердости перед лицом смертельной опасности рассказывает нам роман Владимира Дудинцева «Белые одежды», с которого в январе 1987 года в русской литературе началась гласность. В романе повествуется о сопротивлении советских биологов обскурантизму лысенковщины, названной так по имени любимца Сталина, шарлатана от науки Трофима Лысенко. «Социалистическая» биология Лысенко отрицала генетику как «буржуазную лженауку» и доказывала способность организмов передавать приобретенные качества. Они должны были формироваться путем тщательного «вращения» и «тренировки» и в результате привести к появлению таких чудес, как, например, «морозостойчивая конопля». Поскольку на печально известной конференции Академии сельскохозяйственных наук в августе 1948 года гены и хромосомы были объявлены «несуществующими», учебники по биологии, в которых была эта «ересь», сжигались на задворках академий и исследовательских институтов. Пламя этих костров, по словам одного из героев Дудинцева, было того же состава, что и пламя костров инквизиции пятью веками ранее²³.

Как заметил советский критик, «Белые одежды» — разговор о «самой сложной нравственной проблеме»: как вести себя, столкнувшись с «преступниками, облеченными государственной властью». Как и миллионы их соотечественников, герои книги не могли выбрать, где и в какое время жить,

но они могли выбрать свой «путь» — путь «совести и ума», путь «внутренней свободы», путь «выбора между добром и злом»²⁴.

Некоторые герои книги Дудинцева выбрали открытый протест, как сделал руководитель отдела селекции и генетики неназванного института профессор Натан Хейфец, не отказавшийся от своих убеждений. Он сказал беснующейся толпе на общем собрании институтского коллектива, что коллектив этот «весь обкурен парами догмы и, надышавшись, бредет, как во тьме, не видя пропастей и давя ногами невинных». Уволенный сразу же, еще до окончания речи, он вышел, восклицая «Обскуранты!», и захлопнул за собой дверь аудитории²⁵.

Все главные герои романа — Федор Дежкин, Елена Блажко и Иван Стригалева — остались верны своему призванию, сохраняя и развивая настоящую науку в подполье. «Я же оберегаю дело! — говорит Елена. — Если откроют — они все уничтожат». Иван Стригалева, уже приговоренный к сроку в ГУЛАГе и спасшийся только благодаря призыву в Красную армию после вторжения нацистов, — самый талантливый из них и наиболее успешный в своих генетических экспериментах. Он близок к выведению нового, более плодоносного сорта картофеля, столь необходимого его голодающей послевоенной стране, — и при этом делает вид, что следует в русле «прогрессивной советской лысенковской науки». «Если хочешь заниматься наукой, если у тебя в руках открытие... Если оно бесценное. Если ему что-то грозит... забудь о смерти, — объясняет Стригалева. — ...Страх смерти — пособник и опора всяческого зла. Отними у зла единственную его силу — возможность лишать свободы и жизни...»²⁶

Как и герои Гроссмана, Шаламова и Солженицына, персонажи Дудинцева были прототипами реальных людей. Главный оппонент Лысенко, гениальный ботаник и генетик Николай Вавилов, подвергся беспощадным пыткам во время «следствия» и умер от голода в тюрьме в 1943 году. Арестованный и освобожденный генетик Владимир

Эфроимсон продолжил открыто критиковать Лысенко и был вновь арестован как «социально опасный» элемент²⁷. Уволенный с должности профессора МГУ и затравленный физиолог Дмитрий Сабинин предпочел самоубийство отказу от своих идей. Генетик Николай Тимофеев-Ресовский, легендарный «Зубр» советской биологии, как нам сообщает его изданная в 1987 году биография, тоже «при любых обстоятельствах был верен своим убеждениям», потому что был свободен в своей воле и своей совести*²⁸.

Вновь арестованный и сгинувший в ГУЛАГе Иван Стригалева символизирует множество мучеников советской науки — тех, что пошли за Вавиловым, Эфроимсоном и Сабининым. Некоторые погибли в тюрьмах и лагерях, другие были уволены, подвергнуты остракизму, обречены на безденежье. Выход романа Дудинцева ознаменовал публичную оценку заслуг и чести Астаурова, Барина, Дубинина, Формозова, Карпеченко, Лебедева, Левицкого, Лобашова, Полянского, Рапопорта, Сукачева, Толайкова. Автор биографии Тимофеева-Ресовского Даниил Гранин горячо надеялся, что будет написана «история их сопротивления» и все они будут в ней героями²⁹.

В то время как истинные герои в литературе и в жизни открыто протестовали или оказывали решительное сопротивление режиму, намного больше людей избегали полного уничтожения своего достоинства, используя силу слова «нет» более скрытно, менее осознанно, но столь же непреклонно. Они отстаивали право на моральную автономию вне или внутри ГУЛАГа. Их девизом, который среди других выживших открыли нам Солженицын, Шаламов и

* Тимофеев-Ресовский отказался вернуться в СССР, где победила лысенковщина, с исследовательской работы в Германии. Он был захвачен в конце Второй мировой войны наступающими советскими войсками и отправлен в ГУЛАГ. Когда он умирал от голода, его спасли, предоставили лабораторию на Урале, напомиравшую «шарашку» из романа Солженицына «В круге первом», где Тимофеев-Ресовский продолжил исследования, оставаясь заключенным.

Домбровский, была популярная формула эзков: не верь, не бойся, не проси.

В начале своих лагерных лет Варлам Шаламов обнаружил способ «подрывать рабство»: сначала сделать что-то, потом спросить разрешения. Иван Денисович у Солженицына, к примеру, помыв пол в лагерной конторе, вылил ведро грязной воды на дорогу, по которой ходило начальство, и вода при минус сорока градусах немедленно замерзла. Однако, вероятно, самой распространенной тактикой на этой войне с рабством было заявить о своем праве говорить то, что думаешь, в то время, когда слово правды было преступлением. Даже в Советском Союзе военных лет, изображенном в романе «Жизнь и судьба», когда доносчики, казалось, прятались за каждой стеной и за каждым углом, а палачи СМЕРШа охотились на паникеров и провокаторов, мятежников, шпионов и других «предателей», — мужчины и женщины рисковали всем за одно лишь слово правды перед лицом «страха, который не позволял людям быть людьми». «О, чудная, ясная сила откровенного разговора, сила правды! — пишет Гроссман. — Какую страшную цену платили люди за несколько смелых, без оглядки высказанных слов». И как и многие, герой «Жизни и судьбы» беспечно мечтает вслух в компании нескольких друзей: «Ах, товарищи родные, вы представляете себе, что такое свобода печати? ...Вместо письма трудящихся великому Сталину, вместо сообщений о том... что трудящиеся в Соединенных Штатах встретили Новый год в обстановке уныния, растущей безработицы и нищеты, — вы находите в газете, знаете что? Информацию! Представляете себе такую газету? Газету, которая дает информацию! ...В общем, вы знаете все, что происходит в стране: урожай и недороды... пуск шахты и катастрофу на шахте; разногласие между Молотовым и Маленковым; вы читаете отчеты о ходе забастовки... вы читаете речи Черчилля, Блюма... Вы знаете, почему нет гречневой крупы... Вы узнаете, сколько грамм получают в колхозе на трудодень из газет, а не от домработницы, к которой приехала племянница из деревни покупать в Москве хлеб»³⁰.

«Прошу прекратить эти безумные разговоры», — все в комнате знали, чем рискуют, если не донесут на Мадьярова немедленно, той же ночью. «Черт с ним, пусть, пусть, — думал по дороге домой герой романа, физик Виктор Штрум. — Хотя поговорили по-людски, без страха, обо всем, на всю железку, без условностей, лицемерия»³¹.

Другие все же шли дальше: писали письма в приемную Верховного Совета. Многие «выражали несогласие с методами товарища Сталина» — и вынуждали некоторых работников приемной рисковать собственными жизнями, пряча или уничтожая некоторые из писем, чтобы спасти их авторов³².

Однако эти работники ничем не могли помочь тем, кто на пике террора писал напрямую своим депутатам Верховного Совета и указывал полные имена и адреса. Один из них — брат тридцатидвухлетнего архитектора и изобретателя, арестованного в марте 38-го по «подозрению в шпионаже» и приговоренного к восьми годам лагерей, — порицал «карьеристов и подхалимов», которые «зарабатывали положение», арестовывая «невинных людей» и творя злодеяния «стопроцентной коллективизации». Он вопрошал: «Неужели вы, депутаты Верховного Совета, годитесь только на то, чтобы аплодировать и кричать “ура” Сталину и Ежову?» Письмо завершалось так: «Пожалуйста, передайте это письмо Сталину. Не бойтесь, я не сумасшедший. Я реальный человек, с семьей и сыном... Но мое чувство справедливости сегодня сильнее, чем страх перед десятью годами лагерей»³³.

«Вы знаете, что происходит в лагерях? — спрашивал Георгий Соловьев в своем письме к писателю и депутату Верховного Совета Алексею Толстому в августе 1941 года. — Вы знаете, что они по большей части заполнены невинными, — из-за той абсолютной и бесконтрольной власти, которую неграмотные функционеры, цепляющиеся за самосохранение, имеют над нашей юридической и правоохранительной системой? Вы знаете, что заключенные содержатся в кошмарных условиях, на открытом воздухе, без крыши над головой, как звери, практически без еды и медицинской помощи, и из-

за этого они умирают медленной и мучительной смертью?.. Вы знаете, что в заключении находятся тысячи талантливых врачей, инженеров, агрономов — специалистов, которых нам столь отчаянно не хватает? Что среди этих миллионов заключенных есть женщины с грудными детьми, что женщины рожают в этих нечеловеческих условиях, без какой-либо медицинской помощи? Нам необходимо амнистировать по меньшей мере пять-шесть миллионов человек. Пожалуйста, передайте это Сталину... и я буду считать свою задачу, то есть привлечение Вашего внимания к сложившейся ситуации, выполненной»³⁴.

Наряду со смелыми искренними словами тихий героизм проявлял себя в дружбе с отверженными. В начале 1953 года, когда Советский Союз поглотила поддерживаемая государством антисемитская истерия и одноклассники московской школьницы Наташи Томилиной живо обсуждали, всем ли разрешат присутствовать на повешении еврейских «врачей-вредителей» («убийц в белых халатах») на Красной площади или пускать будут только по пропускам или приглашениям, девушка регулярно приходила к своей подруге Наташе Рапопорт, дочери одного из арестованных «врачей-убийц». Рапопорт боялась ходить в школу и жила со своей матерью в коридоре квартиры, потому что комнаты были опечатаны МГБ после обыска и ареста ее отца.

У всегда приносившей Рапопорт (ее воспоминания были впервые опубликованы в 1988 году) яблоко или бутерброд Наташи Томилиной, прежде отличницы, внезапно «появлялись трудности» с физикой или геометрией, алгеброй или химией, смотря что было в школе в этот день по расписанию. Она доставала из портфеля учебники и просила подругу «помочь». Когда «дело врачей» закончилось через два месяца со смертью Сталина, доктор Рапопорт был с извинениями освобожден, а его дочь Наташа вернулась в школу, она обнаружила, что не отстала ни по одному предмету, благодаря помощи, которую ей изобретательно оказывала подруга³⁵.

Когда коренные изменения стали стремительно приближаться, более близкие к нам по времени носители «духа свободы» «постсталинской» эпохи привлекали намного меньше внимания и восхищения, чем их реальные или выдуманные единомышленники, заставшие правление «вождя народов». Однако из относительно редких работ, воздающих должное тем, кто спасал свою и российскую честь после смерти Сталина, ясно, что их кредо было аналогичным нравственным установкам тех, кто противостоял сталинизму: нравственное самоопределение, право на собственное, не навязанное «сверху» понятие добра и зла и прежде всего свобода как основа человеческого достоинства.

В 1989 году Софья Калистратова, бывший адвокат многих диссидентов 70-х и 80-х годов и член Хельсинкской группы, посвятила некоторым из своих бывших клиентов короткую газетную статью. Среди них были те, кто в 1968 году протестовал против вторжения в Чехословакию, развернув на Красной площади плакат «За вашу и нашу свободу». Они держали его несколько секунд, пока их не скрутили, избили и отправили в тюрьму сотрудники КГБ в штатском: Лариса Богораз, Константин Бабицкий, Наталья Горбаневская (пришедшая с грудным ребенком в коляске), Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Виктор Файнберг (нападавшие выбили ему передние зубы) и Павел Литвинов³⁶.

Пока участники «демонстрации семерых» были в тюрьмах, лагерях, психбольницах или в ссылке, некоторые их товарищи пытались помочь другим политзаключенным и их семьям выплатами из Фонда Солженицына, составленного из гонораров, полученных за «Архипелаг ГУЛАГ». Первого распорядителя фонда Александра Гинзбурга арестовывали четыре раза и в итоге приговорили к восьми годам лагерей. Осужденные, как Гинзбург, по ст. 190 п. 1 («распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй») и ст. 70 («антисоветская пропаганда и агитация») УК не были уверены, что смогут выйти из лагеря живыми: другой незадолго до этого принятый закон позволял лагер-

ной администрации бесконечно продлевать сроки заключения за «нарушения лагерного режима». К этим «нарушениям» относилась расстегнутая пуговица на рубашке, а три таких «нарушения» автоматически обозначали повторный суд и новый срок³⁷.

Однако нашлись те, кто заменил Гинзбурга на должности распорядителя фонда. Один за другим они тоже были арестованы: Татьяна Ходорович, затем Мальва Ланда, Анна Гинзбург, Сергей Ходорович. Последний был зверски избит в Бутырской тюрьме, где заразился туберкулезом. Ходоровича отправили отбывать срок в лагере в Норильске, самом северном городе Сибири, за полярным кругом. Лишь смерть от рака избавила от ареста последнего распорядителя Фонда Андрея Кистяковского. Писатель и бывший политзаключенный Феликс Светов сказал журналистам «Комсомольской правды» в августе 1990-го, что движение за права человека было свидетельством того, что «в людях сохранилась нравственная сила»³⁸.

Наряду с бессмысленной жестокостью и ее сокрытием, у новочеркасской бойни 2 июня 1962 года тоже были свои герои. Рабочий Новочеркасского электровозостроительного завода Петр Сиуда выступил перед другими рабочими 1 июня с грузовика. Он призвал бастующих к дисциплине и сдержанности, рекомендовал им составить список требований и направиться в центр города, чтобы передать их властям. На следующее утро он был арестован, а спустя два месяца приговорен к двенадцати годам лагерей³⁹.

Сиуда был освобожден, отбыв четыре с половиной года заключения, и посвятил жизнь расследованию бойни. Его архив, посвященный этому событию, был огромен. В июне 1989 года репортеры из Москвы говорили с ним в маленькой комнате, вокруг лежали стопки документов. Бумаги заполняли полки книжного шкафа, они лежали на столе и на полу⁴⁰.

Даже в период правления Горбачева он отказывался ходатайствовать о личной реабилитации: «намного более важной мне представляется реабилитация всех участников забастовки

и восстановление исторической правды». Сиуда уволился с фабрики в начале 1989 года, чтобы все время посвящать работе над архивом⁴¹. (В 1980-м он открыто поддержал протест академика Сахарова против вторжения в Афганистан, подписав письмо Брежневу. Через несколько дней его жестоко избili неизвестные.)

В мае 1990 года Сиуду нашли мертвым на улице Новочеркаска, по официальной версии он скончался от «кровоизлияния в мозг». «Дипломат», в котором у него были важнейшие архивные материалы и с которым он никогда не расставался, исчез. Единственным некрологом Петру Сиуде стала статья в «Комсомольской правде» от 3 июня 1990 года о бойне в Новочеркаске: «Он посвятил свою жизнь поиску правды. Он стал борцом против того режима, для которого повторение Новочеркаска было возможно»⁴².

Сиуда не знал о другом человеке, который рядом с ним работал над сохранением той же памяти. Первому заместителю командира Северокавказского военного округа, герою Советского Союза, генерал-лейтенанту Матвею Шапошникову было приказано вывести танки против бастующих рабочих электровозостроительного завода, когда они приблизились к мосту через реку Тузлов на пути к центру города, и в случае необходимости открыть по ним огонь. Шапошников ответил: «Я не вижу такого врага, против которого нужно выводить танки»⁴³. Он приказал солдатам и экипажам танков разрядить свои автоматы и пулеметы.

После кровавой бойни на площади перед горкомом он настаивал на том, чтобы те, кто отдал приказ стрелять, были осуждены. Так как ему не дали говорить публично, он стал писать письма протеста — в Союз писателей, в Генпрокуратуру, в ЦК, в адрес съездов партии.

«Очень важно сейчас, чтобы рабочие и интеллигенция понимали сущность политического режима, в условиях которого мы живем, — писал Шапошников в 60-х. — Они должны понимать, что нами управляет наихудшая форма авторитаризма при поддержке огромной бюрократической и военной

машины. ...Жизненно важно, чтобы люди начали мыслить, вместо того чтобы слепо верить. ...Наш народ превратили в бесправных поденщиков»⁴⁴.

Он был уволен из вооруженных сил и исключен из партии. В его квартире провели обыск, и приближалось осуждение по семидесятой статье. От тюрьмы Шапошников спасло только уникальное сочетание его должности, статуса ветерана Великой Отечественной войны и «Золотой Звезды» Героя Советского Союза.

В своем последнем письме, обращенном к XXVII съезду КПСС в феврале 1986-го, генерал Шапошников по-прежнему «не мог себе простить того, что не смог предотвратить трагедию июня 1962 года». Когда репортеры «Литературной газеты» встретились с ним в 1989 году, они увидели, что 83-летнего генерала по-прежнему волновали те события: «Он ничем не был похож на старика. Он ничего не забыл. Он не хотел ничего забывать».

Журналисты задавались вопросом, что заставляло его поступать именно так. «Мы думаем, — пришли они к выводу, — что это была ненависть к духовному рабству, которое система навязывала людям, отбирая все, что было в них человеческого»⁴⁵.

Одним из наиболее известных воплощений отвержения «духовного рабства» стал в эпоху гласности академик Андрей Сахаров, «отец» советской водородной бомбы и трижды Герой Социалистического Труда. Он последовал за своей совестью — от привилегий, невысказанных для обычного советского гражданина, к жизни, полной унижений, очернения и ссылки.

Его смерть, через три коротких года свободы — с декабря 1986-го по декабрь 1989 года — стала уникальным поводом для общенациональных почестей и переосмысления прошлого. 17 декабря 1989 года в Москве несколько сотен тысяч человек шли за его гробом до кладбища под мокрым снегом. Прежде всего его почтили не как диссидента, несмотря на его влияние, но как нравственную основу в «пропасти нашей духовной бедности, репрессий и унижений»⁴⁶.

Этот человек, совсем не выглядевший героем — высокий, сутулый, скромный, картавый, — защищал свою страну термоядерным (водородным) оружием, в разработке которого он участвовал, — но также, и это, возможно, более важно, он защищал ее своим «обостренным нравственным чувством», как выразился Александр Яковлев в одном из многочисленных некрологов Сахарову, опубликованных в каждой крупной газете и журнале⁴⁷. Он был одним из самых ярых патриотов своей страны, но его «патриотизм мира» был сильнее, и он подтвердил это, выступив против вторжения в Чехословакию в 1968-м и в Афганистан в 1979-м⁴⁸.

Прежде всего патриотизм Сахарова был в том, чтобы «поднимать достоинство» своей страны, поднимая достоинство ее отдельных граждан⁴⁹. В своей нобелевской лекции, произнесенной в 1975 году и опубликованной впервые незадолго до его смерти, четырнадцать лет спустя, он настаивал на нравственной необходимости «бороться за каждого человека, против каждого случая несправедливости и нарушения прав человека»⁵⁰. Следуя этому нравственному императиву, Сахаров смог «развернуть сознание» своих сограждан от «слепого повиновения каждому, облеченному властью», к осознанию собственной ценности: «от восприятия себя как мелкой сошки, винтика в гигантской машине, способной перемолоть миллионы человеческих судеб, к пониманию уникальности каждой жизни. И от уровня раба, которому хорошо, если он получает свой паек за хорошее поведение, до уровня ответственности свободного человека»⁵¹.

* Журналист «Московских новостей» вспоминал, как ошеломлены были он и его коллеги ответом Сахарова на вопрос газеты, какими были бы его «пожелания» относительно грядущей встречи Горбачева и Рейгана в декабре 1987 г. Их поразила не смелость его предложений (оставить за скобками Стратегическую оборонную инициативу США, вывести советские войска из Афганистана), хотя они, конечно, были внове для советского политического дискурса того времени. Их поразили тон полученного письма: он говорил с Генеральным секретарем ЦК КПСС «как с равным» (Жаворонков Г. Запрещенный Сахаров // *Московские новости*. 1990. 9 декабря. С. 16).

Но прежде всего он был примером. Потому что он был «свободным человеком» — даже когда в одиночку противостоял огромной идеологической машине, которая в итоге не смогла сломить ни его верности правде, ни его воли думать свободно⁵². Даже «в кандалах», он был свободен внутри, следуя лишь за голосом своей совести, и его жизнь стала подтверждением того, что «свобода внутри каждого из нас»⁵³.

Глава 16

Канон свободы

Мандельштам, Домбровский,
Солженицын, Платонов, Гроссман

Только несколько гениев остались свободными, поскольку гений не знает никакой другой формы духовного существования.

Шиндель А. Свидетель // Знамя. 1987. № 9.

Когда Ахматова писала свой «Реквием», она была свободной среди тотального рабства... Раб мечтает о свободе, а свободный художник просто живет в ней. Свобода — это состояние души.

Герман А. Сны по заказу // Московские новости. 1990, 15 декабря.

Кто в двадцатом веке спас честь нации? Разве не Платонов, Булгаков, Ахматова, Солженицын? Разве не должны мы чтить их, как чтим героев, павших на полях сражений, как чтим Андрея Сахарова?

Золотусский И. Солженицын: круг первый // Московские новости. 1990. 26 августа.

Хотя традиционные каналы инакомыслия и публичного обсуждения были изуродованы, перекрыты или полностью отрезаны авторитаризмом на протяжении большей части истории России, русская литература всегда вторгалась в политическую сферу. Писатели были одновременно проводниками более высокой нравственности и ее образцами. И все же нечасто раньше случалось, чтобы жизнь и творчество столь многих прекрасных российских художников, которых теперь вспоминали их едва освобожденные соотечественники и которые во многом придали их революции веру и силу, были так тесно сплетены и с такой силой утверждали основные темы своего творчества, как это происходило в мясорубке сталинизма. Эстетический выбор стал неотделим от выбора нравственного или даже экзистенциального.

Самой главной из этих тем было право заниматься творчеством в соответствии с собственным выбором, обладать, по

словам Осипа Мандельштама, одного из величайших поэтов России, «нравственной свободой». Он прослеживал это качество, обратившись к прошлому — до выдающегося писателя, историка и философа Петра Чаадаева, который, будучи изгоем, помещенным под домашний арест и объявленным Николаем I сумасшедшим, до самого конца так и не склонил головы¹.

Осенью 1933 года Осип Мандельштам написал стихотворение из шестнадцати строк о «кремлевском горце» с «пальцами», которые «как черви жирны», и с тараканьими усищами. Вокруг него «сброд тонкошеих вождей», он «играет услугами полулюдей» и «что ни казнь у него — то малина»².

Мандельштам широко распространил это стихотворение, и все, кто читал его, не сомневались в том, что он заплатит за это своей жизнью. «Я готов к смерти», — говорил он своей близкой подруге Анне Ахматовой и с того момента вплоть до ареста в мае 1934 года Мандельштам, по его словам, мысленно готовился к расстрелу. Следовательно действительно обещал расстрел не только Мандельштаму, но и его «сообщникам», то есть читателям стихотворения³.

Это был «открытый бунт», поэтический аналог упоминавшегося в предыдущей главе «манифеста Рютина». По словам одного исследователя, написав это стихотворение, Мандельштам, вместо того чтобы прятаться от судьбы, решил смело взглянуть ей в лицо — он «выбрал ее и стал ее хозяином». Он шагнул к барьеру, словно дуэлянт XIX века⁴, как Пушкин и Лермонтов, только противником были не Дантес или Мартынов, а тоталитарное государство.

С его стороны это был не внезапный героизм, возникший из отчаяния, а убежденность. Поэт никогда ни перед кем не должен извиняться, написал Мандельштам, когда ему было двадцать с небольшим лет: «Это было бы непростительно! Ведь поэзия есть не что иное, как сознание собственной правоты». Мандельштам был убежден в «вечной и непоколебимой» природе своей «правоты». Неважно, что другие представители «творческой интеллигенции» делали, чтобы приспособиться, *он* не будет придворным шутом Сталина, «играющим

на расческе». Обнищавший, не издававшийся годами, без своего угла, он не позволит, чтобы *его* поэзию использовали, чтобы «учить щебетать палачей»⁵.

Как это ни удивительно, Мандельштаму сохранили жизнь после стихотворения о «кремлевском горце». Его приговорили к относительно мягкой ссылке в Воронеж, недалеко от Москвы. Сталин в молодости сам был поэтом-любителем и, похоже, питал слабость к тройке великих из живших тогда российских поэтов — Осипу Мандельштаму, Анне Ахматовой и Борису Пастернаку, к «мастерам», как сказал Сталин во время своего знаменитого телефонного разговора с Пастернаком. Когда «кремлевский горец» стал «русским царем», он, судя по всему, почувствовал, что его долг — сохранить этих художников как наследие своего царствования вместе с другими жемчужинами в короне матушки России. Он будет причинять им боль, арестовывая их родных, мужей и любимых, обрекая их на периоды нищеты, гонений и тщательно организованных излияний «народного гнева». Но их не предполагалось убивать. «Изолировать, но сохранить» — таково было указание Сталина по первому делу Мандельштама⁶.

После короткой ссылки поэта вновь арестовали в мае 1938 года и приговорили к пяти годам лагерей за «контрреволюционную деятельность» — еще один почти невероятно мягкий приговор в разгар кровавой бойни Большой чистки. В октябре он был этапирован в пересыльный лагерь во Владивостоке. В своем единственном, насколько это известно, письме оттуда Мандельштам писал жене, что здоровье его «очень слабое» и что он «истощен до крайности». Посылать продукты и теплую одежду, наверное, не имело смысла, продолжал Мандельштам. Но, может, она все же попытается? Он «мерз». Мандельштам умер вскоре после этого письма, предположительно в декабре 1938 года*⁷. Могилы его так и не нашли.

* Судя по рассказам не из первых уст о владивостокском лагере, Мандельштам, похоже, считал, что его «пайка» отравлена, и начал красть хлеб у других заключенных. Его неоднократно и «зверски» избивали и в конце концов вышвырнули из барака. Он жил на помойке, питался отбро-

Юрий Домбровский, как и Григорий Зыбин, герой его романа «Факультет ненужных вещей», был исполнен решимости оставаться «в мире» с самим собой и сохранить доброе имя в глазах «самых строгих из судей» — грядущих поколений. Ни при одном из четырех его арестов (первый — в 1933 году) против него не было ни малейших улик, даже «ни малейшей неосторожности, обмолвки». Его следователи это знали и хотели только, чтобы он не «мешал» расследованиям. Но Домбровский настаивал на том, чтобы «мешать». Он отказался (опять же как Зыбин) признать вину или «сдать» кого-либо. («Кто вы вообще такие? — спрашивает Зыбин следователя. — Кто ваши вожди? Чему вы служите? [И сам отвечает:] ... Планктон, слизь на поверхности океана? Ну, исторически так и есть — слизь!»)⁸

Домбровского пытали и как «неисправимого» отправляли отбывать срок в самые отдаленные и черные уголки ГУЛАГа: на Колыму, Дальний Восток и в убийственный *Озерлаг* в Тайшете (южная часть Западной Сибири). Чудом пережив голод и холод, пеллагру и побои, смертный приговор и тюремный пожар, Домбровский был выпущен на свободу в 1955 году, проведя почти четверть века в тюрьмах, лагерях и ссылках.

В «жестокой схватке между человеком и государством» (так исследователи эпохи гласности описывали главную тему «Факультета ненужных вещей») Домбровский-писатель еще раз подтвердил то, что было «нравственным императивом выше всех законов и положений» для Домбровского-человека: право на собственную совесть. Совесть, утверждал он, «главный инструмент» и важнейшая мера писательского таланта — без нее талант «рассыпается». У нас ничего нет, говорил со слезами на глазах Домбровский в конце своей жизни, в 70-х годах, «ни денег, ни вещей, ни жилья, и, по сути, нет призна-

сами. «Грязный, с длинными седыми волосами и бородой, в лохмотьях», он стал «лагерным пугалом» (Струве Г. О. Э. Мандештельм. Опыт биографии и критического комментария / Мандельштам О. Собр. соч. М.: Терра, 1991. Т. 1. С. 1–1i).

ния». «У нас есть только совесть и то достоинство, которое она дает».

Терзание угнетенного человеческого достоинства было хуже, чем физическая пытка. Именно ключевые атрибуты достоинства — нравственность, честь, справедливость, истина — отвергались следователем из НКВД по делу Зыбина как пережитки с «факультета ненужных вещей»⁹, и именно их Домбровский, как и герои его книг, отстаивал всю свою жизнь.

В конце романа один из персонажей вспоминает строку из Пушкина: «презирает он свободу, и нет отчизны для него». «Вот! — решает этот человек. — Кто презирает свободу, тому и отчизны не надо. Потому что Отчизна без свободы та же тюрьма или следственный корпус»^{*10}.

В этой плеяде только Александр Солженицын был вновь востребован Россией не после своей смерти, а после опубликования его главного труда в 1989–1990 годах. Он был исключением (и ему невероятно повезло) и в том, что ему удалось не только противостоять режиму, но и открыто выступить против него, став одним из оппозиционных деятелей в Советском Союзе конца 60-х — начала 70-х. Его боялись и его почитали.

В то время как Солженицын-художник продолжал писать «в стол», не рассчитывая на публикации при жизни (издание «Одного дня Ивана Денисовича» и нескольких рассказов в 1962–1963 годах было чудом), Солженицын-гражданин отстаивал свое право «жить не по лжи» и призывал сограждан поступать так же. Солженицын настаивал на том, чтобы о

* Был как минимум один случай, когда самому Домбровскому помог неизвестный искатель «внутренней свободы». После того как его выпустили из лагеря и оправдали в 1956 году — со стандартной по тем дням формулировкой «за отсутствием состава преступления», Домбровский открыл дверь на стук и увидел человека, который протягивал ему типичную советскую авоську, полную отпечатанных на машинке страниц. Это была рукопись книги, которую Домбровский закончил в 1939 году, как раз накануне его второго ареста. «Вот ваш роман, — сказал человек. — Мне приказали его сжечь, но я его сохранил» (Анисимов Г., Емстев М. Этот хранитель древностей. Послесловие / Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. М.: Советский писатель, 1989. С. 706).

любой общественной или политической организации и о любой идее, направленной на социальное, политическое и экономическое совершенствование, какими бы великими и достойными они ни казались на первый взгляд, судили на основе тех же нравственных норм, которые применяются к людям и их действиям. Прежде чем оценивать предполагаемую полезность доктрины или движения, их сторонники обязаны ответить на вопрос: независимо от предполагаемых результатов, является ли то, что они предлагают, благородным или низким, смелым или трусливым, лицемерным, лживым, жестоким или справедливым и великодушным?

Фронтовик, переживший рак и восемь лет в ГУЛАГе, Солженицын считал, что в противостоянии советскому режиму им руководит Богом уготованная судьба помочь в ликвидации «ужасающих пробелов» в памяти русского народа, тем самым сделав возможным раскаяние, а с ним и нравственное возрождение. Патриотизм, писал Солженицын, заключался не в том, чтобы подобострастно угождать своему народу, а в «честной оценке его недостатков, его грехов и в раскаянии в них»¹¹. Больше всего это касалось памяти о тех, «кто похоронен без гроба, голым, только с биркой на ноге»¹².

Скажут нам, писал Солженицын в своей нобелевской лекции, написанной в 1972 году и опубликованной в России семнадцать лет спустя, что же может литература против безжалостного натиска открытого насилия? «Не забудем, — отвечал он, — что насилие... не способно жить одно: оно непременно сплетено с ложью. ...Насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а лжи нечем удержаться, кроме как насилием. Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим методом, неумолимо должен избрать ложь своим принципом. ...И [необходимый] шаг простого... человека: не участвовать во лжи... Пусть... даже царит в мире — но не через меня. Писателям же и художникам доступно больше: победить ложь! Уж в борьбе-то с ложью искусство всегда побеждало, всегда побеждает... Против многого в мире может выстоять ложь — но только не против искусства. А едва раз-

веяна будет ложь — отвратительно откроется нагота насилия — и насилие дряхлое падет»¹³.

Андрей Платонов был писателем такой оригинальности, что по одному случайно взятому предложению — нет, по половине предложения — из его рассказа или романа можно было сказать безошибочно, что он его автор. В его чрезвычайно своеобразном, почти «подрывном» варианте литературного русского языка знакомые, затертые слова встроены в синтаксические структуры, настолько уникальные, сочетания настолько неожиданные, на первый взгляд случайные и неловкие, что они выпирают, царапают, ранят глаз.

То, что один критик метко назвал «разрушением иллюзорной мудрости»¹⁴, которое с такой тщательностью происходит в творчестве Платонова, начинается с предложений писателя. Они разворачиваются как разношерстная армия крестьянского восстания: анархичная, рыхлая, не признающая строя и формы, где каждый боец одет в свои собственные яркие лохмотья — и все же как-то держащаяся вместе, прорывающаяся и в конце концов одерживающая победу.

Придя в себя после «легкой контузии» от платоновской прозы¹⁵, читатель становится полным лингвистическим единомышленником-соучастником, испытывающим восторг при виде знакомых слов, освещенных новыми значениями и приобретающих незнакомые и захватывающие грани, более тонкие и неизвестные оттенки.

Сын «пролетария», сам в молодости поработавший слесарем, старший из одиннадцати детей, Платонов был пламенным сторонником революции 1917 года, но к концу 20-х годов стал одним из первых крупных русских писателей, кто стал изучать ее дремучий фанатический идеализм, сочетавшийся с безудержным повседневным насилием. Он был неутомимым наблюдателем и хроникером неодолимой человечности своих соотечественников. Как и один из его самых незабываемых героев, «усомнившийся» Макар Ганнушкин, Платонов «стал беспокоиться» по поводу тех непереносимых жертв, которых революция требует от души. «Ясный голос» безымянного

«пролетария» в рассказе про Макара, судя по всему, был направляющим художественным импульсом Платонова: «нам сила не дорога», грубой силы и так предостаточно — «нам душа дорога»¹⁶.

Именно судьба этой собирательной русской «души» среди «культы насилия», который насаждался укреплявшимся тоталитаризмом конца 1920-х и начала 1930-х годов, стала общим мотивом романов Платонова — глубокое, гложущее беспокойство по поводу, как выразился Платонов, «гибели или выживания людей его неимущей, безжалостной к себе родины»¹⁷. Пока безраздельно властвовала жестокость, каждая смерть была для Платонова сигналом о нарушении «нравственного закона», очерствления души «масс», «удешевления» их жизни и «обесценивания» их жертв¹⁸. Ложь тоже извращала цели революции. «Земля — крестьянам! — сердито заявляет деревенский кузнец в романе “Чевенгур”, вспоминая один из главных и самых сильных лозунгов революции. — А что получилось: землю отдали, а хлеб до последнего зерна отбираете: да подавись ты сам такой землей!»¹⁹

По мере того как «лавина» безумия, «массового психоза» сходила на страну, писал Евгений Евтушенко в одном из первых эссе о возрожденном творчестве Платонова, по мере того как этот катастрофический оползень «похоронил под собой некогда плодородные поля, деревни, церкви, чувство собственного достоинства русского рабочего и привычку интеллигенции к свободному мышлению» и по мере того как люди, захваченные этим убийственным потоком, добровольно или из страха превращались в булыжники, которые «разбивали любого, кто отказывался становиться каменным», Платонов встал наперекор смертельному потоку и, как Макар Ганнушкин, «усомнился»²⁰.

Говорят, Сталин назвал рассказ «Усомнившийся Макар» «двусмысленным», тогда как двусмысленность недопустима, по мнению Верховного критика²¹. Два года спустя вождь вынес суровый и окончательный приговор. «Сволочь! Подонок!» — написал Сталин, как говорят, на полях одной из

новелл Платонова. К 1930 году Платонов перестал быть «издаваемым»²². За исключением одного рассказа, датированного 1946 годом, сразу же заклеенного официальными критиками, ни одному из его произведений не суждено было увидеть свет при жизни писателя.

Как и других «мастеров», жизнью которых, говорят, Сталин лично «распоряжался» — Анну Ахматову, Михаила Булгакова, Бориса Пастернака и до 1938 года Осипа Мандельштама, — Платонова, видимо, тоже предполагалось «изолировать, но сохранить». Его так и не арестовали. Даже разрешили стать военным корреспондентом главного издания Красной армии — газеты «Красная звезда». Но его пятнадцатилетнего сына, школьника, забрали в 1938 году, и он отбывал срок в течение шести лет на свинцовых рудниках, откуда вернулся смертельно больным туберкулезом и в 1943 году умер. Ухаживая за ним, Платонов, скорее всего, заразился той же болезнью, которая в течение нескольких лет убила и его²³.

Неиздаваемый и голодающий, он перебивался случайными заработками, выполняя любую черную работу в Союзе писателей: подметал территорию перед величественным особняком в центре Москвы, где размещался Союз, убирал снег деревянной лопатой²⁴. («Вот это Писатель! — сказал, как говорят, Александр Фадеев одному посетителю, указывая на Платонова, подметающего двор роскошного здания Союза в центре Москвы. — А я — говно».) Платонов умер в 1951 году, никем не оплаканный и, казалось, всеми забытый.

Главные произведения Платонова — «Чевенгур» и «Котлован», опубликованные в России спустя почти шесть десятилетий после написания, посвящены «утопии во власти». В стихийно возникшей коммуне небольшого провинциального российского городка Чевенгур рабочие копают гигантский котлован для здания, в котором должен разместиться весь «местный пролетариат». Чевенгур был протототалитарным минигосударством, «моделью» пока еще неокрепшего сталинизма и нацизма, а роли главных героев были распределены со зловещим предвидением²⁵, как будто они были постоянными

персонажами тоталитарной *комедии дель арте*. Вот Лидер, который мыслит глубоко, но не всегда связно, вот хитрый Директор, который претворяет в жизнь эти «людоедские» мысли (не забывая в процессе урвать для себя лучшие куски награбленного), а вот Палач, которые расстреляет любого, не задумываясь.

Предвосхитив не только массовое уничтожение крестьян в Советском Союзе, но и холокост в сотнях польских, украинских и российских городах и деревнях, произошедшие десятилетия спустя, Платонов описывает массовое убийство «класса остаточной сволочи». «Мелкобуржуазных» обитателей Чевенгура сгоняют на городскую площадь, где их расстреливают регулярные войска. В «Котловане» кулаков «ликвидируют», согнав мужиков, баб и детей одной толпой на огромный плот, который отталкивают от берега «в неизвестность», а они голосят и зывают к своим соседям и товарищам²⁶.

«Что мне делать в жизни, чтоб я себе и другим был нужен?» — спрашивает в отчаянии Макар Ганушкин во сне у «научного человека», который «стоял на возвышенности и по-прежнему молчал без ответа»²⁷. Для Платонова спасение пришло через сопереживание и работу. «Самое главное — это сеять души в людях», — писал Платонов в своем дневнике. Его искусство было средством выполнения этой задачи, и непреложной целью его жизни было выполнять ее во что бы то ни стало. «Труд есть совесть, — повторял Платонов. — Тот, кто взялся за перо, должен писать! Если мы не будем писать, то кто же тогда?»²⁸

Для Платонова истина могла быть только одной и целостной. Она не могла быть кривой или частичной, а предательство идеалов было «невозможным». Даже оказавшись в беде, человек может жить своей жизнью, храня свою «тайную, вновь обретенную» внутреннюю свободу. Ибо свобода — это сумма всего того, что есть «случайного», «неприказного» и поистине душевного в человеческой душе. Именно его вера, в большей степени, чем что бы то ни было, судя по всему, помогла Платонову поверить в то, что «мгла, повисшая над миром и

бросающая тень на человеческую душу, не вечная тьма, а лишь предрассветный туман»²⁹.

Нельзя не удивиться, узнав, что Василий Гроссман написал большую часть «Жизни и судьбы» в 1950-х годах и многое — еще при жизни Сталина. В книге нет ни малейшего признака «внутренней цензуры». Степень того, что критик назвал «концентрацией правды, бесстрашия и внутренней свободы»³⁰, поразительна и, скорее всего, не имеет аналогов в советской русской литературе. Во все еще тоталитарном Советском Союзе, только-только очнувшись от паралича сталинского террора, роман Гроссмана был «о человеке, вновь обретшем зрение, человеке, который был свободен»³¹.

Он продолжал вести себя как свободный человек и после того, как в 1960 году представил законченную рукопись в ведущий литературный журнал «Знамя», а член редакционной коллегии сказал ему, что его «вредный», даже «враждебный» роман не будет опубликован раньше, чем через «250 лет»³². Редакторы журнала «Знамя» были так напуганы, что поспешили направить экземпляр рукописи в «соответствующие органы». Пришли из КГБ, провели в квартире Гроссмана обыск и изъяли все шестнадцать экземпляров рукописи вместе с каждой страницей черновиков и каждым использованным листом копировальной бумаги. Этих материалов больше никто никогда не видел. Текст романа, опубликованный в первых четырех выпусках журнала «Октябрь» в 1988 году, был собран из двух сохранившихся текстов — «чистовика» и чернового варианта, каждый из которых хранился отдельно спрятанным у разных друзей в течение 27 лет³³.

В начале 1961 года Гроссман написал письмо первому секретарю ЦК КПСС и одновременно главе правительства Никите Хрущеву. Эта записка тоже была беспрецедентной по тону, в котором русский писатель обращался к русскому правителю. «Нет смысла... в нынешнем положении, — утверждал Гроссман, — в моей физической свободе, когда книга, которой я отдал свою жизнь, находится в тюрьме, ведь я ее написал, ведь я не отрекался и не отрекаюсь от нее. ...Я по-прежнему

считаю, что написал правду, что писал я ее, любя и жалея людей, веря в людей. Я прошу свободы моей книге»³⁴.

Писателя пригласили на беседу с главным идеологом Советского Союза Михаилом Суловым, который подтвердил приговор редакционной коллегии журнала «Знамя». (Некоторые утверждают, что именно Сулов приговорил «Жизнь и судьбу» к 250 годам без права публикации.) После разговора с Суловым обращаться с апелляциями было некуда.

Гроссман так и не отказался от своих убеждений. Он умер от рака легких в нищете и забвении три года спустя. В последующие двадцать лет не разрешалось переиздавать ни одной из его книг или рассказов, и имя его было запрещено упоминать в печати.

В 1988 году ведущий советский литературный критик Владимир Лакшин сравнил чтение «Жизни и судьбы» с чувствами, которые испытываешь, когда стоишь в плотной толпе внутри огромного просторного храма, от стен и свода которого отражаются эхом сотни разговоров. (Примерно через двадцать лет после этого Стивен Гринблатт из Гарвардского университета назовет эту книгу «могучим наследником “Войны и мира” двадцатого века»³⁵.) И все же, хотя он и был сознательно выдержан в духе Толстого по замыслу, у романа Гроссмана была и другая модель для подражания — Чехов. В страстном, не скрывающем чувства монологе, который произносит один из его героев, Гроссман превозносит Чехова как первого демократа среди русских писателей с его огромной массой образов и вниманием к каждому из них. Для Чехова они были уникальными людьми, все они прежде всего люди и только потом «архиереи, русские, лавочники, татары, рабочие». Чехов был «знаменосец... истинной, русской демократии, русского человеческого достоинства, русской свободы»³⁶.

Для Гроссмана свобода была не столько суммой правовых норм, сколько «внутренней независимостью, свободой духа». Сохранение этой свободы, этого достоинства было самым важным, основополагающим условием подлинно человеческого существования, и не было никакой доктрины или обще-

ственного стремления, ради которого можно было бы пожертвовать этой свободой и этим достоинством³⁷.

«Я увидел непоколебимую силу идеи общественного добра, рожденной в моей стране, — писал Гроссман в «Жизни и судьбе» в одной из многочисленных прямых авторских вставок, написанных в стиле «Войны и мира». — Я увидел эту силу в период всеобщей коллективизации, я увидел ее [во время Большой чистки] в 1937 году. Я увидел, как во имя идеала, столь же прекрасного и человеческого, как идеал христианства, уничтожались люди. Я увидел деревни, умирающие голодной смертью, я увидел крестьянских детей, умирающих в сибирском снегу, я видел эшелоны, везущие в Сибирь сотни и тысячи мужчин и женщин из Москвы, Ленинграда, из всех городов России, объявленных врагами великой и светлой идеи общественного добра. Эта идея была прекрасна и велика, и она беспощадно убила одних, исковеркала жизнь другим, она отрывала жен от мужей, детей от отцов»³⁸.

Именно в этом пожертвовании личной свободой во имя государственной идеологии Гроссман разглядел главную параллель между сталинским Советским Союзом и гитлеровской Германией, аналогию, которая даже в разгар хрущевской оттепели была «запредельной», «смертельно опасной» и одной из самых пугающих для редакторов журнала «Знамя» среди многочисленных еретических мыслей в этом романе³⁹.

«Это сегодня мы все храбрые, — говорил Анатолий Ананьев, редактор журнала «Октябрь» (и председатель комиссии по литературному наследию В.С. Гроссмана), выступая на читательской конференции несколько месяцев спустя после того, как он опубликовал «Жизнь и судьбу». — Но кто еще осмелился бы сравнивать два режима, сталинский и гитлеровский, три десятилетия назад; сравнивать их по параметрам, которые столь очевидны для нас сегодня? Сталинизм уничтожил самое важное в человеке — его достоинство».

Еще один участник той же конференции был потрясен развенчанием «идеологических стереотипов» в книге: «Как нам представляли [Великую Отечественную] войну раньше [до

Гроссмана]? Вот мы, а вот фашисты. Вот свет, а вот тьма; здесь — правда, а здесь — ложь, здесь — добро, здесь — зло. Гроссман первым изменил пропорции; рассмотрел эти две системы не просто в их противопоставлении, а в их зловещей исторической схожести. Потому что в том, что касается человека, режим, который представлял Гитлер, и тот, который насаждался Сталиным, пересекались в унижении человека, его свободы, его воли, его достоинства, его выбора»⁴⁰.

Завоевать и отстоять право людей «быть разными, особыми, по-своему, по-отдельному чувствовать, думать, жить на свете» было для Гроссмана определяющей целью «человеческих объединений». Иногда, пишет он в «Жизни и судьбе», рождается «...могучий предрассудок, что в таком объединении во имя расы, Бога, партии, государства — смысл жизни, а не средство» [укрепления человеческого сообщества]. «Нет, нет, нет! В человеке, в его скромной особенности, в его праве на эту особенность — единственный, истинный и вечный смысл борьбы за жизнь»⁴¹.

Это право было дано свободой. «Но неужели вы не осознали, что человек не может жить без демократии и свободы?» — увещевает (тщетно) эмигрант-меньшевик Чернецов старого большевика Мостовского, бывшего комиссара дивизии, а ныне сокамерника в немецком лагере для военнопленных. «Мне представляется, жизнь можно определить как свободу, — утверждает другой персонаж. — Основной принцип жизни — свобода. Вот тут и пролегла граница — свобода и рабство, неживая материя и жизнь. ...Вся эволюция живого мира есть движение от меньшей степени свободы к высшей»⁴². Человек умирает, говорится в одном из авторских отступлений Гроссмана, и переходит из мира свободы в царство рабства.

Поскольку свобода — это жизнь, как считал Гроссман, тоталитарная несвобода была обречена, несмотря на череду сокрушительных, ужасающих побед, одержанных рабством и тиранией в двадцатом веке. «Природное стремление человека к свободе неистребимо, — писал Гроссман. — Его можно

подавить, но нельзя уничтожить». «Сверхнасилие тоталитарного государства», продолжал он, может вытеснить свободу, но только на время, ибо «человек добровольно не откажется от свободы». В этом выводе свет нашего времени, свет будущего»⁴³. Как бы ни были огромны небоскребы и могучи пушки «несвободы», рассуждает герой слегка беллетризованного рассуждения Гроссмана о сталинизме «Все течет», «как ни была бы безгранична власть государства и могучи империи, все это лишь... туман, который исчезнет. Остается, развивается и живет лишь истинная сила — она в одном, в свободе. Жить — значит быть человеком свободным»⁴⁴.

В середине своей блестящей научной карьеры главный герой «Жизни и судьбы» Гроссмана, физик-ядерщик Виктор Штрум, обвиняется в том, что защищает «буржуазную» физику Эйнштейна от нарождающейся «национальной» советской науки. Хотя его неоднократно предупреждали, что если он быстро и публично не откажется от своих убеждений, это будет «равносильно самоубийству», он отказывается прийти на собрание в своем институте, где его должны были осудить, а затем, как предполагалось, он должен был признаться в своих «отклонениях» и попросить прощения⁴⁵.

Его телефон молчит, коллеги и друзья переходят на другую сторону улицы, чтобы не здороваться с ним, или с его женой, или с их дочерью-подростком, Штрум ожидает «пресловутого стука в дверь», возвещающего об аресте, или как минимум приказа освободить жилплощадь и сдать продовольственную карточку в голодающей Москве 1943 года. И все же посреди всего этого Штрума вдруг переполняет неизвестный доселе трепет — свобода противостоять, настаивать на своем! «Ужас», который пронизывает жизнь советского гражданина, сознающего свое «жалкое бессилие» перед безграничной и «смертельной» властью государства и его «всеуничтожающим гневом», похоже, исчез. В этом внезапном, пьянящем освобождении Штрум уже не боится сказать, что думает. Он перестает шептать и громко разговаривает со своей женой и дочерью о «невыносимой» лживости газет и об оскорбительности того,

что «не шибко грамотный начальник с партийным билетом» руководит наукой или культурой.

Через несколько дней раздается телефонный звонок. На другом конце провода — Сталин. Вдруг заинтересовавшись делением ядер атомов, вождь горячо поддерживает работу Штрума в области ядерной теории. После двухминутного разговора опальный физик оказывается на самой вершине научного сообщества. Ему возвращают лабораторию, любая его заявка на оборудование или людей мгновенно удовлетворяется. Каждое утро его возит в институт персональный автомобиль.

И все же после нескольких недель триумфа Штрум начинает ощущать пустоту. Еще более странно то, что он испытывает ностальгию по той легкости, которая была в нем, когда телефон молчал, а коллеги и знакомые притворялись, что не замечают его. Те дни, когда голова «была занята мыслями о жизни, правде, о свободе, о Боге...», кажутся теперь такими счастливыми. «Пронзительно ясное» ощущение потери охватывает Штрума — потери чего-то «странно милого, трогательного, хорошего», печаль о «чем-то дорогом сокровенном», что ушло навсегда⁴⁶.

Как-то бессонной ночью Штруму приходит в голову, что он наткнулся на источник растущего отчаяния: он променял свою внутреннюю свободу на место на «ковре-самолете» государства, который поднимал его все выше и выше и уносил от себя самого. Он был настолько свободнее и сильнее, брошенный всеми, прислушиваясь к шагам на лестнице. У него больше нет — и ему надо вновь ее обрести! — способности жить тем, что он проповедует, когда одинокий и напуганный, но исполненный решимости не отступать, советовал сестре своей жены продолжать искать своего только что арестованного бывшего мужа и постараться помочь ему: «Женя, милая, вы поступили по совести. Поверьте, это лучшее, что дано человеку. ... Главная беда наша — мы живем не по совести. Мы говорим не то, что думаем. Чувствуем одно, а делаем другое. [Социализм]... не только в тяжелой промышленности. Он прежде

всего в праве на совесть. Лишать человека права на совесть — это ужасно. И если человек находит в себе силу поступить по совести, он чувствует такой прилив счастья»⁴⁷.

Посвященные Штруму страницы в «Жизни и судьбе» заканчиваются тем, что герой клянется быть верным памяти своей матери, убитой фашистами в украинском городке, как и мать самого Гроссмана, которая была расстреляна вместе с тысячами евреев в Бердичеве 15 сентября 1941 года*⁴⁸.

«Все ничтожно по сравнению с правдой, чистотой маленького человека — и царство, раскинувшееся от Тихого океана до Черного моря, и наука. ...Каждый день, каждый час из года в год нужно вести борьбу за свое право быть человеком, быть добрым и чистым. И в этой борьбе не должно быть ни гордости, ни тщеславия, одно лишь смирение. А если в страшное время придет безвыходный час, человек не должен бояться смерти... если хочет оставаться человеком».

* «Дорогая, — писал Гроссман, обращаясь к своей матери Екатерине Савельевне на двадцатую годовщину со дня ее убийства, — вот прошло 20 лет после твоей смерти. Я люблю тебя, я вспоминаю тебя каждый день своей жизни, и горе мое все эти 20 лет вместе со мной неотступно. ...И в моем сердце ты такая же, как была двадцать лет назад. И десять лет назад, когда я писал тебе свое первое после твоей смерти письмо, ты была такой же, как при жизни своей. ...И пока живу я — жива ты. А когда я умру, ты будешь жить в той книге, которую я посвятил тебе и судьба которой схожа с твоей судьбой» (Лазарев Л. Дух свободы / Гроссман В. «Жизнь и судьба». М.: Книжная палата, 1989. С. 661).

Глава 17

По образу человеческому

1. «Приватизация» государства и экономики

Человек для государства — или государство для человека? Вот в чем вопрос.

Симомян Р., Друженко А. Куда мы идем? // *Огонек*. 1989. № 37.

Пусть посторонятся так называемые великие прогрессивные идеи, начнем с человека.

Гроссман В. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1989.

Возможно, что вся наша революция сегодня состоит именно в этом — во внимании к личности. Повысить ценность каждого человека, его уникальность — вот, я думаю, самое важное сейчас.

Ефремов О. [народный артист СССР] // *Аргументы и факты*. 1987. 14–20 ноября.

Мы должны научиться любить и уважать не того человека, который будет, но того, который есть... Нет и не может быть альтернатив обычной человеческой нравственности, идеалам доброты, справедливости и уважения к каждой личности. Нет и не может быть никакой альтернативы правам и свободам человека.

Ципко А. Хороши ли наши принципы? // *Новый мир*. 1990. № 4.

Перестройка — естественное развитие по направлению к гуманизму и демократии. К правам каждого человека и каждого народа быть сознательными создателями своей собственной судьбы. К рациональности и ответственности, к нравственному фундаменту как основе личной и социальной жизни.

Яковлев А. Работать по совести, жить честно // *Правда*. 1989. 28 февраля.

Задача и ответственность граждан и государства состоит в том, чтобы защищать социальные, экономические и гражданские права человека.

Сахаров А. Конституция Союза Советских республик Европы и Азии. Декабрь 1989 года. Конституционные идеи Андрея Сахарова // *Октябрь*. 1990. № 5.

Как и любая современная революция, российская революция ставила своей целью восстановить и укреплять человеческое достоинство, как бы оно ни определялось лидерами обще-

ственного мнения в ту эпоху. Люди, начавшие реформы в попытке построить социализм, отличный от сталинского, «социализм с человеческим лицом», а также те, кто их поддерживал, почти с самого начала приняли решение выдвинуть человека на «первый план» своей политической, экономической и социальной повестки.

Для Михаила Горбачева «обновление» общества было неотделимо от «борьбы за достоинство человека, его возвышение, его честь». Идеалом, за достижение которого боролись реформаторы, был человек «духовно независимый» и свободный иметь собственное мнение и действовать по совести. «Если понимать социализм как проект, работа над которым продолжается, он представляет собой совокупность ориентиров, среди которых люди должны свободно выбирать свой собственный “храм”, а также пути к этому “храму”», — писали два историка в «Известиях»¹.

Свобода личности, независимость человека и право на «социальную справедливость» были провозглашены высшими ценностями социализма. Впервые за более чем семьдесят лет человек был не средством достижения целей партии, а ценностью сам по себе. Человек ставился «в самый центр государственной системы», а его ценность провозглашалась как суверенная и «неотъемлемая»².

Какие политические и экономические механизмы будут наиболее эффективными? Как надежнее защитить «суверенитет, саморазвитие и самореализацию» человека?³ Во-первых, нужен совершенно новый тип государства: государство, которое не боится своих граждан, а основывается в своих решениях на их свободной воле и для которого свобода и политическое самоопределение людей есть необходимое условие. «Нельзя установить социализм принудительно, — пишет автор одного из сборников 1990-х годов. — Свободное и справедливое общество не может быть построено рабами, как не может гуманизм утверждаться огнем и мечом. Великие цели могут быть достигнуты только свободными людьми»⁴.

Политическая и, что даже более важно, нравственная независимость каждого человека неизбежно требует того, что Александр Яковлев назвал «саморегулирующимся обществом»⁵, и государство, созданное таким обществом, и каждый его гражданин ответственны друг перед другом в равной степени. Интересы государства более не могут стоять выше интересов его граждан.

Вскоре, однако, даже такое существенное перераспределение полномочий между некогда всемогущим государством и обществом, в котором ранее безоговорочно доминировало государство, перестало рассматриваться как само собой разумеющееся и подлежало пересмотру. Личные интересы должны иметь приоритет над государственными. В январе 1990 года один из главных принципов предвыборной платформы избирательного блока «Демократическая Россия» гласил: «Государство для людей, а не люди для государства!»⁶

Общество не должно стоять на одной ступени с государством, а находиться высоко «над ним» и «контролировать» его. Прежнее политическое устройство было объявлено опасным и абсурдным, подобно гостинице, где сотрудники распоряжались своими постояльцами⁷.

Советскую пирамиду власти следовало перевернуть, дабы некогда покоренные возвысились над властной верхушкой. В стране, где так популярны шахматы, конечную цель можно описать метафорой «рокировка»: от исполнительной власти, контролирующей общество, — к обществу, подчинившему себе исполнительную власть⁸. Процесс принятия решений должен осуществляться не «сверху вниз» а «снизу вверх», пишет в «Комсомольскую правду» в 1989 году читатель из Пскова.

Некогда всемогущее, всеведущее и непостижимое государство следовало подвергнуть демифологизации и десакрализации. Именно народ должен быть «субъектом» национальной экономики, распорядителем национальных богатств, а государство лишь служащим при нем. Подобно тому как материальные блага не являются предметом вечной признательно-

сти народа государству, права и свободы также не жалуются людям по милости исполнительной власти⁹.

Государство могло бы добиться многого, но — и это сейчас рассматривается как горький, но неоспоримый урок XX века — было «крайне опасно» позволить государству сосредоточить в своих руках всю власть и всю собственность. Во-первых, полагают радикальные авторы, раз государство оказалось не в состоянии управлять всей совокупностью экономической, культурной и духовной сферы, то это доказывает абсолютную незаменимость гражданского общества. Второе и наиболее важное: прежний режим и его способ управления привели к «полной зависимости» отдельной личности от государства¹⁰. Поэтому обществу надлежит создать государство и «нанять для работы» аппарат управления. «Наемные слуги народа» не должны иметь материальных привилегий и, что более важно, «психологического превосходства» и юридического иммунитета.

Для устойчивости новому, «приватизированному» общественному строю требуется новая «психология гражданства». Во-первых, необходимо было отойти от понятия «бесконфликтное общество». Общество, в котором отсутствуют конфликты интересов и политическое многообразие и которое находится под всевидящим оком безгранично справедливого государства, — миф. Попытки создать такой «рай на земле» неизбежно заканчивались «государством-тюрьмой», большим концентрационным лагерем¹¹. Как конкуренция производителей выступает двигателем развития экономики, так и конкуренция за власть — движущая сила политического развития и гарантия от застоя. Роль государства — анализировать конкурирующие интересы и обеспечивать компромисс между ними¹². Это новое «справедливое государство» не будет «тащить» общество к «единой цели», но будет блюсти — «зорко и упорно» — равенство каждого перед законом, равенство прав и возможностей¹³.

Чтобы научиться жить без «поводка» государства — стража, надзирателя и тюремщика в одном лице — требуется прак-

тически забытое и атрофировавшееся моральное качество — личная ответственность. «Перестройка порождает новый вид социальных отношений, в которых вместо заботы вождей о благополучии бесконечно покорного народа каждый настоящему становится хозяином собственной судьбы, — написал в августе 1989 года философ Леонид Гольдин. — Это означает личную ответственность за свою судьбу вместо всеобщего равенства в бедности и несправии, перестройка дала каждому шанс на перемены»¹⁴.

В свою очередь, личная ответственность предполагала личный выбор, прежде всего нравственный. Вступление в «мир демократии, прав и свобод личности» означало конец единой и всеобщей идеологии¹⁵. Мораль надлежало «денационализировать»: «нравственные нормы и правила» должны были стать личными. Государство более не устанавливает взгляды и убеждения для всех и каждого, даже если их разделяет большинство. Одной из главных задач власти в новых условиях становится недопущение посягательств на свободу мысли и совести¹⁶.

Всеобщие («общечеловеческие») ценности надо было возродить и следовать им. «Конечно, государственная политика меняется, — пишет читатель «Комсомольской правды» из Воронежа, — но есть непреходящие качества, отделенные от государственных функций: сострадательность, терпимость, честность. Они должны служить внутренними ориентирами в жизни. Как невозможно возродить экономику без денег как меры стоимости товаров и услуг, так и «нравственную сферу» можно возродить, лишь вернувшись к ее «конвертируемой валюте» — чести и достоинству. То, что недавно считалось «буржуазными ценностями», — «продукт всей истории человечества» и «венец цивилизации»¹⁷.

По мнению Александра Яковлева, только концепция «нравственной демократии» соответствовала формирующемуся образу нового российского государства¹⁸. «Соединение политики и нравственности было главным требованием перестройки», — соглашается писатель Алесь Адамович¹⁹.

В такой «нравственной демократии» люди способны защищать как собственные права, так и помогать в защите прав своим согражданам. Контроль за деятельностью государства в области прав человека перестает быть «диссидентским» делом немногочисленных одиночек, движимых героизмом и самопожертвованием. Каждый может и должен участвовать в защите прав личности. Каждый должен иметь «возможность возразить». Без этой открытости, как сказал известный публицист Юрий Буртин, «мы не можем жить»²⁰.

Не мы ли подписывали в 1975 году Хельсинкские соглашения, включавшие обязательства в сфере прав и свобод человека? — вопрошает профессор юриспруденции. — И не мы ли подтверждали эти обязательства на последующей Венской встрече по безопасности и сотрудничеству в Европе в январе 1989-го? Коли так, мы обязаны неукоснительно соблюдать наши обязательства и не уклоняться от них, прикрываясь фиговым листком «национального суверенитета», как это десятилетиями делал Советский Союз. «Нравственное достоинство» страны есть нечто большее, чем ее “суверенитет»²¹.

Глава советской делегации на встрече в Вене согласился с тем, что защита прав человека — не монополия или привилегия избранных народов, а обычная повседневная работа. «Разве это Западу нужно, чтобы советские граждане получили доступ ко всему комплексу свобод, традиционно называемых правами человека? — ставит вопрос министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе в интервью газете «Аргументы и факты» в мае 1989 года. — Это нужно вам, мне, нашим детям, будущему социализму. Без развитых и гарантированных прав человека нет и не может быть никакой демократии, никакого правового государства»²².

Новое государство также рассматривалось с позиций моральных приоритетов. Цели — не важно, насколько возвышенные, — более не могли служить оправданием применения любых средств. Сильному государству не нужна «масштабная репрессивная система», порядок обеспечивается без массово-

го насилия и принуждения. Такое государство не опасается своего народа²³.

Помимо разработки новой концепции государства, «помещение человека в центр системы» потребовало переосмысления экономической модели страны. Первым пересмотру подвергся главный критерий эффективности: национальное благосостояние более не измерялось количественными показателями отраслей промышленности (легкой или тяжелой), тоннами производства чугуна, удобрений, километров ткани и миллионов киловатт электроэнергии. Главной целью национальной экономики стало повышение благосостояния населения. «Сильное и богатое государство и сильный и богатый народ — не одно и то же, — писал редактор «Литературной газеты» Федор Бурлацкий. — Государство может быть богатым, а люди при этом обречены на пустые полки магазинов, дефицит жилья и мизерные пенсии в тридцать рублей в месяц! Как свобода всей страны основана на свободе каждого индивида, так и благополучие страны основывается на благополучии каждой отдельной семьи. Страна, в которой 40 миллионов человек живут за чертой бедности, не может более считаться передовой и процветающей»²⁴.

Не являясь более всего лишь «производителем» или «ресурсом», человек должен был стать высшей целью экономического производства, солнцем, вокруг которого вращается вся экономика²⁵. Бастующие шахтеры Кузбасса в ноябре 1989 года требовали, чтобы национальным приоритетом стало «максимальное удовлетворение материальных и духовных потребностей населения». По их мнению, экономические достижения вместо общего показателя ВВП (валовой внутренний продукт) должны измеряться «физическим и нравственным здоровьем людей, их досугом и духовным развитием». Достижение в ближайшие 20–30 лет «мирового уровня» благосостояния: собственный дом или квартира, автомобиль, бытовая техника, «свободно выбранная» работа и «доступ к образованию, здравоохранению и культуре» — вот чем должен определяться экономический успех²⁶.

Общество будет задавать направление развития экономики, потому что товары и услуги будут стоить не столько, сколько им прикажут стоить чиновники, а сколько потребитель будет готов заплатить за них. Предоставляя людям выбор, рынок наделяет их «властью потребителя», правом решать, как развивается экономика, каким предприятиям суждено процветать, а какие признаны потребителем ненужными и должны закрыться²⁷.

Чтобы это произошло, необходимо «деидеологизировать» экономику. Каждый вид собственности и каждый род экономической деятельности приемлем настолько, насколько он способен «накормить страну», «одеть и обуть человека». Экономика должна перестать быть политической и становиться эффективной.

В современном мире, кажется, наметилось согласие по поводу того, что экономика не может существовать без «фактора свободы»^{*28}. Для Бурлацкого восемнадцать лет правления Брежнева (прозванные застойными) были полезны как минимум в качестве неопровержимого доказательства того, что социализм в том виде, в котором он сформировался в Советском Союзе, является экономическим «тупиком». Напротив, ключевыми условиями «современной технической революции» были «свободный труд, личная инициатива и личная заинтересованность, конкуренция»²⁹. После 70 лет отрицания следовало возродить понятия «частная собственность» и «рынок» как средства обеспечения этих условий.

Это означало отказ от монополии государства в экономике. Быть может, однажды «отважный человек», как пишет

* «Нам нужно вернуться к свободе», — эту цитату из написанного в 1921 году письма известного русского писателя Владимира Короленко Максиму Горькому привела экономист, придерживающаяся либеральных идей. «Многое уже было разграблено, однако если и есть что-то, что может вернуть нам наше былое благосостояние, — это только наша свобода. Во-первых, свобода торговли. Потом — свобода прессы и выражения ... Мы должны объединиться и совместными усилиями найти путь из тупика, в который мы забрели» (Карягина Т. Я и мы // *Литературная газета*. 1989. 24 мая. С. 12).

Василий Селюнин, скажет перед камерой центрального телевидения нечто вроде: «Братья и сестры, друзья!* Государство неспособно накормить и одеть вас. Но, по правде говоря, это на самом деле не его работа. Государство может обещать вам: оно не будет вмешиваться в вашу работу, защитит крестьянина от агрессивного соседа, предпринимателя от бандита, избавит рабочего завода от своих «планов» и «ценных указаний» сверху»³⁰.

Частная собственность есть в большей степени политический инструмент, таран для разрушения экономической основы тоталитаризма и создания «материальной базы» демократии. Конец государственной монополии в экономике, под которым понималось возвращение государственной собственности народу, рассматривался как отмена современного крепостного права³¹. В 1990 году в своем эссе «Как нам обустроить Россию?» Александр Солженицын настаивал на том, что правовое государство невозможно без «независимого гражданина», а «независимого гражданина не может быть без частной собственности»³².

Экономическая независимость населения должна была стать фундаментом демократии. Демократизация может вернуться при любой комбинации видов собственности: частной, кооперативной, акционерной, но только не при безраздельном контроле государства над экономикой³³. «Частная собственность — основание, без которого не может быть сформирована свободная личность. Эта собственность — основа независимости человека и его защита», — пишет в ноябре 1990 года в «Комсомольскую правду» учитель из Волгоградской области.

По мнению авторов так и не реализованной программы экономической реформы (сентябрь 1990 года), «экономическое самоопределение» и свобода экономического выбора

* Большинство россиян старше 50 лет могли узнать в этой речи начало обращения Сталина к гражданам по радио 3 июля 1941 года после вторжения в СССР нацистской Германии.

обеспечивают личную свободу и ответственность, которые формируют гражданское самосознание и соответственно политическую стабильность. Вместе с политическими правами и свободами «экономическая независимость» способна наделить людей качествами индивидуумов — думающих, активных, ответственных³⁴. Свой манифест они озаглавили «Человек. Свобода. Рынок».

Поскольку от этого «свободно-предпринимательского» труда ожидали «экономических чудес»*, он мог породить и множество институтов свободного общества³⁵. «Мы хотим представить рыночную экономику как предпосылку рождения либеральной демократии», — сказал 89-летнему Карлу Попперу публицист Андраник Мигранян, беседуя с этим известным адвокатом либерализма в 1990 году в Бристоле по вопросу установления и развития «открытого общества» в СССР³⁶. Известный деятель демократической оппозиции и председатель Ленинградского городского совета депутатов Анатолий Собчак также верил, что силы демократии не позволят вернуться в прошлое лишь в том случае, если страна «преодолеет сопротивление системы» и успешно «прорвется к рынку»³⁷.

В этом смысле, но в еще большей степени денационализация земли была не просто экономической необходимостью**. Как написала в один популярный журнал группа колхозников, если бы землю вернули крестьянам, чтобы те ею владели и обрабатывали, то они «завалили бы страну едой». Тем не менее принятие закона, разрешающего семейные фермы с частной собственностью на землю и орудия труда, было не

* Государство может стать богатым лишь одним путем — через обогащение своих граждан. Таким образом, у государства нет иного выбора, кроме как «развязать людям руки» (Вишневецкий Б. Война богатеющим? // Комсомольская правда. 1989. 29 июля).

** «Я убежден, что мы не преодолеем постоянный кризис сельского хозяйства, пока не возродим систему собственности на землю и не вернем ее крестьянам», — писал ведущий советский эксперт по сельскому хозяйству и член Академии сельского хозяйства Владимир Тихонов (Владеть землей // *Московские новости*. 1989. 25 июня).

более чем вопросом тактики. Главной была стратегическая задача «самообновления государства», ведущего к возрождению человеческого достоинства подобно отмене крепостного права Александром II в 1861 году³⁸.

Особую нравственную роль приватизации земли усиливала надежда на ее способность компенсировать глубокую «моральную травму», нанесенную коллективизацией, оставившей после себя безразличие, апатию, недоверие, повальный алкоголизм и практически всеобщую лень*. Нравственному возрождению села также помогла бы посмертная реабилитация раскулаченных семей по всей России, где еще можно получить доступ к проскрипционным спискам коллективизации³⁹.

«Какой чудесной жизнью мы зажили бы, если бы только получили свободу», — считает сельская семья из Крыма. «Быть хозяином на своей земле — надежда всей моей жизни, — пишет читатель из Красноярского края. — Если бы человек чувствовал себя хозяином своей земли, он был бы духовно богаче и было бы меньше алкоголизма безо всяких антиалкогольных кампаний правительства»⁴⁰. «Это неправда, что у нас нет настоящих крестьян, готовых стать хозяевами на своей земле, — пишет колхозник из Алтайского края. — Они существуют, однако у них нет ни земли, ни свободы... но я пишу это не для себя. Я уже завершил труд всей моей жизни, да и болезнь берет свое. Я пишу для своих детей. Из трех поколений крестьян — моего деда, моего отца и моего — просто вынули жизнь. Будут ли мои дети и внуки обречены стать чьими-то подопытными кроликами? Вот что не дает мне спать по ночам. И вот почему я пишу эти строки».

* «Съездите в колхоз «Заветы Ленина» в Нижнедевитском районе Воронежской области, одной из самых плодородных, лучших черноземных областей, — написал один из читателей популярного журнала. — Вымирающая деревня, миллионы рублей убытков, непроходимая грязь... пьянство, нет молодежи». Единственный выход, продолжил развивать свою мысль автор, вернуть всю землю тем, кто на ней работает, «хотя с каждым днем все меньше и меньше тех, кто может на ней работать» (Новичихин В. Письмо редактору. Народная публицистика // *Октябрь*. 1989. № 8. С. 183).

После того как все согласились с необходимостью трансформировать «тоталитарный режим в гражданское общество» и подданных — в граждан, создание материальных и правовых условий для реализации политических и экономических свобод стало главным пунктом повести дня. Освобождение общества от огромной советской государственной машины («государства-комбината») было объявлено важнейшим политическим вопросом. Новое политическое устройство должно было заставить государство покинуть командные высоты, которые оно заняло и удерживало семьдесят лет. Государству следует ограничить себя⁴¹ и делегировать управление гражданскому обществу, его институтам и политическим представителям.

Сначала следует ликвидировать то, что Борис Ельцин, лидер Межрегиональной депутатской группы, радикального крыла Верховного Совета СССР, назвал «командно-бюрократическим аппаратом тоталитарного режима, основанного на лжи, лицемерии и недоверии»⁴². Одна из статей проекта конституции Андрея Сахарова запрещала работу каких-либо спецслужб внутри страны. Бывший руководитель контрразведки КГБ потребовал немедленного 50-процентного сокращения штатов разведслужб и запрета на использование платных осведомителей, контроль переписки, телефонную прослушку, распространение дезинформации внутри страны и за ее пределами. В ходе транслируемого на всю страну заседания вновь избранного Съезда народных депутатов СССР в июне 1989 года Юрий Власов, в прошлом штангист и чемпион мира, начал первую в советской истории атаку на спецслужбы. Власов заявил, что КГБ это не «организация», а настоящая подпольная империя, контроль которой всего общества в целом и каждого гражданина в частности является «всеохватывающим»*. Существовая вне рамок общественного контроля и даже не ставя общество в известность, КГБ в конце концов должен ответить за все допущенные им нарушения законов. «Пришло время, — подытожил Власов, — изгнать КГБ из его логова: слишком незабываема кровавая история этого здания.

Именно отсюда десятилетиями исходили приказы травить и истреблять миллионы людей. Горе, муки и страдания — вот что посеяла в родную землю эта контора. Именно в его недрах страдали люди — как правило, лучшие люди, гордость и цвет советского народа. Этому зданию — такому необъяснимо огромному, словно в доказательство того, кому принадлежит реальная власть в стране, не место в центре Москвы»⁴³.

Внутренний паспорт и разрешение на проживание («прописка») — не что иное, как средство «сверхконтроля» государства, инструменты постоянного психологического давления и «государственного шантажа». Вместо того чтобы принадлежать каждому в стране по праву рождения, гражданство дается и отнимается государственной бюрократией⁴⁴. Один известный правовед возмущается, что без паспорта «мы не можем быть ни покупателем в магазине, ни постояльцем в гостинице, ни пациентом в больнице — никем не можем быть». И почему это, вопрошает он, в родной стране, чтобы жить там, где ты хочешь, нужно спрашивать разрешение у полиции?⁴⁵ «Необходимо упразднить все ограничения на передвижение граждан Союза по стране», — читаем мы в резолюции, принятой клубом «Демократическая перестройка» 5 июня 1988 года в Москве⁴⁶.

Будучи до сих пор лишь «позорным прикрытием тирании», правовая система должна подвергнуться реформированию, дабы регулировать отношения между государством, обществом и индивидом в духе равенства и закона. Между человеком и государством должны встать законы, защищающие индивида от государства, а не наоборот. Для этого законы должны защищать граждан от произвола местных властей и милиции, отстаивать неотчуждаемые права людей, гарантируя, таким образом, их личное достоинство⁴⁷.

* Обнародованный годом спустя законопроект о КГБ подвергся критике за то, что в нем спецслужбы и контрразведка считались субъектами, хотя граждане оставались «объектами» права, будучи наделены лишь обязанностями, но не правами (Ларин А. «Безопасность» от госбезопасности // *Московские новости*. 1990. 9 сентября. С. 6).

Способность оспаривать в суде общей юрисдикции любые «действия государства» должна была стать главным рычагом общественного контроля над государством. Только полностью независимый суд, способный противостоять «любым приказам и требованиям власти»⁴⁸, мог соответствовать такой чрезвычайно важной миссии. Призывы обеспечить «реальную независимость судей на всех уровнях» были слышны уже летом 1988 года. Полтора года спустя среди первых нормативно-правовых актов, принятых Верховным Советом СССР, избранным Первым съездом народных депутатов, был пакет законов, описывавших процедуры оспаривания действий государственных органов власти и отдельных должностных лиц в суде, а также меры наказания за неуважение к суду⁴⁹.

В законодательстве была четко сформулирована статья о презумпции невиновности. В имперской России количество вынесенных оправдательных вердиктов составляло 40%, в Советском Союзе — едва ли 10%⁵⁰. Ученые-юристы отстаивали «максимальное расширение» права обвиняемого на законное представительство и восстановление еще одной традиции, существовавшей до 1917 года, — суда присяжных по уголовным делам, который наиболее полно содействует автономизации правовой системы государства⁵¹.

Как и неограниченная власть государства над судом, препятственный контроль государства над средствами массовой информации, в первую очередь прессой, должен был уйти в прошлое. Существование «рынка идей» было так же важно для духовной автономии, достоинства и самоуправления, как и существование рынка товаров и услуг⁵². Контролю государства за информацией и мышлением, а также цензуре и прямому запрету тем и авторов не должно быть места в цивилизованном обществе. Единственным контраргументом книги может стать другая книга.

Свобода информации считалась чрезвычайно важной — ключевой сферой ответственности государства перед обществом, без которой людьми снова можно было бы легко манипулировать, а лидеры вышли бы из-под контроля общества⁵³.

Защищенной только благими намерениями, торжественными заявлениями лидеров демократических сил и резолюциями съездов, гласности не хватало устойчивости. Ее должна была сменить свобода слова, основанная на законе, который навсегда «парализовал бы привычный инстинкт запрещать», глубоко укорененный в государственных должностных лицах, от верхних до нижних уровней. Пресса должна была превратиться из инструмента власти в независимого эксперта без каких-либо обязательств перед какой-либо властью⁵⁴.

Что важнее всего, политика должна была перестать быть монополией государства. Уже к июню 1988 года читатели «Комсомольской правды» настаивали на праве людей примкнуть к любой политической или гражданской организации, если ее цели не противоречили конституции. Полтора года спустя публицист Василий Селюнин утверждал, что граждане с одинаковыми взглядами должны иметь возможность объединяться в партию или движение, «не спрашивая ни у кого разрешения»⁵⁵.

Не должно быть препятствий к самоорганизации этого нового гражданского общества. Его развивающиеся институты должны быть полностью автономны: «ограниченный плюрализм больше не пройдет». К январю 1990 года избирательная платформа одного из первых избирательных блоков, «Демократическая Россия», призывала к безусловному праву граждан Российской Советской Федеративной Социалистической Республики на «образование партий, организаций и союзов»⁵⁶.

Политическую власть следовало разделить на три независимые ветви: исполнительную, законодательную и судебную. Присоединившись к хору публицистов и законодателей, шахтеры Кузбасса требовали прямых выборов на альтернативной основе глав исполнительной власти — от мэра до глав республик — путем тайного голосования⁵⁷. Чтобы сместить текущий «командно-административный» политический режим, написала «Московским новостям» в январе 1989 года медсестра из Москвы, вся власть должна быть передана депутатам, выби-

раемым на основе свободной конкуренции. К тому моменту, когда в марте 1990 года Михаил Горбачев был выбран президентом СССР на Съезде народных депутатов, 84% опрошенных независимой компанией по изучению общественного мнения «Мнение» думали, что его должен был бы выбирать непосредственно народ, а не две, или около того, тысячи депутатов⁵⁸.

На пути этих планов стоял краеугольный камень Советского государства — Коммунистическая партия с ее безусловным доминированием и «руководящей и направляющей» функцией, закрепленной в статье 6 Конституции. Причина всех наших бед была все та же: однопартийная система, сказал работникам службы изучения общественного мнения в начале 1989 года один пенсионер и ветеран войны из Калининской области⁵⁹. В российской истории было много бед, сказал в интервью год спустя Борис Ельцин, но главной была монополия партии на власть. Радикальные публицисты и политологи были убеждены: однопартийный режим был «источником» авторитарности: он неизбежно воспроизводил пирамиду, на вершине которой находился «лидер или фюрер»⁶⁰. Без многопартийной системы создать правовое государство было невозможно.

Обсуждение отмены статьи 6 было впервые публично инициировано Андреем Сахаровым, сделавшим ее главным тезисом своего «Декрета о власти» — по сути, наброска новой конституции, кратко изложенного им в последний день работы Первого съезда народных депутатов, 9 июня 1989 года⁶¹. Через три месяца Союз рабочих Кузбасса принял резолюцию, призывая Второй съезд народных депутатов «исключить» статью 6 из конституции. «Аннулирование» этой статьи было третьим в списке требований, отосланных бастующими шахтерами угольного бассейна в Воркуте Верховному Совету СССР 1 ноября 1989 года. Конфедерация труда, еще один независимый союз в Кузбассе, объявил «ликвидацию диктата КПСС и ее аппарата» самой важной задачей рабочего движения и «всех рабочих». Далее Конфедерация подтверждает свою солидарность с теми, кто призывал к введению многопартийной систе-

мы. Критичной для создания такой системы была «деполитизация», то есть выведение из-под контроля партии ключевых инструментов партийной диктатуры: милиции, КГБ, вооруженных сил, судов и прокуратуры⁶².

За несколько недель до Второго съезда народных депутатов, прошедшего в декабре 1989 года, Сахаров и пятеро других лидеров Межрегиональной депутатской группы призвали к двухчасовой всеобщей забастовке в поддержку отмены статьи 6, создания частных предприятий и ослабления государственного планирования экономики. Число депутатов, поддерживающих эту программу, с лета предыдущего года выросло в геометрической прогрессии: 12 декабря 839 из них, или одна треть участников съезда, проголосовали за предложения Сахарова.

Сахаров почти полностью посвятил последние пять дней своей жизни — с 10 декабря до вечера 14 декабря — разговорам и переписке в поддержку забастовки. За пять часов до смерти он сказал на собрании Межрегиональной группы: «Я хочу дать формулу оппозиции. Что такое оппозиция? Мы не можем принимать на себя всю ответственность за то, что делает сейчас руководство. Оно ведет страну к катастрофе, затягивая процесс перестройки на много лет... разочарование в стране уже нарастает. И это разочарование делает невозможным эволюционный путь развития в нашей стране. Единственный путь, единственная возможность эволюционного пути — это радикализация перестройки. ...Отмена статьи 6 Конституции и других статей Конституции, которые к ней примыкают... это важнейший политический акт, который именно сейчас необходим стране, а не через год... Тогда это все будет уже поздно»⁶³.

Семь недель спустя от 200 000 до 300 000 человек вышли на демонстрацию в Москве, требуя отмены статьи 6.

* По словам Елены Боннэр, жены Сахарова, Андрей Дмитриевич работал над проектом конституции вплоть до момента, когда оставался лишь час до его смерти 14 декабря 1989 года (Боннэр Е. Из воспоминаний // *Октябрь*. 1990. № 5. С. 165, 168).

К тому времени демократия была признана радикальными реформаторами наиважнейшим условием «нормализации» страны — не только политического обновления, но также и экономического возрождения. Демократия, сказал еще на Первом съезде депутат Юрий Власов, «кормит и одевает», так же как и экономика: она «продлевает жизнь» и «распутывает экономические отношения»⁶⁴. Ни у одного человека, ни у одной группы людей, ни у одной организации или партии нет права присваивать всю власть в государстве, превращая граждан в подчиненных, в «ведомых», в сообщество, которое, подобно стаду, «пасут» начальники, большие и маленькие.

Только демократия могла избавить от балласта в экономике, политике и идеологии, считал Гавриил Попов, ведущий реформатор экономики, два года спустя ставший первым избранным мэром Москвы. Даже с неизбежными трудностями и издержками, продолжает Попов, демократия обеспечит нормальное экономическое развитие⁶⁵.

Далеко не все последствия демократии представлялись одинаково благотворными. Но ее «социальная ценность» была столь огромна, что это более чем компенсировало ее недостатки⁶⁶. Это просто был самый важный инструмент прогресса: неотъемлемая часть «органического развития жизни», «неудержимый курс в мировой истории». Без него у страны «не было будущего». Противиться ему было «смертью»⁶⁷.

Глава 18

По образу человеческому

2. Империя, «гарнизонное государство», мир

Надо теперь жестко выбрать: между Империей, губящей прежде всего нас самих... и духовным и телесным спасением нашего же народа. ...Держать великую Империю — значит вымертвлять свой собственный народ. ... духовная жизнь народа важнее охвата его территории или даже хозяйственного богатства, выздоровление и благоденствие народа несравненно дороже всяких внешних престижных целей.

Солженицын А. Как нам обустроить Россию // Приложение к газете *Комсомольская правда*. 1990. 18 сент.

Что касается проблемы военно-промышленного комплекса, то тут перестройка сталкивается со старым и наболевшим вопросом, существовавшим на протяжении всей истории России: как наша страна видит себя в мире?

Сироткин В. Военно-промышленный комплекс: где выход из тупика // *Столица*. 1991. № 13.

Надо смириться, если мы не будем ни первыми, ни вторыми, ни даже третьими — не надо больше никого догонять. Надо наконец просто жить. По возможности по-человечески и уже сегодня.

Кива А. Кризис жанра // *Новый мир*. 1990. Март.

Лишь вопросом времени было столкновение попыток начать гуманизацию внутренней жизни со стеной молчания и секретности, окружавшей наиболее ценную и ревностно хранимую сферу деятельности Советского Союза: внешнюю политику и оборонный комплекс.

Переходя по уже хорошо отлаженной схеме от горькой правды о самом явлении к первостепенному вопросу о его причинах, мыслители эпохи гласности обнаружили, что неподъемное военное бремя не было «объективной необходимостью». Это была скорее плата за «тоталитаризм» вкупе с «амбициями великой державы и идеологическим мессиан-

ством»¹. Как Российская империя, провозглашенная Петром Великим в 1721 году, жила на «милитаризации и бюрократизации»², так и тоталитарный, антидемократический по сути своей сталинизм ответствен за растущее применение насилия как внутри, так и вне страны. После победы над фашистской Германией Советский Союз вернулся к «великодержавной экспансионистской», «имперской» политике, начавшейся с подписания 23 августа 1939 года пакта с Гитлером и последовавшего вторжения в Польшу. Именно «господство» СССР над Восточной Европой новые советские историки считали «главной причиной холодной войны» и «изматывающей конфронтации» с Западом³.

После смерти Сталина первая попытка десталинизации была пресечена в ходе «кровавого подавления» революции 1956 года в Венгрии, где народ восстал против тирании находившегося у власти Ракоши, навязанного стране Советским Союзом. «Доктрина Брежнева», постулатом которой было право СССР на диктат в Центрально-Восточной Европе, а также обязанность (и право) Москвы подавлять любое движение, направленное на достижение независимости в странах региона, следовала из «антидемократической системы Советского Союза, чуждой народу и совершенно ему неподконтрольной»⁴.

Именно эта внутривластная система целиком определяла внешнюю политику Советского Союза, особенно в отношении стран социалистического лагеря. Её «внутренняя логика насилия и репрессий» привела к вторжению в Чехословакию в 1968 году⁵. До этого она же послужила основанием для заключения пакта Молотова–Риббентропа, а позже — для «интернациональной помощи» Афганистану. Теперь эти события виделись как «звенья одной цепи»⁶.

Влияние «сталинизма» во внешней политике Советского Союза объясняет и возникновение «враждебных сил Запада», как их называла советская пропаганда. Неспособный выйти из этого порочного круга режим считал необходимым противостоять этим «силам», укрепляя восточноевропейский фланг

империи и защищая его, что привело к «небывалой милитаризации» советского общества⁷. В результате появилось «гарнизонное государство» — вооруженное до зубов, но все равно ненасытное в наращивании военной мощи.

Трещина в оболочке одной из последних «секретных зон», связанных с военно-промышленным комплексом (ВПК), сначала вызвала крайнее удивление, потом отчаяние, а затем и ярость.

Никогда ранее не подвергаемый в стране сомнениям официальный миф о «мирном Советском Союзе», который тратит на свои вооруженные силы всего лишь двадцать миллиардов рублей, был развеян Михаилом Горбачевым на Первом съезде народных депутатов в мае 1989 года. Было объявлено, что на оборону страны в 1988 году ушло 77 миллиардов рублей, или 9% ВВП страны, составивших 875 миллиардов рублей⁸. Менее года спустя комитет Верховного Совета СССР по науке и технологиям опроверг достоверность этой оценки. По данным комитета, затраты на оборону в том же году составили 200 миллиардов рублей, то есть 23% ВВП страны⁹. Горбачев также заговорил о более высоких оценках: 18–20% ВВП. Для сравнения: в среднем в Европе эти расходы равнялись 4%, а в США — 6%*¹⁰. По мнению советских экспертов, из более чем ста государств, о военных расходах которых существовала достоверная информация, только в пяти или шести странах Центрально-Восточной Европы процент ВВП, приходящегося на оборону, был выше, чем в Советском Союзе.

Три четверти всех средств, выделяемых на науку, расходовались на «военные исследования»¹¹. В Москве, жители которой были, несомненно, самыми образованными в СССР, треть всего объема промышленного производства приходилась на

* Через семь лет, Евгений Примаков, который был на тот момент министром иностранных дел, заявил, что 70% ВВП Советского Союза уходило на «оборонный комплекс и связанные с обороной проекты» (Евгений Примаков. Россия должна стать ключевым игроком на международной арене. Выступление на конференции Совета по внешней и оборонной политике в Москве, 14 марта 1998 г. Распространено Информационным отделом посольства Российской Федерации в Вашингтоне, округ Колумбия).

оборонные заказы; на оборонный комплекс страны работала половина всех исследовательских институтов и конструкторских бюро, а это каждый четвертый житель столицы. В таком крупном промышленном городе, как Рязань, в сфере ВПК работали, «напрямую или косвенно»¹², 72% всех промышленных предприятий.

В «столице ВПК» Ленинграде, втором по величине городе Советского Союза, три четверти всех заводов и производств были частью оборонной промышленности. Существовали десятки больших и малых «закрытых» городов, не обозначенных на картах, которые были полностью сосредоточены на работе в интересах оборонного комплекса страны. Они носили такие названия, как, например, Арзамас-16 и Челябинск-40, и, как сказал один из советских экспертов, каждый такой город был настоящим военным «архипелагом»¹³.

Обозреватель «Комсомольской правды» назвал ВПК «государством в государстве»¹⁴. Или, пожалуй, подобно Пруссии восемнадцатого века (как выразился однажды Георг Генрих фон Беренхорст, адъютант Фридриха Великого), Советский Союз конца 80-х годов XX века был не «страной, у которой есть армия, а армией, у которой есть страна». Как сказал придерживающийся либеральных взглядов российский эксперт в своем открытом письме президенту Михаилу Горбачеву, страна была «военной экономикой, вынужденной работать в мирное время»¹⁵.

Когда в начале 1989 года численность вооруженных сил страны была впервые открыто объявлена, оказалось, что Советский Союз держал под ружьем 4 258 000 человек — больше, чем Соединенные Штаты, Китай и Федеративная Республика Германия вместе взятые¹⁶. В Советском Союзе на тысячу граждан приходилось 16 солдат. Для сравнения: эта цифра равнялась 10 во Франции и США, 8 в ФРГ, 6 в Великобритании и 4 в Китае.

В СССР было в «изобилии» ракет и танков, причем последних в Советском Союзе за год производилось больше, чем во всем остальном мире. Оказалось, что у Организации

Варшавского договора почти в два раза больше танков, чем у НАТО (59 470 против 30 690), в одном СССР было почти столько бронемашин (46 900), сколько у всего западного альянса (45 000)¹⁷.

Советский Союз, пришел к заключению обозреватель «Московских новостей», вооружился так, будто собирался «драться почти со всем миром». Казалось, что война не закончилась в 1945 году, сказал академик Юрий Рыжов, председатель комитета Верховного Совета СССР по науке и технологиям, и Советский Союз продолжал «воевать на многих фронтах»¹⁸. Жизнь государства была «пронизана милитаризмом», а «ужасающая аномальность» милитаризации была бедствием, писал известный международный обозреватель Станислав Кондрашов¹⁹. «Осадно-казарменный» менталитет, как писали и другие авторы, «проникал в каждую пору» и угрожал полнотью «парализовать творческий потенциал народа»²⁰.

На военно-промышленный комплекс приходился не только самый большой, но и лучший кусок национального пирога. Лучшие ученые, инженеры и рабочие трудились на ВПК. По оценке председателя Совета министров СССР Николая Рыжкова, это была «элита, наиболее современные предприятия». На протяжении десятилетий, признали высокопоставленные чиновники, занимавшиеся оборонной промышленностью, советская экономика была поделена на две «сферы» — военную и гражданскую, и последняя получала лишь то, что оставалось после того, как все потребности первой были «удовлетворены»²¹.

«Гражданской экономике приходилось довольствоваться тем, что «оставалось от расходов на внешнюю политику и оборонный комплекс», сказал министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе в мае 1989 года²². Но сегодня, добавил он, аргумент о том, что страна «не может себе позволить» что-то из-за внешней политики или обороны, более не применим. Выяснилось, что цена всеобъемлющей милитаризации оказалась неподъемной. «Мы задыхаемся под гнетом военных расходов», — писал экономист Николай Шмелев²³.

Когда было признано, что вся экономика страны является «материальной базой милитаризации» наряду с другими устоявшимися порядками, такое положение перестало восприниматься как служащее «интересам народа». Удовлетворение этих «интересов» считалось недостижимым без сокращения дефицита бюджета до 12% от ВВП, что, в свою очередь, было «невозможно» без «радикального снижения» оборонных расходов²⁴.

«Мне недоступны детали [расходов на оборону], — говорил известный писатель Даниил Гранин в августе 1988 года, — так как у нас, граждан, нет возможности узнать, как тратятся наши деньги на оборону, космос и некоторые другие цели. Но я знаю о четырех наиболее острых проблемах: продовольствие, жилье, здравоохранение, и экология. Необходимо экономить на всем остальном, если мы хотим их решить»²⁵. Когда четыре месяца спустя советское правительство объявило об одностороннем сокращении военных расходов на 14,2%, эксперты подсчитали, что сэкономленные 15–20 миллиардов рублей равняются годовым расходам на систему здравоохранения или систему образования — от детских садов до средней школы. Стремление сохранить крупнейшую армию в мире и в то же время повысить уровень жизни в бедной стране было «экономической авантюрой» — к такому выводу пришел Станислав Шаталин, ведущий экономист и главный советник Горбачева²⁶.

Одержимость империей, которую Солженицын называл «имперским дурманом», и «великой советской державой, с которой везде считаются... это вреднейшее искривление национального сознания». Об этом лауреат Нобелевской премии написал в «Комсомольской правде» в сентябре 1991 года. И далее: эти навязчивые идеи не только обескровили экономику страны производством ненужных вооружений, но и «опозорили нас перед всей планетой», которая воспринимала Советскую Россию как «жадного безмерного захватчика»²⁷.

Число тех, кто сознавал необходимость привести действия страны на международной арене в соответствие с новыми внутриполитическими приоритетами, быстро росло. Возможно,

стране следует перестать изображать из себя благодетеля, когда она сама так бедна, — предположил Гранин летом 1988 года²⁸. Нужно отказаться от имперских амбиций, авантюризма, догматизма во внешней политике, сказал Сахаров на Первом съезде народных депутатов СССР в июне 1989 года²⁹. В своем письме в «Комсомольскую правду» один из читателей задал вопрос, не следует ли «нам перестать утомлять другие страны нашей трепетной заботой» и вместо этого наконец позаботиться о собственном народе? Солженицын призвал немедленно прекратить «снабжать и крепить» тиранические режимы, которые Советский Союз «насадил в разных концах Земли», на Кубе, во Вьетнаме, Эфиопии, Анголе и в Северной Корее*³⁰.

И что самое важное, освобождение России от оков империи стало моральным императивом — главным условием возрождения страны и народа. Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы, отметил советский историк, вспоминая идеи Маркса³¹. Преодоление «имперского синдрома» — вопреки возможным его оправданиям и приданию иных форм — было одним из средств восстановления морального здоровья общества.

«Деимпериализация» должна была начаться с самого Советского Союза. Сахаров назвал его «имперской структурой», завещанной Сталиным, продуктом «насильственной имперской унификации» и политики по принципу «разделяй и властвуй»³². «Унитарный» (иными словами, жестко централизованный) Советский Союз может быть сохранен только в рамках тоталитарного государства, «основанного на насилии», к такому выводу пришел обозреватель «Комсомольской правды» Леонид Никитинский³³. Поскольку любое государство становится неприемлемым, если оно несовместимо с нормами

* «Сколько стоит наша война в Афганистане? — спросил писатель Василий Белов на Первом съезде народных депутатов. — И [поддержка] Кубы, Никарагуа и Эфиопии? ...И сколько стоят наши грандиозные фестивали, Олимпиады, и международные форумы?» (*Известия*. 1989. 2 июля. С. 9).

«Куба — sì, помощь — no!» — так был озаглавлен выпуск газеты «Аргументы и факты» весной 1991 года (1991, № 12. С. 2).

морали, Советский Союз в своей настоящей форме тоже был обречен.

Единственной надеждой на спасение Союза, предупредил Сахаров летом 1989 года, является его трансформация в демократическую добровольную конфедерацию «суверенных государств», народ каждого из которых мог бы «распоряжаться своим будущим» в соответствии с принципами международного права. Год спустя Солженицын сказал, что, по его мнению, единственным решением, чтобы Россия могла «освободиться для внутреннего развития», является полное отделение неславянских «республик»³⁴.

Рецептом наблюдателей эпохи гласности была «деидеологизация»: отказ от «ущербного левосектантского подхода» во внешней политике Союза и ее освобождение от «революционного мессианства»³⁵. Так же как и внутри страны, Советскому Союзу нужно было быть готовым отречься от насилия как «способа развития» и уважать «свободу политического выбора» других народов. Произвол должен уступить место уважению международного права, а «доктрина Брежнева» — невмешательству в дела стран³⁶.

Не только средства, но и цели должны были измениться. Новая концепция внешней политики Советского Союза была «глубоко моральна», сказал в интервью министр иностранных дел Шеварднадзе летом 1989 года. «Взгляните на объявленные нами принципы, которые мы защищаем на международной арене: приоритет общечеловеческих ценностей, верховенство права и защита прав человека, преодоление конфронтации и укрепление международного сотрудничества в целях сохранения цивилизации. Что может быть более нравственным?!»³⁷

* Весной и летом 1989 года наиболее известные внешнеполитические обозреватели призвали Шеварднадзе к ответу за несоответствие этим идеалам, после того как он не выступил публично за отмену смертного приговора, который аятолла Рухолла Хомейни вынес писателю Салману Рушди в феврале 1989 года, и несколько месяцев спустя — за отсутствие какой-либо реакции на убийство безоружных протестующих на площади Тяньаньмэнь в Пекине (Бовин А. Политика и мораль // *Московские новости*. 1989. 19 марта. С. 3; Изюмов А, Кортунов А. Дипломатия и нравственность времен перестройки // *Московские новости*. 1989. 6 августа. С. 6).

Единственно, что могло гарантировать соблюдение столь высокого уровня действий страны в мире, была серьезная моральная трансформация. История Советского Союза абсолютно ясно доказала, что внешняя политика не может быть более справедливой и нравственной, нежели внутривнутриполитический режим. В таком духе высказались два молодых политолога в статье «Дипломатия и мораль во времена перестройки». Внешняя политика, для которой формирование «международного порядка» важнее, чем моральный климат в своей стране, никогда не сможет добиться устойчивого доверия со стороны международного сообщества и поддержки внутри страны. Таким образом, *sine qua non* морального очищения внутри страны — память и раскаяние — должны иметь «международное измерение». Страна должна признать прошлые проступки и попросить прощения у народов и стран, которым причинила зло. Без подобного искупления не удастся «искренне» и потому полностью порвать с прошлым³⁸.

Внешняя политика страны также должна быть «открытой и публичной». Необходимо, чтобы она вышла из «мрака секретности» на свет и была «полностью доступна взгляду народа», заявил Станислав Кондрашов³⁹. Как и другие сферы государства, вся «дипломатическая служба» должна перейти в «зону гласности», где она будет открыта для публичных обсуждений и ее можно будет «контролировать снизу»⁴⁰. Ситуация позора и ужаса, которую пережили Кондрашов и нескольких других советских экспертов и журналистов во время кубинского кризиса — когда все, за исключением советского народа, которому руководство ничего не сообщало, знали, что мир находится на краю ядерной войны, — никогда не должна повториться!^{*41}

* «Отсутствие установленной законом обязанности властей отчитываться о своих действиях перед гражданами», согласно Кондрашову, информация о числе советских солдат (100 000) и потерях (13 310 убитыми, 35 478 ранеными) в Афганистане была рассекречена только в мае 1988 года — спустя восемь с половиной лет после ввода советских войск в эту страну (Кондрашов С. Из мрака секретности. // *Новый мир*. 1989. № 8. С. 187).

Советское государство было обречено лишь с короткими и малозначимыми передышками на разрядку балансировать на грани войны с Западом до «полного торжества в стране общечеловеческих ценностей»: чести, достоинства, гуманизма, терпимости. Лишь после этого оно могло рассчитывать на подлинное признание, продолжительный мир и дружбу с другими странами. И только так Советский Союз мог бы «открыть дверь» в Европу⁴², на возможную интеграцию в которую надеялись некоторые ведущие эксперты, причем интеграцию не только экономическую, но и политическую и в конечном итоге «военную»⁴³.

Поскольку милитаризация была продуктом скрещивания диктатуры с бюрократизированной «командно-административной» системой, определяющей государственные приоритеты без учета мнения народа, к «демилитаризации» могла привести только «демократизация». Научись мир доверять Советскому Союзу и не бояться его, в «гарнизонном государстве» уже не было бы необходимости. Однако, «чтобы изменить мнение других о себе», как пишет обозреватель «Комсомольской правды», «мы прежде должны измениться сами»⁴⁴.

Послесловие

Влияние идей на социальные процессы никогда не может быть измерено с какой-либо точностью. Тем не менее материал, собранный в этой книге, по крайней мере предоставляет вероятные подходы, позволяющие объяснить поразительно мягкий, фактически ненасильственный, а также, на удивление, неожиданный распад Советского государства.

Вышеизложенное, как мне кажется, показывает, что радикальным реформам предшествовало, а затем вдохновляло и поддерживало их неодолимое стремление к самопознанию, человеческому достоинству и возрождению нравственности. Духовный двигатель всех великих революций современности, этот феномен отчетливо проявился и в Советской России. Разоблачение ужасающих с точки зрения нравственности деяний режима в прошлом и настоящем привело к сомнениям, а затем и к противостоянию некоторым существенным для легитимации режима мифам и общественным ценностям. Возникли альтернативные взгляды на устройство достойной и порядочной жизни, сферы публичного и частного. Затем последовали попытки набросать, а затем и реализовать политические и экономические процессы, соответствующие новым идеалам в надежде создать более совершенный нравственный порядок.

Пристекающие из этих идеалов, а также обладающие поддержкой миллионов россиян¹, революционные реформы привели к радикальному изменению в политической, экономической и социальной сферах. «Дебольшевизация» — наверное, лучшего термина не придумаешь — положила конец полному

подчинению гражданского общества государству, а также утопии как единственной социальной цели и тоталитарной диктатуре как способу ее достижения. Во-вторых, «приватизация» была проведена не только с целью сокращения доли государственной собственности в экономике, но и чтобы ослабить контроль государства над жизнью людей. Был положен конец государственному контролю над национальной культурой и, что не менее важно, над сферой морали и нравственности. Появился индивид, который был в состоянии совершать моральный выбор — то есть возможность, которая, начиная с Мильтона и заканчивая Кантом, а затем Кьеркегором, определяла смысл полноценного существования человека. В-третьих, «деимпериализация» привела к добровольному отказу от собственной империи, а также ее фланга в Центральной и Восточной Европе. И наконец, «демилитаризация» привела к разоружению в таких масштабах, которые представляются беспрецедентными для великой военной державы, не побежденной в войне и не оккупированной победителями.

Русская революция едва ли была первой революцией, после которой последовала реставрация. Токвиль писал о «событиях, ошибках, просчетах», которые привели к тому, что французы «решили оставить прежние намерения и, позабыв о свободе, возжелали стать лишь равными слугами владыки мира»². Вторая революция в истории Америки — Гражданская война — почти на целый век увязла в расизме законов Джима Кроу. Движению освобождения в Южной Африке под предводительством Нельсона Манделы угрожают жестокая преступность, коррупция и тщеславие правящих элит. По всей Восточной и Центральной Европе нравственное очищение и стремление к добродетельной политике времен 1980-х годов почти исчезли из-за цинизма и недоверия. Похоже, затухла и украинская «оранжевая революция».

Если упадок России был одним из жесточайших в истории, то связано это прежде всего с тем, что стране пришлось так много преодолеть. Описывая последствия царствования Ивана Грозного, великий историк Николай Костомаров пришел к

выводу, что «серьезные недуги человеческих сообществ, подобно заболеваниям физическим, нельзя быстро излечить... Масса отравленной энергии, накопившаяся с времен правления Ивана Грозного, наконец вырвалась на поверхность»³. Иван IV правил тридцать семь лет; большевики же находились у власти семьдесят четыре года. Этот пагубный гнет проистекал из ежедневного оскорбления человеческого достоинства и потворствования самым низменным человеческим инстинктам — и повинен в этом тоталитарный режим СССР с его одиозно нерациональным экономическим укладом. По своим масштабам и разрушительности этот накопленный груз, возможно, не имеет равных во всей современной истории. И когда тоталитарный режим вместе со всеми своими ужасами был повержен, на уже обезображенный нравственный ландшафт снизошел поток затаенных страданий и недовольства. На этом новом субстрате, с одной стороны, выросли ростки молодого, грубого и очень голодного подобия капитализма в виде «олигархов» (Маркс называл этот этап «первоначальным накоплением капитала»), а с другой — возник целый слой жадных, продажных и низкооплачиваемых чиновников, все еще отвечавших за «лакомые кусочки» стремительно распадающейся государственной экономики.

При этом махинации, связанные с приватизацией, были лишь симптомом гораздо более широкого нравственного опустошения, которое сторонники гласности давно предрекали и описывали с присущей им страстностью, красноречием и проницательностью. Как отмечал писатель Борис Васильев в январе 1989 года, можно было бы более или менее точно оценить ущерб, нанесенный русской культуре, пересчитать все то, что было взорвано, сожжено, потеряно, выброшено или исковеркано советским режимом. Список можно продолжать: от обреченного на голодную смерть великого поэта Александра Блока до людей, которых Россия потеряла из-за их вынужденной эмиграции (Бунин и Рахманинов, Репин и Шаляпин, Шагал и Кандинский). Но кто, спрашивает Васильев, сможет подсчитать моральный ущерб, нанесенный режимом?⁴ Те, кто

руководил нравственной революцией, прекрасно представляли себе, сколь длинный путь им предстоит пройти. Социолог Владимир Шубкин в статье, опубликованной в журнале «Новый мир» в апреле 1989 года, предрекал: «До восстановления общественной нравственности предстоит пройти еще много километров... мы еще даже не приблизились к тому, что можно было бы называть нравственным возрождением». Несомненно, он был прав. Шестнадцать лет спустя Владимир Путин — тогда лишь президент, но вскоре уже «лидер нации» — назвал распад Советского Союза крупнейшей геополитической катастрофой двадцатого века.

Даже к концу 1990-х годов, когда большая часть упомянутой ранее «разрушительной энергии» вышла на поверхность, два «дьявольских» источника продолжили отравлять нравы российского общества и, соответственно, политику страны. Один источник — память об имперском величии; другой — сталинизм.

То, что имперское устройство было несовместимо со свободой и устойчивым процветанием и прогрессом России, вновь и вновь подчеркивали лучшие русские либеральные мыслители от Герцена до Сахарова. На протяжении всей истории России какие-либо усилия по созданию благоприятного нравственного пространства в стране, придание ему более гуманных и рациональных качеств подрывались из-за необходимости сохранять и расширять империю. Так, величайший российский освободитель в догорбачевскую эпоху, император Александр II, подавил польское восстание в 1863–1864 годах; плоды хрущевской оттепели были сведены на нет революцией в Венгрии 1956 года, а «косыгинская» экономическая либерализация закончилась вводом советских танков в Прагу весной 1968 года.

Огромное нравственное мужество Горбачева и Ельцина позволило им стать первыми российскими правителями, решительно и сознательно избравшими либерализацию страны, а не защиту «империй»: одной империи, располагавшейся на территории Центральной и Восточной Европы, и другой —

внутри самого Советского Союза. Однако, как и в любом обществе, отказавшемся от статуса империи, потерянные территории, подобно ампутированным конечностям, приводили к «фантомным болям». Полное кризисов правление Ельцина не позволяло россиянам осознать и оценить обретение страной «нравственного императива» после отказа от империи. Вместо того чтобы смягчать эти боли своим примером или же путем терпеливого «наставления» населения, Путин, сменивший Ельцина на посту президента страны, сделал ностальгию по империи основным источником легитимности своего режима.

Восстановление геополитических «активов», потерянных при распаде СССР, стало главным приоритетом постельцинской внешней политики. Другой ее чертой стало отчаянное, подчас абсурдное стремление к глобальному паритету с Соединенными Штатами. Последовали попытки вновь вступить в стратегическое соперничество с Вашингтоном в духе кто кого — от Венесуэлы до Грузии и от Ирана до Украины — на фоне оглушительной и затем безостановочной официальной пропаганды, твердившей, что «Россия встает с колен», несмотря на то что ее смертельные враги, неустанно плетут интриги, чтобы расчленить ее и захватить природные богатства.

И все же самой значительной причиной морального и, следовательно, политического застоя определенно был все еще не искупленный национальный грех сталинизма. Хотя она и была одной из его наиболее безжалостно подавляемых жертв, Россия была также и фундаментом советского тоталитаризма, и тем самым наиболее морально пострадавшей стороной. «Ни одна религия, ни один религиозный институт не оставили будущее поколение [в России] настолько духовно опустошенным, насколько “церковь” Сталина», — писал Игорь Клямкин⁵. Блестящий польский поэт, философ и эссеист Збигнев Херберт, хорошо понимавший о чем говорит, писал, что страна, где распространены «наушничество, доносы, боязнь своих соседей», рассыпается изнутри. Даже «самая

безжалостная силовая стычка менее разрушительна» для ее души⁶.

Гласность еще в большей степени, чем «кремлевский горец» Мандельштама, высветила ответственность за воцарение в стране этого ужаса. Литературный критик Лазарь Лазарев, который первый осмелился высоко оценить и истолковать «Жизнь и судьбу» Гроссмана, отметил мастерство, с которым автор романа убедительно показал, что один лишь страх не мог бы поддерживать существование сталинизма. Ему помогало общество, «проржавевшее, отравленное, деморализованное»⁷. «Откуда пошел ГУЛАГ? — спрашивали авторы — участники опубликованного в 1989 году собрания эссе «Осмыслить культ Сталина», по сей день лучшего в России труда на эту тему. — Сталин выдумал его? Нет. Изобрели ли его функционеры НКВД — Френкель, Берман, Ягода и Фирин, а Сталин «лишь одобрил»? Но насколько больше людей требовалось, чтобы охранять миллионы прошедших через лагерь на протяжении почти четверти века? Чтобы «обслуживать» и «поддерживать» «гигантскую человекоубку»?⁸ Миллионы. Откуда они взялись? Разве они «упали с неба?» «Сталин, — отмечал писатель Вячеслав Кондратьев, — делал целый народ своим сообщником»⁹. Как говорила в начале 60-х годов XX века вдова Мандельштама Надежда: «Дело не в нем [Сталине]. Дело в нас»¹⁰.

Сталин воплощал, а сталинизм олицетворял возвеличивание жестокости во имя государственных целей, склонность идти легкими путями и принимать внешне простые решения, оправдание личной вины и ее замену слепой верой, соучастие или молчаливое оправдание террора и лжи на государственном уровне, холуйство и ксенофобию. Сталинизм паразитировал на худших составляющих русских политических и духовных традиций, питал и оттачивал их, в то же время неустанно подрывая, уродуя или искореняя лучшее, что есть в русском характере: щедрость, мужество, самопожертвование, доброту, экуменизм и патриотизм.

И все же так же, как авторитарная политическая традиция способствовала подъему сталинизма, каждое проявление

десталинизации — это своего рода ответный удар. Вот почему на протяжении почти шести десятилетий после смерти Сталина национальные споры по поводу его места в истории затрагивали не столько прошлое, сколько настоящее России и, более того, ее будущее. Поскольку без национального раскаяния, без иссечения чудовищной опухоли сталинизма — политической, гражданской и прежде всего этической — невозможен процесс формирования и закрепления возрождения свободного индивидуума — хозяина своей жизни и тем самым ответственного гражданина — распорядителя своей страны, как невозможна и реализация надежды России на достойное место в сообществе цивилизованных наций.

В этом прогнозе глашатаи гласности были столь же правы, как и в большинстве своих диагнозов и предложенных методик исцеления. Возвращение подробных и ежедневно пополняющихся воспоминаний о зверствах и их жертвах было неразрывно связано с раскаянием и духовным возрождением. Будучи неискупленным, сталинизм был подобен «открытой кровоточащей ране» или «абсцессу», который требовалось решительно вскрыть, пока он не отравил весь организм. Только когда народ «узнает полную правду о нашем прошлом», страна будет готова к «духовному очищению», и только тогда она почувствует «истинную, глубокую надобность» в этом, писал Игорь Виноградов¹¹.

За более чем полтора века до него гениальный Петр Чаадаев разъяснил суть взаимосвязи памяти, раскаяния и возрождения. Когда мы «вполне уразумеем пройденный нами путь, когда из наших уст помимо нашей воли вырвется признание во всех наших заблуждениях, во всех ошибках нашего прошлого, когда из наших недр исторгнется крик раскаяния и скорби, отзвук которого наполнит мир, — тогда мы естественно займем свое место среди народов, которым предназначено действовать в человечестве не только в качестве таранов или дубин, но и в качестве идей»¹².

Пренебрежение необходимостью раскаяться как условием духовного возрождения России дорого обошлось постсовет-

ской стране. Как и в случае с людьми, умышленное забвение, утаивание, преуменьшение, искажение или оправдание своих преступлений делает страны и государства уязвимыми и агрессивными, скрытными и чванливыми, подверженными торжественным, но бесплодным мечтаниям о славе, которой, как они воображают, их обманом лишили, и считающими всех, кроме себя, виновными в своих ошибках, промахах и неудачах.

«Кошмарный» урок сталинизма должен был научить Россию остерегаться тех, кто манит ее легкими решениями и обещаниями быстрых результатов, предостерегал философ Александр Ципко в начале 1989 года¹³. Без закрепления десталинизацией этот урок также остается неувоенным. Отсюда и политическая культура «путинизма» (и вызванная этим внешняя политика): воображаемый ущерб от распада СССР и уязвленная гордость, несбывшиеся надежды, ностальгия по миру, которого никогда не было, и постоянное опасение вымышленных врагов — внутренних и внешних. Отсюда же воскрешение образа государства, говоря словами известного независимого исследователя общественного мнения в России, как «мудрой власти, стоящей над обществом... и не допускающей никаких механизмов воздействия» со стороны общества¹⁴. Из этого логически следуют цинизм и коррупция, выделяющиеся даже на фоне общеизвестных коррупционных реставрационистских режимов.

Как и подозревали авторы гласности, «гигантские провалы» в исторической памяти России неотделимы от «гигантских пробелов в моральной системе страны»¹⁵. Эти пробелы увеличиваются каждый раз, когда школьный учебник среди прочих профанаций восхваляет сталинский талант правителя и оправдывает оккупацию Центральной и Восточной Европы. Или когда президент России открывает в честь глав ЧК и КГБ — Феликса Дзержинского и Юрия Андропова — мемориальные доски, называют в их честь улицы. Или когда в связи с семидесятилетием пакта Молотова–Риббентропа государственное телевидение России пытается оправдать стовор, или представитель МИДа провозглашает «искажением истории»

резолюцию парламентской ассамблеи Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, которая уравнивает сталинизм и нацизм как «два мощных тоталитарных режима... которые привели к геноциду, нарушению прав и свобод человека, военным преступлениям и преступлениям против человечности»¹⁶.

Спустя полтора десятилетия после публикации разоблачительной статьи о катынском расстреле в «Комсомольской правде», «Московских новостях» и «Новом мире»; после того как Михаил Горбачев в 1990 году передал польскому правительству списки с именами расстрелянных польских офицеров; после того как Главная военная прокуратура начала уголовное расследование по «катынскому делу» и после того как Борис Ельцин отдал приказ о публикации ряда ключевых документов в 1992 году*, «катынское дело» было закрыто в 2004 году, а значительная часть материалов расследования была объявлена государственной тайной. В 2009 году Верховный суд поддержал решение одного из судов низшей инстанции отклонить иск родственников расстрелянных польских офицеров, потребовавших от российского правительства вновь открыть катынский архив**.

Потерялись без следа в этом болоте искажений и забвения и запись в видеоблоге президента Дмитрия Медведева, в которой он осуждал сталинизм¹⁷, и заявления правозащитных групп о том, что «успешное будущее России будет невозможным без честной оценки тоталитарного прошлого страны»¹⁸. О каком нравственном возрождении, столь важном для экономического и политического развития России, может идти речь, когда в телевизионном опросе в конце 2009 года

* Самым страшным был документ от 5 марта 1940 г. — решение политбюро о расстреле, подписанное Сталиным, Ворошиловым, Молотовым, Микояном, Калининым и Кагановичем.

** Сигналом о возможном отходе от политики сокрытия преступлений сталинского режима можно, вероятно, считать выступление премьер-министра Путина в Катини 7 апреля 2010 года. Путин признал, что польские офицеры были убиты по «тайному приказу», и осудил «злодеяния тоталитарного режима». Однако имя Сталина упомянуто не было.

Сталин был признан третьим величайшим человеком в истории России (после Пушкина и Достоевского)? О каком закреплении моральной устойчивости к авторитаризму можно говорить, когда читаешь сообщение российского эксперта по общественному мнению о постепенном восстановлении имени Сталина как великого государственного и национального лидера?¹⁹ Как и предостерегали «крестоносцы» гласности, «мертвые нападают на живых», ведь прошлое не было преодолено, его лишь обошли стороной, заглушили или умышленно исказили — такое прошлое не позволит России «жить нормально»²⁰.

Творцы гласности были правы еще кое в чем: даже в самых благоприятных условиях процесс приведения России к новым «нормам» был бы длительным и болезненным. Как в 1990 году писал советник Горбачева Виктор Кувалдин, на приведение страны «в порядок» уйдут «десятилетия» и «поколения» — именно столько потребуется, чтобы вернуть страну «к цивилизации» после шоков и разрушений, которые сопровождали эпоху сталинизма²¹. Придется пройти долгий путь, чтобы прийти к нравственному возрождению, не говоря уже о «революции моральной», предупреждал Владимир Шубкин. Ибо такие моральные революции «намного сложнее, чем просто захват власти, и происходят они гораздо реже»²². «Испортить народ — довольно было тридцати лет, — говорит герой романа Солженицына “В круге первом”. — Исправить его — удастся ли за триста?»²³

В условиях интеллектуальной близорукости, грубости и в особенности распространяющегося явного цинизма иногда трудно поверить, что описываемая в этой книге яркая вспышка нравственной отваги и интеллектуальный накал вообще имели место в истории России. Тем не менее «благородная тревога»²⁴, приведшая к моральной революции 1987–1991 годов, заняла свое место среди самых выдающихся эпизодов российской истории и навсегда останется бесспорным доказательством способности России к самосовершенствованию. Правда и свобода — вот два условия, которые глашатая гласности

сочли главными для становления России как свободного, справедливого и процветающего государства, находящегося в мире как с самим собой, так и со своим окружением. Условия эти ничуть не изменились. Это нравственное стремление продолжит вдохновлять и направлять страну в поиске ею индивидуального и коллективного достоинства. Этот поиск непременно возобновится, подобно рекам в метафоре де Токвиля, которые уходят в землю лишь для того, чтобы позже снова излиться на поверхность, уже «в новой среде»²⁵.

«Хвалебным напутствием» для всех тех выдающихся мужчин и женщин, которые начали этот нравственный крестовый поход четверть века назад, может служить эпилог стихотворения «Терновник» польского поэта Херберта Збигнева.

... несколько тактов
в зале пустом
а потом ноты изорванные лежат
среди луж и рыжей сорной травы...

но кто-то должен отважиться
кто-то должен начать...
да терновник
несколько чистых тактов
это очень много
это все²⁶.

Перевод *Татьяны Александровой*

Благодарность

Несколько длительных бесед, которые состоялись у меня с Кристофером Демуттом, президентом Американского института предпринимательства (АИП) — человеком, который в дополнение к своим разнообразным талантам обладает вкусом и проницательностью превосходного литературного редактора, — легли в основу книги и придали мне уверенности в собственном замысле.

Артур Брукс, сменивший Криса на посту президента АИП в последние два года моих трудов над книгой, сохранил присущую институту научную автономию и цельность, без которой не вышла бы в свет ни эта, ни многие другие книги. В мае 2010 года, рассуждая в своей великолепной Брэдлийской лекции о «моральном императиве свободы», Артур выразил суть книги в словах, вдохновивших меня на завершение труда как раз в то время, когда мне потребовались все мои силы. Вне зависимости от того, какой прием найдет эта книга у читающей публики, сама возможность и попытка выразить «моральный императив» ее героев наполняют меня гордостью и чувством удовлетворения.

Исполнительный вице-президент Института Давид Герзон позаботился о том, чтобы в исследованиях мне была оказана всемерная поддержка, а помощь со стороны его сотрудников была действенной и своевременной. Вице-президент по внешним сношениям и исследованиям в области оборонной политики Даниэль Плетка с пониманием относилась к тяготам написания книги и поделила мою радость после ее завершения.

Я многим обязан труду Бернарда Бейлина «Идеологические истоки Американской революции». Интеллектуальная отвага Бейлина в отстаивании тезиса о центральном значении идей в истории революции, а также его умение выводить законченный рисунок из разрозненных текстов — это образец для историка идей. В свою очередь, «Граждане» Симона Шама и «Литературное подполье старого режима» Роберта Дарнтон — книги умные и элегантные — сообщили мне тягу к раскопкам и прослеживанию путей смелых, ниспровергающих основы идей. Источником вдохновения всегда оставалась для меня, конечно, «археология идей» Исая Берлина.

Синтия Озик, одна из лучших американских писателей и критиков современности, не оставляла меня заботами друга и корреспондента; ее творчество и письма, исполненные доброты, побуждали меня идти вперед.

Я признателен доктору Рою Ленноксу за замечательные беседы по телефону и за наши нью-йоркские трапезы. Уже два десятилетия его дружеское расположение ко мне и щедрая поддержка моих изысканий наполняют меня гордостью и энтузиазмом.

Надеюсь также, что Чарли Райан сочтет эту книгу, а также другие издания Департамента русских исследований достойными его щедрости и внимания.

Доктор Дерек Леебарт побудил меня к написанию новой книги в ту пору, когда я еще не оправился от предыдущей, а затем, удивительным образом, изыскал время для прочтения почти всех ее глав в череде своих бесконечных дел руководителя компании, автора, профессора Джорджтаунского университета и предпринимателя. Его комментарии отличались подробностью и благожелательностью. Дружба с Дерексом была для меня жизненно важной на каждом крутом вираже.

Все последние пять лет теплота и благорасположение Ника Эберштадта, его полное понимание сложности и запутанности предмета, с которым я столкнулся, его превосходное чувство юмора и неизменная вера в мою способность справиться с недюжинной задачей поддерживали и ободряли меня. Я благо-

дарен Нику за полезные, побуждающие к размышлениям комментарии к наброскам главы 1.

Ванс Серчук, увлеченный тем, что я засел за «культурную историю» новейшей русской революции, с присущей ему остротой и наблюдательностью поддержал меня в исследовании материала на самой ранней стадии. О планируемом составе книги высказались Джордж Бреслауэр, Маша Липман, Владимир Мау и Николай Петров; их воодушевление утвердило меня в мысли о том, что мой труд не напрасен. Харли Бальцер, Тим Фрай, Фред Каган, Блэр Рубл, Дуг Шей и Лилия Шевцова прочли первые две главы и высказали очень ценные замечания. Мне очень помогли рассуждения Дэвида Ремника в ответ на наброски главы 2, а также пространный ответ Джонатана Сандерса на вариант вступления к книге. Завтраки «группы поддержки писателей» (пусть их и было всего несколько), которые мы организовали вместе с Мауроди Лоренцо, оказались встречами веселыми и в творческом отношении весьма стимулирующими.

Михаил Резников, дорогой старый друг, подарил мне два поистине бесценных тома, содержащих все выпуски «Московских новостей» с 1988 по 1989 год, — настоящую «библию» гласности. Миша обучил меня также премудростям приготовления *окорока* и *ветчины*, что позволило мне лучше передать стремление простых людей тогда, в середине восьмидесятых, к вкусной, доступной еде. Я благодарен Сите и Ирвину Стелцерам за неустанную поддержку, а еще — Сите Стелцер — за знакомство с великолепной эссеистикой и стихами Збигнева Герберта, строками которого завершается книга.

Отклик Андерса Ослунда и Владимира Мау (учитывая их непревзойденное знание предмета) на главу, в которой менее чем на двадцати страницах я попытался подытожить колоссальную по объему литературу эпохи гласности о советской экономике второй половины 1980-х годов, уверили меня в том, что я иду в верном направлении. Я благодарен Ричарду Темпесту за помощь в поисках лучших английских соответ-

ствий нескольких слов из «Реквиема» Анны Ахматовой и романа «В круге первом» Александра Солженицына.

Я очень рад, что в пору создания книги научным сотрудником АИП состояла Ядвига Рогоза из Варшавы (знаток издания «Советская культура») и что в изысканиях мне оказывала помощь Ася Досева. Основную ношу по переработке первичного материала исследований вынесли на себе практиканты — Никки Горбанова («Литературная газета»), Нил Кумар («Коммунист»), Диана Искелова («Комсомольская правда») и Диора Зияева («Московские новости»). Их труд достойно продолжили Ангелика Аниши, Илья Буртман («Аргументы и факты»), Милана Вейнер («Советская культура»), Аманда Нельсон-Дуак, Александра Прохорова, Борис Ривкин, Кевин Томас, Дэн Доти и Валентина Лукина. Я говорю о замечательной группе молодых людей: само разнообразие стран их происхождения — Азербайджан, Болгария, Нигерия, Польша, Россия, Украина, США и Узбекистан — всегда меня воодушевляло.

Четверо замечательных сотрудников — добросовестных, творчески мыслящих, трудолюбивых — стали в полном смысле моими единомышленниками: Ванс Серчук, Игорь Хрестин, Кара Флук и Кевин Ротрок. Их вдумчивая помощь, превосходные исследовательские качества и дипломатичность безмерно помогли мне сочетать мои разнообразные обязанности и занятия — включая создание книги, научную работу, организацию разнообразных мероприятий (включая международные конференции и регулярные семинары российско-американской рабочей группы), рецензирование, участие в разнообразных дискуссиях, интервью и заседаниях.

Следует упомянуть также, что в рамках подготовки материала Игорь просмотрел выпуски «Московских новостей» и «Комсомольской правды» за несколько лет. Кара прочел и высказал мнение о нескольких первых главах. Кевин Ротрок вычитал корректуру длиннейших и наиболее сложных заключительных глав. Его вопросы и замечания на полях поз-

волили мне существенно прояснить текст книги. Джина Лентин, состоявшая практикантом в Департаменте русских исследований в последние полтора года труда над книгой, с замечательной скоростью и упорством разыскивала и копировала материалы из российских газет, журналов и книг в Библиотеке Конгресса для окончательной сверки и правки.

Завершить занятия этой без преувеличения выдающейся группы молодых специалистов выпало Дэну Важдичу. Сотрудничая со мной на последних стадиях реализации проекта, Дэн оказал мне неоценимую помощь в редактировании рукописи и корректуре. В этом участвовала также замечательная сотрудница-интерн института Саманта Костелло.

Из длительных телефонных бесед с моей матерью, доктором Эллой Рабинович, я черпал не только острую радость московской русской речи, но и поддержку мудрого, бесконечно любящего друга.

Моя жена Кэрол, вычитывая верстку, внесла в текст немало ценных правок. То же и моя дочь Андреа, которая читала верстку во время рождественских каникул, вернувшись домой из колледжа. Моя дочь Дани помогла мне усмирить PDF-формат, значительно облегчив нам жизнь. Они трое — Кэрол, Андреа и Дани — величайшее утешение в моей жизни. Увы, среди бесчисленных поборов, которыми обложил мое время труд над книгой, самым сложным было то, что на протяжении четырех лет книга отрывала меня от семьи — каждое воскресное утро, с восьми до полудня. Всего 832 часа. Да поможет мне Бог организовать мою жизнь таким образом, чтобы возместить эту потерю.

Вместо заключения

Книга Леона Арона «Дороги к храму: истина, память, идеи и идеалы российской революции 1987–1991» возвращает читателя, в особенности пережившего это время, к идейным спорам, культурным открытиям, историческим прозрениям и разочарованиям того фантастического, невероятного времени, проникнутого надеждой на восстановление справедливости, нравственности и гуманизма. Автор рассматривает эти идейные процессы с искренней симпатией и сочувствием к людям, которые их осуществили и возглавили.

Вместе с тем, читая эту книгу сегодня, невозможно удержаться от недоуменных и горьких вопросов. Как получилось, что столь плодотворный идейный поиск не только не привел к храму, но, напротив, через тридцать лет после его начала страна переживает во многих отношениях еще большую социальную, культурную, моральную и нравственную деградацию? Почему возродились, казалось бы, навсегда похороненные мифы, легитимировавшие Советское государство? И не только возродились, но и обрели, как, например, сталинский миф, гораздо большую поддержку среди населения, чем это было в 1970-е — первой половине 1980-х годов. Почему правда о войне, с таким трудом добытая в годы перестройки, отторгается и государством, и значительной частью общества в России? Почему политические и экономические процессы, соответствовавшие новым идеалам и надеждам на более совершенный нравственный порядок, потерпели столь очевидное сегодня поражение? В начале нового века, через 25 лет после перестройки, переоценка национальных ценностей, о которой пишет Леон Арон, переосмысление «основополагающих аспектов существования страны, в частности однопартийной диктатуры и господства государства в экономике, отноше-

ний с остальным миром, легитимности советского контроля над странами Восточной и Центральной Европы, а также контроля Москвы над союзными республиками» (с. 11), оказались повернутыми вспять. Потребность в свободе слова и печати, свободных выборах, правах человека, частной собственности, независимом от государства гражданском обществе также оказалась не реализованной.

Все эти и многие другие вопросы требуют ответов. Не претендуя на сколько-нибудь исчерпывающий анализ, я хочу предложить читателю — в качестве послесловия к книге Леона Арона — свой вариант ответа на главный из этих вопросов. Как случилось, что демократическая революция 1991 года (или то, что воспринималось как демократическая революция) за 25 лет без перерывов постепенности, при полной преемственности власти, привела к становлению авторитарного режима, в котором в последние 3–4 года проступают черты тоталитарного?

Я думаю, главную роль в этом сыграл исторический выбор, сделанный на ключевой развилке нашей истории, а именно в 1991–1993 годах, когда альтернативность развития и шансы выхода за пределы зависимости от траектории предшествующего развития («исторической колеи») были, как представляется, наивысшими по сравнению с предшествующим и последующим периодами. Это было окно возможностей, и наше сегодняшнее положение в решающей мере определяется выбором, сделанным 25 лет назад.

Этот выбор отнюдь не был единственно возможным. Не был он и результатом исторической предопределенности или стихийного действия объективных сил. Этот выбор сделали те, кто в тот момент находился у власти, и в этом смысле это был субъектный выбор.

Именно тогда, в 1991–1993 годах, был сделан сознательный выбор в пользу развития капитализма сверху путем конвертации власти в собственность, ускоренной приватизации крупной собственности людьми, связанными с властью и реально эту собственность контролировавшими, а не снизу, через представление режима наибольшего благоприятствования мелкой и средней собственности, которая развивалась бы параллельно государственному сектору, постепенно вытесняя его из наиболее прибыльных сфер экономической активности.

Этому соответствовал и *политический выбор* — ориентация на использование сложившихся управленческих структур для достижения экономических целей (либерализации рынка и приватизации госсобственности) в кратчайшие сроки. Политическая сфера рассматривалась группами, пришедшими к власти в России в 1991 году, чисто инструментально. Вопрос о демократической трансформации и институционализации этой сферы практически не ставился: эта задача воспринималась как вторичная и производная от развития рыночной экономики. И в результате не произошло сколько-нибудь существенной трансформации системы власти в России — власть осталась самодовлеющей, самодостаточной и неподконтрольной обществу.

Конституция 1993 года закрепила колоссальный перекося сторону исполнительной власти. Из двух опор советской власти первая — КПСС — рухнула, а вторую — структуры безопасности — решено было сохранить в качестве инструмента новой, «демократической» власти. Этот вариант развития опирался не только на интересы советской номенклатуры, стремившейся трансформировать властные ресурсы в собственность без помех со стороны законодательных органов, но и на инстинкты и представления самих реформаторов, не видевших самостоятельную ценность представительной власти и не способных к компромиссу как основе демократической политики.

В октябре 1991 года Геннадий Бурбулис, в то время государственный секретарь РСФСР, а затем первый заместитель председателя Совета министров, в телевизионном интервью заявил, что «представительные органы в большой мере стали тормозом наших реформ. Эти органы нужны были для разрушения тоталитарной системы, и эту задачу они выполнили. Теперь территории России жаждут властной вертикали»¹. Степан Сулакшин, член Верховного Совета РСФСР, затем представитель президента РФ в Томской области, также считал, что главная задача исполнительной вертикали — «приводить в действие волю и политику президента», а главная цель — «ликвидация оппозиции президенту в исполнительных органах». Поэтому глав местных администраций предлагалось не выбирать, а назначать. «Малогарантированный итог выборов в ряде областей не позволяет сейчас принять иную, чем назначение, процедуру»². Как видим, «правильные» выборы уже

тогда, сразу после победы «демократической революции» 1991 года, рассматривались как игра с гарантированным результатом.

Сергей Станкевич, в то время первый заместитель председателя Моссовета, так представлял себе соотношение логики власти и логики реформ: «Во все времена, во всех странах интенсивное реформаторство, своеобразный реформаторский порыв осуществляли лишь лидеры, которые были *разумно авторитарны* (курсив мой. — Т.В). Нигде и никогда переход общества к новому состоянию не осуществлялся в пору, скажем так, расцвета парламентской системы»³.

Теория разумного авторитаризма, авторитарной модернизации (сначала рынок и только потом демократия) овладела либеральным сознанием начала 1990-х (и, к сожалению, владеет им по сию пору). Впервые опубликованная в 1989 году в статье А. Миграняна, идея об объективной обусловленности авторитарных методов преобразования командно-административной экономики в рыночную была растиражирована в сотнях экземпляров и вариаций и стала общим местом сначала либерального сознания, а потом и нового демократического истеблишмента. Избранный президентом России Б.Н. Ельцин казался вполне подходящей фигурой, чтобы возглавить и олицетворять собой такой вариант развития.

Какой вариант мог быть противопоставлен развитию капитализма сверху?⁴ Таким, на мой взгляд, мог бы стать низовой вариант его развития. А именно, помимо нараставшего кооперативного движения, российский капитализм мог опереться в то время на силы, непосредственно с рынком не связанные, на гуманитарную и научно-техническую интеллигенцию и квалифицированных рабочих. То есть на всех тех, кто участвовал в демократическом подъеме конца 1980-х годов и был заинтересован в становлении демократических каналов воздействия на власть и тем самым в отделении *общества от государства*. Экономически такой путь предполагал развитие мелкой и средней собственности, поддержку и помощь тем, кто в начале 1990-х начал свой мелкий бизнес главным образом с целью выживания. Челночная торговля, огороды в городской черте, мелкое производство и сервис — все эти вынужденные формы выживания тогда и были формой становления рыночной экономики снизу.

Во всяком случае именно такой путь развития капитализма осуществился в 1990-е годы в Польше (и в меньшей мере — на Украине). 40% современного польского бизнеса, производящего 70% ВВП, было основано в 1990-е годы рабочими старых социалистических предприятий. В 1992-м на одно польское предприятие в среднем приходилось 1,8 рабочего. Именно они стали основой массового слоя мелких предпринимателей, нового бизнес-класса, вышедшего из рабочего класса и интеллигенции социалистического периода. Старые социалистические предприятия на этом фоне тихо умерли: в Польше «большая приватизация» остатков старой государственной собственности осуществлялась со второй половины 1990-х годов, после того как была либерализована экономика и началось развитие мелких промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Это был «народный капитализм», укорененный в обществе, хотя и бедный ресурсами. И именно на его основе возникло современное польское гражданское общество. Оно, по словам Анджея Рихарда, директора Института философии и социологии Польской академии наук, было «рукотворным» и тысячами нитей связанным с местными сообществами.

Что же касается России, то здесь становление современного общества в гораздо большей мере зависело от демократической трансформации системы власти и ее отделения от собственности, чем от скорости либерализации рынка и приватизации крупной государственной собственности. Политическая слабость социального субъекта, заинтересованного в низовом варианте развития капитализма в России, — советской интеллигенции, квалифицированных рабочих, мелких предпринимателей, работавших в секторе производства и обслуживания, — была очевидна уже тогда, в начале 1990-х годов. При ретроспективном анализе она представляется бесспорной большинству исследователей.

Следует сказать, что формирование такого субъекта в решающей мере зависело от политической воли демократических лидеров (или тех, кто называли себя таковыми в начале 1990-х годов), от их готовности создавать представительные институты и отстаивать их властные полномочия. Однако такой готовности проявлено не было, поскольку демократия отождествлялась фактически с защитой исполнительной власти, ведущей борьбу против контролируемого оппозицией парла-

мента. В этой ситуации и к тому же в условиях экономического кризиса массовое разочарование в демократических институтах было неизбежным.

Огромная часть населения, которая несла основные издержки и экономического кризиса, и экономических реформ как таковых (эти люди потеряли работу, сбережения и т.д.), не обрела демократических каналов отстаивания своих интересов.

Иначе говоря, демократия существует, когда демократические институты, партии, выборы осознаются большинством населения как эффективные средства защиты своих жизненных интересов. В России такие институты в 1990-е годы не появились, так как политика рассматривалась людьми, находившимися тогда у власти, исключительно как сфера управления, а не как сфера участия. Это — важнейшая причина, объясняющая, почему российское общество так легко отказалось от демократических институтов: они ничего не стоили и были скомпрометированы, будучи превращены в орудия борьбы за власть между различными олигархическими группами.

Разочарование в демократических институтах положило начало тому повороту в ориентации российского общества, с последствиями которого мы в полной мере сталкиваемся сейчас. Исследования ценностей, проведенные в ВШЭ под руководством Л.И. Полищука, показывают, что «накануне посткоммунистических преобразований идеи свободы, рынка и демократии пользовались в российском обществе значительной популярностью». «Моментальные фотографии» (опросы общественного мнения) начала 1990-х, согласно этим исследованиям, отражают оптимизм в России относительно нового экономического и политического порядка. В частности, опрос 1990 года выявил терпимость к различным мнениям, ценность свободы, необходимость защиты политических прав и свобод (слова, ассоциаций, культурной автономии, равенства перед законом), необходимость конкурентных выборов и открытости власти обществу. А также продемонстрировал явное совпадение отношения к рынку жителей Москвы и Нью-Йорка. Однако «первые годы рыночных реформ травмировали российское общество и привели к резкому падению доверия людей друг к другу и государству, разочарованию в идеях свободы и контроля общества над властью, росту цинизма и распространению ценностей выживания»⁵.

В России не получилась не только демократия, не получилось и свободного рынка. Чтобы рынок функционировал эффективно, необходимо государство как система публичных институтов, а не как система частной власти. Нужен независимый суд, нужны гарантии прав собственности. Предприниматель должен иметь сколько-нибудь длительный горизонт, чтобы на этом рынке работать. Такая система у нас не сложилась, и это также связано с тем выбором, который был сделан в начале 1990-х.

Отказ — во имя глубины и быстроты экономических преобразований — от медленного пути демократической трансформации власти, который требовал постоянного согласования различных социальных интересов путем политических компромиссов, решающим образом сказался и на судьбе крупной частной собственности в России. Приватизация в России не сопровождалась становлением института частной собственности, который функционировал бы по публичным, единым для всех правилам, гарантируемым независимым судом. Напротив, реальное право собственности в России, надежность положения собственника с самого начала зависели не от эффективности его экономической деятельности, а в первую очередь от близости к власти и характера отношений с ней.

Эта система отношений, воспроизводящая традиционное для России единство власти и собственности, хотя и сложилась под влиянием предыдущего типа развития, не была, однако, предопределена им. В гораздо большей мере ее сформировала та стратегия приватизации, которая была реализована в России в 1990-е годы. Не безальтернативное «предопределение», а сознательный выбор правящих групп поставил крупную частную собственность в России в зависимость прежде всего от сохранения традиционной системы власти в форме ельцинского режима. Именно на нем и только на нем держалась так называемая олигархическая система. Даже в тот период, в середине 1990-х, когда казалось, что экономические интересы крупных собственников подчинили себе политическую власть, их центральной задачей стало переизбрание Ельцина на пост президента в 1996 году любой ценой.

На сохранение этой власти с 1993 года были направлены основные усилия реформаторов. Ради этого был разогнан Верховный Совет в сентябре — октябре 1993-го, ради этого была начата в 1994-м чеченская война, ставшая одним из важнейших

факторов деградации и государства, и общества в России. Ради этого с 1996 года правящие и господствующие группы отказываются от выборов в демократическом понимании — как игры по известным правилам с неизвестным результатом — и заменяют их имитацией, в которой правила все время меняются в интересах властей предрежащих, а результат всегда известен заранее. С 1993 года (Указ 1400 от 21 сентября 1993 года) простые силовые решения сложных проблем утверждаются в качестве основного способа воздействия власти на общество.

Это означало, помимо прочего, что в 1990-е годы не произошло качественных, необратимых изменений в структуре и, главное, в правовом статусе собственности в России. Способ, которым была создана крупная частная собственность — путем конвертации власти в собственность под «крышей» государства или путем сделки с отдельными его представителями, оказался гораздо важнее для судьбы этой собственности, чем скорость ее создания или объемы активов. Легитимность этой собственности в глазах общества оказалась ничтожной, большинство населения считало крупные состояния в России продуктом сговора или воровства государственных активов. В результате такой приватизации самым ликвидным товаром на формирующемся рынке стал властный, административный ресурс. Все это облегчило последующую реконвертацию крупной собственности — переход ее под контроль тех групп, которые окончательно приватизировали российское государство; поставили под свой контроль не только исполнительную власть, но и все наиболее прибыльные экономические ресурсы.

Важнейшая модернизационная задача, которая стояла перед страной в начале 1990-х, заключалась в отделении общества от государства, в уходе от традиционной для страны государственно-центричной модели развития, в которой государство (власть) является главным и единственным — вертикальным структурообразующим фактором, подавляющим самостоятельное развитие общества и его горизонтальное структурирование.

С точки зрения решения этой задачи четверть века, прошедшие с момента избрания первого президента Российской Федерации, были очевидно потеряны. Более того, за последние 17 лет ситуация существенно ухудшилась: государство превратилось в систему власти, контролируемую узкой группой частных

интересов, большая часть общества экономически, политически и социально-психологически зависит от этого псевдогосударства. В стране сформирован авторитарный персоналистский режим, разрушивший практически все основные демократические свободы, превративший выборы в имитационную процедуру по легитимации несменяемой власти, наращивающий репрессии и создающий все новые репрессивные структуры, от которых все больше зависит его выживание.

Началом этого пути, пути возвращения России в наезженную историческую колею, как ни горько об этом говорить, стали годы победы Б.Н. Ельцина в 1991-м, а затем в 1993 и 1996 годах, которые с точки зрения выхода за пределы зависимости от траектории предшествующего развития оказались пирровыми. Они все больше усиливали доминирование государства над обществом, исполнение исполнительной власти — над законодательной и судебной, навязывали обществу проект быстрой и крайне болезненной экономической реформы, без демократического реформирования политической системы. Надо признать, что демократическая альтернатива в России была закрыта главным образом усилиями людей, называвших себя демократами.

Татьяна Ворожейкина

Примечания

Предисловие

- 1 Выход этого фильма в широкий прокат совпал с январским пленумом Центрального комитета КПСС, на котором Горбачев объявил политику гласности и демократизации. В первые десять дней фильм посмотрели около 700 тысяч человек, а в первые полтора месяца — 2,6 миллиона (Stephen Wheatcroft. *Unleashing the Energy of History, Mentioning the Unmentionable the Reconstructing Soviet Historical Awareness: Moscow 1987 // Australian Slavic and Eastern European Studies*. 1987, № 1. — P. 101).

Благодаря своим ярким метафорам фильм «Покаяние» постоянно цитировался в либеральной прессе в 1987–1988 годах, а выражение «дорога к храму» стало символом гласности. Например, Игорь Клямкин назвал свой, появившийся в ноябре 1987 года в «Новом мире» глубокий очерк — «Какая улица ведет к храму?». Радикально настроенный еженедельник «Московские новости» отметил пятую годовщину прихода к власти Горбачева тематическим номером «Пять лет по дороге к храму» (22 апреля, 1990).

Обсуждению фильма «Покаяние» посвятили статьи Л. Айзерман: Тревожиться и думать (*Новый мир*. 1987. 10 октября. С. 180–193); Л. Аннинский: Монолог бывшего сталиниста (Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс. 1989. С. 56–57); Б. Вольтер: Прозрение идет слишком медленно (*Московские новости*, 1990. 6 ноября. С. 2); Св. Федоров: Чтобы никогда не повторилось! (*Огонек*, 1987. № 8). Более подробные обзоры фильма — Б. Васильев: Прозрение (*Советский экран*. 1987. 6 марта. С. 4–5); Н. Зоркая: Дорогой, которая ведет к храму (*Искусство кино*. 1987. № 2. С. 33–53).

- 2 См., например: Bernard Bailyn. How England Became Modern: A Revolutionary View // *New York Review of Books*, November 2009. P. 44–46). Рассматривая определение Ст. Пинкаса в его книге «1688: The First Modern Revolution» (New York University Press, 2009),

Бэйлин отмечает, что, изучив всю современную литературу по вопросу происхождения и структуры революций (Арендт, Хантингтон, Лефевр, Собуль, Малиа, Тилли, Скокпол, Гладстоун, большинство из которых в соответствии с предметом нашего исследования будут рассмотрены в следующей главе), Пинкас пришел к выводу, что «революции случаются не тогда, когда старые порядки рушатся в силу того, что они не в состоянии приспособиться к меняющимся условиям, и не тогда, когда иностранные заговорщики разрушают проверенные временем государства, и не тогда, когда структурные недостатки подрывают их устойчивость, но тогда, когда старый порядок решается на модернизацию. Революции случаются лишь после того, как режим принимает решение, вне зависимости от причин, обуславливающих такое решение, начать реализовывать амбициозные программы модернизации».

- 3 Черниченко Ю. Земля, экология, перестройка // *Литературная газета*. 1989. 29 января. С. 3.
- 4 Bernard Bailyn. *The Ideological Origins of the American Revolution*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1992. P. xiv.
- 5 A.F. Bourreau-Deslandres. *Histoire Critique*: iii. As quoted in Donald R. Kelley. *What Is Happening to the History of Ideas?* // *Journal of History of Ideas* 51, № 1, January. March 1990. P. 7.

Часть первая. Революции, идеи и конец Советского Союза

Глава 1. Тайна распада Советского Союза с точки зрения теории революций

- 1 Paul Hollander. *Personal Will and Political Belief*. New Haven: Yale University Press, 1999. P. 1.
- 2 Richard Pipes / Paul Hollander. *Personal Will and Political Belief*. New Haven: Yale University Press, 1999. [задняя сторона обложки]
- 3 Martin Malia. *A Fatal Logic*. in Owen Harries. *The Strange Death of Soviet Communism* // *National Interest*. № 31. 1993. Spring. P. 80.
- 4 Francois Furet. *The Passing of an Illusion*. Chicago: University of Chicago Press, 1999. P. 500–501.
- 5 Leon Aron. *Yeltsin: A Revolutionary Life*. New York: St. Martin's Press, 2000. P. 177–181.
- 6 Стародубровская И., Май В. *Великие революции от Кромвеля до Путина*. М.: Вагриус, 2004. С. 109.

- 7 Гайдар Е. Долгое время. М.: Дело, 2005. С. 344.
- 8 Там же.
- 9 Anders Aslund. Building Capitalism. New York: Cambridge University Press, 2002. P. 47.
- 10 Там же.
- 11 Peter Rutland. Sovietology: Notes for Post-Vorten.
- 12 Stephen Sestanovich. Did the West Undo the East? in A Fatal Logic in Owen Harries. The Strange Death of Soviet Communism // National Interest. № 31. 1993. Spring. P. 80.
- 13 Walter Laqueur. The Origins of the Russian Crisis // Journal of Contemporary History. 1993. № 28. P. 405.
- 14 Paul Hollander. Personal Will and Political Belief. New Haven: Yale University Press, 1999. P. 87.
- 15 Karl Marx in Robert C. Tucker. A Contribution to the Critique of Political Economy and Manifesto of the Communist Party / The Marx-Engels Reader. New York: W. W. Norton, 1978. P. 47.
- 16 Eric Selbin. Agency and Culture in Revolutions / Jack A. Goldstone. Revolutions. Belmont, CA: Thomson, 2003. P. 77.
- 17 Charles Tilly. European Revolutions 1942–1992. Cambridge, MA: Blackwell, 1995. P. 14, 17, 49, 184, 234–235, 239–241.
- 18 Charles A. Ellwood. A Psychological Theory of Revolutions / Clifford T. Payton, Robert Blackey. Why Revolutions? Theories and Analyses. Cambridge, MA: Schenkman, 1971. P. 151–152; Chalmers Johnson. Revolution and the Social System / Clifford T. Payton, Robert Blackey. Why Revolutions? Theories and Analyses. Cambridge, MA: Schenkman, 1971. P. 205–206.
- 19 Michel McFaul. Revolutionary Transformation in Comparative Perspective: Defining a Post-Communist Research Agenda / David Holloway, Norman Naimark. Reexamining the Soviet Experience: Essays in Honor of Alexander Dallin. Boulder, CO: Westview Press, 1996. P. 173–175; Jack A. Goldstone. Revolution in the U.S.S.R. 1989–1991 / Jack A. Goldstone. Revolutions. Theoretical, Comparative and Historical Studies. Belmont, CA: Wadswart/Thomson, 2003. P. 261–271.
- 20 William H. Sewell, Jr. Ideologies and Social Revolutions: Reflections on the French Case / Theda Skocpol. Social revolutions in the Modern World. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 181–182, 191, 171.
- 21 Isaiah Berlin. The Crooked Timber of Humanity. New York: Knopf, 1991. P. 1–2.
- 22 David C. Schwartz. Political Alienation: The Psychology of Revolutions

- First Stage / Ivo K. Feierabend, Rosalind L. Feierabend, Ted Robert Gurr. Anger, Violence and Politics. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1972. P. 58.
- 23 Alexis de Tocqueville. The Old Regime and the French Revolution. New York: Anchor Books, 1983. P. 176–177.
- 24 Там же; Samuel Huntington. Will More Countries Become Democratic? // Political Science Quarterly. 1984. № 99. P. 193–218.
- 25 George Pettee. Revolution — Typology and Process / Carl J. Friedrich. Revolution. New York: Atherton Press, 1966. P. 20.
- 26 Grane Brinton. The Anatomy of Revolution. New York: Vintage Books, 1965. P. 30–31.
- 27 Charles Tilly. Revolutions and Collective Violence / Fred I. Greenstein, Nelson W. Polsby. Handbook of Political Science. Reading, MA: Addison-Wesley, 1975. V. 3.
- 28 Harry Eckstein. On the Etiology of Internal Wars / Clifford T. Payton, Robert Blackey. Why Revolutions? Theories and Analyses. Cambridge, MA: Schenkman, 1971. P. 136.
- 29 Alexis de Tocqueville. The Old Regime and the French Revolution. New York: Anchor Books, 1983. P. 145, 146–147.
- 30 Grane Brinton. The Anatomy of Revolution. New York: Vintage Books, 1965. P. 19, 68, 45, 251.
- 31 Richter, op. cit., P. 89, 117.
- 32 Grane Brinton. The Anatomy of Revolution. New York: Vintage Books, 1965. P. 54, 251.
- 33 Мау В. Экономические реформы и революция / Гайдар Е. Экономика переходного периода. Кембридж: МИТ Пресс, 2003. С. 36.
- 34 Walter D. Connor. Builder and Destroyer: Thoughts on Gorbachev's Soviet Revolutions 1985–1991 // Demokratizatsia. 2005. № 13 (2). P. 177.
- 35 Горбачев М. О перестройке и кадровой политике партии. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 27 января 1987 года.
- 36 Горбачев М. Интервью ИТАР-ТАСС. 1992. 13 октября.
- 37 Рыжков Н. Перестройка: история предательств. М.: Новости, 1992. С. 33.
- 38 Шеварднадзе Э. Будущее принадлежит свободе. Лондон: Синклер и Стивенсон, 1991. С. 27–28, 37.
- 39 Стародубовская И., Мау В. Великие революции от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2004. С. 238, 245.
- 40 Горбачев М. Крепить ключевое звено экономики // Правда. 1990. 10 декабря.

- 41 Рыжков Н. Перестройка: история предательств. М.: Новости, 1992. С. 94, 243.
- 42 Stephen Kotkin. *Armageddon Averted*. New York: Cambridge University Press, 2001. P. 19, 9.
- 43 Чудакова М. Итоги и перспективы современной российской революции // *Общественные науки и современность*. 2002. № 2. С. 24.
- 44 Яковлев А. Муки прочтения бытия. М.: Новости, 1991. С. 31, 7–8.
- 45 Яковлев А. Сумерки. М.: Материк, 2003. С. 380.
- 46 Досье «Московские новости». 2005. 21–27 октября. С. 6.
- 47 Яковлев А. Муки прочтения бытия. М.: Новости, 1991. С. 7–8.
- 48 Корягина Т. Я и мы // *Литературная газета*. 1989. 24 мая. С. 12.
- 49 Бовин А. Перестройка: правда о социализме и судьба социализма / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 539.
- 50 Краснов М. Мы проснулись в другой стране // *Российская газета*. 2001. 18 августа. С. 4.
- 51 Robert K. Merton. *Social Theory and Social Structure*. New York: Free Press, 1968. P. 475.
- 52 Заславская Т., Розенталь А. Голос советских преобразований набирает силу // *Нью-Йорк Таймс*. 1987. 28 августа. С. А6.
- 53 Соргин В. 1985–2005: три превращения современной России // *Отечественная история*. 2005. № 3. С. 7.
- 54 Рар А. Внутри Межрегиональной депутатской группы // *Радио Свободная Европа / Радио «Свобода» — Доклад об СССР*. Мюнхен: Радио Свобода. 1990. № 43. Т. 2. С. 1.
- 55 Соргин В. 1985–2005: три превращения современной России // *Отечественная история*. 2005. № 3. С. 7–8.
- 56 Harley Balzer. *Ordinary Russians? Rethinking August 1991 / Demokratizatsia*. 2005. № 13(2). P. 198, 200–204.
- 57 Попов Г. Игры патриотов. Четвертая революция // *Московский комсомолец*. 2004. 25 мая. С. 4.
- 58 Hedrick Smith. *The New Russians*. New York: Random House, 1990. P. 88.
- 59 Валюженич Г. Наше социальное самочувствие // *Аргументы и факты*. 1988. 1–8 января. С. 2.
- 60 Ada M. Finifter, Ellen Mickiewicz. *Redefining the Political System of the USSR: Mass Support for Political Change* // *American Political Science Review*. 1992. № 4(86). V. 1. P. 859.
- 61 James L. Gibson, Raymond M. Duch, Kent L. Tedin. *Democratic Values and the Transformation of the Soviet Union* // *Journal of Politics*. 1992. № 2(54). V. 3. P. 342, V. 4. P. 344.

- 62 Gregory J. Embree. RSFSR Election Results and Roll Call Votes // *Soviet Studies*. 1991. № 6(43). P. 1069–1071.
- 63 Там же. P. 343–345.
- 64 Ada M. Finifter, Ellen Mickiewicz. Redefining the Political System of the USSR: Mass Support for Politica Change // *American Political Science Review*. 1992. № 4(86). V. 1. P. 859, 860.
- 65 Седов Л. Перемены в стране и отношение к переменам // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1995. Январь-февраль. С. 24.
- 66 Ada M. Finifter, Ellen Mickiewicz. Redefining the Political System of the USSR: Mass Support for Politica Change // *American Political Science Review*. 1992. № 4(86). V. 1. P. 864–866, 868; James L. Gibson, Raymond M. Duch, Kent L. Tedin. Democratic Values ans the Transformation of the Soviet Union // *Journal of Politics*. 1992. № 2(54). V. 3. P. 342, V. 4. P. 356–357, 359.
- 67 Левада Ю., Гудков Л. Голос народа // *Московские новости*. 1990. 22 апреля. С. 7.
- 68 Заславская Т. Это какое-то нервное истощение // *Комсомольская правда*. 1990. 30 октября. С. 2.
- 69 Гудков Л., Дубин Б. Конец харизматической эпохи // *Свободная мысль*. 1993. № 5. С. 39.
- 70 Мельвиль А. Политические ценности, ориентации и политические институты / Шевцова Л. Россия политическая. М.: Центр Карнеги, 1998. С. 157, 185.
- 71 William Zimmerman. Intergenerational Differences in Attitudes toward Forieng Policy / Arthur H. Miller, William M. Reisinger, Vicki L. Hesli. *Public Opinion and Regime Change: The New Politics of Post-Soviet Societies*. Boulder, CO: Westview Press, 1993. P. 260–261.
- 72 Там же. P. 264.
- 73 Там же. P. 268.
- 74 Никитина В. Год за годом: 1990 // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1997. Сентябрь-октябрь. С. 43.
- 75 Там же. С. 47.

Глава 2. За правду и добро: кредо гласности

- 1 Яковлев А. Сумерки. М.: Сумерки, 2003. С. 464.
- 2 Васильев Б. Прозрение // *Советский экран*. 1987. № 6. С. 5.
- 3 Черниченко Ю. Земля, экология, перестройка // *Литературная газета*. 1989. 29 января. С. 3.

- 4 Нуйкин А. Идеалы или интересы? // Новый мир. 1988. № 1. С. 190; Васильев Б. Прозрение // Советский экран. 1987. № 6. С. 5.
- 5 Яковлев А. Сумерки. М.: Сумерки, 2003. С. 373.
- 6 Там же. С. 471; Зотиков А. Возвращение с продолжением // Знамя. 1990. № 5. С. 220.
- 7 Виноградов И. Может ли правда быть поэтапной? / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 279.
- 8 Гельман А. Что сначала, что потом... // Литературная газета. 1986. 10 сентября. С. 10.
- 9 Яковлев А. Перестройка и нравственность // Советская культура. 1987. 21 июля. С. 2.
- 10 Бурлацкий Ф. Судьба реформаторов страны // Литературная газета. 1990. 27 июня. С. 1.
- 11 Бовин А. Перестройка: Правда о социализме и судьбе социализма / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 520.
- 12 Geoffrey A. Hosking. At Last an Exorcism // Times Literary Supplement, October 9–15, 1987. P. 1111, and Philip Taubman. Soviet Party Conference Delegates Turn Anger on Press and Economy // New York Times, June 30, 1988. P. A1.
- 13 Клямкин И. Почему так трудно говорить правду // Новый мир. 1988. № 2. С. 238.
- 14 Лазарев Л. Дух свободы // Знамя. 1988. № 9. С. 218.
- 15 Павлова-Сильванская М. Нетерпение // Литературная газета. 1987. 29 апреля. С. 10.
- 16 Christopher Cerf, Marina Albee. Small Fires: Letters from the Soviet People to Ogoniok Magazine 1987–1990. Summit Books, 1990. P. 69.
- 17 Обсуждая журнальный «бум» в интервью, которое вышло в январе 1988 года, два эксперта по общественному мнению связали резкое увеличение подписных тиражей с публикацией поэтов Николая Гумилева, Владислава Ходасевича, Анны Ахматовой («Реквием»), Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака, Александра Твардовского («По праву памяти»), Марины Цветаевой и Владимира Высоцкого, а также писателей Михаила Булгакова, Владимира Набокова (его стихи были опубликованы позднее), Александра Бека, Владимира Дудинцева, Даниила Гранина, Андрея Платонова и Варлама Шаламова. По данным авторского обследования читателей и библиотек, самым популярным произведением 1987 года стал роман Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» (Гудков Л., Борис Дубин Б. Что мы читаем (интервью Михаила Гуревича) // Литературное обозрение 1988. № 1. С. 93–94). Среди «журнальных хитов» перво-

го полугодия 1988 года литературовед Наталья Иванова выделяет переводы романов «О, дивный новый мир» Олдоса Хаксли и «Скотный двор» Оруэлла, а также написанную в 1920 году антиутопию Евгения Замятина «Мы».

Хорошее описание западными наблюдателями опубликованных произведений названных авторов, а также политики редакционных назначений можно найти в статьях Джеффри Хоскинга «Долгожданное изгнание дьявола» в литературном приложении к газете Times за 9–15 октября 1987 года (Geofrey A. Hosking, At Last an Exorcism // The Times Literary Supplement, October 9–15. 1987. P. 1111), а также Риитты Питтман «Перестройка и советская культурная политика: пример ведущих литературных журналов», 42-й том бюллетеня Soviet Studies, № 1 за январь 1990, С. 111–132 (Riitta H. Pittman. Perestroika and Soviet Cultural Politics // Soviet Studies, January, № 1, P. 111–132). Хоскинг справедливо включает в этот перечень повесть Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая», а Питтман — романы «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана и «Доктор Живаго» Бориса Пастернака, опубликованные в начале 1988 года в «Знамени» и «Новом мире».

Среди авторов наиболее влиятельных очерков Гудков и Дубин называют Григория Ханина, Василия Селюнина, Ларису Пияшеву, Юрия Черниченко, Юрия Афанасьева, Гавриила Попова и Анатолия Стреляного. А наиболее популярной — вышедшую в 1987 году статью Николая Шмелева «Авансы и долги». Годом позже, составляя список «прорабов перестройки» и «ее мозгового треста», куда вошли «олицетворяющие» перестройку деятели, аналитик «Огонька» по СМИ включил в него Алеся Адамовича, Федора Бурлацкого, Юрия Карякина, Отто Лациса, Андрея Нуйкина, Андрея Сахарова, Святослава Федорова и Натана Эйдельмана (Польская Л. Телевизионная провинция // Огонек. 1989. № 10. С. 22).

В 1982–1987 годах многие журналы, не имевшие революционной повестки дня, также увеличили подписные тиражи. При этом читательская аудитория самых популярных консервативных журналов — «Молодая гвардия» и «Наше современник» — сократилась на 26 и 34%, или на 230 тыс. и 113 тыс. человек соответственно.

- 18 David Remnick. Soviets Publish Shalamov Tales of the Gulag // Washington Post, June 22, 1988. P. 9.
- 19 Бобкова С. Автор бьет прямо в цель // Новый мир. 1987. № 1. С. 267.

- 20 Афанасьев Ю., Карпинский Л., Огородникова М. Мышление без погон // Московские новости. 1988. 25 сентября. С. 8.
- 21 Там же.
- 22 Клямкин И. Трудный спуск с зияющих высот. М.: Правда. Библиотека «Огонька», 1990. № 3. С. 3.
- 23 Сахаров А. Съезд не может сделать все сразу // Литературная газета. 1989. 21 июня. С. 11.
- 24 Бовин А. Перестройка: Правда о социализме и судьбе социализма / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 519.
- 25 Кива А. Кризис жанра // Новый мир. 1990. № 3. С. 206.
- 26 Клямкин И. Почему так трудно говорить правду // Новый мир. 1988. № 2. С. 219, 229.
- 27 Лазарев Л. Дух свободы / Гроссман В. «Жизнь и судьба». М.: Книжная палата, 1989. С. 661; Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1989. № 2. С. 56.
- 28 Ципко А. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4. С. 192.
- 29 Золотусский И. Крушение абстракций // Новый мир. 1989. № 1. С. 236.
- 30 Ципко А. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4. С. 192.
- 31 Клямкин И. Почему так трудно говорить правду // Новый мир. 1988. № 2. С. 215; Криворотов В., Чернышов С., Целмс Г. Мифы нашей революции // Литературная газета. 1990. 7 марта. С. 5.
- 32 Бочаров А. Мчатся мифы, бьются мифы // Октябрь. 1990. № 1. С. 191.
- 33 Кива А. Кризис жанра // Новый мир. 1990. № 3. С. 215.
- 34 Сахаров А. Съезд может сделать все сразу... // Литературная газета. 1989. 21 июня. С. 11.
- 35 Сахаров А. Неизбежность перестройки / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 123.
- 36 Буртин Ю. Вам, из другого поколения... // Октябрь. № 8. 1987. С. 202.
- 37 Клямкин И. Почему так трудно говорить правду // Новый мир. 1988. № 2. С. 205.
- 38 Жженов Г. Судьба народа и человека // Комсомольская правда. 1988. 7 ноября.
- 39 Лазарев Л. Дух свободы / Гроссман В. «Жизнь и судьба». М.: Книжная палата, 1989. С. 661.
- 40 Приставкин А. Ответственность // Огонек. 1987. № 32. С. 7.

- 41 Шубкин В. Трудное прощание // Новый мир. 1989. № 4. С. 175.
- 42 Там же.
- 43 Антонов М. Так что же с нами происходит? // Октябрь. 1987. № 8. С. 44.
- 44 Там же; Шатров М. Необратимость перемен // Огонек. 1987. № 4. С. 4
- 45 Васильев Б. Прозрение // Советский экран. 1987. № 6. С. 5.
- 46 Яковлев А. Перестройка и нравственность // Советская культура. 1987. 21 июля. С. 2.
- 47 Нуйкин А. Открытое письмо // Огонек. 1989. № 40. С. 6; Яковлев А. М. Отвержение и утверждение // Огонек. 1988. № 43. С. 14.
- 48 Шубкин В. Трудное прощание // Новый мир. 1989. № 4. С. 174, 176.
- 49 Сахаров А. Неизбежность перестройки / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 127.
- 50 Francis Fukuyama. The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order. New York: Free Press, 1990. P. 250.
- 51 Клямкин И. Почему так трудно говорить правду // Новый мир. 1988. № 2. С. 205, 237.
- 52 Карякин Ю. Это наш последний шанс. Цит. по: Круглый стол «Что будет, если и эта перестройка погибнет?» // Московские новости. 1988. 5 июня. С. 9.
- 53 Кантор В. Имя роковое // Вопросы литературы. 1988. № 3. С. 85.
- 54 Гельман А. Что сначала, что потом... // Литературная газета. 1986. 10 сентября. С. 10.
- 55 Карпинский Л. Почему сталинизм не сходит со сцены? / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 660.
- 56 Кива А. Кризис жанра // Новый мир. 1990. № 3. С. 207.
- 57 Samuel Johnson. Rasselas, Poems, and Selected Prose. ed. Bertrand N. Bronson, New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. P. 259.
- 58 Бурлацкий Ф. Судьба реформаторов страны // Литературная газета. 1990. 27 июня.
- 59 Яковлев А. Сумерки. М.: Сумерки, 2003. С. 587.
- 60 Буртин Ю. Вам, из другого поколения... // Октябрь. № 8. 1987. С. 194.
- 61 Ципко А. Нужны ли нам еще эксперименты? Идеологические парадоксы реформ // Родина. 1990. № 1.
- 62 Золотуский И. Крушение абстракций // Новый мир. 1989. № 1. С. 241.
- 63 Lord Macaulay. The History of England. New York: Penguin Classics, 1968. P. 273.
- 64 Сахаров А. Неизбежность перестройки / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 122–123; Кива А. Кризис жанра // Новый мир. 1990. № 3. С. 213.

- 65 Кива А. Кризис жанра // Новый мир. 1990. № 3. С. 216; Карякин Ю. Это наш последний шанс. Цит. по: Круглый стол «Что будет, если и эта перестройка погибнет?» // Московские новости. 1988. 5 июня.
- 66 Адамович А. Воспоминание о будущем, которого не должно быть. Цит. по: Круглый стол «Что будет, если и эта перестройка погибнет?» // Московские новости. 1988. 5 июня.
- 67 Баткин Л. Возобновление истории / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 154.
- 68 Карякин Ю. Это наш последний шанс. Цит. по: Круглый стол «Что будет, если и эта перестройка погибнет?» // Московские новости. 1988. 5 июня. С. 8.
- 69 Адамович А. Оптимизм делания // Московские новости. 1988. 11 сентября. С. 13.
- 70 Айтматов Ч. Цена прозрения. Интервью с Феликсом Медведевым // Огонек. 1987. № 28. С. 7.
- 71 As quoted in James M. McPherson. Battle Cry of Freedom. New York: Oxford University Press, 1988. P. 63–64.
- 72 Черниченко Ю. Трава из-под стога / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 601.
- 73 Васинский А. Терпимость к инакомыслию // Московские новости. 1988. 11 сентября. С. 13.
- 74 Воскресенский Л. Обрести достоинство в борьбе // Московские новости. 1988. 17 января. С. 13.
- 75 Карякин Ю. Стоит ли наступать на грабли? // Знамя. 1987. № 9. С. 219
- 76 Васильев Б. Прозрение // Советский экран. 1987. № 6. С. 5.
- 77 Кон И. Психология социальной инерции // Коммунист. 1988. № 1. С. 64.
- 78 Залыгин С. Год Солженицына // Новый мир. 1990. № 1. С. 240.
- 79 Золотусский И. Крушение абстракций // Новый мир. 1989. № 1. С. 243.
- 80 Васинский А. Терпимость к инакомыслию // Московские новости. 1988. 11 сентября. С. 13.
- 81 Дёдкин И. Возможность нового мышления // Новый мир. 1986. № 10. С. 229.
- 82 Зоркая Н. Дорогой, которая ведет к храму // Искусство кино. 1987. № 5. С. 53; Приставкин А. Ответственность // Огонек. 1987. № 32. С. 7.
- 83 Стариков Е. Маргиналы // Знамя. 1989. № 10. С. 158.
- 84 Залыгин С. Год Солженицына // Новый мир. 1990. № 1. С. 237.
- 85 Золотусский И. Крушение абстракций // Новый мир. 1989. № 1. С. 238.

- 86 Andrei Voznesensky, "A Poet's View of Glasnost," *The Nation*, June 13, 1987; Ганина М. Без оболщений прежних дней // Литературная газета. 1988. 13 января. С. 11.
- 87 Бочаров А. Мчатся мифы, бьются мифы // Октябрь. 1990. № 1. С. 181–191.
- 88 Рыбаков А. Рана, которая кровоточит // Московские новости. 1988. 27 ноября.
- 89 Vitaliy Korotich, foreword to Korotich and Cathy Porter, eds., *The New Soviet Journalism: The Best of the Soviet Weekly Ogonyok*, Boston: Beacon Press, 1990: vii.
- 90 Черниченко Ю. Земля, экология, перестройка // Литературная газета. 1989. 29 января. С. 3.
- 91 Яковлев Е. Четыре дня: как это было // Московские новости. 1988. 10 июля. С. 3. Венгеров А. Заслон вождизму // Огонек. 1988. № 23. С. 14.
- 92 Некролог об Андрее Дмитриевиче Сахарове // Новый мир. 1990. № 2. С. 271.
- 93 Яковлев Е. Четыре дня: как это было // Московские новости. 1988. 10 июля. С. 3.
- 94 Vitaliy Korotich, foreword to Korotich and Cathy Porter, eds., *The New Soviet Journalism: The Best of the Soviet Weekly Ogonyok*, Boston: Beacon Press, 1990: 14.
- 95 Гаспаршвили А., Колокольцев А., Туманов С. Портрет кандидата в народные депутаты СССР // Московские новости. 1989. 19 марта. С. 7.
- 96 Павлова-Сильванская М. Нетерпение // Литературная газета. 1987. 29 апреля. С. 10.

Часть вторая. Кто мы?

Глава 3. Внутри «глухой зоны»

- 1 Изюмов А. Гласность в экономике // Московские новости. 1988. 10 июля. С. 13.
- 2 Иванов Ф. О преступности — гласно // Известия. 1988. 10 сентября. С. 2.
- 3 Черниченко Ю. Журналист // Знамя. 1987. № 7. С. 223; Буртин Ю. Вам, из другого поколения... // Октябрь. № 8. 1987. С. 194.
- 4 Твардовский А. По праву памяти // Знамя. 1987. № 2. С. 11.
- 5 Гальцева П., Роднянская И. Помеха — человек // Новый мир. 1988. № 12. С. 227.

- 6 Свирский В. История умалчивает // Известия. 1987. 21 июля. С. 3.
- 7 Поляков Ю. Дорожить каждым годом нашей истории // Литературная газета. 1987. 29 июля. С. 10.
- 8 Карякин Ю. Больше социализма! Круглый стол // Огонек. 1988. № 12. С. 10.
- 9 Водолазов Г. Больше социализма! Круглый стол // Огонек. 1988. № 12.
- 10 Кондрашов А. Из мрака секретности // Новый мир. 1989. № 8. С. 182.
- 11 Блюм А. Свободно от евреев // Новое время. 2005. № 20. С. 37.
- 12 Там же. С. 36.
- 13 Солженицын А. Нобелевская лекция // Новый мир. 1989. № 7. С. 140.
- 14 Шиндель А. Свидетель // Знамя. 1987. № 9. С. 207–217.
- 15 Ерофеев В. Поминки по советской литературе // Литературная газета. 1990. 7 апреля. С. 8.
- 16 Буртин Ю. Живое и мертвое // Литературная газета. 1990. № 34. С. 7.
- 17 Золотусский И. Крушение абстракций // Новый мир. 1989. № 1. С. 245.
- 18 Черных Е. Реабилитация // Комсомольская правда. 1989. 19 марта. С. 2.
- 19 Карякин Ю. Больше социализма! Круглый стол // Огонек. 1988. № 12. С. 6.
- 20 Гордон Л. Больше социализма! Круглый стол // Огонек. 1988. № 12. С. 6.
- 21 Виноградов И. Может ли правда быть поэтапной? / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 289.
- 22 Бовин А. Перестройка: Правда о социализме и судьбе социализма / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 519.
- 23 Солженицын А. Нобелевская лекция // Новый мир. 1989. № 7. С. 142.
- 24 Солженицын А. Раковый корпус. Глава 32.
- 25 Мандельштам О. Мы живем, под собою не чуя страны... / Мандельштам О. Собр. соч. М.: Терра, 1991. Т. 1. С. 202.

Глава 4. В поисках истории

- 1 Сахнин А. Не бросаться словами // Московские новости. 1988. 24 апреля. С. 15.
- 2 Афанасьев Ю. Перестройка и историческое знание / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 498.

- 3 Афанасьев Ю. Перестройка и историческое знание // Литературная Россия. 1988. 17 июня. С. 8.
- 4 Карпинский Л. С социализмом наперевес // Московские новости. 1990. 27 мая. С. 7.
- 5 Эйдельман Н. Оптимизм исторического сознания // Огонек. 1988. № 44. С. 2.
- 6 Свирский В. История умалчивает // Известия. 1987. 21 июля. С. 3.
- 7 Там же.
- 8 Карякин Ю. Стоит ли наступать на грабли? // Знамя. 1987. № 9. С. 219.
- 9 Аганбегян А. Человек и экономика // Огонек. 1987. № 30. С. 15.
- 10 Клямкин И. Почему так трудно говорить правду? // Новый мир. 1988. № 2. С. 219, 229.
- 11 Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1989. № 2. С. 61.
- 12 Клямкин И. Какая улица ведет к храму? // Новый мир. 1987. № 11. С. 150.
- 13 Виноградов И. Может ли правда быть поэтапной? / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 283.
- 14 Евтушенко Е. Предисловие к статье Рапопорт Н. «Память — тоже медицина» // Юность. 1988. № 4. С. 76.
- 15 Вольтер Б. Прозрение идет слишком медленно // Московские новости. 1988. 6 ноября. С. 2.
- 16 Ципко А. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4. С. 202.
- 17 Кантор В. Имя роковое. В поисках личности: опыт русской классики // Вопросы литературы. 1988. № 3. С. 84.
- 18 Шатров М. Необратимость перемен // Огонек. 1987. № 4. С. 4.
- 19 Толстой Л. Николай Палкин / Толстой Л. Полн. собр. соч. М.: Художественная литература. 1936. Т. 26. С. 555–562.

Глава 5. «Невинно осужденные, оклеветанные, уничтоженные»

- 1 Муратов С. Если это революция, то подпольная // Московские новости. 1988. 10 июля. С. 10.
- 2 Гозман Л., Эткинд А. Культ власти. Структура тоталитарного сознания / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 338.
- 3 Позняк З. Куропаты: народная трагедия, о которой должны знать все // Московские новости. 1988. 9 октября. С. 16.
- 4 Киселев С. Еще раз о Быковне // Литературная газета. 1990. 10 октября. С. 13.

- 5 Там же.
- 6 Медведев Р. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 ноября. С. 8; Медведев Р. Трагическая статистика // Аргументы и факты. 1989. 4–10 февраля. С. 5–6.
- 7 Шубкин В. Трудное прощание // Новый мир. 1989. № 4. С. 172.
- 8 Попов В., Шмелев Н. На развилке дорог / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 301.
- 9 Адамович А. Оглянись окрест! // Огонек. 1988. № 39. С. 29.
- 10 Буева Л., Бурлацкий Ф., Тимошкин О. Освободиться от деформации социализма // Аргументы и факты. 1988. 23–29 апреля. С. 3.
- 11 Ибрагимов З., Картушин И. Матренин грех // Огонек. 1989. № 5. С. 21, 23.
- 12 Кытманова М. Письмо в журнал «Знамя» // Знамя. 1987. № 8. С. 230.
- 13 Гроссман В. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1989. С. 477.
- 14 Шаламов В. Новая проза // Новый мир. 1989. № 12. С. 12.
- 15 Шаламов В. Из колымских рассказов // Знамя. 1989. № 6. С. 27.
- 16 Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ // Новый мир. 1989. № 8–10.
- 17 Рыбаков А. Дети Арбата. Книга вторая: Страх. Спб: Амфора, 2004. С. 276–277.
- 18 Яковлев А. Сумерки. М.: Материк, 2005.
- 19 Твардовский А. По праву памяти // Знамя. 1987. № 2. С. 9.
- 20 Рыбаков А. Дети Арбата. Книга третья: Прах и пепел. Спб: Амфора, 2004. С. 295.
- 21 Щербакова И. Надо помнить и прошлое // Московские новости. 1988. 27 ноября. С. 12.
- 22 Там же.
- 23 Щербакова И. Один из ста, из пятисот, из тысячи // Московские новости. 1988. 30 октября. С. 16.
- 24 Гроссман В. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1989. С. 476.
- 25 Щербакова И. Надо помнить и прошлое // Московские новости. 1988. 27 ноября. С. 13.
- 26 Альбац Е. Прощению не подлежат // Московские новости. 1988. 8 мая. С. 13.
- 27 Там же.
- 28 Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. М.: Советский писатель, 1989. С. 555.
- 29 Шрейдер М. Иваново, 1937 // Московские новости. 1988. 27 ноября. С. 7.
- 30 Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. М.: Советский писатель, 1989. С. 289.

- 31 Шаламов В. Новая проза // Новый мир. 1989. № 12. С. 51
- 32 Медведев Р. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 ноября. С. 8.
- 33 Герасимов И. Стук в дверь // Октябрь. 1987. № 2. С. 130–132.
- 34 Пулатов Т. Крымские татары жаждут исхода // Московские новости. 1989. 9 апреля. С. 13.
- 35 Там же.
- 36 Аксакова Б. Письмо редактору журнала «Огонек» // Огонек. 1989. № 4. С. 3.
- 37 Бугай Н. В бессрочную ссылку // Московские новости. 1990. 14 октября. С. 11.
- 38 Медведев Р. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 ноября. С. 9.
- 39 Шуткевич В. Молчит катынский лес // Комсомольская правда. 1990. 20 января. С. 3.; Лебедева Н. Катынские голоса // Новый мир. 1991. № 2. С. 211.
- 40 Там же.
- 41 Там же.
- 42 Жаворонков Г. После расстрела мыли руки спиртом // Московские новости. 1990. 16 сентября. С. 15.
- 43 Лебедева Н. Катынские голоса // Новый мир. 1991. № 2. С. 212–216.
- 44 Киселев С. Еще раз о Быковне // Литературная газета. 1990. 10 октября. С. 13.
- 45 Жаворонков Г. После расстрела мыли руки спиртом // Московские новости. 1990. 16 сентября. С. 15.
- 46 Там же.
- 47 Там же.
- 48 Жаворонков Г. После расстрела мыли руки спиртом // Московские новости. 1990. 16 сентября. С. 11.
- 49 Разгон Л. Приводящий в исполнение // Московские новости. 1988. 27 ноября. С. 15.
- 50 Измайлова Н. Стон // Московские новости. 1988. 23 октября. С. 16.
- 51 Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. М.: Советский писатель, 1989. С. 353.
- 52 Там же. С. 583
- 53 Василевский А. Страдание памяти // Октябрь. 1989. № 4. С. 182.
- 54 Чуковская Л. Спуск под воду. М.: Московский рабочий, 1988. С. 158.
- 55 Косинова А. Письмо в «Огонек» // Огонек. 1989. Цит. по: Christopher Cerf and Marina Albee. Small Fires: Letters from the Soviet

- People to Ogonyok Magazine, 1987–1990. New York: Summit Books, 1990. P. 245–246.
- 56 Шаламов В. Новая проза // Новый мир. 1989. № 12. С. 87.
- 57 Шаламов В. Из колымских рассказов // Знамя. 1989. № 6. С. 20.
- 58 Там же. С. 9.
- 59 Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. М.: Советский писатель, 1989. С. 583.
- 60 Шаламов В. Из колымских рассказов // Знамя. 1989. № 6. С. 27, 28, 9; Чуковская Л. Спуск под воду. М.: Московский рабочий, 1988. С. 136.
- 61 Шаламов В. Новая проза // Новый мир. 1989. № 12. С. 43.
- 62 Шаламов В. Из колымских рассказов // Знамя. 1989. № 6. С. 16–17.
- 63 Шаламов В. Новая проза // Новый мир. 1989. № 12. С. 43.
- 64 Шаламов В. О моей прозе. Цит. по: Шаламов В. Новая проза // Новый мир. 1989. № 12. С. 59, 63.
- 65 Шаламов В. Новая проза // Новый мир. 1989. № 12. С. 42.
- 66 Селюнин В. Истоки // Новый мир. 1988. № 5. С. 177.
- 67 Шаламов В. Новая проза // Новый мир. 1989. № 12. С. 9.
- 68 Шаламов В. Из колымских рассказов // Знамя. 1989. № 6. С. 17.
- 69 Там же. С. 8.
- 70 Там же.
- 71 Муратов С. Если это революция, то подпольная // Московские новости. 1988. 10 июля. С. 10.
- 72 Шаламов В. Из колымских рассказов // Знамя. 1989. № 6. С. 12.

Глава 6. Уничтожение крестьян

- 1 Оскотский В. За что? // Знамя. 1990. № 4. С. 223–224.
- 2 Жженев Г. Судьба народа и человека // Комсомольская правда. 1988. 7 ноября. С. 4; Шубкин В. Трудное прощание // Новый мир. 1989. № 4. С. 170.
- 3 Данилов В., Тепцов Н., Смирнов Л. Коллективизация: как это было // Правда. 1988. 16 сентября. С. 3; Воцанов П. Злоба и зависть обрекают нас на бедность // Комсомольская правда. 1989. 2 декабря. С. 3.
- 4 Данилов В., Тепцов Н., Смирнов Л. Коллективизация: как это было // Правда. 1988. 16 сентября. С. 3.
- 5 Гроссман В. Все течет // Октябрь. 1989. № 6. С. 76.
- 6 Медведев Р. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 ноября; Попов В., Шмелев Н. На развилке дорог / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 296.

- 7 Заворотный С., Положевец П. Операция ГОЛОД // Комсомольская правда. 1990. 3 февраля. С. 2; Медведев Р. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 ноября.
- 8 Медведев Р. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 ноября.
- 9 Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1989. № 2. С. 56.
- 10 Donald Rayfield. Stalin and His Hangmen: The Tyrant and Those Who Killed for Him. New York: Random House, 2004. P. 189.
- 11 Ibid. P. 191.
- 12 Вощанов П. Злоба и зависть обрекают нас на бедность // Комсомольская правда. 1989. 2 декабря. С. 3.
- 13 Шубкин В. Трудное прощание // Новый мир. 1989. № 4. С. 171.
- 14 Данилов В., Тепцов Н., Смирнов Л. Коллективизация: как это было // Правда. 1988. 16 сентября. С. 3.
- 15 Там же.
- 16 Вощанов П. Злоба и зависть обрекают нас на бедность // Комсомольская правда. 1989. 2 декабря. С. 3.
- 17 Там же.
- 18 Там же.
- 19 Мочалова Н. Письмо в «Комсомольскую правду» // Комсомольская правда. 1989. 25 января. С. 2.
- 20 Гроссман В. Все течет // Октябрь. 1989. № 6. С. 76.
- 21 Быков В. Облава // Новый мир. 1990. № 1. С. 132, 139.
- 22 Булгаков В. Письмо в «Огонек» // Огонек. 1989.
- 23 Мочалова Н. Письмо в «Комсомольскую правду» // Комсомольская правда. 1989. 25 января. С. 2; Вощанов П. Злоба и зависть обрекают нас на бедность // Комсомольская правда. 1989. 2 декабря. С. 3.
- 24 Гроссман В. Все течет // Октябрь. 1989. № 6. С. 76.
- 25 Мочалова Н. Письмо в «Комсомольскую правду» // Комсомольская правда. 1989. 25 января. С. 2.
- 26 Там же.
- 27 Гроссман В. Все течет // Октябрь. 1989. № 6. С. 76.
- 28 Мочалова Н. Письмо в «Комсомольскую правду» // Комсомольская правда. 1989. 25 января. С. 2.
- 29 Там же.
- 30 Черниченко Ю. Поднявшийся первым // Новый мир. 1989. № 9. С. 188; Данилов В., Тепцов Н., Смирнов Л. Коллективизация: как это было // Правда. 1988. 16 сентября. С. 3; Селюнин В. Истоки // Новый мир. 1988. № 5. С. 178.
- 31 Данилов В., Тепцов Н., Смирнов Л. Коллективизация: как это было // Правда. 1988. 16 сентября. С. 3.
- 32 Там же.

- 33 Там же.
- 34 Заворотный С., Положевец П. Операция ГОЛОД // Комсомольская правда. 1990. 3 февраля. С. 2.
- 35 Там же.
- 36 Черниченко Ю. Поднявшийся первым // Новый мир. 1989. № 9. С. 189.
- 37 Черниченко Ю. О хлебе насущном // Комсомольская правда. 1989. 12 марта. С. 2; Заворотный С., Положевец П. Операция ГОЛОД // Комсомольская правда. 1990. 3 февраля. С. 2.
- 38 Заворотный С., Положевец П. Операция ГОЛОД // Комсомольская правда. 1990. 3 февраля. С. 2.
- 39 Там же.
- 40 Гроссман В. Все течет // Октябрь. 1989. № 6. С. 77–78.
- 41 Поножко Р. Поездка в Загорье // Новый мир. 1990. № 6. С. 194–195.
- 42 Гроссман В. Все течет // Октябрь. 1989. № 6. С. 79.
- 43 Там же.
- 44 Заворотный С., Положевец П. Операция ГОЛОД // Комсомольская правда. 1990. 3 февраля. С. 2; Гроссман В. Все течет // Октябрь. 1989. № 6. С. 79–80.
- 45 Гроссман В. Все течет // Октябрь. 1989. № 6. С. 79; Гроссман В. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1989. С. 425.
- 46 Селюнин В. Истоки // Новый мир. 1988. № 5. С. 162; Гроссман В. Все течет // Октябрь. 1989. № 6. С. 79.
- 47 Гроссман В. Все течет // Октябрь. 1989. № 6. С. 80.
- 48 Заворотный С., Положевец П. Операция ГОЛОД // Комсомольская правда. 1990. 3 февраля. С. 2; Гроссман В. Все течет // Октябрь. 1989. № 6. С. 80.
- 49 Гроссман В. Все течет // Октябрь. 1989. № 6. С. 82.
- 50 Заворотный С., Положевец П. Операция ГОЛОД // Комсомольская правда. 1990. 3 февраля. С. 2.
- 51 Черниченко Ю. Трава из-под стога / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 609 .
- 51 Заворотный С., Положевец П. Операция ГОЛОД // Комсомольская правда. 1990. 3 февраля. С. 2.
- 53 Там же.
- 54 Там же.
- 55 Гроссман В. Все течет // Октябрь. 1989. № 6. С. 81.
- 56 Там же.
- 57 Там же.
- 58 Заворотный С., Положевец П. Операция ГОЛОД // Комсомольская правда. 1990. 3 февраля. С. 2.

Глава 7. Развенчание легитимирующих мифов

Миф 1-й: продукты, жилье, медицинская помощь, «детство золотое» и уровень жизни

- 1 Robert K. Merton. *Social Theory and Social Structure*. New York: Free Press, 1968. P. 475.
- 2 Карпычев А. Кризис доверия? // *Правда*. 1988. 24 июня. С. 3.
- 3 Лошак В. Страна квартирного учета // *Московские новости*. 1990. 3 июня. С. 3.
- 4 Беккер А. Мясо на вывоз // *Московские новости*. 1988. 10 июля. С. 13.
- 5 Черниченко Ю. Трава из-под стога / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 616.
- 6 Баткин Л. Возобновление истории. / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 155.
- 7 Аганбегян А. Человек и экономика // *Огонек*. 1987. № 29. С. 4.
- 8 Алешковский П. Про колбасу // *Огонек*. 1988. № 33. С. 28.
- 9 Larisa Vasilieva. *A Glimpse of Diplomacy From the Sideline // International Affairs*. February. 1989. P. 93.
- 10 Говорухин С. Жуть! // *Советская культура*. 1989. 7 октября. С. 11; Цамалаидзе В. Чужая среди своих // *Правда*. 1989. 30 ноября. С. 2.
- 11 Ворошилов П., Соловьев А. Конструктивный диалог с шахтерами // *Известия*. 1989. 18 июля. С. 1.
- 12 Лошак В. Страна квартирного учета // *Московские новости*. 1990. 3 июня. С. 3.
- 13 Великанова Л., Николаев С. Каждой семье — здоровую квартиру // *Литературная гостиная*. 1988. 31 августа. С. 4.
- 14 Карпычев А. Кризис доверия? // *Правда*. 1988. 24 июня. С. 3.
- 15 Симуров А., Студеникин П. Нет в душе благодарности... // *Правда*. 1987. 25 ноября. С. 2.
- 16 Походная В. Кому нужна твоя семья? // *Огонек*. 1989. 16 сентября. Цит. по: Christopher Cerf and Marina Albee. *Small Fires: Letters from the Soviet People to Ogonyok Magazine, 1987–1990*. New York: Summit Books, 1990. P. 127.
- 17 Там же.
- 18 Левада Ю. *Есть мнение*. Москва: Прогресс, 1990. С. 253.
- 19 Там же. С. 265.
- 20 Овчаров М. 100 записок из зала // *Известия*. 1988. 6 сентября. С. 3.
- 21 Карпычев А. Кризис доверия? // *Правда*. 1988. 24 июня. С. 3.
- 22 Козин В. Тайна квадратных метров // *Комсомольская правда*. 1987. 3 февраля. С. 2.

- 23 Криворучко А. Что стоит за проблемами // Аргументы и факты. 1989. 6–12 февраля. С. 4.
- 24 Аганбегян А. Человек и экономика // Огонек. 1987. № 30. С. 13; Речь министра здравоохранения СССР Евгения Чазова на XIX Всесоюзной конференции КПСС // Правда. 1988. 30 июня. С. 4.
- 25 Федоров С. Воинство со стрелами // Правда. 1987. 28 сентября. С. 3.
- 36 Чазов Е. Когда болезнь обгоняет лекарства // Литературная газета. 1988. 3 февраля. С. 11; Чазов Е. Сотни воителей стоит один врачеватель искусный // Огонек. 1988. № 42. С. 2.
- 27 Речь Егоровой И.А., заведующей отделением Алтайской краевой клинической больницы, г. Барнаул 8 июня 1989 г. Цит. по: Первый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. 3. М: Издание Верховного Совета СССР, 1989. С. 72.
- 28 Трофимов Н. Цифры вместо больных // Правда. 1987. 2 сентября. С. 2.
- 29 Речь Егоровой И. А., заведующей отделением Алтайской краевой клинической больницы, г. Барнаул 8 июня 1989 г. Цит. по: Первый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. 3. М: Издание Верховного Совета СССР, 1989. С. 73.
- 30 Сергеев П. Дефицит лекарств. Чья вина? // Правда. 1989. 13 июля. С. 3.
- 31 Рыжков Н. Служить интересам народа. Речь на Первом съезде народных депутатов СССР 7 июня 1989 г. // Известия. 1989. 8 июня. С. 2.
- 32 Курасов В. Излечима ли лекарственная болезнь? // Известия. 1989. 21 октября. С. 3.
- 33 Речь Егоровой И.А., заведующей отделением Алтайской краевой клинической больницы, г. Барнаул 8 июня 1989 г. Цит. по: Первый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. 3. М: Издание Верховного Совета СССР, 1989. С. 74.
- 34 Речь министра здравоохранения СССР Евгения Чазова на XIX Всесоюзной конференции КПСС // Правда. 1988. 30 июня. С. 4.
- 35 Тольц М. Вдовы // Огонек. 1987. № 18. С. 18.
- 36 Чазов Е. Когда болезнь обгоняет лекарства // Литературная газета. 1988. 3 февраля. С. 11.
- 37 Лесков С. Заразились в больнице // Известия. 1989. 12 мая. С. 7.
- 38 Тугорская С. Потрясение // Известия. 1989. 7 марта. С. 3; Аллова А. Лучше не думать? // Огонек. 1989. № 26. С. 28.
- 39 Лесков С. Заразились в больнице // Известия. 1989. 12 мая. С. 7.
- 40 Шеваров Д. СПИД. Социальный портрет явления // Комсомольская правда. 1990. 24 мая. С. 2.

- 41 Речь министра высшего и среднего специального образования СССР Геннадия Ягодина на XIX Всесоюзной конференции КПСС // Правда. 1988. 2 июля. С. 9.
- 42 Чурбанов В. ...принадлежит народу // Огонек. 1988. № 37. С. 19.
- 43 Ярунина О. К чему приводит бездушие // Труд. 1988. 19 января. С. 2.
- 44 «Работающие дети» детского дома в Курской области, в 450 километрах к югу от Москвы, диагностированные как «психохроники», начинали свою рабочую смену на находящейся неподалеку молочной ферме: убрали навоз, мыли и доили коров. Затем они завтракали (не моя руки, потому что «мыло не выдавалось уже долгое время») и возвращались на ферму. Никто не знал, что происходило с деньгами, которые эти дети зарабатывали, но в специальном магазине для персонала детского дома были молоко и мясо — такую «плату натурой» дети получали за работу на ферме. Непосильный труд постепенно превратил детей в «популярных и апатичных рабов, — пишет корреспондент «Комсомольской правды». — Сегодня в детских домах мы видим намеренное снижение интеллекта детей, подавление человеческого духа в их сознании... Пусть судьба уберезит вас от необходимости переступить порог этого дома» (Вишневская Т. Рабы немые // *Комсомольская правда*. 1990. 9 января. С. 2).
- 45 Речь министра здравоохранения СССР Евгения Чазова на XIX Всесоюзной конференции КПСС // Правда. 1988. 30 июня. С. 4.
- 46 Кулаков В. [Директор Всесоюзного научно-исследовательского центра по охране здоровья матери и ребенка] Ребенок без присмотра? // Правда. 1987. 10 августа. С. 4.
- 47 Там же.
- 48 Шеваров Д. СПИД. Социальный портрет явления // *Комсомольская правда*. 1990. 24 мая. С. 2.
- 49 Стороженко, Стародубова, Корякина и др. Письмо в журнал «Огонек» // Огонек. № 42. С. 5.
- 50 Дурной сон? // *Работница*. 1988. № 11. С. 36.
- 51 Потерпите, женщина! Письма в «Работницу» // *Работница*. 1989. № 2. С. 24.
- 52 Там же. С. 23.
- 53 Петраков Н. Доходы и расходы // *Советская культура*. 1989. 6 июля. С. 6.
- 54 Черняк А. Едоки по статистике и в жизни // *Правда*. 1988. 1 сентября. С. 3; Петраков Н. Доходы и расходы // *Советская культура*. 1989. 6 июля. С. 6.

- 55 Можина М. Кто там за чертой бедности? // Социалистическая индустрия. 1988. 1 июня. С. 3.
- 56 Римашевская И. Прожиточный минимум // Аргументы и факты. 1990. 7–13 апреля. С. 2.
- 57 В эссе «Маргиналы» (Знамя. 1989. № 10), Евгений Стариков приводит аналогичные цифры из работы исследовательской группы, возглавляемой академиком Татьяной Заславской: 8,8% людей не могли прожить на свои зарплаты, а 24% имели средства лишь на элементарные нужды (с. 153). В своих ответах на вопросы анкеты, опубликованной в «Литературной газете» в начале 1989 года, 27% опрошенных отметили, что у них хватало денег лишь на элементарные потребности, а 29% сообщили, что их зарплат не хватает, чтобы прожить до конца месяца, что вынуждало их «постоянно» занимать деньги у родственников и друзей (Голов А., Гражданкин А., Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н., Левада Ю., Левинсон А., Седов Л. Что мы думаем // *Литературная газета*. 1989. 29 марта. С. 12).

В январе 1992 года, когда после распада Советского Союза Россия стала независимым государством, доходы 49 миллионов россиян (34%) находились на уровне ниже «минимального прожиточного». К 1995 году это число сократилось до 25% (Основные социально-экономические показатели уровня жизни населения. Госкомстат. Статистика доступна по ссылке: http://www.gks.ru/free_doc/2006/ruso6e/07-01.htm, данные на 10 июля 2007 года. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. Госкомстат. Статистика доступна по ссылке: www.gks.ru/free_doc/2006/bo6_13/06-25.htm, данные на 10 июля 2007 года).

В письме в газету «Правда» в декабре 1989 года одна женщина жаловалась, что ее дочь носила одни и те же меховые ботинки на протяжении последних трех лет, добавив, что они «наконец выбросили их прошлой весной»... С тех пор они два или три раза в неделю ходили по магазинам, но так и не нашли замену. «Я сама шью и вяжу одежду для всей семьи. Но я не могу сама сделать обувь. Впервые за четыре года я купила себе пару обуви в комиссионном магазине. До этого момента я носила обувь из ткани, что приводило к хроническим болезням. Мы не на юге живем, знаете ли!» (Аглямова Т. Босые по наследству? // *Правда*. 1989. 19 декабря. С. 2).

Что касается более высокой ступени советской социальной пирамиды, то в одном из романов эссеиста, экономиста и экономического историка Николая Шмелева, в котором под вымышленными именами подразумеваются реальные лица, плачущая жена рассказывает своему мужу: «Нищета... Ты посмотри, в чем я хожу... Знаешь

- сколько раз я эти туфли чинила? А у меня муж доцент. И сама я тоже вроде не последний человек... Старший редактор в солидном журнале» (Шмелев Н. Пашков дом // *Знамя*. 1987. № 3. С. 107).
- 58 Хазбулатов Р. Бедные люди отечества // *Комсомольская правда*. 1989. 6 июля. С. 2.
- 59 Бергер М. Сколько стоит одеть ребенка? // *Известия*. 1987. 23 сентября. С. 2.
- 60 Гродон Л., Клопов Е. Сталинизм и постсталинизм: необходимость преодоления / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 483.
- 61 Семейный бюджет: доход и расход // *Правда*. 1989. 19 мая. С. 5.
- 62 Там же.
- 63 Там же.
- 64 Сахаров А. Неизбежность перестройки / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 124.
- 65 Можина М. Кто там за чертой бедности? // *Социалистическая индустрия*. 1988. 1 июня. С. 3.
- 66 Лемяцких А. Ни слова доброго, ни дров... // *Правда*. 1987. 17 августа. С. 1.
- 67 Останчук В. Я трудился сколько мог... // *Известия*. 1987. 3 сентября. С. 3.
- 68 Нуйкин А. О цене слова и ценах на продукты // *Огонек*. 1988. № 22. С. 7.
- 69 Воронина З. Нужна помощь // *Известия*. 1988. 21 сентября. С. 6.
- 70 Говорухин С. Жуть! // *Советская культура*. 1989. 7 октября. С. 11.

Глава 8. Развенчание легитимирующих мифов

Миф 2-й: прогресс, «государство рабочих и крестьян», равноправие, «свобода от эксплуатации», Новочеркасск

- 1 Селюин В., Ханин Г. Лукавая цифра // *Новый мир*. 1987. № 2. С. 192.
- 2 Там же. С. 176–177, 193.
- 3 Попов В., Шмелев Н. На развилке дорог / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 296.
- 4 Там же. С. 295.
- 5 Кива А. «Октябрь» в зеркале утопии и антиутопии // *Известия*. 1990. 5 ноября. С. 3.
- 6 Аганбегян А. Человек и экономика // *Огонек*. 1987. № 30. С. 14–13; Заславская Т. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // *Коммунист*. 1986. № 13. С. 68.

- 7 Чазов Е. Сотни воителей стоит один врачеватель искусный // Огонек. 1988. № 42. С. 2.
- 8 Волин В. Охрана от безопасности // Московские новости. 1989. 27 августа. С. 10.
- 9 Моргун Ф. Речь на XIX Всесоюзной конференции КПСС // Правда. 1988. 2 июля. С. 6.
- 10 Речь Яблокова А.В., заведующего лабораторией постнатального онтогенеза Института биологии развития им. Н. К. Кольцова АН СССР. Цит. по: Первый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. 3. М: Издание Верховного Совета СССР, 1989. С. 98.
- 11 Сахаров А. Неизбежность перестройки / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 123.
- 12 Рыжков Н. Перестройка: история предательств. М.: Новости, 1992. С. 236.
- 13 Попов В., Шмелев Н.. На развилке дорог / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 299.
- 14 Шумский А. Пахать пока нечем // Московские новости. 1988. 31 июля. С. 9.
- 15 Апенченко Ю. Кузбасс. Жаркое лето // Знамя. 1989. № 10. С. 166.
- 16 Говорухин С. Жуть! // Советская культура. 1989. 7 октября. С. 11.
- 17 Данков Г. Защитник ждет защиты // Советская культура. 1989. 5 октября. С. 3.
- 18 Рускова В. Телефонные истории, которые тянутся 22 года // Правда. 1987. 2 декабря. С. 4.
- 19 Шапилов К. Речь на Первом съезде народных депутатов СССР 1 июня 1989 г. // Известия. 1989. 2 июня. С. 8.
- 20 Зайченко А. США—СССР: личное потребление // США. 1988. 12 декабря. С. 17—18.
- 21 Там же. С. 15, 18.
- 22 Там же. С. 17.
- 23 Там же. С. 19.
- 24 Там же. С. 20, 22.
- 25 Чурбанов В. ...принадлежит народу // Огонек. 1988. № 37. С. 19.
- 26 Гудков Л., Дубин Б. Литературная культура: процесс и рации // Дружба народов. 1988. № 2. С. 178.
- 27 Чурбанов В. ...принадлежит народу // Огонек. 1988. № 37. С. 19.
- 28 Васинский А. Не даь задуть свечу // Известия. 1989. 3 марта. С. 3.
- 29 Зайченко А. США—СССР: личное потребление // США. 1988. 12 декабря. С. 22.
- 30 Апенченко Ю. Кузбасс. Жаркое лето // Знамя. 1989. № 10. С. 175.

- 31 Ибрагимова З. Площадь боли // Огонек. 1989. № 32. С. 2.
- 32 Волин П. Тайна, известная всем // Огонек. 1989. № 35. С. 6.
- 33 Там же.
- 34 Там же. С. 7.
- 35 Зайченко А. Имущественное неравенство // Аргументы и факты. 1989. 8–14 июля. С. 5; Нуйкин А. Открытое письмо // Огонек. 1989. № 40. С. 6.
- 36 Волин П. Тайна, известная всем // Огонек. 1989. № 35. С. 7.
- 37 Ибрагимова З. Площадь боли // Огонек. 1989. № 32. С. 2.
- 38 Апенченко Ю. Кузбасс. Жаркое лето // Знамя. 1989. № 10. С. 176.
- 39 Николаева А. Письмо в «Огонек» // Огонек. 1987. Ноябрь. Цит. по: Christopher Cerf and Marina Albee. Small Fires: Letters from the Soviet People to Ogonyok Magazine, 1987–1990. New York: Summit Books, 1990. P. 245–246.
- 40 Нуйкин А. Открытое письмо // Огонек. 1989. № 40. С. 5.
- 41 Третьяков В. Социальная справедливость и привилегии: как совмещаются эти понятия // Московские новости. 1988. 3 июля. С. 11.
- 42 Там же. С. 10.
- 43 Зайченко А. Имущественное неравенство // Аргументы и факты. 1989. 8–14 июля. С. 5.
- 44 Хазбулатов Р. Бедные люди отечества // Комсомольская правда. 1989. 6 июля. С. 2.
- 45 Зайченко А. Как делить пирог // *Московские новости*. 1989. 11 июня. С. 12.
- 46 Богомолов О. Социализм, 90-е годы // Комсомольская правда. 1990. 3 октября. С. 2.; Лапин А. Бедность // Комсомольская правда. 1990. 19 апреля. С. 2.
- 47 Селюнин В. Черные дыры экономики // Новый мир. 1989. № 10. С. 157.
- 48 Третьяков В. Ваш пункт в предвыборной программе // Московские новости. 1989. 29 января. С. 8.
- 49 Программное заявление Союза трудящихся Кузбасса, принятое на IV конференции рабочих комитетов Кузбасса, 18–19 ноября 1989 г.
- 50 Мигранян А. Долгий путь к европейскому дому // Новый мир. 1989. № 6. С. 175.
- 51 Калугин О. КГБ без грима // Аргументы и факты. 1990. 30 июня — 6 июля. С. 6–7.
- 52 Попов В., Шмелев Н. На развилке дорог / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 318.
- 53 Васильев Б. Люби Россию в непогоду // Известия. 1989. 18 января. С. 3; Черниченко Ю. Поднимайся первым // Новый мир. 1989. № 9. С. 184.

- 54 Стреляный А. Приход и расход // Знамя. 1986. № 6. С. 178.
- 55 Назаренко Б. Правду и только правду (письмо в редакцию) // Московские новости. 1988. 4 декабря. С. 9.
- 56 Селюнин В. Истоки // Новый мир. 1988. № 5. С. 162.
- 57 Черниченко Ю. Поднимайся первым // Новый мир. 1989. № 9. С. 178.
- 58 Попов В., Шмелев Н. На развилке дорог / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 297.
- 59 Шмелев Н. Не смей командовать! // Октябрь. 1988. № 10. С. 11.
- 60 Кытманова М. Из почты «Знамени» // Знамя. 1987. № 8. С. 230.
- 61 Черниченко Ю. Журналист // Знамя. 1987. № 7. С. 223.
- 62 Поножко П. Поездка в Загорье // Новый мир. 1990. № 6. С. 202.
- 63 Быстров А. Простые люди // Комсомольская правда. 1989. 29 января. С. 4.
- 64 Ананьев А. По течению или наперекор // Октябрь. 1989. № 10. С. 10.
- 65 Шмелев Н. Не смей командовать! // Октябрь. 1988. № 10. С. 23.
- 66 Моторный Д. Вернуть крестьянину долги // Огонек. 1988. № 33. С. 2.
- 67 Там же.
- 68 Беспалов Ю., Коновалов В. Новочеркасск 1962 // Комсомольская правда. 1989. 2 июня. С. 4.
- 69 Фомин В., Щекочихин Ю. Тогда в Новочеркасске // Литературная газета. 1989. 21 июня. С. 13.
- 70 Беспалов Ю., Коновалов В. Новочеркасск 1962 // Комсомольская правда. 1989. 2 июня. С. 4.
- 71 Фомин В., Щекочихин Ю. Тогда в Новочеркасске // Литературная газета. 1989. 21 июня. С. 13.
- 72 Волков О. Новочеркасск 2 июня 1962 г. // Комсомольская правда. 1991. 27 апреля. С. 3.
- 73 Фомин В., Щекочихин Ю. Тогда в Новочеркасске // Литературная газета. 1989. 21 июня. С. 13.
- 74 Там же.
- 75 Там же.
- 76 Беспалов Ю., Коновалов В. Новочеркасск 1962 // Комсомольская правда. 1989. 2 июня. С. 4.
- 77 Волков О. Новочеркасск 2 июня 1962 г. // Комсомольская правда. 1991. 27 апреля. С. 3.
- 78 Там же.
- 79 Беспалов Ю., Коновалов В. Новочеркасск 1962 // Комсомольская правда. 1989. 2 июня. С. 4.

- 80 Волков О. Новочеркасск 2 июня 1962 г. // Комсомольская правда. 1991. 27 апреля. С. 3.
- 81 Там же.
- 82 Фомин В., Щекочихин Ю. Тогда в Новочеркасске // Литературная газета. 1989. 21 июня. С. 13.
- 83 Беспалов Ю., Коновалов В. Новочеркасск 1962 // Комсомольская правда. 1989. 2 июня. С. 4.
- 84 Там же.
- 85 Волков О. Новочеркасск 2 июня 1962 г. // Комсомольская правда. 1991. 27 апреля. С. 3.
- 86 Беспалов Ю., Коновалов В. Новочеркасск 1962 // Комсомольская правда. 1989. 2 июня. С. 4.

Глава 9. Развенчание легитимирующих мифов

Миф 3-й: Великая Отечественная война

- 1 Ряд критиков резюмируют некоторые аспекты этого мифа: Геллер Ю. Неверное эхо былого // Дружба народов. 1989. № 9. С. 229–244; Семиряга М. 23 августа 1939 г. // Литературная газета. 1988. 5 октября. С. 14; Дашевич В. Сталин в начале 39-го // Московские новости. 1989. 27 августа. С. 16.
- 2 Дашевич В. Сталин в начале 39-го // Московские новости. 1989. 27 августа. С. 16; Кулиш В. У порога войны // Комсомольская правда. 1988. 24 августа. С. 3.
- 3 Дашевич В. Сталин в начале 39-го // Московские новости. 1989. 27 августа. С. 16.
- 4 Там же.
- 5 Там же; Кулиш В. Был ли выбор? // Московские новости. 1989. 3 сентября. С. 12.
- 6 Попов Н. Все мы в одной лодке // Литературная газета. 1989. 1 марта. С. 14.
- 7 Там же; Дашевич В. Восток-Запад: поиск новых отношений // Литературная газета. 1988. 18 мая. С. 14.
- 8 Попов Н. Все мы в одной лодке // Литературная газета. 1989. 1 марта. С. 14; Чубарьян А. Август 1939 года // Известия. 1989. 1 июля. С. 3.
- 9 Кулиш В. Был ли выбор? // Московские новости. 1989. 3 сентября. С. 12; Смирнова Н. Необыкновенные уточнения // Московские новости. 1989. 3 сентября. С. 12.
- 10 Кулиш В. У порога войны // Общественные науки. 1989. № 4.
- 11 Фельштинский Ю., Эдельман Н. За неделю до начала Второй мировой войны // Московские новости. 1989. 20 августа. С. 8.

- 12 Семиряга М. 23 августа 1939 г. // Литературная газета. 1988. 5 октября. С. 14; Фельштинский Ю., Эдельман Н. За неделю до начала Второй мировой войны // Московские новости. 1989. 20 августа. С. 8.
- 13 Кулиш В. Был ли выбор? // Московские новости. 1989. 3 сентября. С. 12.
- 14 Дашевич В. Сталин в начале 39-го // Московские новости. 1989. 27 августа. С. 16.

- 15 Фотокопия протокола на русском языке была впервые опубликована в Советском Союзе в латвийской русскоязычной газете «Советская Молодежь» от 5 июля 1989 года.

В ней можно было прочесть следующее:

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе.

Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, границы сфер интересов Германии и СССР будут приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года

- По уполномочию правительства СССР В. Молотов (подпись)
За правительство Германии И. Риббентроп (подпись)
(Авдевич О., Власова Е. Сделка // Советская молодежь. 1989. 5 июля. С. 3).
- 16 Яковлев А. События 1939 года — взгляд с полувековой дистанции // Правда. 1989. 18 августа. С. 2.
 - 17 Яковлев А. Сумерки. М.: Материк, 2003. С. 419.
 - 18 Досье «Московские новости». 2005. 21–27 октября. С. 6.
 - 19 Фельштинский Ю., Эдельман Н. За неделю до начала Второй мировой войны // Московские новости. 1989. 20 августа. С. 9.
 - 20 Смирнова Н. Необыкновенные уточнения // Московские новости. 1989. 3 сентября. С. 12.
 - 21 Кулиш В. У порога войны // Общественные науки. 1989. № 4; Ришина И., Егоров А. Лишь тот достоин жизни и свободы... // Литературная газета. 1988. 24 августа. С. 5.
 - 22 Кулиш В. У порога войны // Общественные науки. 1989. № 4.
 - 23 Там же.
 - 24 Там же.
 - 25 Чубарьян А. Август 1939 года // Известия. 1989. 1 июля. С. 3.
 - 26 Кулиш В. У порога войны // Общественные науки. 1989. № 4.
 - 27 Там же; Амлинский В. Тень // Литературная газета. 1988. 7 сентября. С. 12.
 - 28 Кулиш В. У порога войны // Общественные науки. 1989. № 4.
 - 29 Матвеев В. В Берлине 50 лет назад // Московские новости. 1990. 16 ноября. С. 14.
 - 30 Чубарьян А. Август 1939 года // Известия. 1989. 1 июля. С. 3.
 - 31 Там же; Семиряга М. 23 августа 1939 г. // Литературная газета. 1988. 5 октября. С. 14.
 - 32 Кулиш В. У порога войны // Общественные науки. 1989. № 4.
 - 33 Геллер Ю. Неверное эхо былого // Дружба народов. 1989. № 9. С. 238–239.
 - 34 Семиряга М. 23 августа 1939 г. // Литературная газета. 1988. 5 октября. С. 14; Кулиш В. У порога войны // Общественные науки. 1989. № 4.
 - 35 Семиряга М. 23 августа 1939 г. // Литературная газета. 1988. 5 октября. С. 14.
 - 36 Кулиш В. У порога войны // Общественные науки. 1989. № 4.
 - 37 Геллер Ю. Неверное эхо былого // Дружба народов. 1989. № 9. С. 240.
 - 38 Кулиш В. У порога войны // Общественные науки. 1989. № 4.
 - 39 Там же.

- 40 Геллер Ю. Неверное эхо былого // Дружба народов. 1989. № 9. С. 239.
- 41 Кулиш В. У порога войны // Общественные науки. 1989. № 4.
- 42 Там же.
- 43 Симонов К. Уроки истории и долг писателя // Наука и жизнь. 1987. № 6. С. 45.
- 44 Геллер Ю. Неверное эхо былого // Дружба народов. 1989. № 9. С. 240.
- 45 Павленко Н. Трагедия и триумф Красной армии // Московские новости. 1989. 7 мая. С. 9.
- 46 Адамович А. Войну выиграл народ // Московские новости. 1988. 28 февраля. С. 2.
- 47 Геллер Ю. Неверное эхо былого // Дружба народов. 1989. № 9. С. 240.
- 48 Там же. С. 241.
- 49 Астафьев В. Речь на конференции «История и литература» // Литературная газета. 1988. 18 мая. С. 4.
- 50 Кулиш В. Ответы на читательской конференции // Литературная газета. 1988. 24 августа. С. 5.
- 51 Геллер Ю. Неверное эхо былого // Дружба народов. 1989. № 9. С. 242.
- 52 Павленко Н. Трагедия и триумф Красной армии // Московские новости. 1989. 7 мая. С. 9.
- 53 Там же.
- 54 Кулиш В. Ответы на читательской конференции // Литературная газета. 1988. 24 августа. С. 5.
- 55 Павленко Н. Трагедия и триумф Красной армии // Московские новости. 1989. 7 мая. С. 9.
- 56 Симонов К. Уроки истории и долг писателя // Наука и жизнь. 1987. № 6. С. 45.
- 57 Редакционная статья // Огонек. 1989. № 50. С. 30.
- 58 Кондратьев В. Нет, жизнь прожита не зря // Советская культура. 1989. 7 ноября. С. 3.
- 59 Астафьев В. Речь на конференции «История и литература» // Литературная газета. 1988. 18 мая. С. 4.
- 60 Евтушенко Е. Сталинизм по Платонову / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 199.
- 61 Кондратьев В. Парии войны // Литературная газета. 1990. 31 янв.
- 62 Там же.
- 63 Евтушенко Е. Сталинизм по Платонову / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 199.

- 64 <http://www.stalingrad-info.com/order227.htm> [Ссылка действительна по состоянию на 28 марта 2010 г.]
- 65 Кондратьев В. Парии войны // Литературная газета. 1990. 31 янв.
- 66 Там же.
- 67 Там же.
- 68 Адамович А. Войну выиграл народ // Московские новости. 1988. 28 февраля. С. 2; Третьяков В. По ту сторону фронта // Московские новости. 1990. 13 мая. С. 8.
- 69 Третьяков В. По ту сторону фронта // Московские новости. 1990. 13 мая. С. 8.
- 70 Солженицын А. В круге первом. М.: АСТ, 2006.
- 71 Третьяков В. По ту сторону фронта // Московские новости. 1990. 13 мая. С. 8.
- 72 Там же.
- 73 Там же.
- 74 Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2001. С. 56–57.
- 75 Третьяков В. По ту сторону фронта // Московские новости. 1990. 13 мая. С. 8.
- 76 Там же.
- 77 Бакланов Г. Высота духа // Знамя. 1990. № 5. С. 9.
- 78 Там же.
- 79 Третьяков В. По ту сторону фронта // Московские новости. 1990. 13 мая. С. 8.
- 80 Там же.
- 81 Евтушенко Е. Судьба Платонова // Советская культура. 1988. 20 августа. С. 5.
- 82 Васильев Б. На оборотной стороне // Московские новости. 1990. 13 мая. С. 3.
- 83 Солженицын А. В круге первом. М.: АСТ, 2006. С. 465.
- 84 Гроссман В. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1989. С. 494.

Глава 10. «Безнравственная» экономика

- 1 Шмелев Н. Либо сила, либо рубль // Знамя. 1989. № 1. С. 134.
- 2 Селюнин В. Ради конечной цели. Цит. по: Казаков В. Разведка сломом. М.: Московский рабочий, 1988. С. 38; Селюнин В. Рынок: химеры и реальность // Знамя. 1990. № 6. С. 201.
- 3 Селюнин В. Ради конечной цели. Цит. по: Казаков В. Разведка сломом. М.: Московский рабочий, 1988. С. 41; Селюнин В. Рынок:

- химеры и реальность // Знамя. 1990. № 6. С. 201. Корягина Т. Я и мы // Литературная газета. 1989. 24 мая. С. 12.
- 4 Лисичкин Г. Мифы и реальность // Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 264–265.
 - 5 Стреляный А. Приход и расход // Знамя. 1986. № 6. С. 181.
 - 6 Селюнин В. Истоки // Новый мир. 1988. № 5. С. 179.
 - 7 Шмелев Н. Либо сила, либо рубль // Знамя. 1989. № 1. С. 131.
 - 8 Капустин М. Камо грядеши? // Октябрь. 1987. № 8. С. 162.
 - 9 Антонов М. Так что же с нами происходит? // Октябрь. 1987. № 8. С. 48.
 - 10 Селюнин В. Черные дыры экономики // Новый мир. 1989. № 10. С. 168.
 - 11 Шмелев Н. Новые тревоги // Новый мир. 1988. № 4. С. 172.
 - 12 Стреляный А. Приход и расход // Знамя. 1986. № 6. С. 183.
 - 13 Антонов М. Так что же с нами происходит? // Октябрь. 1987. № 8. С. 12; Попов Н., Шмелев Н. Анатомия дефицита // Знамя. 1988. № 5. С. 163.
 - 14 Залыгин С. Наступаем или отступаем? / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 230.
 - 15 Селюнин В. Черные дыры экономики // Новый мир. 1989. № 10. С. 165; Шмелев Н. Новые тревоги // Новый мир. 1988. № 4. С. 171.
 - 16 Черниченко Ю. О хлебе насущном // Комсомольская правда. 1989. 12 марта. С. 2.
 - 17 Антонов М. Так что же с нами происходит? // Октябрь. 1987. № 8. С. 9.
 - 18 Волков О. Из редакционной почты // Новый мир. 1986. № 6. С. 262.
 - 19 Чобану И. Гарантия — правовое государство // Литературная газета. 1982. 8 февраля. С. 3.
 - 20 Стреляный А. Приход и расход // Знамя. 1986. № 6. С. 190.
 - 21 Антонов М. Так что же с нами происходит? // Октябрь. 1987. № 8. С. 44.
 - 22 Шмелев Н. Новые тревоги // Новый мир. 1988. № 4. С. 167.
 - 23 Черниченко Ю. Земля, экология, перестройка // Литературная газета. 1989. 29 января. С. 3.
 - 24 Попов Н., Шмелев Н. Анатомия дефицита // Знамя. 1988. № 5. С. 159.
 - 25 Ярошенко В. Принцы и нищие // Правда. 1988. 12 октября. С. 2.
 - 26 Бовин А. Больше последовательности! // Московские новости. 1989. 1 января. С. 2; Нуйкин А. Идеалы или интересы? // Новый мир. 1988. № 1. С. 215.
 - 27 Абалкин Л. Куда мы идем // Новое время. 1987. № 28. С. 3; Стреляный А. Приход и расход // Знамя. 1986. № 6. С. 201.

- 28 Выжutowич В. Власть рубля // Огонек. 1987. № 44. С. 6; Антонов М. Так что же с нами происходит? // Октябрь. 1987. № 8. С. 43.
- 29 Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2. С. 199; Силаев И. Требуются идеи // Огонек. 1987. № 48. С. 2.
- 30 Андруйчук В. Саморазвитие // Комсомольская правда. 1989. 11 апреля. С. 2.
- 31 Стариков Е. Маргиналы // Знамя. 1989. № 10. С. 149.
- 32 Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2. С. 199.
- 33 Селюнин В. Черные дыры экономики // Новый мир. 1989. № 10. С. 164.
- 34 Черниченко Ю. Комбайн просит и колотит // Новый мир. 1986. № 12. С. 193.
- 35 Селюнин В. Истоки // Новый мир. 1988. № 5. С. 179.
- 36 Черниченко Ю. Комбайн просит и колотит // Новый мир. 1986. № 12. С. 193; Селюнин В. Реванш бюрократии / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 198.
- 37 Попов Н., Шмелев Н. Анатомия дефицита // Знамя. 1988. № 5. С. 164.
- 38 Меньшиков С. Экономическая структура социализма: что вредит? // Новый мир. 1989. № 3. С. 196.
- 39 Шмелев Н. Осторожно, цены! // Московские новости. 1988. 11 декабря. С. 10.
- 40 Шмелев Н. Новые тревоги // Новый мир. 1988. № 4. С. 172.
- 41 Заславская Т. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Коммунист. 1986. № 13. С. 63.
- 42 Аганбегян А. Человек и экономика // Огонек. 1987. № 30. С. 15.
- 43 Заславская Т. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Коммунист. 1986. № 13. С. 64.
- 44 Шмелев Н. Новые тревоги // Новый мир. 1988. № 4. С. 173.
- 45 Селюнин В. Истоки // Новый мир. 1988. № 5. С. 188; Шмелев Н. Либо сила, либо рубль // Знамя. 1989. № 1. С. 134.
- 46 Лисичкин Г. С тоской о равенстве. Цит. по: Казаков В. Разведка словом. М.: Московский рабочий, 1988. С. 10.
- 47 Там же.
- 48 Пяшцева Л. В погоне за синей птицей // Октябрь. 1990. № 9. С. 153.
- 49 Антонов М. Так что же с нами происходит? // Октябрь. 1987. № 8. С. 44.
- 50 Там же.
- 51 Нуйкин А. О цене слова и ценах на продукты // Огонек. 1988. № 22. С. 8.

- 52 Антонов М. Так что же с нами происходит? // Октябрь. 1987. № 8. С. 32.
- 53 Аганбегян А. Человек и экономика // Огонек. 1987. № 29. С. 4; Нуйкин А. О цене слова и ценах на продукты // Огонек. 1988. № 22. С. 6.
- 54 Нуйкин А. О цене слова и ценах на продукты // Огонек. 1988. № 22. С. 7; Аганбегян А. Человек и экономика // Огонек. 1987. № 29. С. 4.
- 55 Шмелев Н. Либо сила, либо рубль // Знамя. 1989. № 1. С. 138.
- 56 Там же. С. 132; Петраков Н. Товар и рынок // Огонек. 1988. № 34. С. 7.
- 57 Выжutowич В. Власть рубля // Огонек. 1987. № 44. С. 6.
- 58 Там же.
- 59 Стреляный А. Приход и расход // Знамя. 1986. № 6. С. 193.
- 60 Там же.
- 61 Время выбора // Советская культура. 1989. 11 ноября. С. 3.
- 62 Бунич П. Новые ценности // Октябрь. 1987. № 12. С. 145.
- 63 Там же.
- 64 Меньшиков С. Экономическая структура социализма: что вредит? // Новый мир. 1989. № 3. С. 198.
- 65 Петраков Н. Товар и рынок // Огонек. 1988. № 34. С. 34.
- 66 Попов Н., Шмелев Н. Анатомия дефицита // Знамя. 1988. № 5. С. 172.
- 67 Там же. С. 166.
- 68 Черниченко Ю. Ждать уже поздно // Огонек. 1989. № 23. С. 4.
- 69 Там же.

Глава 11. Разлад в душах: Homo sovieticus

- 1 Стреляный А. Приход и расход // Знамя. 1986. № 6. С. 185.
- 2 Max Weber. *Essay in Sociology*; Н.Н. Gerth, С. Wright Mills, eds. New York: Oxford University Press, 1978. P. 59–60.
- 3 Alexander Zivov. *Homo soveticus*. New York: Free Press, 1964. P. 89, 92, 110.
- 4 Шмелев Н. Новые тревоги // Новый мир. 1988. № 4. С. 175; Шмелев Н. Выйти из тумана предрассудков // Литературная газета. 1987. 8 июля. С. 3.
- 5 Рыжков Ю. Время выбора // Советская культура. 1989. 11 ноября. С. 3.
- 6 Калинин С. Всегда одна // Огонек. 1987. № 52. С. 2.
- 7 Шмелев Н. Новые тревоги // Новый мир. 1988. № 4. С. 164.

- 8 Гольдин Л. Надо снова научиться жить // Советская культура. 1989. 29 августа. С. 3.
- 9 Говорухин С. Война с преступностью // Советская культура. 1989. 29 июля. С. 6.
- 10 Шмелев Н. Выйти из тумана предрассудков // Литературная газета. 1987. 8 июля.
- 11 Там же.
- 12 Селюнин В. Плановая анархия или баланс интересов? // Знамя. 1989. № 11. С. 213.
- 13 Бунич П. Новые ценности // Октябрь. 1987. № 12. С. 145.
- 14 Селюнин В. Плановая анархия или баланс интересов? // Знамя. 1989. № 11. С. 213.
- 15 Бунич П. Новые ценности // Октябрь. 1987. № 12. С. 144.
- 16 Кошелева Е. Начальники мои и не мои // Новый мир. 1987. № 9. С. 195.
- 17 Шмелев Н. Либо сила, либо рубль // Знамя. 1989. № 1. С. 135.
- 18 Лавров К. У культуры нет знамени // Известия. 1989. 29 июня. С. 4.
- 19 Бунич П. Новые ценности // Октябрь. 1987. № 12. С. 145; Кон И. Психология социальной инерции // Коммунист. 1988. № 1. С. 71.
- 20 Шмелев Н. Либо сила, либо рубль // Знамя. 1989. № 1. С. 128.
- 21 Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1989. № 2. С. 56.
- 22 Абалкин Л. Лунный ландшафт // Комсомольская правда. 1989. 8 февраля. С. 2.
- 23 Порядок и порядочность // Огонек. 1987. № 3. С. 3.
- 24 Шмелев Н. Не смей командовать! // Октябрь. 1988. № 2. С. 25.
- 25 Ананьев А. По течению или наперекор // Октябрь. 1989. № 10. С. 6.
- 26 Великий русский интеллигент: памяти Андрея Дмитриевича Сахарова // Октябрь. 1990. № 1. С. 3.
- 27 Гранин Д. Дорога к здравому смыслу // Правда. 1988. 5 августа. С. 3.
- 28 Ганина М. Без обольщений прежних дней // Литературная газета. 1988. 13 января. С. 11; Ганина М. Цена Эльдorado // Литературная газета. 1989. 22 февраля. С. 11.
- 29 Нагибин Ю. О том, что тревожит в литературе и жизни // Октябрь. 1988. № 2. С. 194.
- 30 Ципко А. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4. С. 184.
- 31 Дмитриева О. Экспертиза // Московские новости. 2000. 15 февраля.
- 32 Нагибин Ю. О том, что тревожит в литературе и жизни // Октябрь. 1988. № 2. С. 194.
- 33 Стариков Е. Маргиналы // Знамя. 1989. № 10. С. 156.

- 34 Левада Ю. Есть мнение! М.: Прогресс, 1990. С. 258.
- 35 Попов А. Когда выбора нет // Огонек. 1988. № 33. С. 19.
- 36 Гроссман В. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1989. С. 474.
- 37 Карякин Ю. Стоит ли наступать на грабли? // Знамя. 1987. № 9. С. 220.
- 38 Логинова Н. Унять страхи // Литературная газета. 1988. № 10. С. 12.
- 39 Ганина М. Цена Эльдорадо // Литературная газета. 1989. 22 февраля. С. 11.
- 40 Рождественский Р. Короткие стихотворения // Литературная газета. 1989. 1 марта. С. 5.
- 41 Ганина М. Цена Эльдорадо // Литературная газета. 1989. 22 февраля. С. 11.
- 42 Левада Ю. Есть мнение! М.: Прогресс, 1990. С. 261.
- 43 Мельник М., Случай в спецвагоне // Комсомольская правда. 1988. 29 июля. С. 2.
- 44 Матюхина Г., Гражданкин Г., Левинсон А., Седов Л. Рекорд уходящего года? // Комсомольская правда. 1988. 29 декабря. С. 2.
- 45 Ананьев А. По течению или наперекор // Октябрь. 1989. № 10. С. 3.
- 46 Якубов С. О времени, которое выпало на нашу долю // Комсомольская правда. 1989. 25 января. С. 2.

Часть третья. Кто виноват?

Глава 12. Дом, который построил Сталин

Идеальное государство и его политэкономия

- 1 Стариков Е. Маргиналы // Знамя. 1989. № 10. С. 136.
- 2 Коваленко А. Мы все шли к Чернобылю // Аргументы и факты. 1989. 15–21 июля. С. 6; Кива А. Безответственность // Советская культура. 1989. 12 октября. С. 3; Бовин А. Как коммунист, считаю... // Московские новости. 1989. 30 апреля. С. 6; Бурлацкий Ф. Первый, но важный шаг // Литературная газета. 1989. 14 июля. С. 1; Бутенко А. О революционной перестройке государственно-административного социализма / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 553; Бурлацкий Ф. Какой социализм народу нужен // Литературная газета. 1988. 26 апреля. С. 2; Клямкин И. Почему так трудно говорить правду // Новый мир. 1988. № 2. С. 208; Блюдин А. Коммунизм: между прошлым и будущим // Комсомольская правда. 1989. 27 марта. С. 3; Гозман Л., Эткинд А. Культ власти: структура тоталитарного сознания / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 338.

- 3 Гроссман В. Все течет // Октябрь. 1989. № 6. С. 91.
- 4 Радаев В., Острахан О. Возвращение к истокам // Известия. 1990. 16 февраля. С. 3.
- 5 Гозман Л., Эткинд А. Культ власти: структура тоталитарного сознания / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 338.
- 6 Шкаратан О. Время выбора пути // Советская культура. 1989. 19 сентября. С. 3.
- 7 Гозман Л., Эткинд А. Культ власти: структура тоталитарного сознания / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 338.
- 8 Баткин Л. Возобновление истории / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 160; Карпинский Л. Почему сталинизм не сходит со сцены? / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 649.
- 9 Шмелев Н. Либо сила, либо рубль // Знамя. 1989. № 1. С. 132.
- 10 Виноградов И. Может ли правда быть поэтапной? / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 277; Буртин Ю. Что такое КПСС // Октябрь. 1991. № 5. С. 170-171; Блюдин А. Коммунизм: между прошлым и будущим // Комсомольская правда. 1989. 27 марта. С. 3
- 11 Водолазов Г. Ленин и Сталин // Октябрь. 1989. № 6. С. 23; Мигранян А. Механизм торможения в политической системе и пути его преодоления / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 107.
- 12 Шубкин В. Трудное прощание // Новый мир. 1989. № 4. С. 170.
- 13 Гозман Л., Эткинд А. Культ власти: структура тоталитарного сознания / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 339.
- 14 Шубкин В. Трудное прощание // Новый мир. 1989. № 4. С. 169.
- 15 Власов Ю. Речь на Первом съезде народных депутатов СССР // Известия. 1989. 2 июня. С. 4.
- 16 Гроссман В. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1989. С. 301, 304–305.
- 16 Бурлацкий Ф. К современной цивилизации // Литературная газета. 1990. 5 сентября. С. 2.
- 18 Карпинский Л. Почему сталинизм не сходит со сцены? / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 648.
- 19 Радаев В., Острахан О. Возвращение к истокам // Известия. 1990. 16 февраля. С. 3.

- 20 Селюнин В. Плановая анархия или баланс интересов? // Знамя. 1989. № 11. С. 206.
- 21 Радаев В., Острахан О. Возвращение к истокам // Известия. 1990. 16 февраля. С. 3.
- 22 Селюнин В. Реванш бюрократии / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 206.
- 23 Попов Н. Шмелев Н. Анатомия дефицита // Знамя. 1988. № 5. С. 159; Нуйкин А. Идеалы или интересы? // Новый мир. 1988. № 1. С. 198.
- 24 Шмелев Н. Из докладных записок экономиста // Знамя. 1989. № 12. С. 173.
- 25 Попов В., Шмелев Н.. На развилке дорог / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 290, 295.
- 26 Пинскер Б., Пияшева Л. Собственность и свобода // Новый мир. 1989. № 11. С. 190.
- 27 Коваленко А. Мы все шли к Чернобылю // Аргументы и факты. 1989. 15–21 июля. С. 6.
- 28 Лапин А. Коррупция // Комсомольская правда. 1989. 21 декабря. С. 4.
- 29 Кантор В. Трудный путь к цивилизации // Новый мир. 1987. № 6. С. 255.
- 30 Евтушенко Е. Сталинизм по Платонову / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 204.
- 31 Клямкин И. Почему так трудно говорить правду // Новый мир. 1988. № 2. С. 224.
- 32 Ципко А. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4. С. 202.
- 33 Селюнин В. Черные дыры экономики // Новый мир. 1989. № 10. С. 176.
- 34 Стариков Е. Маргиналы // Знамя. 1989. № 10. С. 150.
- 35 Матлин А. Патология дефицита: государство и население / Драма обновления. Сборник под ред. М. Мелкумяна. М.: Прогресс, 1990. С. 620.
- 36 Кива А. Безответственность // Советская культура. 1989. 12 октября. С. 3.
- 37 Шмелев Н. Новые тревоги // Новый мир. 1988. № 4. С. 164.
- 38 Селюнин В. Рынок: химеры и реальность // Знамя. 1990. № 6. С. 204.
- 39 Капустин М. Камо грядеши? // Октябрь. 1987. № 8. С. 163.
- 40 Стариков Е. Маргиналы // Знамя. 1989. № 10. С. 137.
- 41 Меньшиков С. Экономическая структура социализма: что вредит? // Новый мир. 1989. № 3. С. 195.

- 42 Попов В., Шмелев Н. На развилке дорог / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 319.
- 43 Шмелев Н. Либо сила, либо рубль // Знамя. 1989. № 1. С. 130–131.
- 44 Лисичкин Г. Мифы и реальность / / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 268.
- 45 Гроссман В. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1989. С. 211.
- 46 Шмелев Н. Либо сила, либо рубль // Знамя. 1989. № 1. С. 130.
- 47 Селюнин В. Плановая анархия или баланс интересов? // Знамя. 1989. № 11. С. 212.
- 48 Клямкин И. Трудный спуск с зияющих высот. М.: Правда. Библиотека «Огонька», 1990. № 3. С. 4; Ципко А. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4. С. 174; Алексеев С. Площадь перед парламентом // Комсомольская правда. 1989. 11 июля. С. 2.
- 49 Бутенко А. Каким быть социализму // Правда. 1989. 8 августа. С. 3.
- 50 Криворотов В. Русский путь // Знамя. 1990. № 9. С. 149.
- 51 Яковлев А. Отвержение и утверждение // Огонек. 1988. № 43. С. 15.
- 52 Селюнин В. Плановая анархия или баланс интересов? // Знамя. 1989. № 11. С. 206.
- 53 Бутенко А. Каким быть социализму // Правда. 1989. 8 августа. С. 3.
- 54 Ципко А. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4. С. 174.
- 55 Буртин Ю. Что такое КПСС // Октябрь. 1991. № 5. С. 177.

*Глава 13. «Деиндивидуализация»,
«первородный грех» и национализация сознания*

- 1 Кон И. Психология социальной инерции // Коммунист. 1988. № 1. С. 65, 66.
- 2 Кива А. Безответственность // Советская культура. 1989. 12 октября. С. 3
- 3 Шубкин В. Трудное прощание // Новый мир. 1989. № 4. С. 181.
- 4 Гранин Д. Дорога к здравому смыслу // Правда. 1988. 5 августа. С. 3.
- 5 Черниченко Ю. Дело завмага Сидикова // Дружба народов. 1986. № 8. С. 182.
- 6 Шубкин В. Трудное прощание // Новый мир. 1989. № 4. С. 155.
- 7 Пяшшева Л. В погоне за синей птицей // Октябрь. 1990. № 9. С. 150.
- 8 Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1989. № 1. С. 53.
- 9 Бочаров А. Мчатся мифы, бьются мифы // Октябрь. 1990. № 1. С. 187.
- 10 Латынина Ю. В ожидании Золотого века // Октябрь. 1987. № 6. С. 180, 181.

- 11 Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1989. № 1. С. 49.
- 12 Залыгин С. Год Солженицына // Новый мир. 1990. № 1. С. 238.
- 13 Клямкин И. Почему так трудно говорить правду // Новый мир. 1988. № 2. С. 229, 230.
- 14 Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1989. № 1. С. 50, 52.
- 15 А. де Токвиль. Старый порядок и революция. М: Московский философский фонд, 1997. С. 148.
- 16 Бочаров А. Часть правды — это не правда // Октябрь. 1988. № 4. С. 147.
- 17 Гроссман В. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1989. С. 399.
- 18 Воцанов П. Злоба и зависть обрекают нас на бедность // Комсомольская правда. 1989. 2 декабря. С. 2.
- 19 Буртин Ю. Что такое КПСС // Октябрь. 1991. № 5. С. 177.
- 20 Солженицын А. В круге первом. М.: АСТ, 2006. С. 467–468.
- 21 Гроссман В. Все течет // Октябрь. 1989. № 6. С. 94.
- 22 Гроссман В. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1989. С. 62, 105.
- 23 Гальцева П., Роднянская И. Помеха — человек // Новый мир. 1988. № 12. С. 219.
- 24 Бовин А. Как коммунист, считаю... // Московские новости. 1989. 30 апреля. С. 6.
- 25 Криворотов В. Русский путь // Знамя. 1990. № 9. С. 189.
- 26 Феофанов Ю. Возвращение к истокам // Знамя. 1989. № 2. С. 150.
- 27 Клямкин И. Почему так трудно говорить правду // Новый мир. 1988. № 2. С. 210.
- 28 Гозман Л., Эткинд А. Культ власти. Структура тоталитарного сознания / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 352.
- 29 Стариков Е. Перед выбором // Знамя. 1991. № 5. С. 227.
- 30 Карякин Ю. Ждановская жидкость / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 417.
- 31 Зоркая Н. Дорогой, которая ведет к храму // Искусство кино. 1987. № 5. С. 44.
- 32 Ципко А. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4. С. 201, 203.
- 33 Селюнин В. Плановая анархия или баланс интересов? // Знамя. 1989. № 11. С. 213.
- 34 Кондрашов С. Ясновидение гуманиста // Московские новости. 1989. 27 августа. С. 11.
- 35 Клямкин И. Почему так трудно говорить правду // Новый мир. 1988. № 2. С. 230.

- 36 Селюнин В. Плановая анархия или баланс интересов? // Знамя. 1989. № 11. С. 214.
- 37 Кондрашов С. Ясновидение гуманиста // Московские новости. 1989. 27 августа. С. 11.
- 38 Руденко И. С войной покончили мы счеты? // Комсомольская правда. 1989. 15 февраля. С. 1.
- 39 Карякин Ю. Ждановская жидкость / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 417.
- 40 Твардовский А. По праву памяти // Знамя. 1987. № 2. С. 10.
- 41 Латынина Ю. В ожидании Золотого века // Октябрь. 1987. № 6. С. 180, 182.
- 42 Васильев Б. Люби Россию в непогоду // Известия. 1989. 18 января. С. 3.
- 43 Шубкин В. Трудное прощание // Новый мир. 1989. № 4. С. 176, 178.
- 44 Латынина Ю. В ожидании Золотого века // Октябрь. 1987. № 6. С. 182.
- 45 Стариков Е. Перед выбором // Знамя. 1991. № 5. С. 227.
- 46 Гроссман В. Все течет // Октябрь. 1989. № 6. С. 40; Селюнин В. Плановая анархия или баланс интересов? // Знамя. 1989. № 11. С. 213.
- 47 Яковлев А. Первая бархатная революция // Новое время. 2005. № 11. С. 19.

Часть четвертая. Что делать?

Глава 14. Сталин, память, покаяние, искупление

- 1 Коротич В. Учимся называть вещи своими именами // Московские новости. 1988. 3 июля. С. 15.
- 2 Неделя совести [без автора] // Огонек. 1988. № 49. С. 32.
- 3 Рыбаков А. Рана, которая кровотоцит // Московские новости. 1988. 27 ноября. С. 7.
- 4 Лацис О. Сталин против Ленина / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 215.
- 5 Гозман Л. Больше социализма! Круглый стол // Огонек. 1988. № 12. С. 10.
- 6 Сараскина Л. Смотреть правде в глаза // Московские новости. 1988. 10 апреля. С. 12.
- 7 Яковлев А. Акты справедливости и покаяния. Цит. по: Яковлев А. Муки прочтения бытия. М.: Новости, 1991. С. 261.
- 8 Казутин Д. Жертвою пали // Московские новости. 1988. 27 ноября. С. 5.

- 9 Ципко А. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4. С. 201.
- 10 Федоров С. Чтобы никогда не повторилось! // Огонек. 1987. № 8. С. 5–6.
- 11 Иванова Т. Кто чем рискует // Огонек. 1988. № 24. С. 12.
- 12 Рыбаков А. Рана, которая кровоточит // Московские новости. 1988. 27 ноября. С. 7.
- 13 Немировская О. Неделя совести // Огонек. 1988. № 49. С. 1.
- 14 Рыбаков А. Рана, которая кровоточит // Московские новости. 1988. 27 ноября. С. 7.
- 15 Рыбаков А. С прошлым надо расставаться достойно // Московские новости. 1988. Июль. С. 11.
- 16 Рыбаков А. Рана, которая кровоточит // Московские новости. 1988. 27 ноября. С. 7.
- 17 Федоров С. Чтобы никогда не повторилось! // Огонек. 1987. № 8. С. 1.
- 18 Шмелев Н. Пашков дом // Знамя. 1987. № 3. С. 99, 135.
- 19 Рыбаков А. Рана, которая кровоточит // Московские новости. 1988. 27 ноября. С. 7.
- 20 Шмелев Н. Пашков дом // Знамя. 1987. № 3. С. 98.
- 21 Виноградов И. Может ли правда быть поэтапной? / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 282.
- 22 Рыбаков А. Рана, которая кровоточит // Московские новости. 1988. 27 ноября. С. 7.
- 23 Альбац Е. Прощению не подлежит // Московские новости. 1988. 8 мая. С. 13; Альбац Е. Анатомия мерзости // Московские новости. 1988. 16 октября. С. 13.
- 24 Мемориал совести // Огонек. 1988. № 44. С. 7.
- 25 Яковлев А. Только нравственная демократия поможет преодолеть трагическое прошлое // Московские новости. 1990. 1 января. С. 6.
- 26 Жженов Г. Судьба народа и человека // Комсомольская правда. 1988. 7 ноября. С. 1.
- 27 Федоров С. Чтобы никогда не повторилось! // Огонек. 1987. № 8. С. 1.
- 28 Редакционная статья // Огонек. 1988. № 32. С. 5.
- 29 Адамович А. Оптимизм делания // Московские новости. 1988. 11 сентября. С. 13.
- 30 Афанасьев Ю. Мемориал — в диалоге с прошлым и настоящим // Московские новости. 1989. 5 февраля. С. 4.
- 31 Запечкий В. И снова: Егор, ты не прав? // Литературная газета. 1990. 7 ноября. С. 11.

- 32 Там же.
- 33 Там же.
- 34 Гукасов Г. За семью печатями // Московские новости. 1989. 16 июля. С. 16.
- 35 Там же.
- 36 Нужна белая книга // Московские новости. 1988. 27 ноября. С. 11.
- 37 Бабий А., Сиротин В. Многое надо выяснить // Московские новости. 1988. 27 ноября. С. 7.
- 38 Кабаков А. Неделя совести: продолжение необходимого // Московские новости. 1998. 4 декабря. С. 14.
- 39 Немировская О. Неделя совести // Огонек. 1988. № 49. С. 1.
- 40 Редакционная статья // Огонек. 1988. № 37. С. 29.
- 41 Кабаков А. Неделя совести: продолжение необходимого // Московские новости. 1998. 4 декабря. С. 14.
- 42 Немировская О. Неделя совести // Огонек. 1988. № 49. С. 1.
- 43 Москва. Неделя совести // Московские новости. 1988. 27 ноября. С. 9.
- 44 Кабаков А. Неделя совести: продолжение необходимого // Московские новости. 1998. 4 декабря. С. 14; Москва. Неделя совести // Московские новости. 1988. 27 ноября. С. 9.

Глава 15. «Дух свободы» и сила слова «нет»

- 1 Лазарев Л. Дух свободы // Знамя. 1988. № 9. С. 218–219; Лазарев Л. Дух свободы / Гроссман В. «Жизнь и судьба». М.: Книжная палата, 1989. С. 667.
- 2 Гроссман В. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1989. С. 323.
- 3 Лазарев Л. Дух свободы // Знамя. 1988. № 9. С. 228.
- 4 Гроссман В. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1989. С. 323.
- 5 Там же.
- 6 Лазарев Л. Дух свободы / Гроссман В. «Жизнь и судьба». М.: Книжная палата, 1989. С. 667.
- 7 Лазарев Л. Дух свободы // Знамя. 1988. № 9. С. 238–239.
- 8 Там же. С. 239–240.
- 9 Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. М.: Советский писатель, 1989. С. 509.
- 10 Isaiah Berlin. Four Essay on Liberty. New York: Oxford University Press, 1969. P. 122–123.
- 11 Гроссман В. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1989. С. 404, 406.
- 12 Там же. С. 231.
- 13 Шаламов В. Из «Колымских рассказов» // Знамя. 1989. № 6. С. 12.

- 14 Латынина А. Солженицын и мы // Новый мир. 1990. № 1. С. 256.
- 15 Шаламов В. Последний бой. Майор Пугачев // Новый мир. 1988. № 6. С. 122–123.
- 16 Солженицын А. В круге первом. М.: АСТ, 2006. С. 452.
- 17 Василевский А. Страдание памяти // Октябрь. 1989. № 4. С. 186–187.
- 18 Разгон Л. Наконец! // Московские новости. 1988. 26 июня. С. 11.
- 19 Рютин М. Ко всем членам ВКП(б) / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Х. Кобо. М.: Прогресс, 1989. С. 621.
- 20 Разгон Л. Наконец! // Московские новости. 1988. 26 июня. С. 11.
- 21 Жигулин А. Вина! Она была, конечно... // Московские новости. 1988. 31 июля. С. 12.
- 22 Василевский А. Страдание памяти // Октябрь. 1989. № 4. С. 184.
- 23 Дудинцев В. Белые одежды. М.: Советский писатель, 1988. С. 105.
- 24 Гачев Г. Арсенал доброй воли. О романе В. Дудинцева «Белые одежды» и в связи с ним // Новый мир. 1987. № 9. С. 184, 188.
- 25 Дудинцев В. Белые одежды. М.: Советский писатель, 1988. С. 90.
- 26 Там же. С. 142.
- 27 Peter Pringl. The Murder of Nikolay Vavilov. New York: Simon and Schuster, 2008. P. 297.
- 28 Гранин Д. Зубр // Новый мир. 1987. № 2. С. 67.
- 29 Там же. С. 60, 61.
- 30 Гроссман В. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1989. С. 218.
- 31 Там же. С. 219.
- 32 Боссарт А. В Москву за правдой // Огонек. 1988. № 45. С. 3.
- 33 Калинин А. Они не могли молчать. Письмо Алексею Толстому // Московские новости. 1988. 27 ноября. С. 10.
- 34 Там же.
- 35 Рапопорт Н. Память — тоже медицина // Юность. 1988. № 4. С. 80.
- 36 Калистратова С. Такое было время // Московские новости. 1989. 6 августа. С. 13.
- 37 Васильев А. Недоговариваем // Комсомольская правда. 1990. 7 августа. С. 4.
- 38 Там же.
- 39 Фомин В., Щечкохихин Ю. Тогда в Новочеркасске // Литературная газета. 1989. 21 июня. С. 13.
- 40 Беспалов Ю. Новочеркасск 1962 // Комсомольская правда. 1990. 3 июня. С. 2.
- 41 Фомин В., Щечкохихин Ю. Тогда в Новочеркасске // Литературная газета. 1989. 21 июня. С. 13.
- 42 Беспалов Ю. Новочеркасск 1962 // Комсомольская правда. 1990. 3 июня. С. 2.

- 43 Беспалов Ю., Коновалов В. Новочеркасск 1962 // Комсомольская правда. 1989. 2 июня. С. 4.
- 44 Фомин В., Щечокчихин Ю. Тогда в Новочеркасске // Литературная газета. 1989. 21 июня. С. 13.
- 45 Там же.
- 46 Буртин В. Великий русский интеллигент. Памяти Андрея Дмитриевича Сахарова // Октябрь. 1990. № 1. С. 3.
- 47 Яковлев А. Судьба и совесть // Огонек. 1989. № 52. С. 2.
- 47 Евтушенко Е. Печально, но твердо // Огонек. 1989. № 52.
- 49 Яковлев А. Судьба и совесть // Огонек. 1989. № 52. С. 2.
- 50 Сахаров А. Нобелевская лекция, 1 декабря 1975 г. // Октябрь. 1990. № 1. С. 4.
- 51 Рост Ю. Ушел человек // Литературная газета. 1989. 20 декабря. С. 1.
- 52 Ельцин Б. Речь на Втором съезде народных депутатов СССР 17 декабря 1989 г. // Известия. 1989. 18 декабря. С. 4; Яковлев А. Судьба и совесть // Огонек. 1989. № 52. С. 2.
- 53 Тимофеев Л. С тревогой и надеждой // Октябрь. 1990. № 1. С. 7.

Глава 16. Канон свободы

Мандельштам, Домбровский, Солженицын,
Платонов, Гроссман

- 1 Кантор В. Имя роковое // Вопросы литературы. 1988. № 3. С. 85.
- 2 Мандельштам О. Мы живем под собою не чуя страны... / Мандельштам О. Собр. соч. М.: Терра, 1991. Т. 1. С. 202.
- 3 Сарнов Б. Заложник вечности (Случай Мандельштама) // Огонек. 1988. № 47. С. 26.
- 4 Струве Н. Судьба Мандельштама / Мандельштам О. Собр. соч. М.: Терра, 1991. Т. 3–4. С. xxxi.
- 5 Сарнов Б. Заложник вечности (Случай Мандельштама) // Огонек. 1988. № 47. С. 28.
- 6 Там же. С. 26.
- 7 Струве Г. О.Э. Мандештельм. Опыт биографии и критического комментария / Мандельштам О. Собр. соч. М.: Терра, 1991. Т. 1. С. 1–ii.
- 8 Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. М.: Советский писатель, 1989. С. 577.
- 9 Анисимов Г., Емстев М. Этот хранитель древностей. Послесловие / Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. М.: Советский писатель, 1989. С. 697.

- 10 Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. М.: Советский писатель, 1989. С. 256.
- 11 Латынина А. Солженицын и мы // Новый мир. 1990. № 1. С. 258.
- 12 Солженицын А. Нобелевская лекция // Новый мир. 1989. № 6. С. 137.
- 13 Там же. С. 144.
- 14 Чалмаев В. Жил человек на правах пожара / Платонов А. Собр. соч. М.: Информпечать, 1998. С. 23.
- 15 Шиндель А. Свидетель // Знамя. 1987. № 9. С. 207.
- 16 Платонов А. Усомнившийся Макар / Платонов А. Собр. соч. М.: Информпечать, 1998. Т. 1. С. 530.
- 17 Чалмаев В. Жил человек на правах пожара / Платонов А. Собр. соч. М.: Информпечать, 1998. С. 20.
- 18 Чалмаев В., Тихонов Ю. Историко-литературный комментарий / Платонов А. Собр. соч. М.: Информпечать, 1998. Т. 1. С. 525, 527, 538.
- 19 Евтушенко Е. Сталинизм по Платонову / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 195.
- 20 Евтушенко Е. Судьба Платонова // Советская культура. 1988. 20 августа. С. 5; Евтушенко Е. Сталинизм по Платонову / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 195.
- 21 Чалмаев В., Тихонов Ю. Историко-литературный комментарий / Платонов А. Собр. соч. М.: Информпечать, 1998. Т. 1. С. 598; Евтушенко Е. Сталинизм по Платонову / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 196.
- 22 Чалмаев В. Жил человек на правах пожара / Платонов А. Собр. соч. М.: Информпечать, 1998. С. 19.
- 23 Чалмаев В., Тихонов Ю. Историко-литературный комментарий / Платонов А. Собр. соч. М.: Информпечать, 1998. Т. 1. С. 526; Чалмаев В. Жил человек на правах пожара / Платонов А. Собр. соч. М.: Информпечать, 1998. С. 23; Евтушенко Е. Сталинизм по Платонову / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 196.
- 24 Евтушенко Е. Сталинизм по Платонову / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 209.
- 25 Шиндель А. Свидетель // Знамя. 1987. № 9. С. 214.
- 26 Платонов А. Чевенгур / Платонов А. Собр. соч. М.: Информпечать, 1998. Т. 2. С. 5–307.
- 27 Платонов А. Усомнившийся Макар / Платонов А. Собр. соч. М.: Информпечать, 1998. Т. 1. С. 530.

- 28 Чалмаев В. Жил человек на правах пожара / Платонов А. Собр. соч. М.: Информпечать, 1998. С. 6.
- 29 Там же. С. 24.
- 30 Лакшин В. Народ и люди. О романе Василия Гроссмана // Известия. 1988. 25 июня. С. 3.
- 31 Золотусский И. Крушение абстракций // Новый мир. 1989. № 1. С. 239.
- 32 Лазарев Л. Дух свободы / Гроссман В. «Жизнь и судьба». М.: Книжная палата, 1989. С. 218, 664, 665.
- 33 От издательства / Гроссман В. «Жизнь и судьба». М.: Книжная палата, 1989. С. 13.
- 34 Лазарев Л. Дух свободы / Гроссман В. «Жизнь и судьба». М.: Книжная палата, 1989. С. 219.
- 35 Stephen Greenblat. How It Mast Have Been // New York Review of Books. 2009. November 5. P. 24.
- 36 Гроссман В. «Жизнь и судьба». М.: Книжная палата, 1989. С. 213.
- 37 Бочаров А. Правое дело Василия Гроссмана // Октябрь. 1988. № 1. С. 134.
- 38 Гроссман В. «Жизнь и судьба». М.: Книжная палата, 1989. С. 308.
- 39 Аннинский Л. Монолог бывшего сталиниста / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 71.
- 40 Ришина И., Егоров А. Лишь тот достоин жизни и свободы... // Литературная газета. 1988. 24 августа. С. 5.
- 41 Гроссман В. «Жизнь и судьба». М.: Книжная палата, 1989. С. 170.
- 42 Там же. С. 419.
- 43 Там же. С. 160, 61.
- 44 Гроссман В. Все течет // Октябрь. 1989. № 6. С. 105.
- 45 Гроссман В. «Жизнь и судьба». М.: Книжная палата, 1989. С. 505.
- 46 Там же. С. 46, 573, 577, 662.
- 47 Там же. С. 577, 524–535.
- 48 Лазарев Л. Дух свободы / Гроссман В. «Жизнь и судьба». М.: Книжная палата, 1989. С. 670.

Глава 17. По образу человеческому

1. «Приватизация» государства и экономики

- 1 Радаев В., Шкаратан О. Возвращение к истокам // Известия. 1990. 16 февраля. С. 3.
- 2 Казутин Д., Лошак В. На каком этапе находится перестройка? // Московские новости. 1989. 9 июля. С. 10; Феофанов Ю. Возвращение к истокам // Знамя. 1989. № 2. С. 149.

- 3 Шубкин В. Трудное прощание // Новый мир. 1989. № 4. С. 175. С. 183, 184.
- 4 Климов А. Цель: пути и средства реализации / Мелкумян М. Драма обновления. М.: Прогресс, 1990. С. 433.
- 5 Яковлев А. Работать по совести, жить честно // Правда. 1989. 28 февраля. С. 2.
- 6 Создан избирательный блок «Демократическая Россия» // Огонек. 1990. № 6. С. 17.
- 7 Евтушенко Е. Сталинизм по Платонову / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 206.
- 8 Карпинский Л. Инстинкт демократии // Московские новости. 1989. 29 января. С. 8.
- 9 Аметистов Э. Личность и закон // Московские новости. 1988. 11 декабря. С. 5.
- 10 Бурлацкий Ф. Первый, но важный шаг // Литературная газета. 1989. 14 июня. С. 1.
- 11 Ципко А. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4. С. 204.
- 12 Селюнин В. Плановая анархия или баланс интересов? // Знамя. 1989. № 11. С. 215.
- 13 Пияшева Л. В погоне за синей птицей // Октябрь. 1990. № 9. С. 153.
- 14 Гольдин Л. Надо снова научиться жить // Советская культура. 1989. 29 августа. С. 3.
- 15 Гуревич П. Какая идеология нам нужна? // Литературная газета. 1990. 14 марта. С. 10; Ципко А. Возможно ли чудо? // Советская культура. 1990. 26 мая. С. 4.
- 16 Нежный А. Никто не вправе посягать на совесть другого... // Московские новости. 1989. 29 октября. С. 13.
- 17 Дашичев В. Европа открытых дверей // Комсомольская правда. 1990. 20 февраля. С. 2.
- 18 Яковлев А. Только нравственная демократия поможет преодолеть трагическое прошлое // Московские новости. 1990. 1 января. С. 6.
- 19 Адамович А. Прощание с Андреем Дмитриевичем Сахаровым // Литературная газета. 1989. 20 декабря. С. 10.
- 20 Буртин Ю. Возможность возразить // Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 490.
- 21 Там же.
- 22 Шеварднадзе Э. Новый облик дипломатии // Аргументы и факты. 1989. 6–12 мая. С. 2.
- 23 Пияшева Л. В погоне за синей птицей // Октябрь. 1990. № 9. С. 152.
- 24 Бурлацкий Ф. Первый, но важный шаг // Литературная газета. 1989. 14 июля. С. 2.

- 25 Селюнин В. Реванш бюрократии / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 198.
- 26 Бурлацкий Ф. Судьба реформаторов страны // Литературная газета. 1990. 27 июня. С. 1.
- 27 Стреляный А. Приход и расход // Знамя. 1986. № 6. С. 203; Селюнин В. Черные дыры экономики // Новый мир. 1989. № 10. С. 169.
- 28 Айтматов Ч. Цена прозрения. Интервью с Феликсом Медведевым // Огонек. 1987. № 28. С. 6.
- 29 Бурлацкий Ф. Брежнев и крушение Оттепели // Литературная газета. 1988. 14 сентября. С. 13.
- 30 Селюнин В. Черные дыры экономики // Новый мир. 1989. № 10. С. 177.
- 31 Шаталин С., Петраков Н., Явлинский Г., Алексашенко С., Вавилов А., Григорьев Г., Задорнов М., Мартынов В. Машиц В., Михайлов Д., Федоров В., Ярыгина Т., Ясин Е. Человек. Свобода. Рынок // Комсомольская правда. 1990. 5 сентября. С. 2.
- 32 Как нам обустроить Россию // Комсомольская правда. 1990. 18 сентября.
- 33 Селюнин В. Плановая анархия или баланс интересов? // Знамя. 1989. № 11. С. 219.
- 34 Шаталин С. Человек. Свобода. Рынок // Комсомольская правда. 1990. 5 сентября. С. 2.
- 35 Ананьев А. По течению или наперекор // Октябрь. 1989. № 10. С. 3; Лапин А. Бедность // Комсомольская правда. 1990. 19 апреля. С. 2.
- 36 Мигранян А. Карл Проппер: Я был марксистом до 17 лет // Московские новости. 1990. 18 ноября. С. 16.
- 37 Собчак А. Хожение во власть // Московские новости. 1990. 25 ноября. С. 14.
- 38 Башмачников В. О земле и воле // Московские новости. 1990. 2 декабря. С. 3.
- 39 Ананьев А. По течению или наперекор // Октябрь. 1989. № 10. С. 3.
- 40 Арангольд В. Письмо в редакцию. Народная публицистика // Октябрь. 1989. № 8. С. 180.
- 41 Феофанов Ю. Возвращение к истокам // Знамя. 1989. № 2. С. 153.
- 42 Ельцин Б. Речь на Втором съезде народных депутатов СССР 17 декабря 1989 г. // Известия. 1989. 18 декабря. С. 4.
- 43 Власов Ю. Речь на Первом съезде народных депутатов СССР // Известия. 1989. 2 июня. С. 4.
- 44 Пяшьева Л. Обещаниями светлого будущего сыт не будешь // Комсомольская правда. 1989. 25 мая. С. 2.

- 45 Яковлев А. Отвержение и утверждение // Огонек. 1988. № 43. С. 16.
- 46 Ваша позиция? // Комсомольская правда. 1988. 7 июня. С. 1.
- 47 Пияшева Л. Обещаниями светлого будущего сыт не будешь // Комсомольская правда. 1989. 25 мая. С. 2.
- 48 Феофанов Ю. Возвращение к истокам // Знамя. 1989. № 2. С. 152.
- 49 Яковлев А. Суд — место состязательное // Московские новости. 1989. 19 ноября. С. 12.
- 50 Петров С. Презумпция невиновности? // Комсомольская правда. 1988. 25 ноября. С. 4.
- 51 Бурлацкий Ф. Судебная реформа // Литературная газета. 1989. 15 ноября. С. 1.
- 52 Изюмов А. Идеи должны состязаться // Комсомольская правда. 1990. 9 января. С. 1.
- 53 Меньшикова Т. Что знает народ... // Советская культура. 1989. 27 января. С. 2.
- 54 Сорокин Ю. Это сладкое слово — свобода! // Комсомольская правда. 1990. 5 мая. С. 1.
- 55 Селюнин В. Плановая анархия или баланс интересов? // Знамя. 1989. № 11. С. 212.
- 56 Создан избирательный блок «Демократическая Россия» // Огонек. 1990. № 6. С. 17.
- 57 Мигранян А. Механизм торможения в политической системе и пути его преодоления / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 112.
- 58 Пашков Г. Президент... Ваше мнение? // Комсомольская правда. 1990. 18 марта. С. 1.
- 59 Левада Ю. Есть мнение! Москва: Прогресс, 1990. С. 277.
- 60 Бурлацкий Ф. Безопасность и смелые реформы // Литературная газета. 1990. 7 марта. С. 1.
- 61 Сахаров А. Речь на Первом съезде народных депутатов 7 июня 1989. Конституционные идеи Андрея Сахарова // Октябрь. 1990. № 5. С. 68–145.
- 62 Декларация основных принципов Конфедерации труда. 1 мая 1990 г., г. Новокузнецк. Документ № 20.
- 63 Боннэр Е. Полуправда не лучше лжи // Литературная газета. 1992. 11 ноября. С. 11.
- 64 Власов Ю. Речь на Первом съезде народных депутатов СССР // Известия. 1989. 2 июня. С. 4.
- 65 Попов Г. Круглый стол «Кто виноват?» // Огонек. 1988. № 18. С. 6.

- 66 Никитинский Л. Закон о печати — принять! // Комсомольская правда. 1990. 9 июня. С. 1.
- 67 Буртин Ю. Что такое КПСС // Октябрь. 1991. № 5. С. 181.

Глава 18. По образу человеческого

2. Империя, «гарнизонное государство», мир

- 1 Дашичев В. Европа открытых дверей // Комсомольская правда. 1990. 20 февраля. С. 2.
- 2 Анисимов Е. Осколки империи // Московские новости. 1989. 17 декабря. С. 10.
- 3 Дашичев В. Европа открытых дверей // Комсомольская правда. 1990. 20 февраля. С. 2.
- 4 Новопашин Ю. Прощай, оружие! // Комсомольская правда. 1989. 6 декабря. С. 2.
- 5 Там же.
- 6 Шейнис В. Августовская жатва // Известия. 1989. 13 октября. С. 6.
- 7 Там же.
- 8 Бирман И. Советские военные расходы // Октябрь. 1991. № 9. С. 149.
- 9 Рыжов Ю. Безопасность, которая нам нужна // Новое время. 1990. № 10. С. 27.
- 10 Воловец С. Больше пушек — меньше мяса // Московские новости. 1990. 28 октября. С. 3.
- 11 Яценко В. Вольнонаемная? // 1989. 15 ноября. С. 2.
- 12 Бирман И. Советские военные расходы // Октябрь. 1991. № 9. С. 145.
- 13 Собчак А. Кризис власти или власть в условиях кризиса? // Аргументы и факты. 1991. № 12. С. 2.
- 14 Воцанов П. Земля и воля // Комсомольская правда. 1990. 28 ноября. С. 2.
- 15 Сироткин В. Военно-промышленный комплекс: где выход из тупика? // Столица. 1991. № 13. С. 4.
- 16 Киреев А. Секретная статья // Литературная газета. 1989. 18 октября. С. 11.
- 17 Кондрашов С. Из мрака секретности // Новый мир. 1989. № 8. С. 198.
- 18 Сироткин В. Военно-промышленный комплекс: где выход из тупика? // Столица. 1991. № 13. С. 4.
- 19 Кондрашов С. Из мрака секретности // Новый мир. 1989. № 8. С. 196.

- 20 Амбарцумов Е. Социализм или сталинизм // Советская культура. 1989. 19 сентября. С. 2; Сироткин В. Военно-промышленный комплекс: где выход из тупика? // Столица. 1991. № 13. С. 3.
- 21 Бирман И. Советские военные расходы // Октябрь. 1991. № 9. С. 147.
- 22 Шеварднадзе Э. Новый облик дипломатии // Аргументы и факты. 1989. 6–12 мая. С. 2.
- 23 Шмелев Н. Либо сила, либо рубль // Знамя. 1989. № 1. С. 130.
- 24 Киреев А. Сколько тратить на оборону? // Огонек. 1989. № 17. С. 6.
- 25 Гранин Д. Дорога к здравому смыслу // Правда. 1988. 5 августа. С. 3.
- 26 Шаталин С. Риск перехода к рынку меньше, чем топтание на месте // Известия. 1990. 21 апреля. С. 3.
- 27 Солженицын А. Как нам обустроить Россию // Комсомольская правда. 1990. 18 сентября.
- 28 Гранин Д. Дорога к здравому смыслу // Правда. 1988. 5 августа. С. 3.
- 29 Сахаров А. Речь на Первом съезде народных депутатов 7 июня 1989. Цит. по: Первый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. 3. М: Издание Верховного Совета СССР, 1989. С. 328.
- 30 Солженицын А. Как нам обустроить Россию // Комсомольская правда. 1990. 18 сентября.
- 31 Дашичев В. Европа открытых дверей // Комсомольская правда. 1990. 20 февраля. С. 2.
- 32 Сахаров А. Степень свободы // Огонек. 1989. № 31. С. 26.
- 33 Никитинский Л. До встречи в моратории? // Комсомольская правда. 1990. 21 ноября. С. 1.
- 34 Солженицын А. Как нам обустроить Россию // Комсомольская правда. 1990. 18 сентября.
- 35 Шахназаров Г. Восток-Запад. К вопросу о деологизации международных отношений // Коммунист. 1989. № 3. С. 67.
- 36 Черняк В. Мы — на одном корабле // Комсомольская правда. 1988. 15 октября. С. 3.
- 37 Изюмов А., Картунов А. Дипломатия и нравственность времен перестройки // Московские новости. 1989. 6 августа. С. 6.
- 38 Там же.
- 39 Кондрашов С. Из мрака секретности // Новый мир. 1989. № 8. С. 183.
- 40 Бовин А. Перестройка и внешняя политика // Известия. 1988. 16 июня. С. 5.

- 41 Кондрашов С. Из мрака секретности // Новый мир. 1989. № 8. С. 178–206.
- 42 Дашичев В. Европа открытых дверей // Комсомольская правда. 1990. 20 февраля. С. 2.
- 43 Караганов С. Архитектура для Европы // Московские новости. 1990. 13 мая. С. 12.
- 44 Черняк В. Мы — на одном корабле // Комсомольская правда. 1988. 15 октября. С. 3.

Послесловие

- 1 «Оценка курса на реформы» присутствовала в опросах общественного мнения в стране с марта 1992-го по июль 2004 года. На основе результатов опросов был составлен график, на котором (за исключением пары месяцев) линия, показывающая процент населения, желающего продолжения реформ, расположена выше линии людей, выступающих за их прекращение. Наибольшая поддержка реформ наблюдалась с марта 1992-го по январь 1993-го — наиболее тяжелый период с экономической точки зрения и самый конфликтный с точки зрения политики (Оценка курса на реформы // Вестник общественного мнения. 2004. № 4[72]. Июль-август. Табл. 8. С. 5). На референдуме, состоявшемся в апреле 1993 года в условиях, когда ежемесячная инфляция достигала 19%, большинство россиян поддержало «социальную и экономическую политику» ельцинской администрации. На первых демократических выборах в Госдуму РФ в декабре 1993 года реформаторский блок Егора Гайдара «Выбор России» получил 15% по партийным спискам.
- 2 Alexis de Tocqueville. *The Old Regime and the French Revolution*. New York: Anchor Books, 1983. P. x.
- 3 Костомаров Н. Русская история в жизнеописаниях его главных деятелей. М.: Книга, 1991. Т. 1. С. 565.
- 4 Васильев Б. Люби Россию в непогоду... // Известия. 1989. 17 января. С. 3.
- 5 Клямкин И. Почему трудно говорить правду // Новый мир. 1989. № 2. С. 233.
- 6 Zbigneu Herbert. *Barbarians in the Garden*. New York: Harvest/Harcourt, 1985. P. 120.
- 7 Лазарев Л. Дух свободы // Знамя. 1988. № 9. С. 225.
- 8 Гозман Л., Эткинд А. Культ власти: структура тоталитарного сознания / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 78–79.

- 9 Гольдин Л. Надо снова научиться жить // Советская культура. 1989. 29 августа. С. 3.
- 10 Аннинский Л. Монолог бывшего сталиниста / Осмыслить культ Сталина. Сборник под ред. Кобо Х. М.: Прогресс, 1989. С. 59.
- 11 Виноградов И. Может ли правда быть поэтапной? / Иного не дано. Сборник под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 281, 283.
- 12 Кантор В. Имя роковое // Вопросы литературы. 1988. № 3. С. 83.
- 13 Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1989. № 2. С. 53; Leon Aron. After the Leviathan // Journal of Democracy. 2007. № 18 (2). P. 221.
- 14 Гудков Л. Цит. по: Paul Goble. Putin Ideological Effort Promotes Political Passivity, Russian Pollster Says // Window on Eurasia. 2009. September 30.
- 15 Чудакова М. В защиту жизни человеческой. Роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго» на страницах «Нового мира» // Московские новости. 1988. 31 января. С. 11.
- 16 Russia Replies to OSCE on web-site Moscow Top News. 2009, July 9.
- 17 «Память о настоящих трагедиях также священна, как память о победах» — отметил Дмитрий Медведев в своем видеоблоге 30 октября 2009 г.
- 18 Paul Goble. Memorial Calls on Medvedev to Denounce Katyn as Crime against Humanity // Window on Eurasia. 2010. March 30.
- 19 Paul Goble. Putin Ideological Effort Promotes Political Passivity, Russian Pollster Says // Window on Eurasia. 2009. September 30.
- 20 Шейнис В. Августовская жатва // Известия. 1989. 13 октября. С. 6.
- 21 Кувалдин В. Назад — в цивилизацию // Московские новости. 1990. 5 августа. С. 3.
- 22 Шубкин В. Трудное прощание // Новый мир. 1989. № 4. С. 175, 183.
- 23 Солженицын А. В круге первом. М.: АСТ, 2006. С. 687.
- 24 Darrin McMahon. Happiness: A History. New York: Atlantic Monthly Press, 2006, as quoted by Harvey C. Mansfield. Good and Happy // New Republic. 2006. July 3.
- 25 Alexis de Tocqueville. The Old Regime and the French Revolution. New York: Anchor Books, 1983. P. x.
- 26 Zbignev Herbert. Blackthorn, in Elegy for the Departure and Other Poems. Hopewell: Ecco Press, 1993. P. 93.

Вместо заключения

- 1 Г. Бурбулис. Выступление в программе РТВ «Без ретуши» 09.10.1991.

- 2 Известия, № 237, 1991.
- 3 Независимая газета, 10.09.1991.
- 4 Под капитализмом я понимаю современное общество в единстве его социально-экономических, политических и социокультурных характеристик.
- 5 Л.И. Полищук. Выступление на Апрельской конференции 2016 г. (НИУ «Высшая школа экономики»).

Библиотека Школы гражданского просвещения

Леон Арон

Дороги к Храму:
истина, память, идеи и идеалы
российской революции 1987–1991

Компьютерная верстка В. Козак

Подписано в печать 28.08.2017. Формат издания 60х90/16.
Печ. л. 25. Тираж 1000 экз. Заказ №.

Школа гражданского просвещения
107031 Москва, ул. Петровка, д. 17, стр.1

<http://www.civiceducation.ru>